

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998, 389 с.

Фундаментальная монография, посвященная психологическим аспектам межэтнических отношений. На материале как углубленного теоретического анализа, так и масштабных эмпирических исследований автор анализирует факторы и закономерности динамики межэтнической напряженности, рассматривает способы ее снижения. Особое внимание уделено межэтническим отношениям в северокавказском регионе.

Психологам, социологам, этнологам, политологам, специалистам в области межнациональных отношений.

Введение	2
Раздел I Теоретическая основа исследования межэтнической напряженности.....	4
Глава 1. Межэтническая напряженность как социально-психологический феномен	4
Глава 2. Мотивационно-потребностный компонент этнической идентичности и этническая солидарность	11
Глава 3. Этническое самосознание и этническая идентичность.....	16
Глава 4. Этнические образы и границы межкультурного понимания	26
Глава 5. Типы и трансформации этнического самосознания	42
Глава 6. От образов к действиям	50
Глава 7. Фазы межэтнической напряженности и психологические защитные механизмы	58
Раздел II	66
Принципы и методы эмпирического исследования психологии межэтнических отношений	66
Глава 8. Принципы построения эмпирической программы этнопсихологического исследования	66
Глава 9. Методы социально-психологического исследования этнической идентичности.....	72
Раздел III Теория и методы в действии: Северный Кавказ	79
Глава 10. Горские народы Северного Кавказа как субъекты взаимодействия! ситуации межэтнической напряженности и их динамика	79
Глава 11. Общая этничность и психологические универсалии северокавказских народов	89
Глава 12. Этнополитическая мобилизация: направления массовой активности.....	98
Глава 13. Особенности самосознания северокавказских народов в 1980-х гг.....	103
Глава 14. Ингушетия и Северная Осетия-Алания: социально-психологические детерминанты сохранения межэтнической напряженности	109
Глава 15. Русские и казачество Северного Кавказа: статус, особенности самосознания и взаимоотношения с горскими народами	119
Глава 16. Чужие среди своих: этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов	129
Заключение: основные выводы	138
Литература	143

Введение

Необходимое условие построения свободного гражданского общества в России – это преодоление межэтнической дезинтеграции. Расколотое на множество этнических идентичностей, массовое сознание постсоветской России представляет серьезное препятствие на этом пути. Межэтнические отношения стали важнейшей и неблагоприятной частью социальной реальности. Этнические конфликты, этническое насилие, вынужденные мигранты – таким образом, общество сегодня расплачивается за отсутствие в прошлом достаточного интереса к этническим группам и страдает от преувеличенного внимания к ним в ущерб задачам более высокого уровня. Однако обойти межэтнические проблемы невозможно, так как они угрожают самой целостности России, а отыскать способы их решения без понимания сознательных и бессознательных устремлений людей, считающих себя единым народом, – нереально. Раскрытие глубинной основы межэтнической конфронтации, понимание психологических механизмов трансформации естественной любви к своему народу в политическую доктрину этнонационализма, поддерживаемую массами, требует выхода за пределы анализа отдельных противоречий и конфликтов и обращения к исследованию самого процесса их развития. Изучение межэтнической напряженности как целостной характеристики отношений между народами – подход, на основе которого в данной работе исследуется психологическая сторона дезинтеграционных процессов в России 1990-х гг.

В книге обобщены социально-психологические исследования межэтнических отношений в бывшем СССР и России, осуществленные автором и при его участии за последние двадцать лет. Несмотря на то, что эти исследования начинались в «эпоху интернационализма», их основным фокусом всегда была напряженность между народами, а главной целью – изучение психологической природы противоречий, проблем и конфликтов, в результате которых воздвигаются этнические границы, разделяющие народы порой в большей степени, чем административные.

Межэтническая напряженность рассматривается в работе как социально-психологическая характеристика отношений и взаимодействий между народами. Она исследуется в трех аспектах: как психологическое фоновое состояние, влияющее на развитие межэтнических разногласий, противоречий и конфликтов, как психокультурная составляющая проблемных ситуаций межэтнического взаимодействия и как результат активизации защитных психологических механизмов этнических групп.

Исследования, представленные в книге, осуществлены в русле конфликтологического аспекта социальной этнопсихологии с широкой опорой на данные социальной и общей психологии, этнологии, социологии, истории, демографии, политологии и культурологии. Вне взаимосвязи с таким междисциплинарным содержательным контекстом этнопсихологический материал вряд ли может оказаться полезным для решения задач диагностики и раннего предупреждения этнических конфликтов, их сдерживания и регулирования.

Для достижения поставленной цели решался ряд теоретических, методических, эмпирических и прикладных задач. Они определили структуру книги, состоящей из трех разделов. В них последовательно представлены теоретические позиции, методы их эмпирической проверки и конкретные исследования, осуществленные на основе специально разработанных этнопсихологических программ.

В первом разделе обозначены методологические и теоретические принципы социально-психологического подхода к исследованию межэтнической напряженности. Раскрыта система понятий, представляющих ее феноменологическое поле. Главное внимание уделено этничности (этнической идентичности), мотивационно-потребностной сфере этнического самосознания, этническим образам и поведенческим установкам. Обоснована система социально-психологических индикаторов уровня межэтнической напряженности, на основе которых рассматриваются ее фазы; раскрываются механизмы психологической защиты этнической группы в условиях роста напряженности между народами.

Во втором разделе книги анализируются принципы эмпирического этнопсихологического исследования. Представлены социально-психологические методы и методические приемы, специально разработанные автором и при его участии в разные годы с целью измерения уровня межэтнической напряженности и изучения центрального конструкта ее феноменологического поля – этнической идентичности. Среди них: (1) Диагностический тест отношения (ДТО), созданный с целью исследования эмоционально-оценочного компонента этнического образа; (2) методическая разработка на выявление типов этнической идентичности и степени этнической толерантности; (3) опросник на выявление этноаффилиативных тенденций; (4) методическая разработка «Культурно-ценностный дифференциал», созданная для исследования ценностных ориентации и психологических универсалий; (5) модификация теста личностных конструктов Дж.Келли для изучения когнитивного содержания этнической идентичности; (6) методические приемы исследования статуса этничности в структуре социальной идентичности и уровня этнополитической мобилизации сознания на основе теста «Кто Я?» Куна и Макпартленда; (7) методические приемы исследования конативного (поведенческого) компонента этнической идентичности.

В книге рассматриваются ситуации межэтнической напряженности в различных республиках России – Туве, Татарстане, Саха (Якутии). Но основной фокус исследования – самый «горячий» регион страны – Северный Кавказ. Именно здесь в пределах России межэтническая напряженность достигла своих критических рубежей. Поэтому третий раздел монографии посвящен анализу материалов исследований на Северном Кавказе.

Третий раздел состоит из семи глав. Они написаны на основе не только социально-психологических, но и этнологических, политологических, социологических, исторических и демографических материалов. В 10–12 главах дается общее представление о ситуации на Северном Кавказе, анализируется

психологическая сторона усиления напряженности и ее роста; раскрываются основы общей этничности северокавказских народов и формы их этнополитической мобилизации.

В последующих главах третьего раздела анализируются результаты конкретных эмпирических исследований отношений между народами Северного Кавказа в различных ситуациях межэтнической напряженности. Исследуются идентичности чеченцев, ингушей, осетин и русских и этнические границы между этими народами в ситуации латентной напряженности в начале 1980-х гг. > Анализируются социально-психологические детерминанты сохранения конфликтной напряженности между осетинами и ингушами. В ситуациях фрустрационной и конфликтной напряженности исследуются статус, особенности самосознания русских Северного Кавказа и их взаимоотношения с горскими народами. Рассматриваются этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов на Северном Кавказе и с Северного Кавказа, переживших ситуации фрустрационной, конфликтной и кризисной межэтнической напряженности.

Своеобразие пути от эмпирических исследований к теоретическим обобщениям, проделанного в данной работе, заключается в следующем. Опираясь на результаты социально-психологических исследований, проведенных на сравнительно небольших выборках, мы адаптировали наши специфические методические приемы для включения в этно-социологические опросники и получили уникальные кросс-культурные материалы на больших репрезентативных социологических выборках (около 3000 человек), величина случайной погрешности в которых не превышала 5%. Именно эти эмпирические материалы послужили главной опорой для построения теоретических позиций. Полученные результаты вновь проверялись и конкретизировались в «камерных» психологических исследованиях, представленных в разделе III.

Эмпирической основой является ряд социально-психологических исследований и этносоциологических опросов, проведенных в различные годы и охвативших в общей сложности свыше 4600 человек. Среди них:

(1). Социально-психологическое исследование особенностей этнического самосознания у осетин, ингушей, чеченцев и русских, проведенное через полтора года после обострения осетино-ингушских отношений в октябре 1982 г.

(2). Этносоциологический опрос и исследование этнических стереотипов у беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии. Осуществлено в сентябре 1991 г. в период наибольшего обострения отношений между Грузией и Южной Осетией.

(3). Этносоциологический опрос населения Владикавказа (Северная Осетия, май 1992 г.), проведенный за 5 месяцев до начала вооруженного конфликта между Ингушетией и Северной Осетией (русские, осетины, ингуши).

(4). Исследование самосознания терского казачества, проведенное в 1993 и 1995 гг. в различных республиках Северного Кавказа.

(5). Социально-психологическое исследование городского населения Северной Осетии-Алании, Тувы, Татарстана и Саха (Якутии), проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1995 гг.).

(6). Социально-психологическое исследование лидеров и активистов национальных движений Северной Осетии-Алании и Тувы, проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» в августе–сентябре 1994 г. (осетины, тувинцы).

(7). Социально-психологическое исследование русских переселенцев из Чечни, проведенное в августе–сентябре 1994 г. в Северной Осетии-Алании.

(8). Исследование психологического состояния и этнического самосознания у русских беженцев из Грозного (январь–февраль 1995 г.).

Концепция межэтнической напряженности позволяет не только понять глубинные истоки и механизмы этнических конфликтов, но также определить способы их раннего предупреждения и критические точки роста напряженности. Это открывает перед концепцией большие прикладные возможности. Система социально-психологических показателей и методы их измерения дают в руки исследователя специализированный инструмент самостоятельного мониторинга уровня межэтнической напряженности и характера этномобилизационных процессов в обществе. Такого рода мониторинг – это способ дать точные прогнозы темпов и векторов эскалации напряженности в обществе и, на основе понимания глубинных психологических механизмов, своевременно принять соответствующие меры по ее локализации и регулированию. Материал, отражающий этнопсихологическую основу развития межэтнической напряженности на Северном Кавказе и в других регионах Российской Федерации, может быть использован как научно-информационная база для формирования региональной политики, разработки программ регулирования межэтнических отношений и предотвращения эскалации межэтнической напряженности, для прогнозов этнических миграций.

Данная монография предназначена для научных сотрудников – исследователей межэтнических отношений, работающих в области психологии, политологии, социологии, этнологии, конфликтологии, а также для политиков, общественных деятелей и социальных работников, занимающихся сложными проблемами регулирования взаимоотношений между народами. Несмотря на академический стиль изложения, эта работа, в первую очередь, делалась с мыслью о людях, пострадавших в этнических конфликтах. Главным мотивом написания этой книги было стремление внести свой вклад в решение

межэтнических проблем, своевременное предупреждение которых может значительно уменьшить количество жертв и разрушений в нашем мире и увеличить созидательный потенциал человечества

В книге обобщены результаты исследований за многие годы. Поэтому невозможно перечислить всех, кто повлиял на развитие идей, определивших написание этой монографии, и оказал научную и дружескую поддержку на разных этапах работы. Значительная часть ученых, непосредственно повлиявших на эту работу, перечислена в списке литературы, представленном в конце этой монографии. В то же время есть круг людей, которым я особенно признательна

Самую искреннюю благодарность я выражаю сотрудникам Института психологии РАН и, в первую очередь, сектору социальной психологии, где в 1980–1989 гг я сформировалась как специалист в области психологии межнациональных отношений

Большое значение для меня имела работа в Институте этнологии и антропологии РАН. Здесь, благодаря знакомству с самыми различными подходами к исследованию межэтнических отношений, у меня сформировался взгляд на развитие социальной этнопсихологии. Эмпирическую проверку теоретические идеи нашли в процессе работы в секторе социально-психологических проблем исследований национальных отношений, возглавляемом Л.М.Дро-бижевой. В течение нескольких лет под ее руководством осуществлялся международный проект «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации», финансируемый фондом Дж. и К. МакАртуров. Его материалы послужили в этой книге главной содержательной опорой для сравнения различных ситуаций межэтнической напряженности в республиках России. Сердечно благодарю за поддержку и сотрудничество своих коллег по проекту и по сектору.

Большую признательность выражаю коллегам, студентам и аспирантам МГУ за сотрудничество и помощь на разных этапах в проведении эмпирических исследований и в подготовке этой книги. Особую благодарность хочу выразить Шлягиной Е.И., Щербаковой А.Б., Шайгеровой Л.А., Бардиной И.В.

Исследования, включенные в эту книгу, были бы невозможны без сотрудничества и бесценной помощи коллег с Северного Кавказа: Дзугева Х.В., Цуциева А.А., Федосовой Е.В., Дзадзиева А.Б.

На всех этапах работы над этой монографией неизменно доброжелательную поддержку и неоценимую помощь оказывал Петр Николаевич Шихирев. Исключительную важность для меня имели его замечания и советы на этапе завершения монографии.

И, конечно, окончить эту работу мне бы никогда не удалось без понимания, терпения и поддержки со стороны моей семьи – мужа, дочери и моих дорогих родителей.

Раздел I Теоретическая основа исследования межэтнической напряженности

Глава 1. Межэтническая напряженность как социально-психологический феномен

Социальный заказ на изучение межэтнических отношений появляется в том случае, если в них что-то не в порядке. Поэтому исследователь, работая в этой области, даже если он пытается балансировать между категориями гармонии и напряжения, так или иначе «скатывается» к изучению этнического конфликта. В то же время предмет исследования большей части работ, посвященных этническим конфликтам, значительно шире.

Знакомство с многочисленной литературой по типологии социальных конфликтов, с социально-психологическими подходами к их концептуализации, с попытками создания интегративных теорий этноцентризма и этнических конфликтов, окончательно убеждает в том, что значительная часть авторов исследует гораздо более широкую социальную область, чем конфликт. Понятие «конфликт» в этих исследованиях выступает в качестве метафоры, охватывающей разнообразный спектр проблемных отношений между группами, где конфликт – лишь одно, хотя возможно и наиболее яркое, из событий. Не случайно в одной из обзорных работ, посвященной более ранним исследованиям этой темы, конфликт назван «каучуковой» концепцией {Mack, Snyder, 1957}. В современной конфликтологии эта традиция продолжается, хотя чаще всего конфликт дифференцируется от доконфликтной и послеконфликтной стадий.

Надо сказать, что большинство наиболее крупных исследователей социального конфликта подчеркивали его функциональное значение {Burton, 1987, Coser, 1956; Deutch, 1973; Fisher,

1990а). Конфликт сам по себе не рассматривается как плохой или хороший. Его плюсы и минусы обычно оцениваются в зависимости от ситуации. В настоящее время доминирует представление, что конфликты – не только естественная форма общественной жизни, но и средство интеграции, стабилизации и поддержания внутригруппового единства. Но этнический конфликт, как правило, связан с человеческими жертвами, с огромными моральными и материальными издержками. Поэтому возможные положительные стороны конфликта не могут служить его оправданием. Этнический конфликт все же должен обозначать именно то, чем является на уровне обыденного сознания, а именно – антагонистический, конфронтационный этап развития межэтнических отношений. И в этом смысле он нежелателен и в реальной жизни, и в качестве единственной концептуальной основы исследования межэтнических отношений.

Разнообразие межэтнических отношений в России, которые автор как социальный психолог исследует уже почти 20 лет, подталкивает к выходу из методологической парадигмы конфликта. В первую очередь, это связано с необходимостью менее оценочного подхода к изучению межгрупповых социально-психологических феноменов. Наиболее подходящей категорией, не имеющей такого негативного оценочного смысла как понятие «конфликт», и охватывающей более широкое феноменологическое поле, является «межэтническая напряженность».

Межэтническая напряженность как форма и проявление социальной напряженности

Социальная напряженность – феномен XX в. Он связан не только с общественными кризисами, но и со все ускоряющимся темпом жизни, с возрастающей стрессовой нагрузкой, с ухудшением экологии. Поэтому понятие «социальная напряженность» в научной литературе используется в достаточно широком диапазоне: от определения ее как естественного параметра, характеризующего функционирование любой социальной системы, до рассмотрения как специфического состояния, возникающего только в периоды социальных изменений. Последнее направление представляет главную традицию исследования социальной напряженности в западной социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе. Это означает развитие содержания социальной напряженности во взаимосвязи с понятиями социальной дезинтеграции, девиации (в отношении стабильного общества), аномии (в отношении нестабильного общества), утраты социальной идентичности, классовых борьбы, межэтнических столкновений и социальных кризисов (Степанов, 1996). Общее для большинства таких исследований – рассмотрение неопределенности как исходной точки развития социальной напряженности.

В России о феномене социальной напряженности заговорили лишь к концу нашего века. В связи с возникновением аналогичных явлений в постсоветском пространстве в первой половине 1990-х гг. определился устойчивый интерес отечественных ученых к ее исследованиям и измерению (Давыдов, 1992; Куконков, 1995; Рукавишников, 1990; Тепчин, 1995; Чернобай, 1992).

В.И.Рукавишников определяет социальную напряженность как понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера. Рассматривая проявления напряженности прежде всего на социально-психологическом уровне, он выделяет следующие характерные для нее признаки: неудовлетворенность существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни, социальным порядком в широком смысле слова; утрата доверия к властям, рост пессимизма, усиление циркуляции слухов в обществе, возникновение атмосферы массового психического беспокойства и эмоционального возбуждения; усиление вынужденных и добровольных миграций, активизация различных общественно-политических движений и усиление борьбы за власть, активизация массовых действий – митингов, демонстраций, забастовок (Рукавишников, 1990).

Межэтническая напряженность – это форма социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества. Интенсификация этого процесса в республиках России пришлась на самое начало 1990-х гг. Его основой стал рост социальной напряженности как результат глобальной трансформации общества и связанного с этим ухудшения общего социально-экономического благополучия. Основные признаки социальной напряженности при ее трансформации в межэтническую приобретают отчетливую этническую специфику. Усиление межэтнической напряженности определялось и региональной спецификой и влиянием общих для всей страны внешних и внутренних факторов (Дробижина, 1994; Крупник, 1990; Солдатова, 1991; Тишков, 1989).

При сравнении различных взглядов на исследование социальной напряженности выделяется несколько общих положений, на базе которых выстраиваются основные принципы социально-психологического подхода к изучению межэтнической напряженности как формы социальной напряженности.

Трактовка социальной напряженности в отечественной науке все более определенно приобретает субъектно-деятельностный характер (Куконков, 1995; Степанов, 1996). Реальными носителями напряженности выступают социальные субъекты – индивиды и социальные группы.

В контексте межэтнических отношений субъектами межгруппового взаимодействия являются этнические группы или народы. В периоды переходного кризисного развития в понятии «межэтническая напряженность» находят отражение характеристики внутренних состояний этнических групп и их взаимоотношений.

Напряженность чаще всего трактуется как характеристика нарушения гомеостаза социальных систем. В соответствии с теорией социальных изменений Т.Парсонса, межгрупповая напряженность возникает в случаях изменения установившегося равновесия в балансе обмена между группами как элементами социальной системы (Parsons, 1962). Это происходит сразу же, как только одна из сторон организуется по какому-либо новому социальному признаку, например, этническому. Происходят внутрисистемные изменения и начинаются новые отношения, которым с самого начала не суждено обойтись без противоречий. Такую тенденцию Т.Парсонс обозначал как категорию напряженности и придавал ей важнейшее значение для понимания социальных трансформаций в обществе.

В соответствии с этим положением межэтническая напряженность – это итоговое нарушение баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей, и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям. От того, насколько тесно связаны между собой подсистемы общества, зависит скорость иррадиации напряженности внутри него (Давыдов, 1992).

Возникновение состояния напряженности связано с осознанием «противоположного» субъекта взаимодействия. В словаре Вебстера «напряженность» обозначается как состояние латентной враждебности или оппозиции между индивидами или группами (Websters Third New International Dictionary, 1966, p.2356). В последней редакции словаря СИ. Ожегова напряженность – это «неспокойное, чреватое опасностью или ссорой состояние каких-нибудь отношений» (Словарь русского языка, 1997, с.390).

Оппозиция или ссора могут возникнуть на основе несовместимости социальных ценностей (Parsons, 1962), несоответствия между компонентами действий (Смелзер, 1995), несовпадения инициатив (целей и стратегий межгруппового поведения) в структуре общества (Wright, 1990), разрыва между ожидаемым удовлетворением потребностей и действительным их удовлетворением (Burton, 1990; Куконков, 1995; Степанов, 1996; Рукавишников, 1990).

Нарастание социальной напряженности активизирует процесс формирования «образа врага» – выявление и идентификацию предполагаемых (прямых или косвенных) виновников групповых состояний неудовлетворенности, вызванных негативными процессами в обществе (Rieber, Kelly, 1991). В соответствии с известной психологической закономерностью внутренние враги в бывшем СССР нашлись в лице соседей – других этнических групп. По мнению В.А.Тишкова, одной из важных причин масштабных форм этнонационализма и порождаемых им конфликтов в нашей стране явилось то, что «доктрина этнического национализма была вмонтирована в официальную идеологию и на ее основе покоилось и государственное устройство» (Чеченский кризис, 1995, с.49).

Исследования социальной напряженности в рамках теории социального стресса (см. Давыдов, 1992) определяют ее как результат «общего адаптационного синдрома», возникающего на групповом уровне в ответ на внешние неблагоприятные воздействия. В связи с этим в качестве основной функции межэтнической напряженности выделяется функция адаптации группы в кризисных условиях на основе этничности, как сложной смеси менталитета и культуры. С этой точки зрения межэтническая напряженность отражает не только изменения в структуре межэтнических отношений, но и внутренние процессы мобилизации и самоорганизации этнической группы в переходный период ее развития.

Рост социальной напряженности связывается с ущемлением или неадекватным удовлетворением онтологических человеческих потребностей. Такой взгляд на проблему межгрупповых противоречий и конфликтов был разработан международным коллективом исследователей во главе с американским ученым Дж. Бертоном (Burton, 1990) в рамках теории человеческих потребностей. Эта концепция задает принципиально иной подход к урегулированию и разрешению социальных конфликтов: ставит вопрос о необходимости частичного или полного удовлетворения фрустрированных групповых потребностей.

«Этническое» преломление онтологических потребностей в идентичности и безопасности непосредственно связано с существованием этнической группы в качестве самостоятельного и целостного субъекта деятельности. Состояние неудовлетворенности, вызванное фрустрацией этнических потребностей, является глубинной причиной роста межэтнической напряженности.

Подход к исследованию межэтнической напряженности на основе вышеизложенных принципов предполагает ее рассмотрение в качестве важнейшей социально-психологической характеристики развития межэтнических отношений и взаимодействий. Межэтническая напряженность – многоуровневый, многосубъектный феномен, энергетическая характеристика социальной системы, элементами которой являются различные этнические группы. Некоторые из них находятся в оппозиционном взаимодействии и воспринимаются друг другом как виновники групповой неудовлетворенности.

Межэтническая напряженность охватывает все этапы развития противоречий между этническими группами. Другими словами, напряженность может возникнуть задолго до конфликта и влиять на межэтнические отношения еще длительное время после его разрешения. Мы не сводим ее только к предконфликтно-му этапу, как, например, рассматривает социальную напряженность П.И.Куконков (1995). Наш подход близок скорее к мнению В.О.Рукавишникова, для которого напряженность – это социально-психологическая сторона социального кризиса или конфликта (Рукавишников, 1990).

Конфликт в этом случае – одна из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми другими межэтническими проблемами. Конфликт зарождается, вызревает и затухает в психологическом поле межэтнической напряженности, которое в значительной степени формируется под влиянием целенаправленной политики, осуществляемой национальными элитами. Поэтому по отношению к этническому конфликту межэтническая напряженность выступает как более общее родовое понятие.

Вышесказанное определяет первый ракурс исследования межэтнической напряженности: как психологического фона развития любых межэтнических проблем. Такой подход предполагает рассмотрение данного феномена также в исторических и политических координатах. В этих измерениях межэтническая напряженность выступает в качестве эффективного средства поддержки политической доктрины национализма и ее активизации в форме национальных движений.

История показывает, что состояние межэтнической напряженности можно легко усугубить извне, если, например, неблагоприятные внешние условия представить как ущемляющие интересы этнической группы, дестабилизирующие состояние и затрудняющие ее развитие. Сложнее регулировать и снижать уровень межэтнической напряженности. Для этого необходимо понимать общие социально-психологические закономерности развития взаимоотношений между народами, их существующие и зарождающиеся потребности, связь с прошлым, социокультурные и психологические характеристики.

Достижение такого понимания возможно через реализацию феноменологического подхода к исследованию психологической природы межгруппового взаимодействия. Суть этого подхода раскрывается в положениях, на основе которых М.Дойч определяет межгрупповой конфликт в широком смысле: стороны реагируют на основе восприятия и знания друг друга; стороны подвержены влиянию предположений, которые они имеют

1 Национализм подразумевает «утверждение политической легитимности и включает обычно притязание на государственную власть или, по меньшей мере, на самоуправление от имени нации или народа» (Баланс и разделение политической власти... 1993, с.3). В контексте полиэтнического общества еще одна функция национализма как политической стратегии – поддержка дезинтеграционных тенденций. Добавив к политической и исторической еще одну ось координат – психологическую, К. Вердери взглянула на национализм из «мира социального взаимодействия и чувствования». Через эту призму она определила его как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа» (Verdery, 1993, p 38). друг о друге; взаимодействие определяется мотивами и порождает новые мотивы; взаимодействие между сторонами происходит в социальной среде; стороны состоят из subsystems, но способны к объединенным действиям (Deutch, 1973).

Феноменологическое поле межэтнической напряженности – это особые конструкты межэтнического взаимодействия. Среди них системы представлений, этнические образы, установочные образования, ценностные ориентации, в совокупности отражающие психологические состояния этнических групп. Под влиянием роста межэтнической напряженности они либо трансформируются, либо реанимируются из прошлого как продукты неблагоприятных межэтнических отношений. Эти когнитивно-эмоциональные образования перестраивают картину мира этнической группы и являются частью реальности, в которой она существует. М.К.Мамардашвили в одной из своих работ подчеркивал: социальная система отличается тем, что она регулируется собственными отображениями (Мамардашвили, 1968). Психологические конструкты феноменологического поля межэтнической напряженности выполняют самостоятельную регулятивную функцию в межэтнических отношениях. Они являются опорным и необходимым знанием и для понимания психологической природы этнонационализма, и для эффективного осуществления переговоров, посредничества и консультирования в ситуациях межэтнической напряженности.

Какова психологическая основа дезинтеграционных процессов в политическом обществе? Как зарождаются, формируются, обращаются и превращаются этнические образы? И как они влияют на поведение по отношению к другим этническим группам? Эти вопросы очерчивают два других аспекта исследования межэтнической напряженности – как психокультурной составляющей проблемных ситуаций межэтнического взаимодействия и как результата активизации групповых защитных механизмов.

Для того чтобы найти ответы на поставленные вопросы, необходимо соотношение и взаимосвязь трех уровней анализа: широкого социального контекста, уровня этнической группы и уровня отдельной личности как одновременно уникального и типичного ее члена. Такова специфика исследований в русле социальной этнопсихологии, главным методологическим принципом которой является изучение взаимосвязей между структурными характеристиками общества, особенностями этносоциальной и социокультурной среды и когнитивно-мотивационной сферой этнической группы и индивида как ее представителя. Это предполагает широкую междисциплинарную опору на данные социальной и общей психологии, социологии, культурологии, этнологии, политологии, истории и демографии. Только такой подход может обеспечить многомерное изучение межэтнической напряженности как сложного социально-психологического феномена. Кроме того вне взаимосвязи с междисциплинарным содержательным контекстом этнопсихологический материал вряд ли может оказаться полезным для решения задач диагностики и раннего предупреждения этнических конфликтов, их сдерживания и регулирования.

ЭТНОКОНТАКТНАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

Выделенные принципы социально-психологического подхода к исследованию межэтнической напряженности необходимо дополнить таким срезом социальной действительности, который может быть основой для изучения напряженности на операциональном уровне. Для нас это – этноконтактная ситуация. Что вкладывается в это понятие?

Этноконтактная ситуация объединяет по меньшей мере две групповые позиции, каждая из которых имеет собственную социокультурную базу и свой исторический опыт. В то же время каждая групповая позиция кристаллизуется и развивается не сама по себе, а в контексте межгрупповых отношений, то есть при обязательном наличии других сторон. Поэтому, с одной стороны, в едином фокусе преломляются совокупности переменных различного уровня и качества. С другой стороны, процессы понимания, познания и взаимодействия в этноконтактной ситуации имеют характер даже не диалога, а полилога и этнически специфическую интеракционно-нальную природу: они направлены на представителей других этнических групп. Благодаря этим характеристикам этноконтактную ситуацию можно рассматривать в качестве адекватного эмпирического основания для изучения межэтнической напряженности как многоуровневого и многосубъектного феномена.

История межэтнических отношений есть непрерывная цепь опосредованных и непосредственных этноконтактных ситуаций. В то же время каждая ситуация представляет собой срез этносоциальной действительности, который может соответствовать определенной фазе межэтнической напряженности как динамического явления. Если следовать за М.Аргайлом, А.Фер-нэмом и Дж.Грэмом, то среди основных компонентов этнокон-тактной ситуации (как и любой социальной ситуации) центральное место занимают цели и интересы, мотивы и потребности, статус и роли, когнитивные концепты, а также правила, нормы и стратегии поведения ее участников, представляющих различные этнические группы (Argyle, Furnham, Graham, 1981). Фиксация противоречий между этими компонентами в рамках этноконтактной ситуации, отражающей определенный уровень межэтнической напряженности, дает возможность выявить критические точки ее динамики.

Сутью этноконтактной ситуации является субъект–субъектное взаимодействие, где целостные субъекты деятельности и познания – этнические группы или их представители, выступающие с позиции группы. А межгрупповое поведение, по ставшему уже хрестоматийным высказыванию М.Шерифа, имеет место в тех случаях, когда индивиды, принадлежащие к одной группе, взаимодействуют коллективно или индивидуально с другой группой или с ее членами с позиции своей групповой идентичности (Sherif, 1966). Именно межгрупповая этноконтактная ситуация как реально функционирующая действительность возникает основанием «перевода» или «не перевода» межэтнических установок в единицы поведения – импульсивные поведенческие акты или сознательные поступки, совершаемые в соответствии с принятым намерением. Исследование межэтнической напряженности в рамках этноконтактной ситуации открывает возможность изучения механизмов «воплощения» групповых психологических состояний в групповые действия. Уровень межэтнической напряженности отражает степень психологической готовности группы к определенным действиям и является индикатором групповых этномобилизационных процессов.

Межэтническая напряженность порождается проблемными этноконтактными ситуациями, проявляется и усиливается через них. Практически каждую этноконтактную ситуацию можно обозначить как проблемную, так как само по себе осознание ее участниками межэтнических различий задает определенный уровень эмоциональной напряженности. Она не может быть определена как негативный или позитивный процесс. Фоновая психологическая напряженность возникает уже только потому, что ситуация перемещается из одной плоскости межгрупповых отношений в другую.

Исследователи уже давно поставили перед собой вопросы о причинах роста межэтнической напряженности и о возможностях ее снижения. Эти проблемы интенсивно изучались в рамках специального направления в западной межгрупповой психологии, условно называемого «контактные гипотезы».

Три основных условия уменьшения этноцентризма – равный статус контактирующих групп, поощрение и поддержка (патронирование) межэтнических контактов властями (то есть создание благоприятной социальной атмосферы) и кооперативное взаимодействие, предполагающее наличие общей цели, – были названы еще в 1954 г. Г.Олпортом. В конце 1960-х гг. Е. Амир, обобщая результаты этих исследований, указал на еще одно дополнительное условие уменьшения межэтнической напряженности. Оно характеризует уровень межличностных отношений: контакт должен носить не случайный характер, а осуществляться на основе знакомства и психологической близости (Amir, 1969). Позднее С.Кук уточняет это положение, подчеркивая, что при соблюдении всех вышеназванных условий, благоприятное изменение установок возможно на основе контакта с такой личностью из другой этнической группы, образ которой расходится с ее типичным представителем (Cook, 1978).

Однако сопоставление и анализ разнообразных эмпирических данных показал, что влияние выделенных факторов вовсе не однозначно в различных межгрупповых ситуациях (Hewstone, Brown, 1986). Контакт сам по себе – условие не необходимое и не достаточное для благоприятных изменений негативных установок. Более того, существуют ситуации, когда контакты лучше ограничить. Реальное уменьшение предубежденности и негативизма в межэтнических отношениях зависит не от частоты и интенсивности контактов, а от более глубоких процессов, которые не могут измениться сразу же под влиянием внешних обстоятельств. В качестве примера можно привести осетино-ингушский конфликт, когда несмотря на наличие вроде бы всех условий: достижение сторонами формально равного статуса, неоднократные попытки развития кооперативного взаимодействия, усиленное внимание со стороны государства, существование многочисленных межличностных связей, – напряженность между осетинами и ингушами продолжает оставаться достаточно высокой (подробнее см. раздел III, гл. 14).

Суть этих глубоких процессов выражается в состоянии межэтнической напряженности, в зависимости от фазы которой специфически взаимодействуют все выше названные условия. Поэтому сам феномен межэтнической напряженности следует рассматривать в качестве важнейшего фактора, влияющего на взаимодействие компонентов этноконтактной ситуации. Его изучение как обобщенной социально-психологической характеристики взаимодействия этнических групп – это поиски глубоких причин тупиковых ситуаций этнических конфликтов и выходов из них

В чем заключается влияние межэтнической напряженности на этноконтактную ситуацию? На наш взгляд, его суть выражается в переструктурировании этноконтактной ситуации, которое имеет психологическую природу.

Главным структурирующим принципом этноконтактной ситуации является этническая граница. Для социально-психологической концепции межэтнической напряженности понятие этническая граница, введенное в научный обиход норвежским антропологом Фредериком Бартом, имеет особое значение. При определении этнической группы, Ф.Барт придавал этому понятию ключевое значение. По его мнению, этническая группа выделяется не столько в силу своего культурного содержания, сколько по причине существования границ, которые группа сама себе очерчивает (Barth, 1969). Сущность этнической границы вовсе не равносильна понятию государственной границы – она отражает лишь расселение народов на данном этапе истории. Чем глубже назад в историю, тем условнее эти границы и тем легче преодолевались они народами в их бесконечных передвижениях.

Как и для Ф.Барта, этническая граница для нас в первую очередь понятие социально-психологическое. Поэтому культурные характеристики этнических групп – это не самое главное для ее понимания. Культурные характеристики подвержены постоянным изменениям. Кроме того, для соседствующих этнических групп в силу многочисленных заимствований часто имеет место дефицит культурных отличий (Тишков, 1997а). Это также не могут быть культурные проявления на уровне

поведения, так как оно все более унифицируется. По выражению В.А.Тишкова, этническая группа – это не реальность набора объективных признаков, а реальность отношений (Тишков, 1997а).

Этническая граница – это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на «чужих» и «своих» на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенденция, а значит ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе и этноконтактную. Для этнической группы это, по меньшей мере, означает массовое осознание этнического членства и более или менее внятно выраженную национальную элиту коллективную волю выделиться, обозначить и защитить свою культурную отличительность. Для членов группы становятся актуальными категориями общее название и разделяемая культура, вера в общее происхождение, ассоциирование себя с определенной территорией, общая историческая память и внут-ригрупповая солидарность (Абдулатипов, 1995; Бромлей, 1983; Дро-бижева, 1985; Тишков, 1994). На первый план в организации групповых процессов выдвигается «эмический» принцип (Naroll, Coher, 1970) – значимость приобретает не сходство, а различие, не общее, а специфическое². В связи с чем на уровне национальных элит предпринимаются особые усилия в поддержку культурной дивергенции (Тишков, 1997а). Главной областью функционирования универсальной оппозиционной тенденции «Мы–Они» становятся межэтнические отношения.

Оппозиция «Мы–Они» является центральным психологическим компонентом различных концепций межгрупповых и межэтнических отношений (Бромлей, 1983; Поршнева, 1966; Levine, Campbell, 1972; Tajfel, 1978, 1981). На эмпирическом уровне в качестве структурирующего принципа она используется в многочисленных исследованиях стереотипов, установок и ценностей как элементов этнического самосознания или идентичности. Альтернатива «Мы–Они» выступает в качестве главного структурного параметра при исследовании когнитивных моделей этнических ситуаций на основе анализа дискурса их участников (Van Dijk, 1985, 1993).

По мере роста социальной и этнической напряженности этническая граница из умозрительного концепта превращается в объективную реальность. Поначалу она, как бы обозначая место встречи этничностей, выполняет функцию культурной отличительности. Этнические границы становятся более плотными и искусственными, когда вопрос этнокультурного многообразия групп сменяется проблемой развития противоречий между их требованиями. В этом случае этническая граница представляет уже линию столкновения этничностей. Из оборонительной, за «Эмик» (emic) и «этик» (etic) – термины из сравнительной лингвистики. В самом общем понимании в кросскультурной психологии обозначают два уровня сравнения – на основе системы ценностей одной какой-либо культуры и универсальной межкультурной системы ценностей. См. подробнее раздел II, глава 8. щитной она превращается в психологический инструмент отчуждения, этнической дезинтеграции в обществе.

Отношение к другим как к «чужакам» означает существование пределов взаимопонимания, отражающих различия в суждениях, ценностях, способах поведения. Отсюда вытекает ограничение взаимодействия в пределах, где предположительно присутствует общее понимание и общий интерес (Barth, 1969).

Этническая граница может превратиться в отчетливую демаркационную линию, если ее психологическое содержание дополняется территориальными, конфессиональными или лингвистическими эквивалентами. Это происходит, когда в межэтнических отношениях начинает доминировать тот или иной фактор С ростом межэтнической напряженности этнические границы в этноконтактной ситуации становятся все отчетливее В действительности этнические границы реальнее административных, так как именно они разделяют народы.

Этническая граница структурирует и феноменологическое поле межэтнической напряженности, организуя когнитивно-эмоциональные образования в глобальные системы понятий. Они формируются на этнических границах и их главная функция в рамках этноконтактной ситуации – обозначать эти границы. Например, в отечественной науке такой глобальной системой понятий является этническое самосознание, в западной – широко исследуемая «этническая идентичность» или «этничность», системы зависимых или независимых «самоконструктов» (Markus, Kitayama, 1991), «субъективные культуры» (Triandis, 1980). По сравнению с отдельными конструктами такие комплексные межкультурные феномены можно рассматривать как модели этноконтактных ситуаций. Они обладают значительно большими предсказательными возможностями при анализе ситуаций межэтнической напряженности. Ключевым понятием концепции межэтнической напряженности для нас является этническое самосознание и этническая идентичность, как его центральное образование. Это положение будет обосновано в следующей главе.

Итак, этноконтактная ситуация, структурированная этнической границей по двухполюсной или многополюсной схеме, предполагающей взаимодействие этнических групп как коллективных субъектов познания и деятельности, на операциональном уровне является для нас основой исследования напряженности между народами. Выраженная этническая граница связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничения на межэтнические взаимодействия. Такие этноконтактные ситуации мы будем называть ситуациями межэтнической напряженности.

Цели и задачи исследования

Вышесказанное определяет предмет нашего исследования – изучение социально-психологического феномена межэтнической напряженности как целостной характеристики межэтнического взаимодействия, отражающей внутриэтнические и межэтнические процессы в условиях социально-экономических трансформаций общества. В социальной психологии как ключевую проблему при изучении психологической

регуляции выделяют аксиологический аспект, оценку объекта отношения, ее переживание (Шихирев, 1985; 1993). Регуляторная функция межэтнической напряженности психологически реализуется в отношениях этнических групп как социальных субъектов к самим себе, друг к другу и к действительности. Эти отношения объективируются в этносоциальных представлениях, этнических образах, в этнической картине мира. Исследование формирования этих образований, их трансформаций в условиях различных ситуаций межэтнической напряженности и их влияния на групповое поведение – основная цель исследования.

Доказательство того, что межэтническая напряженность является одной из главных особенностей межэтнических отношений в России 1990-х гг., мы получили, исследуя отношения между титульным и русским населением в Татарстане, Туве, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании в ходе реализации проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации». И хотя в этих республиках уровень межэтнической напряженности оказался различным, тем не менее она явилась важной характеристикой отношений внутри республик не только в Северной Осетии-Алании с незатухающим осетино-ингушским конфликтом, но и в спокойном Татарстане. Субъективные оценки представителями различных этнических групп состояния межэтнических отношений в своих республиках отражают существующие различия в уровнях межэтнической напряженности (см. рис. 1).

Мы постараемся в дальнейшем показать специфику этих различий, которые определяются не только локализацией агентов межэтнической напряженности, но и психологическими характеристиками взаимодействующих этнических групп.

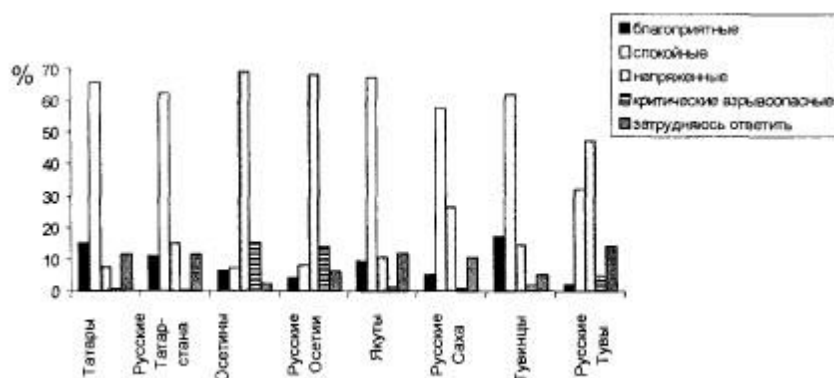

Рис.1. Оценка состояния межэтнических отношений в республиках

Поставленные цели предполагают решение совокупности теоретических, методологических и эмпирических задач. В качестве основных выступают следующие:

Теоретические задачи:

- разработать систему понятий, составляющих феноменологическое поле межэтнической напряженности;
- определить социально-психологические механизмы распространения (иррадиации) межэтнической напряженности в полиэтнической среде;
- исследовать этничность (этническую идентичность) как центральный конструкт феноменологического поля межэтнической напряженности;
- раскрыть содержание потребности в этнической идентичности и взаимосвязь между потребностно-мотивационным компонентом этничности и этнической солидарностью;
- рассмотреть особенности, функции и механизмы действия этнических образов (межэтнических установочных образований, ценностных ориентации или психологических универсалий) в различных ситуациях межэтнической напряженности;
- проанализировать взаимосвязь между трансформациями этнического самосознания и формами этнополитической мобилизации в условиях межэтнической напряженности;
- выделив фазы межэтнической напряженности, рассмотреть ее как динамическое явление;
- исследовать особенности активизации системы психологической защиты этнической группы в условиях роста межэтнической напряженности.

Методологические задачи:

- обозначить систему социально-психологических индикаторов как концептуальную основу для создания специальных эмпирических программ измерения и изучения межэтнической напряженности;
- определить методологические и методические принципы построения эмпирической программы этнопсихологического исследования;
- разработать методы и методические приемы для измерения уровня межэтнической напряженности и определения характера этномобилизационных процессов;
- апробировать методический инструментарий в различных ситуациях межэтнической напряженности.

Эмпирические задачи:

- исследовать различные ситуации межэтнической напряженности, критические рубежи ее роста в различных регионах России (Татарстан, Тува, Саха (Якутия), республики Северного Кавказа) на основе разработанной системы социально-психологических индикаторов и специальных методов исследования;

– изучить межэтническую напряженность как социально-психологическую характеристику, отражающую психологические состояния и особенности этнического самосознания у различных этнических групп (титульного и русского населения республик Северного Кавказа, терского казачества, вынужденных переселенцев и беженцев из Грузии и Чечни), являющихся прямыми или косвенными участниками ситуаций межэтнической напряженности;

– раскрыть этнопсихологические аспекты отношений между народами Северного Кавказа в различных ситуациях межэтнической напряженности на основе интерпретации совокупности антропологических, исторических, демографических, политологических, социологических и психологических эмпирических данных;

– рассмотреть трансформации различных компонентов этнического самосознания у народов России в зависимости от роста межэтнической напряженности;

– провести кросскультурный анализ способов разрешения ситуаций межэтнической напряженности, поведенческих стратегий, общих психологических диспозиций в сфере межэтнического взаимодействия и особенностей этномобилизационных процессов у разных народов России.

Глава 2. Мотивационно-потребностный компонент этнической идентичности и этническая солидарность

Наше восприятие и познание формируют специфическую картину мира, и в соответствии с ней мы действуем в окружающем мире. Потребности и мотивы занимают как бы промежуточное место между образами и реальностью. Побуждая или не побуждая к действию, они сокращают или удлиняют дистанцию между установочными образованиями и нашими поступками. Особое влияние на поведение оказывают базовые потребности. Проблема базовых потребностей поднималась в психологии в связи с поисками ключа к решению проблем индивида психоаналитиками и представителями гуманистической психологии. К числу базовых потребностей психологи относят и потребность в идентичности, в принадлежности.

В данной главе раскрывается содержание потребности в этнической идентичности, рассмотрена взаимосвязь мотивационно-потребностного компонента этничности и проблемы этнической солидарности, проанализированы некоторые особенности этно-мобилизационных процессов народов Российской Федерации на основе эмпирических показателей этнической солидарности.

Мотивационная функция так или иначе всегда была одной из центральных проблем в исследованиях социальной идентичности. Особое внимание ей уделяли ученые психоаналитического направления. Э.Эриксон, рассматривая психосоциальную идентичность, определял ее как необходимое условие для сохранения здоровья индивида, его внутренней целостности и стабильности, как важную личностную потребность (Erikson, 1956). Э.Фромм также включал потребность идентичности в число универсальных человеческих потребностей. Он определял идентичность как «...безусловный психобиологический принцип поведения, обусловленный необходимостью выжить», она «вырастает из самих условий человеческого существования и является источником наиболее сильных стремлений» (Фромм, 1994, с.64). По мнению Э.Фромма, именно потребность в идентичности стоит за стремлением людей обрести социальный статус и за проявлениями конформизма, как одного из четырех описанных им психологических механизмов «бегства от свободы» (Фромм, 1992).

Строя иерархические модели потребностной сферы человека, А.Маслоу и Г.Мюррей отводили для потребности в идентичности почетное место в своих иерархиях. А.Маслоу включал ее в число потребностей «роста» (Maslow, 1954), удовлетворить которые возможно в социальных отношениях, а Г.Мюррей обозначал как потребность в аффилиации (см. Fisher, 1990a).

Дж.Гэлтунг, продолжая разрабатывать проблему базовых потребностей, утверждает, что построение их иерархии – ошибочный путь, так как в зависимости от обстоятельств каждая из потребностей может временно подчиняться любой другой (Galtung, 1990).

В современной теории человеческих потребностей потребность в идентичности выходит по значимости на одно из первых мест (Burton, 1990). Например, О.Надлер рассматривает ее как первейшую и фундаментальную потребность личности, альтернатива которой – дезорганизация и смерть (см. Fisher, 1990a). В рамках этой теории потребность в идентичности определяется шире, чем необходимость принадлежать какой-либо одной группе или общности. Потребность в идентичности есть «...в действительности потребность во множественной интегрированной идентичности, связанная со стремлением реализовать ее» (Rubenstein, 1990, с.281).

По мере роста межэтнической напряженности этническая идентичность становится важнейшей составляющей такой интегрированной идентичности. Более того, реализация интегрированной идентичности невозможна без удовлетворения потребности в этничности. Ее неудовлетворение превращается в глубинную причину затяжных ситуаций межэтнической напряженности, агрессивности и насилия в отношениях между народами.

Социальная нестабильность резко актуализирует потребность в присоединенности и социальных связях – солидарности, идентичности, принадлежности к группе. Трансформация социальной напряженности в межэтническую повышает потребность в этничности. Мы будем рассматривать три ее составляющих, три стороны: потребность в этнической принадлежности, потребность в позитивной этнической идентичности и потребность в этнической безопасности. Все они тесно взаимосвязаны между собой и порождают следующие мотивы: аффилиативные (мотивы привязанности), статусные (мотивы самоуважения и достоинства) и архетипические (мотивы безопасности). Это мотивационно-потребностный

компонент этнического самосознания, исследование которого непосредственно смыкается с проблемой этнической солидарности. В этой главе будут рассматриваться аффилиативные и статусные мотивы.

Занимаясь связями, которые объединяют людей в общество, Э.Дюркгейм в свое время конкретизировал их как проблему природы и функций социальной солидарности (Дюркгейм, 1995). Как синоним согласия и единства солидарность является психологической основой согласованных действий индивидов, объединенных в группу. В современной ситуации в республиках России, когда для многих главнейшей референтной группой стала этническая, внутриаффилиативная солидарность является важнейшей характеристикой состояния общества и перспектив развития межэтнических отношений.

Потребность в этнической принадлежности и этноаффилиативные мотивы

В поисках социальной защиты, устойчивости, возможности осуществления определенных видов активности, а также с целью удовлетворения потребностей в социальном, экономическом и психологическом объединении, индивиды, как правило, стремятся принадлежать к группе или группам. Это «стремление к психологической общности с группой» известно в психологии как аффилиативный мотив. Подоплека такого «общего чувства» с группой выражается в двух тезисах. Во-первых, для достижения соответствующих целей необходим союз с определенными людьми и с определенными группами. Во-вторых, существует целый ряд важнейших социальных потребностей (в поддержке, одобрении, дружбе, статусе, симпатии и др.), которые удовлетворяются только через межличностные отношения и в союзе с другими людьми (Schachter, 1959).

В разные периоды жизни в зависимости от конкретных обстоятельств какая-либо из групп становится для личности референтной. При дефиците в советском и постсоветском обществе разветвленной системы общественно-духовных объединений одними из наиболее значимых референтных групп оказались именно этнические сообщества, большинство из которых помимо прочих маркеров имели и административные границы

Этническая принадлежность – одно из средств приспособления, лучшей ориентации и достижения определенных социальных целей в современном сложном мире. Принадлежать к этнической группе – это также способ выделиться, обратить на себя внимание, через этничность повысить свою ценность. В настоящее время это очень важный момент для многих культур мира, так как отличительность начинает занимать достаточно высокое место в иерархии современных жизненных ценностей. Силу потребности в этнической принадлежности можно определить через известные в социальной психологии индикаторы групповой сплоченности (одного из синонимов групповой солидарности): желание оставаться членами группы, уровень внутригрупповой привязанности и степень удовлетворения от участия в группе (Андреева, 1997; Донцов, 1979). В контексте межэтнических отношений эти индикаторы мы рассматриваем как этноаффилиативные мотивы.

Важнейшее значение имеет их эмоциональный аспект. Характер испытываемых по отношению к собственной группе чувств и их изменения отражают динамику образа группы с точки зрения ее привлекательности–непривлекательности, а также влияют на взаимоотношения с другими группами. Сравнивая выраженность этноаффилиативных тенденций между титульным и русским населением республик России, мы обнаружили рост привлекательности собственной этнической группы для титульных народов республик и относительно невысокий аналогичный показатель у русских. Это, в частности, выразилось в оценке изменений за последние 10 лет чувств к своему народу у русских – в негативную сторону, у титульных народов – в позитивную.

Рассмотрим две важнейшие для социального взаимодействия противоположные эмоции – «стыд» и «гордость». По мнению Т. Шефа, гордость порождает солидарность с группой и является ее индикатором, в то время как стыд есть показатель и причина отчуждения от группы (Scheff, 1994, p 298). Повышение внутриэтнической солидарности у титульных народов сопряжено у них с ростом чувства гордости за свой народ. В то же время у русских это чувство оказалось выражено незначительно. За последние годы они испытали немало разочарований, связанных с их исторической судьбой. Преобладание в целом чувства стыда за свой народ над чувством гордости отражает рост среди русских противоположных солидаризации процессов отчуждения от своей этнической группы (см рис 2)

Есть еще один значимый аспект взаимодействия этих эмоций. Рассматривая самоуважение как эмоциональный компонент социального «Я», Ч.Кули оценивал его на основе соотношения между гордостью и стыдом. Чем сильнее чувство гордости и слабее чувство стыда, тем выше самоуважение (см Sites, 1990). Гистограмма на рис 2 дает сравнительную картину «самоуважений» у народов республик на основе выраженности эмоций стыда и гордости. Сравнительно высокий уровень самоуважения титульных народов – это отражение их более высокого по сравнению с русским населением этносоциального статуса. Что касается русских, то такого рода эмоциональный дисбаланс в структуре этнической идентичности является важным индикатором их неблагоприятного психологического состояния.

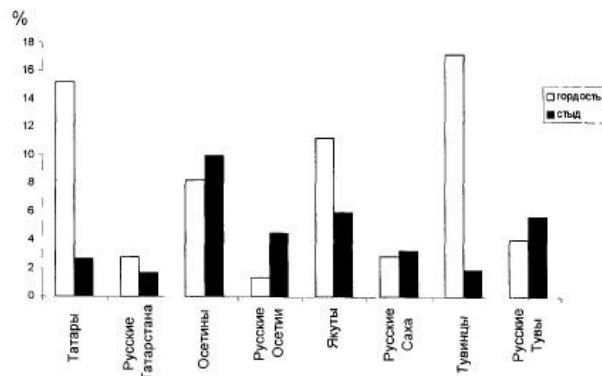

Рис. 2. Оценка изменений чувств гордости и стыда по отношению к собственному народу

Тот же тип дисбаланса (нарушение равновесия между гордостью и стыдом в пользу последнего) оказался характерен и для самосознания осетин. Видимо, в любом случае этнический конфликт, связанный с насилием, не способствует росту чувства гордости за

свой народ. Однако возникающее в таком случае чувство стыда имеет мало общего с раскаянием как сожалением по поводу совершенного действия. Психологи рассматривают стыд как наиболее социализированную эмоцию, носящую «возвратный» характер – она затрагивает осознание себя с точки зрения другого. Это обуславливает динамику порождения «витков» стыда бесконечной длительности и интенсивности (Scheff, 1994). В дополнение к этому столь болезненная эмоция вытесняется, и в таком случае стыд, становясь неосознанным, «демаскирует» эмоцию гнева. В психотерапевтической практике это называется «ловушкой чувств» – устойчивая последовательность стыда и гнева: «гнев от стыда, стыд от гнева» (Lewis, 1971). Анализ динамики межэтнической напряженности на Северном Кавказе показывает, что «ловушка чувств» – вполне актуальное понятие в ситуации конфликта (см. раздел III, глава 10).

Выраженность этноаффилиативных тенденций предполагает склонность следовать правилам, нормам и целям своей этнической группы. Эмпирические исследования показывают, что формирование устойчивого внутреннего побуждения к такому типу поведения обусловлено «лично» и «культурно». Например, Г.Триандисом выделен аллоцентрический (allocentric) тип личности, как более нуждающийся в групповой присоединенности и поддержке, в противовес идеоцентрическому (ideocentric). В качестве критериев, на основе которых эти два типа личности отличались друг от друга, предлагались следующие: степень подчинения индивидуальных целей групповым, выраженность идентификации со своей этнической группой, восприятие себя как части группы, а группы как продолжения самого себя (Triandis, 1986). В соответствии с целями исследования нами был разработан вариант опросника для изучения этноаффилиативных тенденций на личностном уровне (см. раздел II, глава 9)

По результатам исследования Г.Триандиса и его коллег, в коллективистских культурах больше аллоцентрических личностей, чем идеоцентрических (Triandis a.o., 1985). Наши данные это подтверждают. Среди татар, тувинцев, якутов и осетин как представителей более коллективистских культур (см. главу 4 этого раздела) выраженность аффилиативных тенденций (например, «никогда не забываю о своей этнической принадлежности», «человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы») оказалась существенно выше, чем среди русского населения. Почти в два раза реже по сравнению с респондентами титульных национальностей русские демонстрировали этноаффилиативные установки (35% – среди русских, 66,5% – среди титульных национальностей). Соответственно среди русских были более популярны противоположные тенденции. «Не имеет значения национальность», «не обязательно быть частью нации» – так считали 63% русских респондентов и 31% – титульных.

В наших исследованиях этноаффилиативные установки в наибольшей степени оказались выражены среди членов национальных движений. В первую очередь у представителей национального движения Северной Осетии-Алании «Стыр Ныхас». У них эти тенденции сочетались с самым высоким по сравнению со всеми другими группами уровнем этнополитической мобилизации и идеологизированностью сознания и с наименьшей индифферентностью к межнациональным проблемам. Можно предположить, что высокий уровень потребности в этнической принадлежности, обнаруженный у активистов национальных движений, явился первичным побудительным мотивом их активной политической и общественной деятельности. В процессе такой деятельности эта потребность усиливается, а при реализации, вступая в конфликт с другими ценностями, существенно трансформируется, переходя из внутренней психологической ориентации на внешний инструментальный уровень. Но далеко не все представители национальных движений – аллоцентрики. Например, среди активистов «Хостуг Тыва» (Республика Тыва) встречались люди не только индифферентные в этом отношении, но и идеоцентрики, то есть те, кто отдавал явное предпочтение индивидуальным ценностям. В сочетании с другими показателями это говорит о том, что часть членов национальных движений участвовали в этой деятельности не из внутренних побуждений, а из карьерных или личных соображений. Безусловно, это не способствует сплоченности движения, его жизнестойкости. Не случайно активность «Хостуг Тыва» в 1996 г. практически свелась к нулю.

Помимо личностных и культурных особенностей на рост потребности личности в единении с собственной этнической группой оказывает влияние и социальная ситуация. У осетин и тувинцев – жителей республик с повышенной межэтнической напряженностью – стремление к объединению с этнической группой выше, чем у Саха и татар. Например, более 70% осетин и тувинцев никогда не забывают о своей

национальной принадлежности и только половина якутов и татар всегда помнят об этом. В ситуации межэтнической напряженности высокая выраженность этноаффилиативных тенденций, отражающих рост потребности в этнической идентичности, – это показатель формирования установок по типу готовности скорее к изоляции, обороне, конфронтации или соперничеству в межэтническом взаимодействии, чем ко взаимному доверию или сотрудничеству.

Потребности в позитивной этнической идентичности* и этнической безопасности и статусные мотивы

Стремление принадлежать к этнической общности на групповом уровне выражается потребностью в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности.

Угроза позитивной этнической идентичности – это угроза существованию этнической общности. Это страх потерять привычную социокультурную нишу, утратить жизненно важное ощущение защищенности. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид не только повышает собственную самооценку, но и стремится повысить престиж и статус своей группы. Реализация потребности в этнической безопасности предполагает создание условий, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и свободное развитие данной этнической общности как самостоятельного этнокультурного и духовного целого. Для этого необходим преимущественно такой тип межэтнического взаимодействия, когда участники определяют ситуацию (или других участников) на основе позитивного образа собственной группы и избегают сравнений по неблагоприятным или несоответствующим ей (по их мнению) характеристикам.

Рост потребностей в позитивной этнической идентичности и безопасности – важнейшие индикаторы этномобилизационных процессов. На этом уровне к показателям этнической солидарности добавляются осознание внутриэтнической консолидации и восприятие своей группы как целостного и самостоятельного субъекта, в том числе как субъекта власти.

На осознание внутриэтнической консолидации влияет уровень межэтнической напряженности. Но это влияние не однозначно. Оно зависит от многих параметров ситуации. Например, в Северной Осетии-Алании русские в условиях ситуации высокой и затяжной напряженности между ингушами и осетинами острее осознавали свою разобщенность – свыше 70% включили это качество в число главных характеристик собственной этнической группы. В то же время осетины, как группа, принимавшая непосредственное участие в конфликте, среди основных качеств, приписываемых своей группе с высокой внутригрупповой согласованностью (86%), назвали «взаимовыручку».

Рост потребности в этнической идентичности усиливает стремление членов группы к повышению ее статуса. На психологическом уровне этносоциальный статус – это ощущение группой своей демографической силы, политических и социальных возможностей по защите интересов ее членов.

Понятие «демографической силы» воплощается в категориях «большинства» и «меньшинства». Численное превосходство на территории проживания, как правило, формирует ощущение своей значимости, рождает чувство гордости, уверенности и защищенности. В бывшем СССР численное превосходство и главная демографическая и политическая сила были на стороне русского народа. В процессе распада советской империи русские стали стремительно утрачивать эту форму психологического преимущества. В некоторых регионах бывшего СССР они прошли через резкое изменение этносоциального статуса: из всеми признанного большинства русские перешли в категорию подчеркнуто декларируемого этнического меньшинства.

Другое этносоциальное измерение статуса этнической группы, характерное для национальных республик России и отражающее политико-правовой аспект межэтнических отношений, – это «титულიстность–нетитულიстность». В республиках это измерение выступало в качестве важнейшей статусной постоянной. В последнее время его значение еще больше усилилось. Оно отражает самостоятельность и степень государственно-политической независимости группы и ее положение в системе властных отношений.

В условиях роста межэтнической напряженности диспропорция в демографическом составе республик и неравнозначность в положении этнических групп в системе «власти–подчинения» ведут к тому, что этнические меньшинства начинают все в большей степени ощущать себя притесненными. Они нуждаются не только в социальной, правовой и политической защите. Для успешной адаптации к новым обстоятельствам им необходима собственная система психологической защиты. Она в значительной степени базируется на чувствах, имеющих негативный оттенок: зависимости, соперничества, страха, стыда и вины.

Совпадение «титულიстности» с «большинством» усиливает неравнозначность социальных статусов групп, фиксирует баланс

«силы» в структуре национальных отношений и придает легитимность коллективной воле группы к власти. Между разностатусными этническими группами всегда существует тот или иной уровень межэтнической напряженности. Достаточно обычна ситуация, когда к неравному статусу групп добавляется конкурентная борьба за ресурсы. В этом случае доминирующая группа рассматривает подчиненную как неполноценную, нуждающуюся в опеке и руководстве и пресекает любые попытки повышения статуса с ее стороны. Со стороны же этнического меньшинства, ощущающего себя ущемленным, появляется «свой» национализм – в форме попыток к сепаратизму.

По результатам эмпирических исследований, проведенных в рамках направления «контактные гипотезы», этносоциальные статусные характеристики и их динамика оказывают существенное влияние на изменение содержания и направленности межэтнических установок. Равные права в принятии решений и равный статус рассматриваются как возможность снижения уровня этноцентризма (Amir, 1969; Cook, 1978).

Но в то же время само стремление к равному статусу является предпосылкой роста межэтнической напряженности (Дробижева, 1994).

Сравнивая результаты различных исследований на основе трех основных «этноцентристских» посылок, М.Ньюстоун и Дж.Джас-парс установили определенную зависимость в восприятии разностатусными группами друг друга. Этноцентристская триада состоит в следующем: (а) «Мы лучше, чем Они»; (б) «Они хуже, чем Они думают о себе»; (в) «Мы лучше, чем Они думают о нас» (Newstone, Jaspars, 1982) Как правило, высокостатусные группы подтверждают наличие у них комплекса превосходства. Представители этих групп согласны с первыми двумя позициями, но не считают, что низкостатусная группа их недооценивает. Нередко низкостатусная группа описывается как «нечестная», «хитрая», «коварная». И действительно группы с более низким статусом, удовлетворяя свои потребности, вынуждены использовать не прямые каналы, а окольные методы, подтверждая, таким образом, данные характеристики. Безусловно, такие качества определяются скорее недостатком возможностей и силы, чем врожденными характеристиками меньшинства.

У представителей низкостатусной группы оценка группы с высоким статусом по уровню позитивности практически совпадает с автостереотипом этой группы. При этом представители низкостатусной группы оценивают себя также высоко или лишь немного ниже, чем члены высокостатусных групп В то же время низкостатусная группа демонстрирует комплекс неполноценности – ее представители считают, что их недооценивают (там же, 1982).

Нередко члены низкостатусной группы стремятся различными способами удовлетворить свою потребность в позитивной поддержке и даже могут покинуть собственную группу. При наличии в полиэтническом обществе предубеждений по отношению к той или иной этнической группе у ее членов может сформироваться негативная самооценка (Phinney, 1990).

Результаты восприятия разностатусными этническими группами друг друга в значительной степени зависят от стабильности и легитимности статусной иерархии. Низкостатусные группы могут не пытаться улучшить свое положение относительно доминирующих групп, если они не видят возможности изменения их объективного статуса (Doise, Sinclair, 1973). В то же время в случае нестабильности статусной иерархии высокостатусные группы более склонны к «групповому уклону» в восприятии как одному из способов защиты своей позиции (Turner, 1978).

Два этносоциальных измерения – «титულიность–нетитულიность» и «большинство–меньшинство» взаимодействуют и определяют для каждой этнической группы специфичность ее позиции в системе межэтнических отношений. Соотношение этих двух измерений – самостоятельный фактор, который активно воздействует на формирование этнического самосознания, в частности на уровень его этнополитической мобилизации. Уровень этнополитической мобилизации сознания является эмпирическим понятием. Он определяется на основе соотношения в структуре группового «^А-образа» категорий частной жизни (базовых) и этнополитических. Этот показатель, на наш взгляд, отражает силу статусных мотивов.

Разделяемая большинством членов группы иерархия категорий в собирательном «^А-образе» соответствует общему внутреннему «плану действий» группы по защите и укреплению приоритетных статусных позиций. Поэтому уровень этнополитической мобилизации группового самосознания является также психологическим показателем вероятности групповых действий в защиту интересов этнической общности (этномобилизационных процессов) и, следовательно, является еще одним индикатором этнической солидарности.

Выделение базовых и этнополитических категорий соответствует двум уровням активности личности. Первый характеризует вовлеченность группового субъекта в обыденный круг человеческих отношений (семья, работа, межличностные отношения). Второй – вовлеченность группового субъекта в этнополитическую жизнь общества.

По результатам наших исследований, во всех групповых «Я-образах» народов республик России базовые характеристики доминируют над этнополитическими (см. рис. 3). Среди категорий частной жизни с большим отрывом лидируют семейные ролевые и статусные самоидентификации (в среднем более 1/3 от всей совокупности характеристик), потом следуют половая и профессиональная принадлежности.

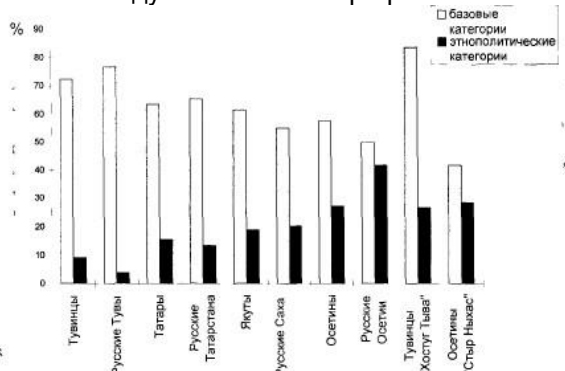

Рис. 3. Категории частной жизни и этнополитические категории в структуре идентичности титульных национальностей и русских в республиках РФ

Уровень этнополитической мобилизации массового сознания находится в сложной зависимости от этносоциальных статусных измерений. Из четырех республик явное русское меньшинство и подавляющее

титульное большинство – в Туве. Определенность в расстановке этнических сил в этой республике явилась одной из важных причин самого низкого уровня этнополитической мобилизации сознания как у тувинцев, так и у русских. В их «Я-образах» доминируют базовые категории (от 72 до 77% всего количества самоидентификаций) (см. рис. 3). В поисках новой идентичности и русские Тувы, и тувинцы как бы обращаются к самим себе и к своему ближайшему окружению. У тувинцев уровень этнополитической активности самосознания хотя и превышает аналогичный показатель у русских, но он все же в два раза ниже по сравнению с этим показателем, например, у Саха. Составляя большинство в республике, тувинцы, видимо, более свободны от необходимости настойчивого поиска социальной присоединенности и соответственно более свободны в своих стремлениях к общечеловеческой идентичности. Саха, наоборот, находясь в меньшинстве, но являясь титульным народом, более обеспокоены своей этнической и политической защищенностью.

В то же время, несмотря на то, что осетины в своей республике – титульное большинство, этнополитические категории здесь были актуальны в групповых образах и русских, и осетин. В «JT-образе» русских этой республики доля этнополитических категорий выглядела даже гипертрофированной по сравнению с другими этническими группами. Причины этого – высокая степень изолированности, тревоги и неуверенности русских, живущих не просто в опасном для жизни регионе России, а непосредственно в зоне этнического конфликта. И это несмотря на то, что русские в Северной Осетии-Алании не являются непосредственной конфликтующей стороной (подробно эти данные анализируются в разделе III, глава 15). На втором месте по уровню этнополитической вовлеченности – жители Саха (Якутии), как Саха, так и русские.

Итак, затяжная ситуация высокой межэтнической напряженности оказалась существенным фактором повышения вовлеченности в этнополитическую жизнь общества. Наши исследования показывают, что в условиях роста межэтнической напряженности идет процесс превращения этнической принадлежности в одну из основных статусных категорий. Это далеко не всегда равнозначно стремлению к национальному доминированию. Но существенное усиление этнического компонента в структуре идентичности по сравнению, например, с гражданственностью, делает этничность основой, через которую личность пытается не только сохранить, но и повысить свой статус.

Большая выраженность у титульных народов республик по сравнению с русскими показателей этнической солидарности отражает увеличение плотности этнических границ между народами в республиках России и указывает главный вектор развития межэтнической напряженности – нарастание интенсивности этномобилизационных процессов со стороны титульных народов.

Глава 3. Этническое самосознание и этническая идентичность

В качестве центрального конструкта феноменологического поля межэтнической напряженности нами выделена этничность. В этой главе остановимся на взаимосвязи понятий «этническое самосознание» и «этничность» («этническая идентичность»), на когнитивно-эмоциональном аспекте этничности, а также рассмотрим ее статус в структуре социальной идентичности в различных ситуациях межэтнической напряженности.

Традиции исследования этнического самосознания имеют широкую теоретическую и эмпирическую базу в отечественной исторической и этнографической литературе (см. обзоры Александренко, 1996; Козлова, 1974; работы Бромлея, 1983; 1987; Клементьева, 1971; Кожанова, 1978; Крюкова, 1976; Кушнера, 1947; Пименова, 1986; Поршнева, 1973; Снежковой, 1982 и др.). Начиная с 1970-х гг., этническое самосознание на основе эмпирических исследований активно изучают отечественные этносоциологи (Ак-лаев, 1990; Арутюнян, 1972; Арутюнян, Дробижина, Кондратьев, Суколов, 1984; Галкина, 1993; Дробижина, 1985; Сикевич, 1996). С середины 1980-х гг. в отечественной психологии начинает реанимироваться этнопсихологическое направление исследований, в котором сначала этническое самосознание, а позже этническая идентичность становятся центральными объектами изучения (Агеев, 1990; Асмолов, Шлягина, 1984; Данзанова, 1997; Кцова, 1985а; Лебедева, 1993; Левкович, Панкова, 1985; Леонтьев, 1983; Мулдашева, 1991; Науменко, 1992; Павленко, Солдатова, 1994; Петренко, 1987; Платонов, Почебут, 1993; Рыжова, 1995; Старовойтова, 1985; Стефаненко, 1989; Стефаненко, Шлягина, Ениколопов, 1993; Трусов, Филиппов, 1984). В секторе социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии Российской академии наук на протяжении ряда лет этническое самосознание продолжает оставаться объектом масштабных эмпирических исследований на стыке этносоциологии, политологии и социальной психологии¹.

В последние годы в отечественной научной литературе все чаще встречаются понятия «этническая идентичность» или «этничность», заимствованные из зарубежной социально-культурной антропологии и политологических исследований. Развиваемые с середины 1970-х гг. западные исследования этничности были призваны объяснить сложную природу социальных и этнических конфликтов, межкультурных взаимодействий, политической активизации этнических меньшинств в промышленно развитых странах, социальных и политических изменений в постколониальном мире. Эти процессы определили смену исследовательских ориентации в социальных науках, одним из результатов которой оказались многочисленные теории этничности. Поиски объяснительных механизмов процессов суверенизации республик бывшего СССР и роста межэтнической напряженности привели к актуализации «этничности» или «этнической идентичности» в отечественных политологических, антропологических и социально-психологических исследованиях.

На основе анализа различных концепций этничности выделяются три подхода к ее изучению: «первородный» (primordial), инструменталистский и конструктивистский {Соколовский, 1995; Тишков, 1991а; Stern, 1995). Их жесткое разделение в некоторой степени условно (см., напр., Коротеева, 1994), так как представители различных ориентации нередко пересекаются друг с другом по ряду важных вопросов. И все же между ними есть принципиальные различия.

1 Результатом этих исследований является серия сборников научных статей, выпущенных под редакцией профессора Дробижевой Л.М.: Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 1, 2. М., 1990, 1991; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1995; Национальное самосознание и суверенитет в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996.

Ученые «первородной» («примордиалистской») ориентации, главным образом антропологи, этнологи и в меньшей степени социологи, рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Это «этничность в сердце», замешанная на «крови» и «почве». Вне зависимости от социологизаторской, биологизаторской или культурологической трактовки, ее основа – кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Среди известных западных представителей преимущественно этой ориентации авторы обзоров выделяют Ван ден Берга, Энтони Смита, Клиффорда Гиртца, среди отечественных – Ю.В.Бромлея, Л.Н.Гумилева.

Противоположная «первородству» научная ориентация – конструктивизм – наиболее распространенный на западе современный подход в объяснении природы этничности. Для его последователей этничность «коренится» не «в сердцах», а «в головах» индивидов, которые являются членами этнических групп – «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». Смысл этничности для конструктивиста в значительной степени воплощается в словах норвежского антрополога Ф.Барта, рассматривающего этот феномен как форму социальной организации культурных различий {Earth, 1994}. В рамках этой ориентации особую значимость приобретают не позитивистские и натуралистические трактовки этнических феноменов, основанные на объективных атрибутах этнической группы, как, например, территория или исторические факты, а их субъективная сторона: групповое сознание, мифотворчество, чувство солидарности. Конструктивисты рассматривают этничность как ситуативный, нередко «навязанный» феномен. Процесс социального конструирования, по мнению В.А.Тишкова, может быть направлен, в частности, на компенсацию дефицита культурной отличительности. С этой целью предпринимаются специальные усилия в поддержку процесса культурной дивергенции: «Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то отдельной чертой (например, диалектом), а многими чертами» (Тишков, 1997а, с.31). В.А.Тишков подчеркивает, что этот процесс приобретает масштабный характер, если ему на службу поставлена государственная машина. Так, по его мнению, различия между русскими и украинцами, между казаками и киргизами, между узбеками и таджиками стали более четкими и разнообразными за последние десять лет, чем это было в советский период (Там же).

Третье направление – инструменталистская ориентация – сочетает в себе и «первородные», и «конструктивистские» начала. Сложившись в рамках политологии, социологии власти и политической антропологии, оно отличается функциональным и утилитаристским подходом. Ученые инструменталистской ориентации предлагают объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы. К наиболее известным американским инструменталистам относят Жоржа Девоса, одного из редакторов известной книги «Этническая идентичность». Инструменталистского подхода придерживаются многие современные отечественные исследователи {Губогло, 1996; Дробижева и др., 1996; Ядов, 1995}.

В рамках социально-психологической концепции межэтнической напряженности вряд ли уместно «исконное первородство» или «голый» конструктивизм. Нам ближе особое направление инструменталистской ориентации, которое смыкается с социально-психологическими теориями, где этничность трактуется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия {Соколовский, 1995}. Такой взгляд мы бы дополнили рассмотрением этничности как присущего группе внутреннего психокультурного ресурса, как культурных архетипов, актуализируемых извне. Такая «разбуженная», «возбужденная» этничность используется в целях этнополи-тической мобилизации, социального контроля, распределения баланса доминирования и подчинения в межгрупповых отношениях.

Как все же соотносить на основе высказанной точки зрения отечественное понятие «этническое самосознание» с западной «этничностью» или «этнической идентичностью»? В широком междисциплинарном ракурсе эти понятия нередко рассматриваются как тождественные. Но для этнопсихолога, работающего на основе феноменологии этнического самосознания, этническая идентичность вовсе не является его синонимом. Это особенно важно на операциональном уровне. С одной стороны, этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой – шире, так как содержит в себе также слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» – этническое бессознательное.

В данной работе этничность исследуется преимущественно в трех аспектах: (1) как компонент множественной идентичности в структуре группового самосознания; (2) как социально-психологический результат эмоционально-когнитивных и ценностных процессов этнической идентификации и межэтнической дифференциации; (3) как мотива-ционно-когнитивное ядро этнического самосознания, опосредствующего межэтническое взаимодействие.

Этническая идентичность как форма внутригруппового и межгруппового взаимодействия

Культурно и этнически детерминированный мир является основой социализации каждого индивида. Этничность – это неотъемлемая часть общей социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям. Как рассматривают социальную идентичность в психологии и каковы особенности этничности как вида социальной идентичности?

Свое начало исследования идентичности берут в психоанализе. В 1914 г. появилась работа З.Фрейда «Групповая психология и анализ Эго». В ней понятие «идентификация» впервые было использовано в психологическом контексте. З.Фрейд рассматривал идентификацию не только как бессознательную эмоциональную связь ребенка с родителями, но и как важный механизм взаимодействия между индивидом и социальной группой (Freud, 1921). В этой работе был обозначен потенциал идентификации как понятия, разделяемого членами группы, общего для них, что открыло возможность исследования природы группы, основы ее сплоченности.

Однозначное мнение, что личностная идентичность формируется в процессе социального взаимодействия через сопоставление и противопоставление позиций различных групп и общностей, было выражено в символическом интеракционизме. Дж.Мид в качестве инструмента идентификации индивида с группой ввел понятие «обобщенный другой», под которым имел в виду совокупность обезличенных установок, норм и ценностей общества (Mead, 1934).

Традиции этих направлений нашли свое продолжение в психологической антропологии в изучении сознательных и бессознательных проявлений этничности, как одной из форм социальной идентичности (см. Велик, 1993). Социально-психологический подход к исследованию идентичности начал развиваться в когнитивной психологии. В рамках этих направлений окончательно определился главный ракурс исследования идентификаций и идентичностей – в контексте социального взаимодействия как его механизма или как его опосредованного результата.

На одно из центральных мест в современной социальной теории концепцию идентичности вывел Э.Эриксон. К осознанию значимости этой проблемы он пришел после второй мировой войны, оказывая психотерапевтическую помощь ее участникам – американским солдатам. Проблему идентичности Э.Эриксон называл стратегической для Америки 1940–1950-х гг., с ее резкими расовыми и социальными различиями, наплывом иммигрантов и проблемами коренных американцев (Erikson, 1995). Он определил круг основных вопросов и понятий, связанных с идентичностью. Они до сих пор актуальны для социальных психологов. Например, Э.Эриксон выделил понятие психосоциальной идентичности как продукта взаимодействия между обществом и личностью. Психосоциальная идентичность характерна только для зрелой личности, у которой «внутренняя тождественность и непрерывность» синтезируется со стремлениями ее интеграции с социальными структурами (государством, нацией, различными социальными группами). Исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, Э.Эриксон ввел понятие кризисов личностной идентичности и подчеркивал их неразрывную связь с кризисами общественного развития. В качестве опосредствующего «инструмента» идентификации, вместо «обобщенного другого» Дж.Мид, у Э.Эриксона выступает «идеология» – «систематизированная совокупность идей и идеалов» (Erikson, 19956).

Анализ идентичности как важнейшей психической структуры не только личности, но и группы начал проводиться в рамках когнитивистского направления. Главная идея его состоит в том, что впечатления о мире организуются в связные интерпретации – идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые выступают как регуляторы социального поведения. Самая признанная концепция, разработанная на этой основе, – теория социальной идентичности Г.Тежфела и его коллег (Tajfel, 1978). Для нашего исследования особое значение имеют следующие теоретические положения этой социально-психологической концепции.

Во-первых, индивид, рассматривая себя как члена какой-нибудь социальной группы, стремится оценить ее положительно, поднимая таким образом статус группы и собственную самооценку. В экспериментальных исследованиях, проведенных Г.Тежфелом и его коллегами, показано, что малейшие признаки принадлежности к группе, даже всего лишь субъективная отнесенность себя к данной группе (факт групповой категоризации), уже сами по себе достаточны для развития процессов дискриминации другой группы (Billig, Tajfel, 1973; Tajfel, 1969; 1972). Важно подчеркнуть, что между группами в данных экспериментальных исследованиях не было ни истории враждебных или даже просто натянутых отношений, ни действительного конфликта интересов. Позитивный уклон в сторону собственной группы – это естественный социально-психологический механизм. Исследования показывают, что он существует не только в случае, когда негативное межличностное восприятие ассоциируется с категорией членства (Turner, Shaver, Hogg, 1983), но и когда категория группового членства не имеет под собой серьезных оснований, или когда члены разных групп – близкие друзья (Vaughan, Tajfel, Williams, 1981). Групповая принадлежность уже сама по себе основание для построения системы предпочтений. Позитивная или негативная оценка факта своей принадлежности к группе составляет ценностный компонент идентичности

Во-вторых, качество и значение идентичности определяются посредством логических операций социальной категоризации и сравнения своей группы с внешними группами по ряду значимых параметров. Когда групповое различие становится особенно заметным, индивид начинает реагировать с позиции своего группового членства, а не с позиции отдельной личности. Таким образом, социальная категоризация и межгрупповое сравнение рассматриваются как когнитивная основа самоопределения индивида и, следовательно, как способ осознания им своего места в обществе.

В-третьих, позитивная социальная идентичность достигается на основе сравнений «в свою пользу», что получило название феномена «ингруппового фаворитизма» (Tajfel, 1978).

В-четвертых, в исследованиях этого направления когнитивный компонент неразрывно связан с эмоциональным. Эмоциональная значимость группового членства – важнейшая сторона процесса идентификации. Эмоциональный компонент идентичности заключается в переживании факта своей принадлежности к группе в форме различных чувств – любви, ненависти, обиды и др.

Исследования Г.Тейфела и его коллег доказывают, что когнитивно-эмоциональный компонент идентичности в значительной степени есть результат межгруппового взаимодействия. По мере своего формирования этот компонент сам превращается в один из главных факторов, влияющих на рост напряженности в межгрупповых ситуациях и определяющих формы межгруппового взаимодействия.

Радикальные социально-экономические изменения постсоветского общества заставили и отечественных исследователей обратиться к проблеме социальной идентичности (см. «Социальная идентификация личности», 1993, 1994). Похоже, что в

России 1990-х гг., как и в США в середине века, проблема идентичности на социально-политическом уровне также приобрела статус стратегической. Это выразилось в настойчивых поисках национальной идеи, способной интегрировать общество. В.А.Ядов, под руководством которого в Институте социологии РАН исследовались структура и динамика социальной идентичности россиянина в 1991 – 1994 гг., выделяет ее функции на уровне личности и группы. В числе первых – подчинение индивида социальной группе, групповая защита и критерий оценки и самооценки. Вторая – включение индивида в систему социальных взаимосвязей, социальных отношений (Ядов, 1995). По своей сути это функция внутригрупповой интеграции. Так, общегражданская идентичность выполняет функцию интеграции в пределах всего общества, этническая идентичность – в пределах этнической группы.

В соответствии с особенностями постсоветского пространства проблема социальной идентичности получила отчетливую «этническую» окраску. В условиях роста межэтнической напряженности на этничность или этническую идентичность как вид социальной идентичности выпадает основная нагрузка по ориентации индивида в обществе. Этничность превращается по существу в форму взаимодействия между культурными группами, действующими внутри общего социального контекста (Cohen, 1974). Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, она определяет развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом.

Переход этничности на один из первых планов в структуре социальной идентичности приводит к доминированию «этнических» форм взаимодействия внутри группы. Это означает актуализацию той стороны этничности, которая является результатом принятия субъектом ценностей, норм и образцов поведения своей группы (Шлягина, Ениколопов, 1993). Итог такой актуализации – внутреннее переструктурирование группы на основе этнической специфики.

Подчиняясь общим закономерностям формирования социальной идентичности, этническая идентичность как форма внутри-этнического и межэтнического взаимодействия имеет свои особенности

(1) Этничность – «родом из прошлого». Даже если это «возрожденная», «навязанная» этничность, которая в значительной степени формируется этнократической политикой и мало считается с «естественными» факторами (Ерасов, 1995). Как известно, в смутные времена, когда настоящее кажется хаосом, а будущее непредсказуемо, целые народы обращаются к своей истории. Это фактически шаг в прошлое. Именно там мы оставляем самые проверенные и надежные жизненные ориентиры и туда возвращаемся не только когда становится неуютно в настоящем, но и в поисках виновников реальных и воображаемых обид. Как форму идентификации, обращенную в прошлое и воплощенную в культурной традиции индивида или группы, рассматривает этничность американский антрополог Жорж Девос. Для него этническая идентичность – одна из трех ориентации «JT-образа», а именно ориентация на прошлое (De Vos, 1982).

(2) Этничность мифологична и в этом ее мобилизующая сила. Ее главная опора – идея или миф об общих культуре, происхождении, истории. Г.Лебон писал, что «из всех факторов развития цивилизаций иллюзии составляют едва ли не самый могущественный» (Лебон, 1995а). «Своей квазирациональностью миф (особенно научный) вербует новых сторонников, убеждает их, мобилизует на коллективные действия; миф искажает факты, тем самым устраняя «неудобную» реальность, разрушая рациональные аргументы оппонентов» (Соколовский, 1994, с. 109).

(3) Этничность – зависимая переменная. Она возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами (Van den Berghe, 1981). Поэтому этничность становится важнейшим идеологическим инструментом в борьбе за власть.

(4) Этничность обладает «двойным дном» (по образному выражению С.Лурье), то есть этническая культура, лежащая в ее основе, разделяется на культуру для «внешнего» пользования и «внутреннего» пользования, скрытую от посторонних (Лурье, 1994). В своей теории психокультурной интерпретации этнических конфликтов М.Росс в качестве фундаментальных ориентиров между «Я» и «другими»

рассматривает психокультурные предрасположенности, которые коренятся в раннем опыте и включают культурно одобренные способы отношений внутри и вне общности (Ross, 1995). Они являются основой интерпретаций действий и мотивов сторон друг другом в ситуациях межэтнической напряженности. Люфт между этими двумя областями этничности (эзотерическим и экзотерическим) усиливается по мере роста межэтнической напряженности.

(5) Этничность связывает и солидаризует на основе группового членства. Солидарность в качестве одного из главных признаков этничности выделяется большинством исследователей, начиная от Т.Парсонса (Parsons, 1975). Р.Г.Абдулатипов определяет этничность прежде всего как «...своеобразную форму солидарности людей для выполнения каких-то социальных и культурных задач» (Аб-дулатипов, 1995, с. 18).

(6) Этничность по сути своей конфронтационна. Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции. «Всякое объединение противопоставляет», – отмечал Б.Ф.Поршнев (Поршнев, 1973). Поэтому рост этничности связан с ростом этнической нетерпимости, которая является проявлением конфронтационности. Важнейшим фактором усиления этничности является также желание отделиться от других.

(7) Этничность – категория «эмоционально-нормативная». Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида. Эмоциональные императивы влияют на образы восприятия и в значительной степени объясняют иррациональность поведения сторон в этнических конфликтах. Сплав эмоций и моральных норм, по мнению Пола Стерна, именно тот психологический фактор, который заставляет людей жертвовать во имя своего народа даже в ущерб личным интересам (Stern, 1995).

В силу своей специфики этничность особенно чувствительна к изменениям межэтнической атмосферы, и ее актуализация как формы внутригруппового и межгруппового взаимодействия ведет к росту межэтнической напряженности и дезинтеграции полиэтнического общества. Это определяет центральное место этничности в феноменологическом поле межэтнической напряженности.

Содержание этнической идентичности

Давая определение этническому самосознанию, Л.М.Дроби-жева в качестве главных выделяет в нем следующие компоненты: осознание принадлежности своему народу, осознание интересов своего народа, представления о культуре, языке, территории (Дро-бужева, 1994). Последний компонент присутствует практически во всех дефинициях этнического самосознания. Этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени членами данной этнической группы, составляют его главное содержание. Они формируются в процессе внутрикультурной социализации и во взаимодействии с другими народами. Значительная часть этих представлений – результат осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Этносоциальные представления отражают совокупности мнений, убеждений, верований, идей, выражаются в мифах, легендах, исторических повествованиях, а также в обыденных формах мышления. Общее знание связывает членов группы и служит основой для ее отличия от других этнических групп.

Этносоциальные представления относятся к типу групповых (коллективных) представлений, которые еще Эмиль Дюркгейм возводил в ранг предмета социальной психологии (Осипова, 1977). От индивидуальных они отличаются универсальностью, устойчивостью, межпоколенной преемственностью и принудительным характером воздействия на индивида. По мнению С.Московичи, именно через изучение социальных представлений социальная психология «...превращается в антропологию современной культуры» (Московичи, 1992, с.83). Отечественная практика социально-психологического исследования различных феноменов этнического самосознания на основе широкого «эмпирического» поля социальных представлений подтверждает целесообразность такого подхода².

Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Именно они составляют главное содержание этнической идентичности как когнитивно-мотивационного ядра этнического самосознания. В структуре этнического образа мы выделяем этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), ценности и ценностные ориентации, психологические универсалии.

Этнические образы формируются на основе трех взаимосвязанных процессов: (а) отождествление личности с этнической группой и ее самоопределение через этническую группу (самоидентификация); (б) дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий (этническая идентификация и межэтническая дифференциация); (в) осознание отношения к собственной и другим этническим группам. В этнонапряженных ситуациях этническое самоопределение и осознание межэтнических различий происходит именно через дифференциацию отношения к наиболее значимым этническим группам.

2 См. исследования сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН.

Переживание своей принадлежности к группе выражается в форме различных чувств. Эти чувства могут определяться базовыми эмоциями, либо маскироваться вторичными, «социализированными» эмоциями. Например, по мнению Т.Кэмпера, стыд – это «превращенная» эмоция гнева, вина – «превращенная» эмоция страха. Но надо понимать, что вторичные эмоции заменяют базовые и как бы не

дают им проявиться (см. Sites, 1990), а значит возможность и рост напряженности сохраняются. В соответствии с концепцией К Изарда, эмоции имеют тенденцию склеиваться в комплексы аффектов. Например, страх, горе, стыд, гнев и вина образуют комплекс тревожности, гнев, отвращение и презрение – комплекс враждебности (Изард, 1980). Такого рода аффективные комплексы и базовые, либо замаскированные вторичные эмоции взаимодействуют с когнитивными структурами этнического самосознания. Наибольшая эмоциональная концентрация сосредоточена в его центральной части – в этнической идентичности в форме этнических чувств (комплексных аффективно-когнитивных образованиях). Они отражают сложные мотивационные состояния этнической группы, побуждающие ее к действиям.

Напряженность Т Парсонс связывал с эмоциями и переживаниями как мотивационными компонентами, которые «распределяются вдоль главных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения... В таких случаях возникают фантазии и утопические идеалы будущего, происходит локализация прошлых состояний .» (Parsons, 1937, p.482). Среди этнических чувств, влияющих на рост межэтнической напряженности, можно назвать чувства зависимости, ущемленности, вины, стыда и др. (см. раздел III, глава 10).

Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту. Устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные моменты для ощущения группой психологической безопасности и стабильности. Индивиды стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. Этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, которую мы рассматриваем как готовность людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов.

Рост межэтнической напряженности способствует проявлению свойств народа, характерных для него в прошлом и закрепившихся в качестве наиболее удачных адаптивных способов поведения. Представления о них составляют важную часть этнической идентичности. Эти представления взаимодействуют с установочными образованиями и образуют конативные (поведенческие) структуры этничности, задающие способы внут-ригрупповой организации и мобилизации группы.

Частью содержания этнической идентичности является этническое бессознательное. Психологи определяют его как подавленный или вытесненный большинством людей данной этнической группы материал, который каждое поколение разделяет со следующим (Яеггоп, 1995). В критических социальных ситуациях, связанных с изменением характера межэтнических отношений, происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием. Образы бессознательного начинают актуализироваться на уровне сознания, которое расширяет свои границы. Это состояние К.Юнг называл психической инфляцией (от лат. «inflation» – «раздувание», «расширение»), охватывающей и отдельных индивидов, и целые группы людей. Для нас уровень психической инфляции – это важная психологическая характеристика состояния этнической группы в ситуации межэтнической напряженности.

Психическая инфляция распространяется в группе посредством социально-психологических процессов эмоционального заражения, подражания и психологического внушения, исследование которых начинали еще Г.Лебон (1898) и Г.Тард (1903), а в отечественной социальной психологии продолжил Б.Ф.Поршнев (1966). Эмоциональное заражение и подражание – естественные м-ий£-низмы функционирования человеческого общества. Поэтому они особенно легко могут быть активизированы извне. Г.Лебон отмечал, что «критический дух составляет высшее, очень редкое качество, между тем как подражательный ум представляет собой весьма распространенную способность» (Лебон, 1995а, с. 113). А вот процесс внушаемости, который иногда поражает и целый народ, К.Юнг относил к числу психопатологических. В результате процессов такого типа резко усиливается чувство внутригруппового единства и солидарности. Такая групповая унификация «...действует на психику подобно сильному яду и легко передается, поскольку "идентификации с низшими, более примитивными стадиями сознания неизменно сопутствует повышенное чувство жизни", открывается новый источник силы, способный, однако, выпустить на волю опасный энтузиазм» (Одайник, 1996, с.40).

Нарушение баланса взаимодействия между сознательным и бессознательным уровнями идентичности в случаях психической инфляции выражается в изменении содержания этнической идентичности и ее структуры.

Одна сторона трансформации содержания этнической идентичности – идентификация с коллективной «тенью» – неприз-наваемой, несовместимой, низшей стороной народа. «Тень», как личная, так и коллективная – «...это сумма всех тех непривлекательных качеств, которые мы предпочитаем скрывать» (Jung, 19176, p.65). В силу этого она и на индивидуальном, и на групповом уровнях подвергается, как правило, энергичному вытеснению и становится важной составляющей коллективного бессознательного.

Другая сторона – идентификация с архетипами. В соответствии с юнговским пониманием, архетипы есть коллективно наследуемые формы восприятия и понимания, которые представлены в архетипических образах, составляющих глубинные, древние слои психического.

Рост межэтнической напряженности актуализирует архетипы, связанные с героическим драматическим и жертвенным прошлым своего народа. Это образы группы, либо сплотившейся и борющейся, либо страдающей и униженной. Под тяжестью новых обид трагические события прошлого могут еще более драматизироваться. Они начинают выступать своего рода призмой, через которую оцениваются современные межэтнические отношения и типологические характеристики народов. В памяти народов подспудно хранятся знания о необходимости настояренности в отношении ближайших соседей, о принуждении и агрессии со стороны других этнических групп. Таких примеров предостаточно в истории любого народа. Поэтому архетипические образы собственной группы неразрывно связаны с образами других народов, либо дружественных, либо подавляющих и угрожающих.

Архетипические образы становятся осознанной и активной частью содержания этнической идентичности и в этом качестве превращаются в реальную психологическую силу. Они как бы аккумулируют психическую энергию исторического прошлого народа, его итоговый опыт. Их коллективное осознание усиливает ощущение причастности к истории своего народа, наделяет чувством единства и солидарности через время и пространство. В этом особая психологическая привлекательность архетипов. Кроме того, это способ поднятия самоуважения и достоинства этнической группы.

Мифологизм архетипов делает их основой формирования национальных идеологий. В той или иной форме архетипы становятся достоянием больших групп людей. Они входят в сознание опосредованно через универсальные символы, которые представлены в культуре, народном эпосе, в религиозных и философских концепциях. В формализации и легализации архетипических образов одну из главных ролей играют историки. Воссоздаваемые ими образы народов тесно связаны с границами и территориями их расселения. «Так, например, – пишет В.А.Тишков, – азербайджанские историки десятилетиями интенсивно развивали националистическую концепцию Кавказской Албании, включая в состав древней Албании – "прародины азербайджанцев" территории, которые армяне считают "исторической Арменией". Конструирование "богатой" и "древней" истории азербайджанского народа включает своим обязательным компонентом описание территории Карабаха как "сердца Азербайджана". Точно также как грузинские интеллектуалы объявляют Шида Картли или Самачабло (Южная Осетия) – "сердцем Грузии", ингушские лидеры считают село Ангушт в Пригородном районе "прародиной ингушей", а осетинские интеллектуалы формулируют тезис об аланах – предках осетин, "кости которых разбросаны по всему Северному Кавказу"» (Тишков, 1994, с.6).

Трансформация структуры идентичности выражается в том, что членство в этнической группе становится важной категорией личностной социальной идентичности. Расширение субъектом своей личности и освоение широкого социального пространства, которое он, будучи удовлетворенным и самодостаточным, не желает заполнять, – еще одна характерная особенность состояния психической инфляции. В этом случае индивид начинает присваивать себе «...содержание и качества, которые существуют строго говоря только сами для себя и должны, следовательно, оставаться за нашими пределами» (Jung, 1977а, р. 140). В результате происходит изменение иерархии уровней в структуре социальной идентичности, а именно – повышение значимости групповых идентичностей по сравнению с личностной.

Падению потенциала «Я» способствуют аномия, неопределенность, хаос в обществе. Множество слабых и неуверенных в себе «Я» начинают искать сильное «Мы». В кризисные общественные периоды в поисках опоры и устойчивости личность стремится поточнее определить социальные и психологические границы своего существования. Она выходит за пределы своего «Я», отождествляя себя с какой-либо общностью или группой. Через расширение индивидуальных границ в новой идентичности личность ищет успокоение и устойчивость. И если общество оказывается бессильным, уверенность людям дает этническая группа (Hobsbawm, 1992). В поликультурном обществе в кризисные периоды его развития именно этничность является главным инструментом, посредством которого группе удастся очертить наиболее заметные и надежные этнические границы.

Этничность в структуре социальной идентичности

С.Московичи была предложена гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы, как специфической категориальной системы знаний субъекта. Основу идентификационной матрицы человека составляют множество принадлежностей или идентичностей: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и др. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей (Moscovici, 1984). Это означает определенный взгляд на мир, определенный угол зрения. Поэтому та идентичность, которая становится ведущей в данный момент времени, организует свою иерархию и свой порядок. Она имеет свой актив и свои запасники, свои фигуры и свой фон. Именно она определяет значимые параметры сравнения собственной группы с другими группами (Rosch, 1978).

Какое место занимала этническая идентичность в структурах групповых «ЯТ-образов» народов России в первой половине 1990-х гг.? И как изменение ее статуса взаимосвязано с ростом межэтнической напряженности?

На основе данных, полученных с помощью известного теста М.Куна и Т.Макпартленда «Кто Я?» (Bums, 1979), исследовалась представленность категории «национальность» в идентификационных матрицах различных этнических групп. Поскольку в нашем исследовании этот методический прием использовался в массовом этносоциологическом опросе, мы работали с его модифицированным

вариантом. Респондентам предлагалось дать пять ответов на вопрос «Кто Я?». В устной инструкции интервьюер просил по возможности назвать наиболее важные для респондента характеристики.

Полученная в результате опроса вся совокупность свободных (т.е. не навязанных опросным листом) самохарактеристик у титульного и русского населения республик была подвергнута контент-анализу. Он проводился с целью определения в идентификационных матрицах приоритетных категорий, которые задают основное направление в процессах межличностного и межгруппового сравнения.

Собирательный «ЯТ-образ» этнической группы анализировался на основе обобщения личностных «Я». Известно, что групповое самосознание не является механической суммой индивидуальных сознаний. Поэтому подчеркнем, что групповой «Я-образ» – это не всеобъемлющая характеристика группового самосознания, а его наиболее очевидная и центральная часть. В нашем представлении – это совокупность идентичностей.

При контент-анализе идентификационных матриц, все ответы по каждой этнической группе были отнесены к объективным или субъективным характеристикам (Kuhn, McPartland, 1954). В число объективных входили характеристики, связанные с социальным статусом, с семейными ролями, с полом и т.д., то есть с группами людей, к которым либо нельзя не принадлежать, существуя в обществе, либо принято принадлежать. Они были разделены на базовые (общечеловеческая, семейная, половая, возрастная, профессиональная принадлежности) и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная) категории. Тесная взаимосвязанность религиозных, политических и национальных процессов в условиях межэтнической напряженности оправдывает объединение таких категорий на уровне массового сознания в единую группу.

Отдельно были выделены специфические объективные характеристики, которые в России за последнее десятилетие дополнили число групповых категорий, например, беженец, безработный, бомж. Они оказались особенно актуальны для вынужденных мигрантов. Среди постоянных жителей республик такого типа самоидентификаций оказалось не более 1%.

В число субъективных характеристик вошли самоидентификации, которые явились результатами особых жизненных обстоятельств, личностными признаками, позитивными и негативными самооценками (работяга, труженик, интернационалист, неудачник, счастливый, творец и т.д.). Данные по основным объективным и субъективным характеристикам представлены в табл. 1.

Таблица 1

Групповые идентификационные матрицы (отношение общего числа самохарактеристик к общему числу самохарактеристик представителей этнической группы, %)

Категории	Республики								Лидеры и активисты национальных движений	
	Тува		Татарстан		Саха (Якутия)		Сев Осетия-Алания		«Хостуг Тыва»	«Стыр Ныхас»
	тув	рус	тат	рус	якуты	рус	осет	рус	тув	осет
1 Объективные характеристики										
Категории частной жизни (базовые)										
Человек	14,6	9,5	8,9	8,6	6,5	7,8	6,9	6,4	15,2	4,7
Пол	12,4	15,7	10,7	11,6	10,3	13,0	7,1	8,4	11,2	1,9
Возраст	0,8	0,8	0,7	–	1,0	0,3	0,4	0,1	–	–
Семья	36,7	40,6	31,8	34,1	35,9	28,12	36,4	29,8	12,8	22,6
Профессия	7,9	10,1	11,2	11,0	7,6	5,7	6,6	5,0	17,6	12,3
Этнополитические категории										
Национальность	7,9	2,2	9,6	6,4	12,6	10,4	13,9	12,8	20,8	14,2
Религия	0,4	0,5	3,1	2,5	0,6	0,8	4,2	9,5	–	0,9
Субкультура	–	–	–	0,4	–	1,0	0,1	1,0	–	–
Гражданин республики	0,8	0,2	2,5	1,4	4,3	2,8	5,6	8,1	5,6	7,5
Гражданин России	0,2	0,8	0,2	2,7	1,2	5,2	3,3	10,0	–	3,8
Гражданин СССР										1,9
Субъективные характеристики (самооценки и самопредставления)										
Идеологические самооценки	5,3	4,4	2,9	2,8	1,6	1,8	2,7	1,5	4,8	18,5
Позитивные и негативные самооценки и ролевые характеристики	8,4	7,6	12,3	12,5	10,7	13,1	8,5	4,2	3,2	11,7
Другие	4,6	7,6	6,1	6	7,7	9,8	4,7	3,2	8,8	–

Анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных связей и отношений показывает, что число объективных характеристик обычно преобладает над субъективными. В целом по нашей выборке объективные характеристики составили свыше 85% от всего числа самоидентификаций. Люди, уподобляясь окружающему миру (совокупности внешних объектов, психологических образов или идей) и отчуждаясь в значительной степени от самих себя в его пользу, в то же время лучше адаптируются к нему (Юнг, 1995). Следовательно, самоидентификации, составляющие личностные «Я», в подавляющем большинстве отражают занимаемые нашими респондентами объективные жизненные позиции.

Становление у народов России новых идентичностей сопряжено с изменениями их внутренней иерархической структуры. Контент-анализ показал, что в категориальной системе идентификационных

матриц освободилось главное место – исчезла стержневая еще 10–15 лет назад собирательная категория «советский человек». Осознание себя советским человеком («суперэтническая категория», «социально-антропологический тип») предполагало в первую очередь государственное самоопределение и «сглаживало» значимость этнической принадлежности. Снижение статуса категории «советский человек» уже определилось в конце 1980-х гг. По данным опроса ВЦИОМ, удельный вес «советского человека» среди самохарактеристик русских России составлял 30%, а среди жителей столиц – 38% (Советский простой человек, 1993). В противоречивой ситуации одновременного становления российской гражданственности и стремления народов России к государственной самостоятельности казалось естественным предположить, что в самосознании титульных народов республик среди этнополитических категорий должна доминировать республиканская гражданская принадлежность, а в самосознании русских в первую очередь общероссийская, и во вторую – республиканская. Но реальная картина не соответствовала такой простой и вроде бы очевидной схеме.

Какая же категория заняла основное «идеологическое» место в групповых «Я-образах»? По нашим данным, это место безусловно досталось этнической принадлежности. В целом по представленности она – четвертая после семейной, профессиональной и половой принадлежности в групповых «Я-образах» татар, осетин, Саха и русских Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании. У тувинцев и русских Тувы и Татарстана этнической принадлежности досталось пятое место – в их «И-образах» вперед «пропущена» еще категория «человек».

В структуре «И-образов» религия выступает как фактор, поддерживающий этничность и тесно с ней связанный. Несмотря на широкий интерес к религии у народов России, религиозная принадлежность оказалась неактуальной статусной характеристикой. И все же значимость религии для татар и осетин безусловна. Это подтверждается субъективными оценками уровня религиозности этих народов – около 70% их представителей назвали себя верующими. В Северной Осетии-Алании православие большинства осетин, которые опасаются остаться в одиночестве среди мусульманских республик Северного Кавказа, сочетается с православием русских. В Татарстане православие русских взаимодействует с другой конфессией – с евроисламом большинства татар. Та степень актуальности, которой обладают религиозные компоненты в «И-образах» татар и русских, невысока, но обострение этнополитической ситуации может «ввести» их в число конфликтогенных факторов. Это подтверждает мнение о наличии некоторых предпосылок для развития напряженности в межконфессиональных отношениях в Татарстане (Мусина, 1995).

В наименьшей степени осознание религиозной принадлежности выражено в Туве. Это результат многолетней и активной борьбы против буддизма политического руководства Тувинской Народной Республики в 1920–1930-х гг., а начиная с 1944 г. – советской власти. В течение нескольких последующих лет после присоединения Тувы к СССР в республике были ликвидированы последние буддистские монастыри (Монгуш, 1992). Несмотря на отмечаемую исследователями в 1992–1996 гг. высокую религиозную активность титульного населения Тувы (Анайбан, 1995), религиозная принадлежность в силу инерционности массового сознания еще не стала значимым компонентом собирательного «И-образа» тувинца.

Доминирование в идентификационных матрицах категорий частной жизни отражает не только озабоченность людей повседневными проблемами. Напомним, что анализируемые данные получены в середине 1994 г. Это время В.А.Ядов обозначил как период восстановления идентификационных побуждений, связанный с началом формирования нового политического и социального пространства после октября 1993 г. (Ядов, 1995). Люди как бы «приблизились» к себе, их активность соотносится преимущественно с ближайшими целями. Обобщенную формулу этого целеполагания на уровне массового сознания А.Г.Здравомыслов обозначает как выживание (Здравомыслов, 1995). У людей появились проблески надежды на стабильность, они стремились адаптироваться к новой ситуации, и интересы большинства населения естественным образом все больше актуализировались в сфере повседневных материальных забот.

ЭТНИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

От 30 до 40% респондентов в тех республиках России, где проводились наши исследования, подчеркнули для себя значимость семейной ролевой и статусной принадлежности. Но проблемы дезадаптации личности и ее включенности в новые общественные отношения невозможно решить только через семью. Главной этнополитической категорией, которая взяла на себя основную нагрузку в республиках оказалась этническая принадлежность.

А что же с гражданственностью и как она соотносится с этничностью? При сопоставлении уровней представленности категории «национальность» и категории «гражданство» (в данном случае имеется в виду как общероссийское, так и республиканское гражданство) выявилось существенное доминирование первого над вторым. Особенно в идентификационных матрицах титульных народов. Например, в «И-образах» осетин, Саха, татар и тувинцев доля «национальности» от всего количества самоидентификаций составила соответственно седьмую, восьмую, десятую и тринадцатую части. Среди русских значимость этой категории повысилась прямо пропорционально ее росту у титульных народов. В то же время гражданская принадлежность (и российская, и республиканская) в структуре социальной идентичности составила одиннадцатую часть у осетин, восемнадцатую – у Саха, тридцать седьмую – у татар и сотую – у тувинцев. Сравнивая эти данные, вряд ли можно категорично утверждать о гипертрофии этнического компонента, но существование кризиса гражданской идентичности можно констатировать.

Высказанные предположения требуют дополнительной аргументации и конкретизации. Поэтому мы отдельно проанализировали характеристики, которые отнесли к разряду этнополитических (см. табл. 2).

Во всех групповых «Я-образах», за исключением «JT-образа» русских Северной Осетии-Алании, ни одна из рассматриваемых этнополитических категорий, включая и гражданственность, не может выступить в качестве устойчивой оппозиции этничности. Если респонденты включали «национальность» в перечень значимых самохарактеристик, то она, как правило, занимала первые позиции. Например, в Северной Осетии-Алании четвертая часть всех респондентов начинала перечень своих самоидентификаций с национальности. Татары, тувинцы и Саха гораздо чаще ставили национальность на первое место, чем русские этих республик. У титульных народов республиканская принадлежность хотя и доминирует над российской, но не в такой степени, как это можно было бы ожидать. В середине 1990-х гг. свою общероссийскую гражданскую принадлежность по сравнению с татарами и, тем более, тувинцами чаще упоминают осетины, следом за ними – Саха

Таблица 2 Этнополитические категории в групповых «Я-образах»
(по отношению к общему числу опрошенных, %)

Категория	Тува		Татарстан		Саха (Якутия)		Сев Осетия-Алания	
	тув.	рус.	тат	рус.	якуты	рус.	осет.	рус.
Национальность	32,0	16,1	41,2	24,6	46,8	31,4	66,7	63,1
Субкультура	–	–	1,3	0,9	0,3	0,3	–	4,8
Религия	0,5	1,1	14,7	6,7	0,9	6,1	16,5	50,2
Гражданин республики	4,4	---	8,5	5,5	18,2	9,8	28,2	40,1
Гражданин России	1,1	2,0	1,9	6,9	7,2	4,1	13,1	52,6

Групповой «Я-образ» русских Северной Осетии-Алании по выраженности этнополитических категорий резко контрастировал с групповыми идентификационными матрицами всех других этнических групп (об этом подробнее см. раздел III, глава 15). У населения этой самой напряженной из исследуемых нами республик была повышена значимость и этнической, и религиозной, и республиканской принадлежности.

У русских других республик гражданское сознание не только расщеплено, но и «погашено». Например, русские Татарстана и Тувы не акцентировали свою российскую принадлежность, но и не спешили особо выделить республиканскую. А для русских, проживающих в Саха (Якутии), оказалась более значимой республиканская гражданственность. Но в любом случае и у русских среди этнополитических характеристик доминировала этничность. Не гражданская, а именно этническая принадлежность выступала для них главной объединяющей категорией с русскими России.

Рассматривая соотношение ответов на вопросы «Кто Я?» и «Кем Вы себя больше чувствуете – гражданином республики или гражданином Российской Федерации?», мы имели возможность проанализировать идентификационные связи между категориями «национальность» и «гражданство» в самосознании различных этнических групп.

В групповых образах титульных народов доминировало соотношение «национальность – гражданин республики». В наибольшей степени эта связь была выражена в самосознании осетин. На втором месте в самосознании всех титульных народов – соотношение «национальность – гражданин и республики, и России». Силу этой связки можно рассматривать как индикатор психологических возможностей для адаптации сознания на новом качественном уровне к мысли о едином российском отечестве. Это вопрос формирования нации как «прежде всего сообщества вокруг общей идеи и задачи». Э.Карер д'Анкос, автор известной книги «Рухнувшая империя», в одном из интервью заметила, что «осознать себя как нацию труднее, чем научиться демократии» (Сегодня. 1995. 27 сент.). Слабость соотношения «национальность – гражданин России» показала, что осознание российского национального сообщества еще на начальном пути. Наибольшие психологические возможности для развития этой идентификационной связки среди титульных национальностей обнаружены у осетин. Тем не менее и у них она значительно уступает другим категориальным соотношениям.

Те русские, у которых актуализировано национальное самосознание, естественно чаще осознают себя в большей степени «гражданами России». В Северной Осетии-Алании таких респондентов – 68%. В Саха (Якутии) их число не достигает и половины (45%), в Татарстане – 26%, в Туве – 23%. И все же «русский – гражданин России», как самая сильная идентификационная связка у русских, менее выражена, чем, например, у титульных национальностей связка «национальность – гражданин республики». На втором месте по значимости у русских также, как и у титульных народов, находится идентификационная связка «русский – гражданин и республики, и Российской Федерации». И естественно, слабее соотношение между категориями «русский – гражданин республики» у русских Саха (Якутии), Тувы и Северной Осетии-Алании.

Респонденты титульной национальности, которые считают себя гражданами России, и русские, причисляющие себя к гражданам республики, придают меньше значения этнической принадлежности. В то же время респонденты титульных национальностей, для которых высоко значима этническая принадлежность, меньше осознают себя гражданами России, а такая же категория русских – гражданами республики. Сравнение в групповых образах соотношения категорий «русский – гражданин республики» и «национальность (титульная) – гражданин России» показывает, что у русских больше психологических возможностей адаптации к республиканской гражданственности, чем у титульных народов к российской.

Итак, исследуя структуру групповых «Я-образов» народов России в 1990-х гг., мы обнаружили, что общегражданское сознание расщепилось и даже нивелировалось. Этничность, компенсируя утрату гражданской идентичности и застарелый дефицит политического сознания, вышла на первый план, и в 1990-х гг. заняла место определяющей стратифицирующей категории. А это означает, что с этнической принадлежностью становится тесно связанным и государственное самоопределение. Особенно характерным это оказалось для титульных народов республик. В Северной Осетии-Алании в ситуации затяжной межэтнической напряженности этничность становится в наибольшей степени доминирующей категорией не только для осетин, но и для русских, несмотря на то, что они не являются прямыми участниками конфликта. Это то, что Ю.А.Левада назвал «разгосударствливанием» человека (Левада, 1994). Так на психологическом уровне отражается слабость и неэффективность государства. Очевидно, что государственное самоопределение у титульных народов в России 1990-х гг. невозможно без этничности. Более того, оно формируется через этническую принадлежность, которая реально приобретает ранг этнополитической категории.

Глава 4. Этнические образы и границы межкультурного понимания

Результаты эмпирических исследований показывают, что кристаллизация негативного этнического образа совпадает с осознанием ситуации как конфликтной. Параллельно этому процессу растет непонимание между народами, которое, как писал Гюстав Лебон, «разъединяет народы столь же, сколь и противоположность их интересов» (Лебон, 1995д, с.36). Его корни кроются в том, что межгрупповые отношения определяются в значительной степени скорее «...восприятием действительности, чем самой действительностью» (Петтигрю, 1972, с.142). На этом уровне центральное значение в структуре этнической идентичности приобретают этнические образы в форме межэтнических установочных образований и «культурных размерностей» или групповых психологических универсалий.

Межэтнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки) – социально-перцептивные феномены этнической идентичности. На психологическом уровне именно в них концентрируется межэтническая напряженность. Это преимущественно социальные конструкции, так как значительная часть их содержания «задается» извне. Но по мере того как межэтнические установочные образования становятся достоянием обширных групп людей, они приобретают относительно самостоятельный статус. Регулятивная функция этнических образов определяется инерционностью и специфическими социально-психологическими закономерностями их формирования и функционирования.

Межэтнические установочные образования содержат эмоционально-оценочное отношение к различным этническим группам и характеризуют уровень готовности к соответствующим поведенческим реакциям в межэтническом общении. Близость этих образований к реальному поведению определила их огромную популярность среди психологов и социологов. Кроме того этнические образы выполняют ведущую роль в интерпретации межэтнического взаимодействия. Особое значение они приобретают в неопределенных и конфликтных ситуациях, как наиболее эмоциональных. Исходя из содержания этнических образов, стороны стремятся придать «свой» смысл происходящим событиям, по-своему интерпретируют мотивы и действия другой стороны. Эти интерпретации могут превратиться в серьезные, а иногда и непреодолимые барьеры на пути урегулирования межэтнических разногласий и конфликтов.

В этой главе будут рассмотрены особенности, функции и механизмы действия этнических образов – межэтнических установок, ценностных ориентации и психологических универсалий – в различных ситуациях межэтнической напряженности. Исследуя их в сравнительном аспекте, мы не только определяем тенденции реагирования массового сознания различных социальных слоев на общественные трансформации, но и раскрываем психологическую основу дезинтеграционных процессов в обществе.

Межэтнические установки: стереотипы, предубеждения, предрассудки

Среди межэтнических установок ключевое место занимает этнический стереотип. Объектом повышенного внимания со стороны исследователей стереотипы являются с 1922 г. – времени выхода в свет известной книги американского журналиста и социолога Уолтера Липпмана «Общественное мнение» (Lippman, 1922). Он ввел их в научный обиход, назвав «картинками в голове». Ментальным картинкам об этнических группах «не повезло» с самого начала. Они интересовали исследователей преимущественно в негативном контексте межэтнических отношений, где главными формами социального взаимодействия были соперничество, конфликт, дискриминация. Поэтому отношение исследователей к этническим стереотипам приобрело главным образом негативный характер. Они практически или отождествлялись с этническими предрассудками, или рассматривались как их когнитивные компоненты.

Еще одна причина такого подхода к этническим стереотипам кроется в них самих. Межэтнические установочные образования

отличаются не критичностью, ограниченностью, а нередко и искаженностью когнитивного содержания. И хотя они, складываясь в процессе социальной перцепции, с ее функцией «репрезентации реальности», должны бы в большей или меньшей степени, но соответствовать действительности, следует признать, что как раз в сфере социального восприятия наиболее поразительны примеры неадекватности категорий. Не случайно большинство исследователей стали рассматривать этнический стереотип как «неверное» отражение, возникающее на основе неточностей, «алогичных мыслительных процессов» (Fishman, 1956), «предвзятости» (Jagoda, 1959), «недостовверных знаний» (Klineberg, 1982), «ригидности» (Simpson, Yinger, 1965; Bogardus, 1950; Adorno, Frenkel-Brunswick, Levinson, Sanford, 1950), «этноцентризма» (Brown, 1965; Levine, Campbell, 1972). Главной темой большинства дискуссий вокруг этнических стереотипов стала проблема их «ложности», «иллюзорного характера». Такой подход определял поиски

«зерна истины» в этнических стереотипах, критериев их обоснованности (Brigham, 1971; Fishman, 1956; Taylor, Aboud, 1973; Vinacke, 1957) и уводил исследователей от реальных проблем.

В последние десятилетия в исследованиях этнических стереотипов стал доминировать «неоценочный» подход. Они стали рассматриваться не как плохие или хорошие, а как естественные и закономерные элементы самосознания. Это определяет необходимость концептуального и эмпирического разведения этнических стереотипов и предрассудков.

В этнических стереотипах, как и в целом в межэтнических установках, важна не истинность или ложность их когнитивного содержания, а убежденность в соответствующем знании и его эмоциональное наполнение (Шихирев, 1973). Сопряженность межэтнических установок с эмоциональной сферой этнического самосознания подчеркивается большинством исследователей. Формируясь в пограничной зоне этнокультурных контактов, межэтнические установки закрепляют эмоционально-оценочное отношение к собственной этнической группе, к другим этническим группам и к их отдельным представителям. Именно поэтому межэтнические установки оказываются «пристрастными» в самом прямом значении этого слова. И именно поэтому для нас главным критерием дифференциации установочных образований является степень их эмоциональной насыщенности, их «позитивности» и «негативности». Уровень аффективной заряженности установок тесно связан с психологическим пониманием «нормы» межэтнического взаимодействия. Как будет показано в следующей главе, ее критерий – позитивная этническая идентичность, которая обязательно предполагает наличие достаточно благоприятных образов других этнических групп при более позитивном образе собственной группы.

Еще одним основанием дифференциации установочных образований является их содержание. Результаты эмпирических исследований этнических установок в контексте позитивных в целом межэтнических отношений показали, что их главной содержательной опорой является традиционная этническая культура (см. раздел III, глава 13). Именно такую межэтническую установку мы определяем как этнический стереотип, а его актуализацию в структуре этнического образа рассматриваем как нормальную составляющую межэтнического общения. Этнические стереотипы – это, в первую очередь, «культурные» образования. Они естественны и неизбежны до тех пор, пока будут существовать народы и этнические группы. Вышесказанное определяет рассмотрение этнического стереотипа по отношению к таким межэтническим установкам как предубеждение и предрассудок в качестве родового понятия.

Формирование предубеждений и предрассудков связано с глубинными изменениями структуры этнических образов. Социальное же их «конструирование» обусловлено в таком случае не столько этнокультурными факторами, сколько современными экономическими, социальными, политическими причинами. Поэтому по сравнению с этническим стереотипом, как более «культурной» установкой, предубеждение и предрассудок – это как бы более «социальная» установка. Их формирование, так же как и обратные трансформации, в значительной степени зависят от конкретной общественно-исторической ситуации. Представляется, что в этом смысле этнический стереотип и этнический предрассудок – производные разного порядка. Их следует рассматривать в качестве регулятивных механизмов различного уровня межэтнической напряженности.

В известной книге Г. Олпорта «Природа предрассудка» представлена шкала, состоящая из пяти ступеней межгрупповой антипатии: вербальная реакция, уклонение, дискриминация, физическое воздействие и истребление (Allport, 1954). Эти ступени можно рассматривать в качестве индикаторов межгрупповой активности на поведенческом уровне. Предубеждение – это социально-перцептивный индикатор начальных форм межэтнической антипатии. Его основа – появление неприязни. Неприязнь – это уже начало бунта, но пока лишь, как говорил Спиноза, бунта души против того, что, как мы знаем или предполагаем, вредно или враждебно нам по своей природе. У неприязни причины размытые, неопределенные. Предубеждение часто репрезентируется на вербальном уровне в форме вербального агрессивного поведения (сплетни, обидные шутки, оскорбления). Но все же это не то установочное образование, которое активно определяет в непосредственной этноконтактной ситуации конкретные негативные поступки по отношению к членам иноэтнических групп. В основном, предубеждение в зависимости от уровня негативного аффективного заряда и типа этноконтактной ситуации, соответствует таким формам поведения как избегание общения или уклонение от межэтнических контактов в определенных сферах жизнедеятельности. С примерами такого поведения мы встречаемся в жизни достаточно часто. Индикаторами предубеждения могут быть устойчивые этнические предпочтения при выборе партнера, начиная с коллеги по работе и кончая выбором супруги (супруга). Иерархия таких этнических предпочтений определяется обычно на основе шкалы Богардуса.

Наличие предубеждений в этническом самосознании – предпосылка и психологическая основа формирования этнического предрассудка. Предубеждение как бы вторично преломляется сквозь призму этноцентризма и это поляризует его пока еще неопределенную структуру, формируя сбалансированную концентрацию негативного аффективного заряда по отношению к внешней этнической группе. В результате предубеждение становится этническим предрассудком, что связано с переходом от предпочтения к осознанию превосходства собственной этнической группы над «чужими». Именно в устойчивости структуры предрассудка кроется причина того, что он плохо поддается изменениям под влиянием рациональной информации. Мониторинговые этносоциологические опросы подтверждают выводы об устойчивости структуры этнических предрассудков (см. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. №1. С.17–19; 1995. №2. С.22–26). Основой предрассудка становится чрезмерное восхваление достижений и качеств своей нации в сочетании с высокомерным отношением и

неприятно к другим народам. Концентрированный негативный эмоциональный заряд делает предрассудок реальной движущей силой в ситуациях межэтнического общения. Он соответствует поведению, имеющему дискриминирующий характер. Это уже конкретные поступки по ограничению возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы. Массовый характер такого рода поведения на бытовом уровне имеет тенденцию переходить на официальный. Так, в республиках Прибалтики в 1990 г. вводилась практика продажи товаров широкого потребления по документам, удостоверяющим не столько личность, сколько национальность покупателя.

Завуалированное национальное превосходство переходит в открытую форму вражды: в неприятие, презрение, нетерпимость к инонациональному и, следовательно, в его отторжение. В этом случае эквивалентной формой поведения является физическое воздействие, индивидуальное или массовое насилие на межнациональной почве (погромы, линч, геноцид). Опасная близость националистических предрассудков к реальному поведению определяется тем, что для реализации на поведенческом уровне им не нужны серьезные основания, достаточно внешних поводов.

Структура этнического образа

Рассмотрим структуру этнического образа на примере этнического стереотипа. Его основным содержанием являются семантические элементы естественного языка – вербальные значения. Как правило, это общечеловеческие качества, с помощью которых можно описать любого землянина просто лишь в силу его человеческой принадлежности. Конечно, вербализация стереотипа вовсе не единственная форма его существования. Этнические стереотипы изучаются не только через традиционные абстрактные характеристики, но и на основе визуальных, поведенческих или цветовых ассоциаций {Simpson, Yinger, 1965}. Исследования этнических стереотипов осуществляются на различных лингвистических уровнях: фонетическом, синтаксическом, семантическом, дискурсивном, идиоматическом (Lukens, 1979).

Для изучения межэтнических отношений наиболее оптимален традиционный в исследованиях социальных установок лингво-се-мантический уровень. В этом ракурсе этнический стереотип – обобщенная система вербальных признаков, имеющих свою устойчивую структуру. Исследователи, которые пытаются через признаки, характеристики или качества эмпирически выявить этнические стереотипы, убеждаются в невозможности их адекватной интерпретации на уровне отдельных этнофолизов или соответствующих выражений естественного языка.

Этнический стереотип составляет ту часть системы психологических знаний о мире, которая отражает различия между народами. На основе дихотомии «Мы–Они» в его структуре выделяются два основных компонента. Это автостереотип – совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы и гетеростереотип – совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах. Подчеркнем, что автостереотип и гетеростереотип – не автономные единицы, а структурные взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания.

Классическая альтернатива «Мы–Они» – обобщенное противопоставление. Этнический стереотип отражает не две, а гораздо больше этнических реальностей. Число различимых гетеростереотипов в структуре этнического стереотипа зависит как от истории межэтнических отношений, так и от особенностей непосредственной этноконтактной среды. Количество автостереотипов также варьирует в зависимости от этнокультурной маргинальности™ обладателя стереотипа.

В контексте межэтнических отношений атрибуции приписываются либо в результате фактического опыта, либо на основе этносоциальной категоризации. Основой формирования стереотипов служат реальные культурные различия, которые могут быть легко восприняты на уровне поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. В повседневной жизни этнокультурные различия представлены достаточно отчетливо: язык, внешний облик, регламентация различных сторон жизни традициями и обычаями, некоторые особенности поведения (см. раздел III, глава 13). Атрибуции (приписываемые признаки), описывающие этнокультурные различия, семантически близки и взаимосвязаны. Они «склеиваются» в оригинальные устойчивые комплексы и составляют ядро как авто-, так и гетеростереотипа. Это прототипическая основа этнического стереотипа. В качестве таковой эти ядра обладают центростремительной силой. Выполняя на когнитивном уровне системообразующую функцию, они организуют специфическое семантическое поле и группируют вокруг себя остальные атрибуции. На основе стереотипных ядер формируются этноин-тегрирующий (автостереотип) и этнодифференцирующий атрибутивные комплексы (гетеростереотипы). В связи с этим мы рассматриваем этнический стереотип как «этнокультурную» часть целостной идентификационной матрицы. В проблемных этноконтактных ситуациях, когда этничность превращается в одну из базовых категорий идентификационной матрицы, этнический стереотип становится доминирующей когнитивно-оценочной системой, организующей процесс социального восприятия. По мнению многих исследователей, одной из основных характеристик стереотипа считается устойчивость. В значительной степени она определяется его собственными механизмами, обеспечивающими, с одной стороны, сохранение стереотипа и ограждение его от противоречивой информации, с другой – накопление потенциала возможных изменений. Помимо разделяемых (общих) атрибуций-представлений этническое самосознание содержит также «выпадающие» характеристики. Именно такие атрибуции, основанные на личностном субъективном опыте, составляют содержание третьего структурного компонента этнического стереотипа – «контрстереотипа». Если содержание автостереотипа и гетеростереотипов можно рассматривать как концентрацию опыта межгрупповых отношений (культурную, идеологическую и историческую проекции), то контрстереотип – это личностная

проекция на межгрупповые отношения, отражающая противоречащие усвоенному групповому опыту частные модели этнических ситуаций

Итак, в структуре этнического стереотипа есть группа атрибуций, которые приписываются не этнической группе в целом, а ее отдельным «не-типичным» представителям. На уровне обыденного сознания эти атрибуции интегрируются в «контрстереотип» на основе принципа «исключение из правил». Он оттеняет автостереотип и гетеростереотипы и как бы подтверждает их достоверность. Контрстереотип служит резервуаром для «не-типичных» случаев, которые накапливаются до определенного предела, не нарушая баланса двух главных структурных компонентов. Большие компенсаторные возможности «контрстереотипа» особенно выражены в таких внутренне сбалансированных образованиях как стереотип и предрассудок. На наш взгляд, это «внутреннее» объяснение удивительной устойчивости этих образований.

В то же время именно в контрстереотипе, который «включается» на личностном уровне, заложена возможность изменения межэтнической установки в целом. Атрибуции, составляющие эту структуру, всегда конкретнее и разнообразнее, чем атрибуции автостереотипа и гетеростереотипа. По мере количественного накопления нестереотипных признаков и роста аффективного заряда, контрстереотип достигает критического уровня и способен повлиять на качественное перерождение всего установочного образования. Нарушения структурного баланса межэтнической установки определяют векторы ее трансформаций, например, от стереотипа через предубеждение к предрассудку. Структура предубеждения как промежуточной формы существования межэтнической установки является неустойчивой именно в связи с увеличением удельного веса контрстереотипа. В этом случае он выступает уже не просто в роли «абсорбента» исключений, а в силу своей возрастающей когнитивно-эмоциональной значимости влияет на всю структуру стереотипа.

Рассмотрим атрибуции, составляющие содержание этнического стереотипа, с точки зрения адекватности отражения ими фактического поведения. По сравнению с этнокультурными атрибуциями, составляющими ядро стереотипа и имеющими отчетливые поведенческие эквиваленты, общечеловеческие атрибуции в автостереотипах и гетеростереотипах менее адекватно описывают возможное поведение представителей собственной и других этнических групп. Тем не менее среди этих атрибуций можно также выделить группу отчетливых поведенческих референтов. Это именно те характеристики, которые легко наблюдаются: музыкальный, неряшливый, грубый и др. Поведение, описываемое ими, достаточно однозначно. По гипотезе М.Ротбарта и О.Джона, именно такие характеристики наиболее легко изменяются в результате столкновения с противоречивой информацией (Rothbart, John, 1985).

Но в повседневной жизни часто встречаются ситуации, когда поведение участников истолковывается самым различным образом. Его интерпретация определяется эмоционально-ценностным отношением и этносоциальным контекстом. Например, одно и то же поведение, в зависимости от того, осуждается оно или одобряется в повседневной практике данной культуры, может описываться семантически близкими, но эмоционально-противоположными вербальными значениями естественного языка. Такие пары атрибуций – аффективно противоположные, но практически тождественные по смыслу, составляют большую группу общечеловеческих признаков в структуре самосознания. Эти пары мы называем «атрибуциями-оборотнями», а атрибутивный механизм их действия – «эмоциональной инверсией» (от лат. *inversio* – перестановка). В качестве примера пары «атрибуций-оборотней» приведем ситуацию приема гостей, когда в результате одних и тех же действий одну и ту же хозяйку в зависимости от отношения к ней назовут либо «скупой» («жадной»), либо «экономной».

Применительно к этноконтактной ситуации две противоположные по аффективному заряду атрибуции, составляющие «оборотень», рассматриваются в качестве оправдательного и обвинительного вербальных эквивалентов возможного поведения. Причем, оправдательные атрибуции чаще приписываются собственной этнической группе. Соответственно в контексте межэтнических отношений автостереотип носит главным образом «оправдательный» характер, а гетеростереотип – «обвинительный». Если субъект сталкивается с информацией, не подтверждающей позитивное отношение, то «оправдательная» часть «оборотня» может мгновенно замениться «обвинительным» негативным эквивалентом – и тогда гордый превращается в высокомерного, осторожный – в трусливого, дипломатичный – в лицемерного, остроумный – в ехидного и т. д.

В противоположном фокусе восприятия эти негативные атрибуции в свою очередь могут заменяться «оправдательными» позитивными эквивалентами. Однако этот процесс протекает значительно медленнее. М.Ротбарт и О.Джон обнаружили высокую корреляцию между знаком характеристики и числом примеров, требующихся для ее подтверждения или неподтверждения. Оказалось, что чем более неблагоприятна характеристика, тем меньше аргументов необходимо для ее подтверждения и больше для того, чтобы ее улучшить или изменить (Rothbart, John, 1985, с.85). Таким образом, позитивные «оправдательные» атрибуции труднее приобрести, но легко потерять. В то же время негативные «обвинительные» атрибуции, однажды актуализированные как часть стереотипа, поменять гораздо труднее, так как необходимо множество доказательств для подтверждения их несоответствия данному объекту.

На основе отбора наиболее типичных для большинства культур пар «атрибуций-оборотней», смысловые значения которых расцениваются как достаточно близкие, а аффективные – как противоположные по знаку, нами был создан Диагностический тест отношения (ДТО), цель которого – измерение эмоционально-оценочного компонента стереотипа (Кцова, 1985б) (см. раздел II, глава 9).

Хотя атрибуции, составляющие автостереотип, большей частью положительны, это не означает, что позитивные качества «оборотней» приходятся строго на автостереотип, а негативные входят только в

гетеростереотип. «Оборотень» – един, позитивное и негативное в нем «склеено». Он существует и в автостереотипе, и в гетеростереотипе – просто один из его полюсов находится в латентном состоянии. Например, актуализация негативного полюса «оборотня» в гетеростереотипе «гасит» позитивные атрибуты.

Именно на уровне «атрибуций-оборотней», которые группируются вокруг стереотипного ядра, происходят изменения этнического стереотипа. Смена эмоционального полюса и перевертывание «оборотня» на основе механизма эмоциональной инверсии может произойти, на первый взгляд, за достаточно короткий срок. Например, в одном из исследований автора через два месяца совместной деятельности в строительном отряде студенты в два раза реже стали выбирать негативный полюс в парах качеств ДТО при оценке другой этнической группы. Межэтнические установочные образования в форме слабо выраженных и неустойчивых предубеждений при позитивных обстоятельствах легко трансформировались в более устойчивую структуру – позитивный этнический стереотип. Такие трансформации произошли не за два месяца, а уже были подготовлены на уровне структуры этнического образа через усиление позитивного компонента контрстереотипа.

Автостереотипы, гетеростереотипы и межкультурное понимание

При использовании результатов исследования межэтнических установок в практике урегулирования отношений между народами важно понять разницу между элементами их структуры. В первую очередь здесь имеются в виду автостереотипы и гетеростереотипы. Между ними существуют следующие различия.

Во-первых, гетеростереотипы по содержанию более «гомогенны и монолитны» (Rothbart, Dawes, Park, 1984), а автостереотипы более разнообразны и комплексны (см. также раздел III, глава 13). Эта разница определяется дефицитом информации в первом случае и детализированным знанием во втором. Поэтому, как правило, поведение на выходе в межгрупповом контексте имеет меньше степеней свободы, чем внутригрупповое поведение. Кроме того, автостереотипы более неоднородны в том смысле, что почти всегда включают в себя относительно самостоятельные внутриэтнические прообразы. Известны ташкентские, бухарские, кашкадарьинские, намаганские и другие узбеки, казахи Большого, Среднего и Малого жузов; осетины Южной Осетии и осетины-иронцы и дигорцы, проживающие в Северной Осетии. Такое перечисление может быть продолжено практически для каждого народа. Внутриэтническое деление – результат истории и имеет свои объективные основания (языковые диалекты, территориальные, религиозные, этнокультурные и др.). В гетеростереотипах оно более поверхностно.

Во-вторых, если групповые автостереотипы в большинстве случаев монотонно позитивны, то гетеростереотипы имеют гораздо более широкий эмоциональный диапазон. Если отношение к собственной группе, как правило, колеблется в рамках приязни, то отношение к другим этническим группам может варьировать от почитания до ненависти.

Стереотип – это результат одновременно и проекции, и реальных различий (Levine, Campbell, 1972). Но гетеростереотип все же более проективен. В этом мы видим третье отличие автостереотипа от гетеростереотипа. Другими словами, в автостереотип попадают, главным образом, признаки «культурно одобряемые», в то время как гетеростереотип служит резервуаром для отрицательных качеств, нежелательных в собственной культуре и поэтому отчуждаемых (Levine, Campbell, 1972, с. 154). Но не только то, что «неприятно и болезненно воспринимается у себя, усиливается у других», но и то, что «ценится у себя, приумножается у других». Делая такой вывод на основе результатов социологических исследований, Л.Гудков приходит к выводу о психоаналитической природе отношений между автостереотипом и гетеростереотипом. Он отмечает, что на индивидуальном уровне эти механизмы не осознаются, а действуют коллективные механизмы разрядки и проекции в психоаналитическом смысле (Советский простой человек, 1993).

Сам этнический стереотип внутренне диалогичен. Его основные структурные компоненты – автостереотипы и гетеростереотипы, взаимодействуя, достигают определенного уровня сбалансированности. Именно в силу свойственной ему диалогичности этнический стереотип в этноконтактной ситуации рассматривается как основа процесса активизации межкультурного взаимопонимания.

Различия между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Это очень важное измерение, так как чем больше степень этой тождественности, тем меньше возможностей роста этнической нетерпимости.

В сравнительном исследовании титульного и русского населения в четырех республиках Российской Федерации (Туве, Татарстане, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании) мы попытались выявить не специфические и уникальные образы этнических групп, а на уровне их структурных компонентов – автостереотипов и гетеростереотипов – существующие между народами общие семантические зоны понимания и зоны непонимания. Если общие семантические зоны – основа позитивного межэтнического взаимодействия, то семантические различия по мере их увеличения могут оказаться серьезными психологическими барьерами при развитии контактов между народами и основой нетерпимости и гиперэтничности. Зоны семантического сходства и различий очерчивают контуры психологических границ между этническими группами, а широта этих зон характеризует их проницаемость. Чем обширнее семантическая зона понимания, тем реалистичнее оценка межэтнических отношений, больше возможностей для предотвращения дезинтеграционных тенденций и меньше психологических оснований для роста этноцентризма.

Уточним наши представления об автостереотипах и гетеростереотипах в контексте используемых нами методических приемов, так как они не могут не влиять на содержание этих образований. Исследование этнических стереотипов на основе методик типа семантического дифференциала (Диагностический тест отношения и «Культурно-ценностный дифференциал») – это проекция на межэтнические отношения. Поэтому автостереотип есть образ собственной этнической группы для других. Респонденты, оценивая свою этническую группу, как бы представляют ее для других групп, но так, как им хотелось бы, чтобы она воспринималась. В соответствии с групповой ориентацией на развитие межэтнических отношений этот образ может быть не только миролюбивым, но и угрожающим и агрессивным или, наоборот, угодливым.

Гетеростереотип – образ другой этнической группы, построенный в соответствии с ожиданиями, связанными с этой группой. Это также один из способов демонстрации своего отношения. Он может быть и упреком и похвалой, а может быть и совершенно нейтральным. Итак, гетеростереотипы и автостереотипы, измеряемые на основе наших методик – это «демонстративные» образы этнических групп преимущественно для «внешнего» пользования. Контуры психологических границ между этническими группами можно определить эмпирически на основе четырех вариантов сопоставления автостереотипов и гетеростереотипов.

1. Совпадение по схеме А,+Г2. Оно предполагает сравнение представлений о собственной этнической группе (А, – автостереотип 1) с представлениями других о ней (Г2 – гетеростереотип 2). Эту меру согласованности Г.Олпорт называл критерием истинности стереотипа {Allport, 1954}. Он исходил из того, что чем больше совпадают два различных мнения об одном и том же объекте, тем они ближе к истине. Сходство между двумя разными представлениями Р.Левайн и Д.Кэмпбелл обозначали как реальный компонент этнического образа (Levine, Campbell, 1972). Если автостереотип – это «наш образ для других», а гетеростереотип – «образ других для нас», то совпадения семантических структур этих образований отражают степень межкультурного взаимопонимания и взаимную проницаемость психологических границ. Количественное выражение степени такого тождества обозначается как показатель адекватности.

2 Совпадение по схеме А^Г,. Здесь предполагается сравнение Мы-образа этнической группы (А, – автостереотип 1) с ее же представлениями о другой этнической группе (Г1 – гетеростереотип 1) (например, в нашем исследовании у титульного народа о русских, у русских – о титульном). Тенденцию гетеростереотипа группы походить на ее же автостереотип Р.Левайн и Д.Кэмпбелл (там же) интерпретировали как проективный элемент в гетеростереотипе. Тождественность этих образований является отражением близости групп в семантическом пространстве одной группы, но в силу проективного характера предполагаемой тождественности близость в определенной степени воображаемая. Показатель близости между этническими группами рассматривается как субъективная психологическая дистанция.

3. Совпадение по схеме А^Аj. Это сопоставление представлений разных народов о самих себе, предполагающее анализ содержательных и оценочных совпадений не внутри семантического поля одной этнической группы, а в межгрупповом семантическом пространстве. Показатель такого сходства рассматривается как внешний по отношению к этническим группам и назван нами объективной психологической дистанцией. Это один из индексов, фиксирующих степень культурной отличительности. Он отражает глубину психологической разделенности народов или наоборот, степень их общности. Чем выше этот показатель, тем больше общности между народами.

4. Совпадение по схеме Г,+Г2. Тождественность между представлениями разных этнических групп друг о друге (между гетеростереотипами) отражает уровень соответствия их взаимных ожиданий.

Содержательные совпадения (на основе совокупности атрибуций) между структурными компонентами межэтнической установки обозначаются как семантические зоны сходства между этническими группами. Они являются когнитивно-эмоциональной основой для развития взаимопонимания между народами. В нашем исследовании мы рассматривали центральное ядро таких зон, которое определялось по критерию высокой внутригрупповой согласованности. Это ядро составили качества, которые более 70% респондентов оценили как наиболее характерные («выражено средне» и «выражено сильно») для данной этнической группы.

Количественные показатели четырех видов совпадений между автостереотипами и гетеростереотипами представлены в табл. 3 (способы подсчета показателей см. раздел II, глава 9)

Актуализация этнического стереотипа в этноконтактной ситуации предполагает в первую очередь формирование представлений об особенностях «внешних» этнических групп. И это начальный

Таблица 3

Тождественность автостереотипов и гетеростереотипов у титульного и русского населения в республиках России*

Республика	Показатель адекватности		Показатель близости		Показатель психологической дистанции	Показатель совпадения взаимных ожиданий
	А1+Г2		А1+Г1			
	титульные	русские	титульные	русские	А1+А2	Г1+Г2
Татарстан	0,46	0,62	0,71	0,54		
Саха (Якутия)	0,45	0,62	0,67	0,51	0,55	0,25
Тува	0,47	0,56	0,59	0,44	0,27	0,40
Сев Осетия-Алания	0,40	0,59	0,56	0,56	0,62	0,48

Различия между показателями считаются значимыми, если они больше случайной погрешности, которая имеет значение 4–5% в соответствии с нашим объемом выборки.

акт в сфере межкультурного понимания или непонимания. Крупнейший русский историк В.О.Ключевский в своих записных книжках в 1892 г. писал о двух видах непонимания: «Одни еще не разглядели того, что есть в вещах, другие уже успели усмотреть и ■ то, чего в них нет. Это последнее непонимание безнадежнее первого и неисправимее» (Ключевский, 1993, с.34). Неадекватность межэтнического восприятия чаще соответствует второму типу непонимания.

Приведенные выше показатели позволяют сделать вывод, что титульные народы чувствуют себя психологически более близкими с русскими, но хуже их понимают, так как менее адекватны в их оценке. Рост неадекватности связан с усилением внутригрупповых предпочтений («ингрупповой фаворитизм») и готовности к дискриминации по отношению к другим группам. Поэтому на психологическом уровне в республиках России мы видим больше возможностей для роста «титульного» национализма, чем русского.

Величина психологической дистанции, как защитного механизма, определяется, в частности, состоянием объективных показателей этнической общности. Современная политическая ситуация в республиках и установки на национальное возрождение как бы позволяют титульным народам быть менее объективными в понимании нужд и особенностей русских. В то же время психологическая близость титульных народов с русскими – результат укреплявшейся в течение многих десятилетий установки у народов России на принятие русской культуры, отражение представлений титульных народов о совместимости их культуры с русской культурой и их желания видеть русских жителями своей республики.

Причем, чем больше понимания со своей стороны проявляют русские, тем менее дистанцированы от них титульные народы, как, например, в Татарстане. Именно в этой республике, где в период нашего исследования был самый низкий уровень межэтнической напряженности, общая семантическая зона между татарами и русскими оказалась самой обширной. Совпадающие характеристики показывают, что группы воспринимают друг друга активными, сплоченными и контактными. Адекватность восприятия русскими и татарами друг друга выражается в том, что русские, согласно автостереотипу татар, воспринимают их как уважающих власть, осторожных и дисциплинированных граждан. А татары в соответствии с автостереотипом русских адекватно оценивают их как открытых, склонных к риску и устремленных в будущее.

Несмотря на высокие показатели близости, общая семантическая зона для Саха и русских оказалась невелика, однако составляющие ее два качества: миролюбие и сердечность, говорят о главном – возможности комфортных межличностных взаимоотношений между этими народами. Русские адекватно с точки зрения представлений Саха о самих себе видят их этническую группу как осторожную и уважающую власть. В то же время, демонстрируемый русскими Мы-образ адекватно воспринимается Саха, оценивающими русских как сплоченную, активную, малопредсказуемую и конкурирующую группу.

Восприятие русскими титульных народов приближено к представлениям последних о самих себе. Большее понимание титульных народов со стороны русских в определенном смысле можно рассматривать как вынужденное. Объективная ситуация ставит русских в такие условия, когда им приходится в целях адаптации стремиться к пониманию интересов титульных народов. В наибольшей степени это стремление выражено у русских Татарстана и Саха (Якутии). Увеличение субъективной психологической дистанции русских с титульными народами выражается также в росте дифференциации между Мы-образом русских и их представлениями о титульных народах. Особенно остро осознают такие различия русские в Туве и Саха (Якутии). Но похоже, что стремление русских продемонстрировать понимание титульных народов сочетается с

увеличением психологической дистанции™ с ними. Это отражает скрытые опасения русских за свою судьбу. Вероятно, это также психологическая реакция на дефицит культурной отличительности. Рост величины психологической дистанции у русских – одно из свидетельств общей активизации их защитных механизмов как на уровне личности, так и на уровне группы.

Осетино-ингушский конфликт в республике Северная Осетия-Алания сказался на адекватности восприятия осетинами также и русских, занимавших, в основном, нейтральную позицию в ингушко-осетинском конфликте. Причем при сравнении показателей осетин с показателями татар, Саха и тувинцев оказалось, что у осетин, помимо снижения адекватности восприятия русских, увеличилась также и дистанцированность от них. Эти данные говорят о том, что в условиях роста межэтнической напряженности снижается проницаемость этнических границ на психологическом уровне.

Что касается психологической дистанции между титульными народами и русским населением республик, то здесь нет однозначности. Например, автостереотип осетин, несмотря на сниженные показатели адекватности и межкультурной близости, в наибольшей степени совпадает с автостереотипом русских Северной Осетии-Алании. Реальная близость самопредставлений осетин и русских сочетается со стремлением осетин найти союзников в конфликте и солидаризироваться с группами, в нем не участвующими. Осетины солидаризируются с русскими в первую очередь благодаря относительно благополучным историческим взаимоотношениям с казаками как русскими старожилками Северного Кавказа. Кроме того, во время вооруженной фазы осетино-ингушского конфликта часть русского населения (казачество) поддержала осетинскую сторону реальными действиями. В более широком контексте это также отражение общей позитивной ориентации осетинского населения республики на прочные связи с Россией.

У русских сближение с осетинами определяется стремлением сохранить прежние добрые отношения и вполне устраивающую в прошлом социальную нишу в республике. То, что эти стремления обоюдны, подтверждается еще одним показателем – наибольшей согласованностью взаимных ожиданий между осетинами и русскими Северной Осетии-Алании (см. показатель взаимных ожиданий Г, +Г2 в табл. 3). Кроме того, между осетинами и русскими широкая общая семантическая зона. Ее составляют такие качества как миролюбие, сердечность, самостоятельность, открытость, энергичность и устремленность в будущее. На их основе группы воспринимают друг друга контактными, активными и независимыми.

Обращает на себя внимание величина объективной психологической дистанции (показатель общности) между тувинцами и русскими Тувы. Семантическая зона сходства между представлениями тувинцев и русских, проживающих в этой республике, практически в два раза меньше, чем между народами других республик. Это результат советского периода истории Тувы. После 1944 г., когда Тува присоединилась к России, в республике слишком резко возросло число русских. В подавляющем большинстве это были квалифицированные специалисты, сразу же оказавшиеся в более привилегированном положении по сравнению с коренным населением. Резкий прирост русского населения и происходящий одновременно процесс социального расслоения мало способствовали этнокультурному сближению русских с тувинцами. Таким образом, на психологическом уровне «глубоко разделенным обществом» из всех исследуемых нами республик можно считать только Туву. Это подтверждается также отсутствием общей семантической зоны в этнических образах тувинцев и русских в диапазоне высоко стереотипных характеристик.

На основе сравнения автостереотипов между всеми титульными народами республик, а также между русскими, в них проживающими, была получена картина, отражающая особенности взаиморасположения этих групп населения в межгрупповом семантическом пространстве. Показатели, представленные в табл. 4, помогают понять специфику России как очень большой страны, населенной одновременно очень разными и очень похожими народами.

Таблица 4

Психологическая дистанция между народами России в восприятии титульного и русского населения республик

Республики	Население	
	Титульное	Русское
Татарстан–Сев Осетия	0,48	0,58
Татарстан–Якутия	0,55	0,57
Татарстан–Тыва	0,56	0,60
Сев Осетия–Якутия	0,51	0,54
Сев Осетия–Тыва	0,46	0,56
Якутия–Тыва	0,55	0,63

Первая особенность состоит в том, что русские, проживающие в различных регионах России, оказались психологически достаточно далеки друг от друга. Усредненный показатель психологической дистанции между татарами, осетинами, Саха и тувинцами – 0,52, между русскими разных республик – 0,58. Предполагалось, конечно, что русские будут разными, но не в такой же степени, как, например, осетины и якуты. На психологическую дистанцию оказала свое влияние и региональная близость. Соответственно наиболее схожими оказались представления друг о друге у северных русских – из Саха (Якутии) и Республики Тыва.

Такого рода региональную специфику очень важно учитывать при разработке реабилитации и помощи русским перемещенным лицам из различных концов бывшего СССР. Среди Мы-образов русских отмечены различия. Русские Саха (Якутии) и Татарстана видят себя более сплоченными и считают характерным для своей группы такое качество как взаимовыручка. Русские в Северной Осетии-Алании воспринимают себя как диффузную, но организованную в соответствии с законами республиканской жизни группу. Здесь более 80% русских считали представителей своей группы послушными, уступчивыми, дисциплинированными и уважающими власть людей. Если для русских Северной Осетии-Алании сила стандартов, норм и авторитетов общественной жизни повышена, то в Татарстане, напротив, более 70% русских приписали своей группе такое качество как недоверие к власти. А русские в Саха (Якутии) свой протест против социального контроля выразили в приписывании себе таких качеств как своеволие и соперничество.

Вторая особенность – среди титульных народов наибольшее сходство определилось между автостереотипами татар, Саха и тувинцев. Это не случайная связь. Все эти народы относятся к одной тюркской ветви алтайской языковой семьи. Похоже, что тюркская принадлежность превращается в одну из важных интеграционных основ народов Российской Федерации. Это предположение подкрепляется активными устремлениями тюркских народов установить между собой тесные экономические, политические и культурные связи (Николаев, 1996). Одним из событий, отразившим эти тенденции, стала конференция (февраль, 1996), посвященная 1450-летию первого Тюркского государства (каганата). В ней приняли участие представители более 30 тюркских народов.

Третья особенность – очень психологически близкими оказались титульные народы разных республик. А ведь уже более 10 лет для России характерны центробежные тенденции. Одна из причин активизации этих тенденций – дефицит культурной отличительности, который испытывают и титульные народы, и русские в России.

Общая семантическая зона сходства для всех этнических групп состояла из трех характеристик, превысивших планку 70% внутригрупповой согласованности: миролюбие, сердечность, устремленность в будущее. Совпадение этих качеств во всех автостереотипах как образах «для других» отражает одинаковое видение людьми собственной этнической группы в первую очередь как неагрессивной, настроенной на позитивное эмоциональное взаимодействие и занятой мыслями о своем будущем. Все титульные народы к этим качествам добавляют «уважение к власти». Эту характеристику, подчеркивающую высокую значимость авторитета органов власти для титульных культур республик, отметили более 80% нерусских.

Русские во всех республиках, помимо названных трех характеристик, рассматривали свою группу также как открытую, самостоятельную и энергичную. В контексте межэтнических отношений это отражение их стремления показать, что они не являются балластом для республики и не носят камня за пазухой. Этот набор стереотипных характеристик дополнился в Северной Осетии-Алании и Саха (Якутии) склонностью к риску. Значимость этой характеристики в Мы-образах русских обусловлена их удаленностью от России и связанными с этим опасениями за свою судьбу в ситуации стремления титульных народов республик к самоопределению.

Хотя общих высоко стереотипных характеристик не так уж и много, но они позитивны с точки зрения самодекларации этническими группами их позиции в сфере межгруппового взаимодействия. В такой форме кристаллизуются сегодня на семантическом уровне остатки традиционных представлений о советском человеке. И это совсем неплохое психологическое наследство для урегулирования межэтнических отношений в новой России.

Функции этнического стереотипа

Этнический стереотип как регулятивный элемент этнического самосознания выполняет три главные функции: познавательную, коммуникативную и функцию защиты позитивной этнической идентичности.

Познавательная функция этнического стереотипа широко изучалась на основе когнитивного подхода к исследованию стереотипизации. Эта традиция как научное направление была обозначена еще в ранних работах Г.Олпорта, а в 1970–1980 гг. продолжена как специальная сфера исследования в работах Г.Тежфела и его коллег. На основе когнитивного подхода этнический стереотип изучался как процесс формирования понятий, концептов, обобщений (Hamilton, Gifford, 1976; Rothbart, Fulero, Jensen, Howard, Birrel, 1978; Vinacke, 1957), как процесс категоризации (Allport, 1954; Harding, Proshansky, Kutner, Chein, 1969; Secord, Backman, 1964; Simpson, Yinger, 1965; Tajfel, 1981). В результате определилось, что стереотипы служат для упрощения межэтнической дифференциации и «экономии» восприятия в этноконтактных ситуациях. Срабатывает исторический и личный опыт, что дает возможность оперировать информацией о людях в такой же упрощенной манере, как и о других категориях объектов. Нет ни теоретических, ни эмпирических оснований допускать, что формирование обобщений об этнических группах является радикально отличным от формирования обобщений о других категориях объектов. Стереотипизация в межгрупповом контексте – это такой же результат «короткого замыкания» мыслительного процесса.

Этнический стереотип – не только определенным образом оформленная система информации, он служит также и для целей общения. Формируясь в пограничной зоне культурных контактов на основе систем этнических представлений о воображаемых и действительных чертах собственной и других групп, стереотип психологически закрепляет отношение к собственной этнической группе, отношения между этническими группами и, следовательно, отношение к ее отдельным представителям. Поэтому зона функционирования этнического стереотипа включает помимо познавательной сферы и собственно коммуникативную.

На основе актуализации этнического стереотипа как системы признаков–представлений прогнозируется поведение другой стороны и, в соответствии с прогнозом, устанавливается психологическая коммуникативная дистанция, реально регламентирующая процесс межэтнического общения. Этнический стереотип служит средством рационализации собственных действий и поступков в ситуациях межэтнического общения. На уровне социальной перцепции это выражается в объяснении–оправдании (с позиции интересов собственной группы) отношений между этническими группами, конкретной этноконтактной ситуации или собственного поведения по отношению к членам иноэтнических групп (Hamilton, 1981; Hewstone, Giles, 1986; Tajfel, 1981). Концентрация в предрассудке отрицательного эмоционального заряда обуславливает ту иррациональность, которая характерна для его регулятивных функций в межэтнических отношениях. Некоторые исследователи определяют стереотипы как «вероятностные предсказания поведения» (Levine, Campbell, 1972). В ситуациях межэтнического общения стереотипы не столько инициируют поведение, сколько «служат гидами поведения» (Cauthen, Robinson, Krauss, 1971). Вышесказанное предполагает рассмотрение этнического стереотипа как формирующейся интенции (намерения) совершения некоторого действия в этно-контактной ситуации и, следовательно, как когнитивно-эмоциональную основу регуляции межкультурного коммуникативного поведения.

Третья функция этнического стереотипа – укрепление и защита позитивной этнической идентичности (Tajfel, 1978; Tajfel, 1981). В системе социализации каждой здоровой этнической культуры заложен механизм воспитания у ее представителей не только уважения к иным культурам, но, в первую очередь, чувства предпочтения родовых этнокультурных ценностей. Известно, что у многих народов с раннего детства поощряется формирование более позитивных установок к ценностям собственной культуры. Это не только элементы этнической культуры, но и основополагающие психологические условия сохранения этнической общности как целостного и неповторимого организма. Отражая стремление людей к сохранению

и укреплению позитивной этнокультурной идентичности, этнический стереотип играет важную социальную роль как фактор консолидации и фиксации этнической группы.

Этнические стереотипы – это когнитивные инструменты поддержания оптимальной проницаемости этнических границ. Оптимальность состоит в том, что плотность этнических границ с одной стороны должна быть не меньше, чем это требуется для сохранения группы как самостоятельного и целостного этнокультурного образования. С другой – не больше, чем это необходимо для непрекращающегося взаимодействия и взаимобмена между разными народами. Устойчивость этнических стереотипов свидетельствует о том, что на когнитивном уровне существует определенная константа различий между группами. Унификация культур на технологическом уровне порождает обратные процессы на психологическом. Не случайно отличительность становится одной из важнейших ценностей современного мира. Дефицит культурной отличительности активизирует систему этнического стереотипа.

У каждого человека есть потребность в самоуважении и самоутверждении. Она может быть удовлетворена через его членство в позитивно уважаемой обществом группе. Позитивная этническая идентичность – одна из форм удовлетворения такой потребности. Люди мотивированы оценивать себя позитивно, и как только принадлежность к группе становится значимой для их самоопределения, у них соответственно возникает мотивация повышать престижность своей группы (Tajfel, 1978). В экспериментальных исследованиях Г.Теж-фела и его коллег анализировались условия, которые могли бы способствовать установлению позитивных отличий ингруппы. Помимо индивидуальных стратегий важное значение имеют характеристики самой группы, например, ее легитимности, стабильности, целостности. В условиях роста межэтнической напряженности функция этнических стереотипов по защите позитивной этнической идентичности гипертрофируется. Они трансформируются и делают этнические границы более плотными.

Проявления всех функций этнических стереотипов осуществляются в контексте межэтнических отношений и определяются особенностями сосуществования этнических «большинств» и «меньшинств» в системе «власти–подчинения», распределения социальных благ и природных ресурсов, статусных характеристик этнических групп, целей и условий их взаимодействия и др.

Культурная вариативность и психологические универсалии

Характеризуя три аборигенные американские группы, Рут Бенедикт в своей известной книге «Паттерны культуры» писала, что «эти группы отличаются друг от друга не только тем, что одна черта присутствует у одних и отсутствует у других, или одна и та же черта в двух разных культурах выступает в двух разных формах. Они еще больше различаются тем, что как целостности ориентированы в разных направлениях» (Benedict, 1934). Такую ориентированность культур в социальных науках изучают на основе социокультурных размерностей.

В современной науке социокультурные размерности исследовались в социологии в виде культурно обусловленных дихотомий, в пределах которых колеблется личностный выбор (Parsons, 1962), в социальной психологии в виде систем ценностных ориентации (Kluckhohn, Stmdtbeck, 1961), в кросскультурной психологии – в форме психологических универсалий (Triandis, 1986). Во всех этих концептуальных схемах социокультурные размерности задавали определенный диапазон культурной вариативности и предполагали изучение культурно и социально обусловленных коммуникаций и поведения в отношениях между группами.

Социокультурные размерности, в частности, самые универсальные из них – «индивидуализм–коллективизм» и «маскулинность–феминизм», – это общие социокультурные шкалы и для культуры в целом, и для ее отдельных предшественников. Любой культуре или группе отыщется место в пределах таких шкал. Социокультурная шкала на операциональном уровне – одна из форм кристаллизации культурно-психологической традиции группы в форме ценностных ориентации, а следовательно, и часть содержания ее культуры. Другими словами, изучение культур в диапазоне различных измерений предполагает исследование набора ценностей, специфичных для каждой культуры. Знание такой культурной специфики важно для прогнозирования индивидуального и группового поведения в различных ситуациях межэтнической напряженности.

Знакомство с многочисленными исследованиями в кросскультурной психологии, связанными с категоризацией культур, подвело нас к выводу, что наиболее адекватным типом размерности для изучения взаимосвязи поведения и вариативности культур является самое классическое и самое всеобъемлющее из всех социокультурных измерений – «индивидуализм–коллективизм». О его универсальности свидетельствует совпадение распределения коллективистских и индивидуалистических культур с дихотомией Запад–Восток. Например, по результатам Дж.Хофстеда наиболее индивидуалистические культуры сложились в англоговорящих странах, в первую очередь в США и Великобритании. Наиболее коллективистские – страны Азии и Южной Америки, например, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Япония, Перу, Колумбия. Варьирование параметров «индивидуализм–коллективизм» определяет широкую дифференциацию культур в диапазоне данной шкалы и, соответственно, разнообразные формы коллективизма и индивидуализма. Как, например, выделяемый Г.Триандисом «контекстуальный коллективизм» в Японии и «простой коллективизм» в Корее (Triandis, 1986).

Одними из наиболее известных в кросскультурной психологии являются исследования по категоризации культур Дж.Хофстеда. На основе единого методического инструментария он опросил сотрудников многонациональных корпораций в 53 странах и трех регионах мира. Дж.Хофстед использовал сразу четыре измерения: индивидуализм–коллективизм, маскулинность–феминизм, дистанция по

отношению к власти, избегание неопределенности. Оказалось, что эти размерности существенно перекрывают друг друга. Непросто выделить совершенно автономные и самостоятельные социокультурные размерности. Мало того, что действительно универсальных шкал мало, в любом случае существуют критерии, которые «подходят» сразу двум или трем размерностям. Такого рода критерии мы называем психологическими универсалиями. Это понятие здесь используется не в качестве синонима социокультурной размерности, как это обычно принято в кросскультурной психологии, а в качестве одного из ее измерений или параметров.

Рассмотрим главные параметры размерности «индивидуализм–коллективизм» с точки зрения межкультурных поведенческих различий. Один из них был определен еще Т.Парсонсом. Соответственно это – «само-ориентированное» поведение, направленное на «преследование личных интересов», и «коллективно-ориентированное» поведение, «преследующее общие интересы коллектива» {Parsons, 1951}. Соотношение индивидуальных и групповых целей в кросскультурной психологии также является основой разработанных Г.Триандисом факторных шкал по измерению «индивидуализма–коллективизма» (Triandis, 1986).

Помимо критерия «подчинение целям», еще одним важнейшим параметром является уровень «контекстуальности» – смыслового символического наполнения культуры. Измерение – «высококонтекстуальная» (регламентированность образа жизни, плотность культуры, высокая значимость подтекста коммуникаций) и «низкоконтекстуальная» (ненормированность, дискретность культуры, предоставление информации в ясной, подробной форме) культуры было предложено Е.Холлом как самостоятельная культурная размерность {Hall, 1976}. Но последующие исследования показали, что она изоморфна измерению «индивидуализм–коллективизм» и скорее является еще одним из его основных параметров {Gudykunst, Ting-Toomey, Chua, 1988}.

В значительной степени, на наш взгляд, изоморфно размерности «индивидуализм–коллективизм» и измерение «избегание неопределенности», предложенное Дж.Хофстедом. В объяснении поведения на основе этого критерия нет однозначности. С одной стороны, в культурах с высоким уровнем стремления избегать неопределенности сильна тенденция к групповому согласию. Это определяет меньшее принятие девиантного и двусмысленного поведения и недопустимость агрессивного поведения как по отношению к себе, так и к другим. В то же время в коллективистских культурах агрессивные реакции на отклоняющееся от социально-одобряемых стандартов поведение сдерживаются, чтобы избежать конфликтов. С другой стороны, культуры с низким стремлением избегать неопределенности более терпимы вообще, в том числе и к непривычным формам поведения. В то же время одобряемый обществом диапазон поведенческих реакций здесь шире и допускает прямую конфронтацию.

Дополнительные параметры этого критерия все же достаточно очевидно демонстрируют связь между «коллективизмом» и полюсом «выраженное стремление избегать неопределенности». По мнению Дж.Хофстеда, который сопоставил полученные им данные по шкале «избегание неопределенности» с другими шкальными исследованиями, в культурах с высоким уровнем избегания неопределенности ниже уровень толерантности по отношению к «чуждому». И он выражается, во-первых, в повышенном уровне тревожности и аффективности, возрастающем в результате страха получить неодобрение со стороны окружающих при неправильном поведении, во-вторых, в тяге к поискам абсолютной истины и потребности в формальных правилах, в-третьих, в стремлении к уменьшению риска и большему беспокойству о будущем и, в-четвертых, в снижении уровня мотивации достижения (Hofstede, 1983).

Зависимость способа взаимодействия с другими группами от типа и особенностей культуры представляет не однозначную картину и по другим параметрам «индивидуализма–коллективизма». Существуют исследования, в соответствии с результатами которых члены коллективистских культур более склонны к дискриминирующему поведению по отношению к представителям других групп. Это, например, утверждает М.Везерель, сравнивая полинезийцев с европейцами (Wetherell, 1982), и Р.Фельдман, при сравнении греков с американцами и французами (Feldman, 1986). К.Леунг и М.Бонд подтверждают это для китайцев, колумбийцев и японцев (коллективистские культуры), которые по результатам их исследования чаще, чем американцы, строят свои взаимоотношения с членами других этнических групп на основе одних и тех же норм, не делая скидок на этническое происхождение (Leung, Bond, 1984). Аргументируется это, как правило, тем, что в коллективистских культурах, где важными ценностями являются групповое согласие и сам процесс внутригруппового взаимодействия, запрещаются, подавляются открытые конфликты и конфронтрующие стратегии поведения. В то время как в индивидуалистическом обществе, представители которого ориентированы на результат деятельности, гармоничные отношения могут достигаться через открытое и публичное разрешение противоречий и конфликтов.

Однако есть исследователи, видящие проблему по-иному. Г.Триандис считает, что культурное разнообразие в способах межкультурного взаимодействия скорее определяются межкультурными различиями в восприятии собственной группы и других групп, а также дистанцией между декларируемыми нормами и их реальным воплощением в действиях (Triandis, Berry, 1980; Triandis, 1986). Отсюда в коллективистских культурах существует внутреннее противоречие, поэтому и способы межэтнического взаимодействия не однозначны. С одной стороны, представители коллективистской культуры вроде бы должны реализовывать в групповом контексте групповые нормы коллективного внутрикультурного взаимодействия. Но, с другой стороны, высокая степень дифференциации между «своими» и «чужими» приводит к дифференциации поведения – традиционного внутрикультурного и особого «внешнего» по отношению к другим культурам. Как, например, в исследованиях Г.Триандиса и В.Василиу, которые

обнаружили, что греки, демонстрирующие близость отношений внутри группы, проявляли больше подозрительности и соперничества по отношению к представителям других групп (Triandis, Vassilhou, 1967). Причем такое поведение обладает большой устойчивостью. Так, в соответствии с исследованием К.Леунга, представители коллективистских культур чаще склонны к продолжению конфликта с членами других групп (Leung, 1988). В индивидуалистических культурах «внешнее» и «внутреннее» поведение чаще совпадает. Это означает также, что этничность в культурах такого типа более предсказуемый и непротиворечивый феномен, и ее «второе дно» менее значимо.

В то же время коллективистские культуры могут весьма отличаться друг от друга по ряду параметров. В связи с этим поведение их представителей в межгрупповом контексте объясняется по-разному. Например, в исследовании Р.Фельдмана (Feldman, 1986) греки, несмотря на антагонистические отношения с «другими», все же «лучше обращались» с ними по сравнению с американцами и французами. По мнению автора, причина этого в том, что в Греции иностранцы и гости воспринимаются как потенциальные члены своей группы.

Если провести аналогичное исследование в коллективистских культурах Северного Кавказа, то наверняка «обращение» с другими у народов этого региона будет не хуже, а может быть и лучше, чем в Греции. Культ гостя, традиции гостеприимства поднимают гостя, вне зависимости от его этнической принадлежности, даже выше самих хозяев. В то же время, многообразие культур в этом регионе, небольшая численность народов, географическая изоляция издавна определяли здесь высокую дифференцированность восприятия других этнических групп. Каждый человек, живущий на Северном Кавказе, всегда безошибочно знает, какой национальности его соседи, коллеги по работе, друзья его детей. В северокавказских культурах существуют дифференцированные и устойчивые системы этнических стереотипов. Результаты наших исследований показывают, что здесь с ростом межэтнической напряженности дифференцированность восприятия резко возрастает, как возрастает и дистанция между внутренними и внешними нормами поведения (см. раздел III).

Еще одним критерием размерности «индивидуализм–коллективизм» является, на наш взгляд, «дистанция по отношению к власти». Культуры, где власть воспринимается как особая базовая часть общества, имеющая принудительный характер и отдаленная (дистанцированная) от народа, определяются как культуры с выраженной дистанцией по отношению к власти. В соответствии с данными Дж.Хофстеда, самая высокая «дистанция с властью» сочетается с самыми низкими показателями индивидуализма (Hofstede, 1983). В таких культурах ценятся послушание, конформизм и авторитарность, предпочитается жесткое руководство, существует страх несогласительства с ним, снижен уровень доверия (Gudykunst, Ting-Toomey, Chua, 1988). Разрешение конфликтных ситуаций в обществах такого типа нередко носит принудительный характер с применением насилия.

Народы России в диапазоне размерности «индивидуализм–коллективизм»

Данные различных социологических и социально-психологических исследований показывают, что народы России в диапазоне «индивидуализм–коллективизм» ближе к полюсу «коллективизма» Исходя из этого, мы поставили несколько вопросов. Насколько различны коллективистские культуры России и в чем особенности этих различий? Как эти особенности взаимодействуют с формированием новых идентичностей народов России в 1990-х гг.? И как они преломляются в межэтнических отношениях в условиях напряженности? На основе массового эмпирического исследования в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» удалось частично ответить на эти вопросы. Анализировались результаты, полученные с помощью методической разработки «Культурно-ценностный дифференциал», подготовленной специально для этих целей и включенной в массовый этносоциологический опросник (см. раздел II, глава 9).

1990-е гг. – эпоха неопределенности в России. Она наиболее трудна для обществ с выраженным стремлением избегать неопределенности в повседневной жизни. Рациональную картину мира, которая была характерна для советского человека, сменила ценностная дезориентация во многих сферах жизненной активности. В соответствии с теорией группового развития У.Бенниса и Г.Шеп-парда главными областями неопределенности в контексте межгруппового взаимодействия являются ориентации на власть и ориентации друг на друга (Bennis, Shepard, 1956). В условиях роста социальной напряженности в России и ее трансформации в межэтническую, фокусом неопределенности становятся также ориентации на группу, на групповую принадлежность и в первую очередь, как показывают исследования, на этническую.

Исследуя самосознание россиян в контексте социокультурного европейского пространства, Б.З.Докторов выделил в качестве наиболее актуального социального измерения для первой половины 1990-х гг. шкалу «открытость переменам–сопротивление переменам» (Докторов, 1994). Ориентация на изменения – четвертая область высокой неопределенности в самосознании народов России.

В континууме психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» рассматривались именно эти четыре типа ориентации соответственно в диапазонах: «сильный социальный контроль–слабый социальный контроль», «отвержение взаимодействия–направленность на взаимодействие», «сопротивление переменам–открытость переменам», «ориентация на группу–ориентация на себя». Мы сравнивали эти ориентации у титульного и русского населения Татарстана, Саха (Якутии), Тувы и Северной Осетии-Алании также для того, чтобы в дополнение к вышепоставленным вопросам посмотреть, как справляются с когнитивной неопределенностью разные народы

России, совпадают ли поиски этой определенности и как это отражается на межэтнических отношениях.

На уровне образов восприятия титульные народы России, по сравнению с русскими, представляют более коллективистские культуры. Причем они отличаются от русских по всем четырем шкалам. И в первую очередь по шкале «ориентация на группу–ориентация на себя». Это согласуется с их высокими показателями ассоциированности с группой и уровнем этнической солидарности. В Мы-образах титульных народов высоко актуальны внутригрупповая поддержка, согласованность и подчинение. Например, более 75% татар, тувинцев и осетин относят к самым характерным качествам своего народа «взаимовыручку». Менее выраженной эта группа ориентации оказалась у Саха.

У титульных народов также меньше неопределенности в восприятии своей группы в структуре властных отношений. В целом, они чаще, чем русские, оценивают собственную этническую группу как дисциплинированную и уважающую власть (см. рис. 4–7). Эти два качества у титульных народов входят в число высокостереотипных характеристик. В решении своих проблем титульные народы также в большей степени, чем русские, «рассчитывают на власти». Из титульных народов ближе к полюсу слабого социального контроля осетины. Такое качество как «своеволие» оказалось одним из высоко стереотипных характеристик их Мы-образа.

Титульные народы демонстрируют большую закрытость для перемен, чем русские. Они стремятся избежать неопределенности через отрицание изменений. В большей степени настроены на преодоление неопределенности через перемены осетины.

Если на перемены тувинцы, Саха и татары реагируют настороженно, то в сфере межличностных отношений титульные народы демонстрируют большую открытость для взаимодействия, чем русские, проживающие в этих республиках. Продвижение титульных народов к полюсу «настроенность на взаимодействие» определяется за счет того, что они в целом несколько решительнее, чем русские, отрицают у себя агрессивность, холодность и соперничество. За исключением русских в Северной Осетии-Алании, почти 40% которых считают, что агрессивность абсолютно не характерное качество для их народа. Агрессивность как самохарактеристика вообще не в почете: четвертая часть осетин, татар и Саха отрицают даже слабую выраженность этого качества у своего народа. Однако, не все мнения на этот счет так категоричны – среди тувинцев таких лиц в два раза меньше (всего 11%).

Для татар и осетин не попадает в число одобряемых ценностей «холодность» – почти треть респондентов считают, что это качество совершенно не свойственно их народу. Холодность как черта личности меньше смущает Саха и тувинцев. Возможно, это определяется культурной обусловленностью внешних эмоциональных проявлений. Например, Саха менее эмоциональны во внешнем выражении и поэтому в два раза чаще приписывают себе это качество. В то время как холодность для русских Саха (Якутии) – одно из самых нежелательных качеств (28% отрицают его наличие). Тем не менее и у Саха, и у тувинцев это качество является одним из первых среди отрицаемых. Это показывает, как значим для всех народов эмоциональный уровень взаимодействия и внешние проявления чувств.

Меньший коллективизм русского населения республик России выражается в следующем.

Русские менее ориентированы на свою группу. Они чаще оценивают ее как разобщенную. Поэтому в решении своих проблем они нередко предпочитают «рассчитывать на себя». Несмотря на то, что социально-экономические и политические изменения в республиках существенно осложнили жизнь русских, у них выше психологическая настроенность на перемены. В их самооценках такие характеристики как открытость, устремленность в будущее и склонность к риску имеют наибольший вес. Это означает, что они настроены на преодоление неопределенности в обществе через изменения. Наиболее характерно это для русских Саха (Якутии). Высокую ориентацию на перемены у русских подтверждают и другие данные. Например, большая выраженность, по сравнению с титульными народами, «реформаторского» комплекса (поддержка «рыночных отношений», «развитие экономики, экономическая самостоятельность», «всестороннее развитие свобод, прав человека», «поддержка частной собственности»).

Среди русских наименьшую зависимость от социального контроля показали русские Саха (Якутии). Они чаще оценивали свою группу как своевольную и не уважающую власть. Причиной таких ориентации является осознание русскими своей важной роли и в некотором смысле даже незаменимости для промышленности республики. Опасность ослабления экономики вследствие возможного увеличения их миграции из республики, заставляет лидеров Саха (Якутии) особенно внимательно относиться к потребностям своих русских (Baker, Vinokurova, 1996). Привлечение дополнительных индикаторов показывает, что меньшая выраженность «патерналистского» комплекса («уважают власть», «рассчитывают на власть», «послушные») компенсируется у русских в республиках комплексом «порядка». Они более активно поддерживают идеи о необходимости «восстановления порядка в стране» (с помощью КГБ, МВД и др.), «укрепления дисциплины». По степени подчиненности социальным стандартам выделяются русские жители Северной Осетии. Если ситуация затяжной межэтнической напряженности подорвала среди осетин характерное для них признание авторитета власти, то у русских она повысила уровень согласия на социальный контроль. Эти и вышеприведенные результаты показывают, что среди титульных народов и русских выделяются по своим показателям жители Северной Осетии-Алании как республики с повышенным уровнем межэтнической напряженности.

Расхождения между ценностными структурами групповых этнических идентичностей – один из факторов конфликтогенности межэтнических отношений. Мы рассмотрели совпадения между структурами ценностных ориентации титульных народов и русского населения отдельно по республикам. Сходство или расхождение между ценностными ориентациями как «альтернативами действия» (Т. Парсонс) отражает разницу в поведенческой направленности этнических групп. Проиллюстрируем такие различия с помощью

высоко стереотипных характеристик, когда уровень групповой согласованности равен 70% или превышает его.

В представлениях о себе у осетин и русских Северной Осетии-Алании определилось одинаковое согласие на социальный контроль, открытость переменам и настроенность на взаимодействие (см. рис. 4). Между этими народами основное различие было получено по шкале «ориентация на себя–ориентация на группу». Осетины в большей степени ориентированы на свою этническую группу в первую очередь потому, что степень ее «референтности» для них выше, чем для русских. Осетины всегда рассчитывают на внутригрупповую поддержку и помощь, в то время как 70% русских воспринимают свою группу как очень разобщенную. В Северной Осетии-Алании в условиях ситуации конфликтной межэтнической напряженности и в целом критического положения на Северном Кавказе ориентация на группу имеет особое значение с точки зрения надежды на защищенность и отдельной личности и целых групп. Стремление к групповой принадлежности сочетается с неопределенностью позиции русских в этой области, что подтверждается также отсутствием явных приоритетов при высокой выраженности различных групповых идентичностей в их идентификационной матрице (см. раздел I, глава 15). Такая этносоциальная ориентация определяется также тем, что у них есть выбор в поисках референтной группы – казачество или осетины. В первом случае возможна этническая идентификация, во втором – укрепление уже существующего дружественного союза и обретение опоры в титульной национальности республики. В Татарстане общая основа в структурах ценностных ориентации русских и татар – настроенность на взаимодействие и открытость для перемен (см. рис. 5). Есть также совпадения в ориентациях на группу. И русские, и татары считают себя приблизительно одинаково внутренне сплоченными, взаимовыручка входит у них в число высоко стереотипных характеристик. Это психологическая основа для межгруппового баланса в республике Коллективистская направленность татар усилена таким качеством как внутригрупповое подчинение. Основные различия между татарами и русскими были получены по измерению «сильный социальный контроль–слабый социальный контроль». Среди татар высок уровень социальных авторитетов. Например, уважение к власти и дисциплинированность сочли характерными чертами своего народа соответственно 85 и 83% татар. У русских же, наоборот, в число высоко стереотипных характеристик попадает недоверие к власти. Кроме того, татары приписывают русским своеволие и рискованность, а своей группе – подчинение и осторожность. Таким образом, в сфере межгруппового взаимодействия татары хотели бы видеть русских более покладистыми и доверяющими, а русские татар – более уступчивыми

Рис. 4. Ценностные ориентации, Осетия

Рис. 5. Ценностные ориентации, Татарстан

В Туве различия между тувинцами и русскими существуют по всем рассматриваемым здесь шкалам (рис. 6). Это подтверждает вывод о культурно-психологической разделенности населения Тувы. Позитивные характеристики, которые составляют Мы-образы этих народов, как бы не замечаются другой группой, и каждая из групп воспринимает другую с известным опасением. Это говорит о психологическом потенциале роста межэтнической напряженности в республике.

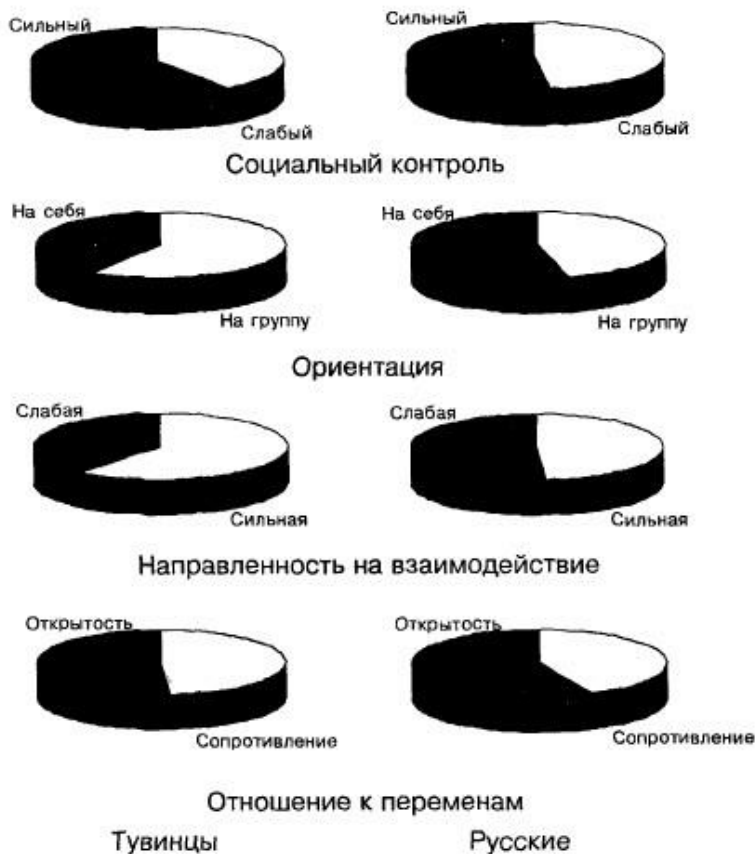

Рис. 6. Ценностные ориентации, Тува

Предположения о возможности межэтнических конфликтов в Туве нередко основаны также на культурных и фенотипических различиях между тувинцами и русскими. Однако тувинцы не меньше, чем другие титульные народы, настроены на взаимодействие. И поскольку именно тувинцам суждено задавать основной тон в развитии межгруппового взаимодействия в республике, есть надежда, что они не допустят нарастания конфликтов.

У Саха и русских республики Саха (Якутия) в значительной степени совпадают ценностные ориентации по измерениям «ориентация на группу» и «настроенность на взаимодействие» (рис. 7). В области двух других сфер ориентации между ними есть расхождения. Особенно значимы различия по измерению «сильный социальный контроль–слабый социальный контроль». Саха демонстрируют большую готовность к социальному контролю, и они меньше открыты для перемен. Например, если 80% Саха считают характерной чертой своей группы уважение к власти, то у русских это качество приписывают своей группе меньше половины респондентов. В то же время своеволие попадает у них в число высоко стереотипных характеристик Мы-образа. Но у русских среди этих характеристик нет осторожности и замкнутости, которые являются одними из основных качеств в Мы-образе Саха. Такие особенности Саха определились не сегодня – это психологический результат их жизни в условиях приполярной цивилизации. Саха не жили большими компактными поселениями. Их вынужденная изолированность на протяжении веков, особенно в зимнее время, а это большая часть года, мало способствовала закреплению такой черты характера как открытость, а традиционность занятий, жестко обусловленная природными условиями, не поощряла экспериментаторство. Кроме этого в настоящее время замкнутость выступает как качество, дистанцирующее от Центра, который нередко ассоциируется с русскими. Одновременно Саха активно демонстрируют открытость «в другую сторону» – в сторону тихоокеанского региона. Что касается готовности к подчинению, которую подчеркивают у себя Саха, то это выражение согласия на социальный контроль именно со стороны «своих», якутских властей и возможно отраженное желание почувствовать больше доверия к ним со стороны русского населения.

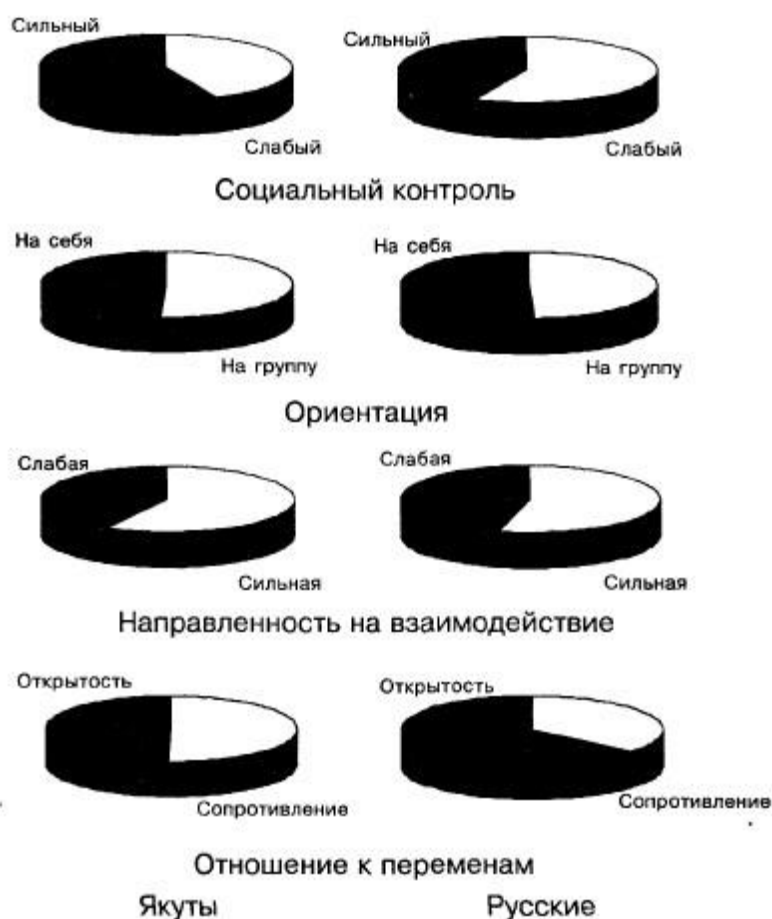

Рис. 7. Ценностные ориентации, Якутия

Одной из идеологических основ различий между русскими и Саха в ориентациях на власть и на изменения является экологическое движение в республике. Его идеологи утверждают, что только коренные народы обладают специальными знаниями как использовать природную среду Севера, чтобы сочетать высокий жизненный уровень, основанный на ее промышленной эксплуатации, с бережным к ней отношением (Иванов, 1994). Как пишет У.А.Винокурова, «...у якутов больше выражено приспособительное начало, они живут по принципу Севера – минимум потребления, максимум приспособления, у русских – преобразующее» (Винокурова, 1994, с.76–77). В контексте современного экологического движения в Саха (Якутии) энергичность, открытость и самостоятельность русских без соответствующего социального контроля может интерпретироваться как агрессивная модернизация, разрушающая природу Севера.

Итак, в соответствии с нашими данными, сердцевинной семантической конфликтогенной зоны между титульным и русским населением в Туве, Татарстане и Саха (Якутии) являются ориентации на власть. Титульные народы этих республик демонстрируют образ дисциплинированного, законопослушного, предсказуемого гражданина, что созвучно доминированию коллективистского начала в культурах. В то время как русские (и по их собственному мнению, и по мнению титульных групп) не очень соответствуют такому стилю поведения. Они не так послушны, не так уступчивы и предсказуемы, как этого бы хотелось титульным народам. Возможно, это сопротивление социальному контролю, олицетворяемому в республиках главным образом властью титульного населения. Исключение опять же представляет Северная Осетия-Алания. Здесь конфликт отчасти трансформировал эту социально-перцептивную модель. Осетины видят себя как непокорную, одновременно рискованную и осторожную группу. Способом защиты от неопределенности для них является ориентация на группу. Русские по сравнению с другими республиками здесь выглядят более уступчивыми, что является одним из способов адаптации к сложной ситуации, в которой они оказались. Ситуация затяжной межэтнической напряженности выступает в качестве специфической призмы социального восприятия и не только ведет к росту его неадекватности, но и в целом трансформирует групповые образы.

В то же время между народами таких разных регионов России как Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания и Тува сохранилась близость самопредставлений и существуют обширные семантические зоны – важнейшая база взаимопонимания. По выраженности интеграционных тенденций выделились три группы. Наиболее близкими оказались самопредставления русских, проживающих в различных республиках России. Но не настолько близкими, чтобы лишний раз не удивиться тому, насколько различаются между собой русские из разных регионов России. Вторая группа – это титульное и русское население в Татарстане, Северной Осетии и Саха (Якутии). Из этого контекста резко выпадает Тува, которую на психологическом уровне можно рассматривать как «глубоко разделенное общество». Третью группу по степени выраженности интеграционных тенденций (коэффициенты близости почти такие же, как и во второй группе) составили тюркские народы, представители которых приняли участие в наших исследованиях: татары, якуты и тувинцы

Глава 5. Типы и трансформации этнического самосознания

В исторические периоды благополучия этническая принадлежность теряется среди идей и образов современного мира (Лебон, 1995а). В кризисные периоды истории, когда индивид стремится сохранить равновесие, филогенетически более поздние идентичности утрачивают свою актуальность и уступают место «старым» и «проверенным» групповым «принадлежностям», тем, которые наиболее доступны, устойчивы и близки обыденному сознанию. И, как показывают исследования, самой востребованной в России 1990-х гг. оказалась не такая сверхкрупная идентичность как, например, цивилизация (в терминологии Данилевского–Шпенглера–Тойнби) или нация (как ее определяет Ренан), а именно этническая группа. В условиях глобальных изменений в обществе поиски или трансформации этнической идентичности это не просто философская или психологическая проблема. Это жизненно важный вопрос определения субъектом своей позиции в системе человеческих отношений в целом. На основе выделения типов идентичности и характеристики тенденций ее трансформации мы попытаемся обозначить в этой главе общую психологическую диспозицию в сфере межэтнического взаимодействия у разных народов некоторых республик России и ее изменения под влиянием различных ситуаций межэтнической напряженности.

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Кризисы общества Э.Эриксон рассматривал как особый поворотный пункт в развитии личности, когда создаются элементы новой идентичности (Erickson, 1967) Это поворот к поискам новой идентичности также и для целых общностей людей – этнических групп и наций.

Трансформации этнического самосознания начинаются с его ядра – этнической идентичности. Мы будем рассматривать три вида ее трансформации. Во-первых, этническая идентичность может размываться, что выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Во-вторых, возможен отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию. В-третьих, этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы.

Рассматривая трансформации этнической идентичности мы имеем в виду ее изменения относительно «позитивной этнической идентичности». Что вкладывается в это понятие? Позитивная этническая идентичность характерна для большинства людей и представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Поэтому позитивная этническая идентичность приобретает для нас статус «нормы». В ее структуре соотносятся позитивный образ собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам.

Соответственно описанным выше основным видам трансформации этнической идентичности отклонения от «нормы» могут происходить по типу этнической индифферентности, гиподентичности (этнонигилизм) и гиперидентичности (этнозоизм, этнои-золяционизм и национальный фанатизм).

Этническую идентичность по типу «нормы» характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Позитивность отношений к собственным и другим народам, сочетающаяся в «норме», вовсе не предполагает эмоциональной однозначности этих отношений. В противоположность космополитизму, идеологии «гражданина мира», человеку с «нормальной» этнической идентичностью

свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей. Это как бы начальная ступень этноцентризма, когда стремление к позитивной этнической идентичности является необходимым условием сохранения целостности и неповторимости этнической общности в этнокультурном многообразии мира.

Безусловно, понятию «норма» тут не придается абсолютного значения. Когда психологи говорят о «зоне нормы», имплицитно допускается, что она колеблется в известных пределах и не может быть жестко очерчена. Бесчисленное множество людей так или иначе выходит за пределы «нормы» либо временно, либо хронически (Юнг, 1995, с.332). Незначительные отклонения от нормы очень обычны и проходят незамеченными, так как не приводят к «очевидным симптомам болезни». Для психологии понятие «нормы» особенно значимо на операциональном уровне. В нашем случае «норма» – это такая система установок, на которую опираются одобряемые обществом социальные роли, определяющие позицию личности в межэтнических отношениях. В этом смысле понятие «нормы» представляет собой идеальную конструкцию.

Эмпирические данные подтверждают эту точку зрения. В наших исследованиях высокая социальная желательность такой позиции и ее укорененность в сознании российских граждан определили безусловное доминирование «нормы» над всеми другими типами этнической идентичности. Свыше 80% опрошенных нами титульных и русских жителей республик отнесли себя к категории людей, для которых эта позиция наиболее приемлема в межэтническом взаимодействии. Причем на частоту выбора «нормы» не повлияла даже ситуация затяжной конфликтной напряженности в Северной Осетии-Алании. Это значительный психологический потенциал по сдерживанию напряженности между народами России. Однако по мере ее роста, у респондентов менее благополучных республик позиция «нормы» чаще сочеталась с гиперидентичными установками.

Если рассматривать выделенные здесь типы этнической идентичности в континууме «личностная– групповая» идентичности, то «норма» ближе к «личностному» полюсу, а ее кризисные трансформации, как результаты «расширения» личности – к «групповому». И гипоиентичность, и гиперидентичность – индикаторы состояния психической инфляции, отражающие на уровне сознания степень рассогласования сознательных и бессознательных компонентов в структуре идентичности. И гипоиентичность, и гиперидентичность вызывают в структуре этнического самосознания активизацию негативных элементов вследствие идентификации с коллективной «тенью» – наиболее ущербной стороной собственной группы.

Неизбежные попытки в кризисных ситуациях очередного вытеснения «коллективной тени» в сферу бессознательного могут дать разные результаты. Индивиды, у которых самосознание трансформировалось по типу гипоиентичности, плохо справляются с таким вытеснением, оно носит у них иррациональный характер. В результате этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним и в трудностях в общении. Этнонигилисты, вытесняя «коллективную тень», отчуждаются от собственной группы. Отрицание как один из общих защитных механизмов при этом типе идентичности может активизировать общую агрессивность.

Индивиды с трансформацией этнического самосознания по типу гиперидентичности, отчуждая негативную «коллективную тень», проецируют ее на другую этническую группу. В основе трансформации такого типа лежит гипертрофированное стремление к позитивной этнической идентичности. Гиперидентичность – своеобразный этнический нарциссизм. Это предполагает переход от естественного предпочтения по ряду параметров собственной этнической группы к абсолютной убежденности в превосходстве над «чужими». При таком типе идентичности более вероятным становится насилие как форма действия и агрессивный стиль решения конфликтов. Гиперидентичность – это характеристика самосознания «наступательного» типа, отражающая стремление представителей группы к этническому доминированию. В межэтническом взаимодействии она проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других этнических групп, до отставания политики ограничения их прав и возможностей.

Основой гиперидентичности является этноцентризм именно в том понимании, которое идет еще от П.Гумпловича и У.Самнера (см Роцин, 1994) и выступает одним из ключевых понятий в известной книге Т.Адорно и его коллег «Авторитарная личность» (Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford, 1950). Распространенное и жесткое разделение на «своих» и «чужих» порождает негативные образы «чужих» и враждебные установки по отношению к ним, а также иерархическую авторитарную точку зрения на групповое взаимодействие, в котором «своя» группа доминирует, а «чужие» группы являются подчиненными. Р.Левайн и Д.Кэмпбелл, рассматривая этноцентризм как производное от реакции на конфликт и угрозу со стороны других групп, выделили его основные симптомы: увеличивающуюся плотность групповых границ, уменьшение числа «отступников» в группе, усиление их наказания или даже отвержение их как «дезертиров» (Levine, Campbell, 1972).

Относительно лояльный вид гиперидентичности мы обозначаем как этноэгоизм. Он может выражаться и в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ». Но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

Более глубокие трансформации этнической идентичности соответствуют формированию этнического самосознания по типу эт-ноизоляции. Это проявляется в убежденности в превосходстве своего

народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, негативном отношении к брачным межнациональным союзам, ксенофобии.

Крайним видом гиперидентичности является «национальный фанатизм» – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признания приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

С целью исследования трансформации этнического самосознания на основе данной типологии была создана специальная методическая разработка (см. раздел II, глава 9).

Трансформации этнического самосознания у народов республик России

Мы сравнивали тенденции трансформации этнической идентичности в четырех республиках России – Туве, Татарстане, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании (см. рис. 8, 9). Подчеркнем, что речь шла именно о тенденциях трансформации в соответствии с выделенными типами этничности. Это определялось методическим подходом к ее исследованию. Согласно ему, во-первых, рассматривались только отдельные аспекты формирования этнической идентичности. Во-вторых, возможность одновременного выбора нескольких индикаторов и высокая социальная желательность некоторых из них (в первую очередь «нормы») позволяла определить лишь общую межэтническую диспозицию этнического самосознания.

Доля респондентов, условно говоря, этнически индифферентных, в частности, отнесших себя только к типу людей, которые «никогда серьезно не относились к национальным проблемам», практически одинакова по всем республикам и колеблется в пределах 10–12%. Однако выбор этого индикатора нередко сопровождался также выбором индикаторов «нормы» и гиперидентичности. Поэтому при рассмотрении этой тенденции в целом можно сказать, что почти у половины наших респондентов (от 35 до 43% среди титульных народов и от 45 до 53% среди русских) позиция «индифферентности» дополняет общую установку на межэтническое взаимодействие. Больше всего таких лиц среди татар и русских Татарстана, где уровень межэтнической напряженности не повышался до этнических конфликтов. Меньше всего этнически индифферентных среди Саха и осетин.

Для русского населения республик в целом менее характерна акцентированность на этничности. В основе усиления тенденций формирования этнической идентичности по типу индифферентности лежат психологические механизмы. Нельзя исключать того, что в условиях высокой актуальности национальных проблем рост «безразличных» среди русских может иметь защитный характер и являться еще одним способом их адаптации в различных ситуациях межэтнической напряженности

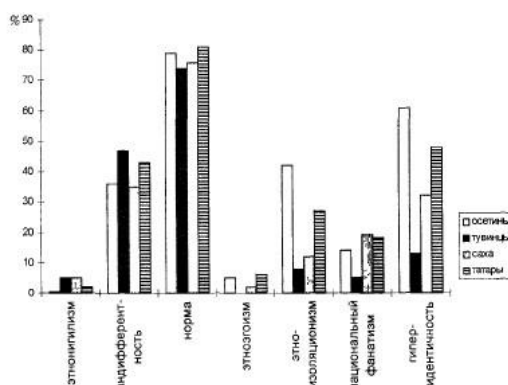

Рис. 8. Тенденции трансформации этнической идентичности (титульные национальности)

Возможно, этническая индифферентность и у титульных народов, и у русских формируется также и на основе отторжения слишком актуальной, но неприятной проблемы либо по принципу «если проблемы не замечать, то ее и не будет», либо по принципу «если у меня нет проблем, значит их нет вообще». Кроме того частично высокая представленность этнически индифферентных людей как среди титульного, так и среди русского населения республик определяется группой социально пассивных респондентов. По данным ВЦИОМа она составляет обычно от 15 до 20% выборки.

Можно также предположить, что те респонденты, у которых выражены тенденции к этнической индифферентности, предпочитают оставаться в стороне от этнополитической жизни общества. Однако это не значит, что им удастся уйти от реальности. Почти треть этнически индифферентных осетин и Саха принимали личное участие в межэтнических спорах в Северной Осетии-Алании и Саха (Якутии). В Татарстане эта цифра значительно меньше. Тем не менее 10% этнически индифферентных татар упомянули о личном участии в межэтнических разногласиях и бытовых конфликтах. Именно такой опыт, возможно, и укрепил у части респондентов этой группы отношение к этническим проблемам как к тому, на чем не стоит сосредоточиваться.

На последнем месте по степени выраженности находятся эт-нонигилистические установки. Доля тех, кто испытывал трудности во взаимодействии с представителями своего народа или стеснялся своей этнической принадлежности не достигает и 5% – от 0,5 у осетин до 4,5% – у якутов. Слабость

этнонигилистических тенденций и у титульных народов и у русского населения республик сочетается с гиперболизацией этничности в групповых идентификационных матрицах.

Гиперидентичные тенденции продемонстрировали в среднем треть титульных респондентов и пятая часть русских. Вообще случаев, когда респонденты выбирали только индикаторы, которые можно было оценить как проявления этноэгоизма, этноизоляционизма и национального фанатизма, значительно меньше, чем таких, когда интервьюируемые давали ответы, соответствующие, скажем, и этноизоляционистскому поведению и этнической открытости. Людей с гиперэтническим самосознанием среди русских от 1 до 5%, среди титульных народов от 3 до 9,5%. Эти данные показывают, что доля негативно настроенных на межэтническое взаимодействие людей среди жителей республик невысока. Но и не так незначительна, чтобы их игнорировать.

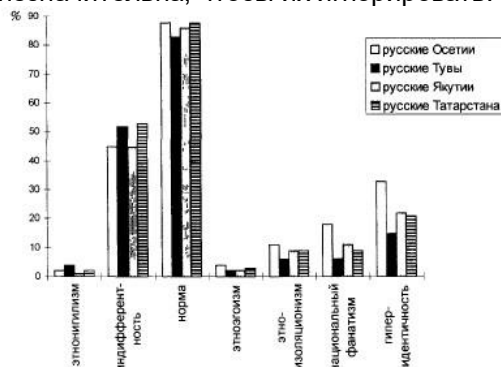

Рис. 9. Тенденции формирования этнической идентичности в различных ситуациях межэтнической напряженности (русские в республиках)

У Саха и русских во всех республиках гиперидентичные установки занимают третье место после «нормы» и этнической индифферентности. У осетин и татар они выходят на второе место. Наиболее выражены гиперидентичные трансформации этнического самосознания у осетин. Среди них более 60% отнесли себя к людям, которых или раздражает общение с другими национальностями, или они не одобряют межнациональные браки, или же считают, что годятся любые средства в борьбе за интересы своего народа. Татары дали меньше таких ответов (48%). И хотя причины кризисного изменения этнической идентичности и в Северной Осетии-Алании, и в Татарстане имеют этнополитический характер, их социально-психологическая основа различна. В Татарстане – это результат отражения в сознании титульной национальности поддерживаемой в массах активной идеологической борьбы за самостоятельность. В Северной Осетии-Алании – это один из результатов затяжной ситуации межэтнической напряженности. Как мы видим, ситуация межэтнической напряженности является значимым фактором роста гиперидентичных тенденций, в частности, этноэгоистических и этноизоляционистских. Русские Северной Осетии-Алании по этим показателям также опережают русских Татарстана и Саха (Якутии).

Современные этносоциальные процессы в республиках определяют более высокий уровень гиперидентичности у титульных народов по сравнению с русскими. Например, в Татарстане меньшая гиперидентичность русских – отражение на психологическом уровне поддержки ими идей суверенизации республики и одобрения «особой» позиции Татарстана в Российской Федерации. Это также можно рассматривать как результат меньшей ассоциированности русских в республиках со своей группой и наличие среди них немалой доли тех, кто не стремится к этническому обособлению.

Ситуация этнического конфликта в Северной Осетии-Алании существенно повысила, по сравнению с другими этническими группами, гиперидентичность как у осетин, так и у русских. Это психологический результат совокупности ряда факторов. С одной стороны, не являясь прямыми участниками конфликта, русские в той или иной степени оказались в него втянутыми, вплоть до непосредственного участия (например, поддержка осетинской стороны казачеством в момент вооруженных столкновений в ходе осетино-ингушского конфликта). С другой, ощущение себя этническим меньшинством и связанные с этим беспокойство и неуверенность усугубляются не только ростом межэтнической напряженности, но и растущей неустойчивостью позиции русских в социально-профессиональной структуре республики. Последнее в значительной мере усиливается притоком беженцев и вынужденных переселенцев в Северную Осетию-Аланию в 1990-х гг.

Повышенная по сравнению с русскими гиперидентичность титульных народов – это отражение их группового стремления к доминированию на своей этнической территории, к ассоциированности со своими этническими группами по самым разным параметрам. Меньшая гиперидентичность русских подтверждает сделанный выше вывод о том, что этническая принадлежность для русских в республиках не так значима, как для титульных народов. В целом русские республик стремятся в первую очередь сохранить свой социально-профессиональный статус, устоявшуюся разделенность сфер занятости и поэтому демонстрируют более высокий уровень этнической толерантности.

Социально-демографические особенности и типы этнического самосознания

Рассмотрим социально-демографические особенности респондентов с различными типами этнического самосознания. Здесь будет представлен анализ по трем показателям: уровню образования,

роду занятий и возрасту. Из-за малочисленности не рассматривается подгруппа «этнонигилистов». Напомним, что мы не можем представить отчетливые социально-демографические границы между подгруппами, так как, выбирая несколько индикаторов, один и тот же респондент нередко оказывался в двух или даже трех подгруппах, представляющих респондентов с различными тенденциями трансформации этнического самосознания.

Среди городских жителей республик этнические установки по типу «нормы» чаще встречались среди работников умственного труда со средним специальным и высшим образованием. Особенно это характерно для высокообразованной русской интеллигенции. Например, свыше 90% русских руководителей в Северной Осетии-Алании и столько же специалистов в Татарстане отметили, что готовы к деловому партнерству с представителями любого народа. В Северной Осетии-Алании 70% русских респондентов, имеющих среднее специальное или высшее образование, выбрали «норму».

Эта же категория лиц, особенно у титульных народов, отличалась наибольшей этнической индифферентностью. Половина всех осетин и Саха, выразивших «несерьезное» отношение к национальным проблемам, – лица с высшим образованием. Меньше всего этнически не акцентированных среди татарской интеллигенции. Среди этнически индифферентных русских оказалась значительная доля квалифицированных рабочих. Но в целом и у русских свыше 70% этнически индифферентных имеют либо высшее или незаконченное высшее образование, либо специальное техническое. Причем установки «нормы» и этнической индифферентности во всех этнических группах оказались более характерными для женщин.

Своеобразие ситуации состоит в том, что и среди лиц с гиперидентичными установками основная доля также приходится на интеллигенцию. Ее представители наиболее активны и разнообразны в своих проявлениях. Они не могли не среагировать на индикаторы «нормы», как на наиболее социально желательные. Соблюдая правила хорошего тона, они должны были подчеркнуть свою искреннюю или маскировочную лояльность к людям иной этнической принадлежности. И в то же время многие из них, вероятно, переживая истинные патриотические чувства к своему народу, составили костяк группы, которая заинтересованно отслеживает неизменность дистанции по отношению к другим этническим группам. Это подтвердили данные и по исследованию лидеров и активистов национальных движений (см. раздел I, главы 2–3).

В Татарстане и Саха (Якутии) среди людей, в этническом самосознании которых представлены установки «нормы», больше молодых (до 39 лет). А вот в Северной Осетии-Алании чаще готовы следовать «норме» русские и осетины более зрелого возраста. Например, среди осетинских респондентов в возрасте до 39 лет «норму» выбрали 47%, в то время как среди татар и Саха той же возрастной группы соответствующие индексы отметили соответственно 62 и 81% респондентов. Еще реже «норму» выбирают проживающие в Северной Осетии-Алании русские того же возраста (41%). Получается, что ситуация межэтнической напряженности в Северной Осетии-Алании оказала основное влияние на более молодых людей, от 20 до 40 лет. Именно представители этой возрастной группы, а также лица старше 50 лет, разделили между собой основную долю гиперидентичных ответов.

Для 20–30-летних, которые наиболее ориентированы на социальные достижения и уже психологически достаточно зрелые, актуален процесс формирования избирательных установок на межличностное взаимодействие. Часть 30–40-летних людей, пытающихся осмыслить итоги жизни, склонна к переоценке жизненных ценностей. И у первых, и у вторых под воздействием ситуации затяжной межэтнической напряженности и в процессе адаптации к новым этносоциальным условиям межэтнические различия начинают приобретать важное значение при выборе дружеского и делового круга общения.

Наиболее активная возрастная группа как в проявлениях инто-лерантности, так и толерантности среди титульных народов и среди русского населения республик – это 30–39 лет. Причем основную часть этой группы составляют работники умственного труда со специальным или высшим образованием. Респонденты этого возраста в Татарстане и Саха (Якутии) по типу этнического самосознания в большинстве своем ближе к «норме». Но вместе с тем среди них больше лиц с гиперидентичными установками. Это та группа еще молодых людей, кому пришлось не просто «выбирать свою дорогу», но и реально «перестраиваться» в конце 1980–начале 1990-х гг. Они, как правило, деятельны и завоевывают себе место под солнцем.

У них есть еще шанс в случае неудачи изменить свою жизнь, что-то исправить. В межэтнических отношениях эта группа лиц придерживается утилитаристских установок и поэтому в зависимости от ситуации готова как к сотрудничеству, так и к соперничеству. И если у русских этого возраста гиперидентичные установки выступают как защитные, чтобы не отдать завоеванное собственными силами жизненное пространство, то у представителей титульных народов они могут быть попыткой изменить свою жизнь также и за счет смены этнополитических и социальных ориентиров в обществе. Что перевесит – готовность к сотрудничеству или к соперничеству – в большой степени определяется конкретной этносоциальной ситуацией. Например, в Северной Осетии-Алании – республике с опытом этнического конфликта, у 30–39-летних осетин-респондентов по сравнению с этими же возрастными группами в других республиках усилены гиперидентичные тенденции, а число выбравших «норму» и этническую индифферентность снижено.

Если говорить о возможностях роста межэтнической напряженности, то в каждой республике в середине 1990-х гг. определились гипотетические группы с наименьшим уровнем этнической толерантности и, соответственно, с наибольшим конфликтным потенциалом. В Саха (Якутии) выделились более

образованные, занимающиеся главным образом умственным трудом и более зрелые по возрасту Саха. Среди русских – более молодые, менее образованные люди, среди которых сравнительно большая доля рабочих. В Северной Осетии-Алании большее психологическое напряжение, связанное с этничностью, оказалось характерным для молодых, образованных и лучше устроенных в социально-профессиональном плане осетин, а среди русских – для зрелых, также высоко образованных, но менее удовлетворенных своим социальным статусом. В Татарстане большее напряжение наблюдалось среди молодых, менее образованных татар. Среди них значительную часть составили квалифицированные рабочие. У русских Татарстана болезненнее всего этническое напряжение переносили более зрелые и более образованные люди, занимающиеся главным образом умственным трудом.

Толерантные и интолерантные лица в межэтническом взаимодействии

Трудно не согласиться с тем, что одни люди от природы более терпимы, другие – менее. Достаточно очевидно это качество проявляется в проблемных этноконтактных ситуациях. Этническая нетерпимость – реально значимая форма проявления кризисных трансформаций этнической идентичности. Основой этнической нетерпимости является повышенная чувствительность к лицам других национальностей. Она может выражаться в широком диапазоне – от легкого дискомфорта и раздражения, никак не реализуемых в поведении, до различных форм дискриминирующего поведения и даже взрывов негодования и ненависти.

Толерантность–интолерантность – это всегда проблема отношения одной этнической группы к другой. Именно поэтому толерантность явилась для нас одной из ключевых социально-психологических характеристик при исследовании межгруппового взаимодействия и изменений этнического самосознания. Какова природа этнической нетерпимости как качества группового уровня? В поисках ответа на этот вопрос мы попытались в разных ситуациях межэтнической напряженности определить соотношение этнически толерантных и интолерантных лиц и некоторые психологические различия между ними.

Среди наших респондентов были и просто наблюдатели, и непосредственные участники, и жертвы этнических конфликтов, а также идеологи национальных движений в республиках (те, кого нередко определяют как «конструкторов» взаимоотношений между народами). Сравнивались следующие три группы. Первая – это титульное и русское население трех республик России, в которых был различный уровень межэтнической напряженности – Татарстана, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании. Вторая – это вынужденные русские переселенцы и беженцы из Чечни. Вынужденные переселенцы, покинувшие Чечню в 1993–1994 гг., прошли через межличностные конфликтные ситуации на этнической почве. Беженцы, спасшиеся из Грозного в январе 1995 г., пережили кризисную ситуацию межэтнической напряженности и оказались жертвами самой страшной формы организованного насилия – войны. Третья группа респондентов – представители национальных движений – лидеры и активисты «Стыр Ныхас» (Северная Осетия) и «Хостуг Тыва» (Республика Тува). В 1994 г., когда мы проводили их опрос и тестирование, эти движения были наиболее активными. К 1996 г. «Стыр Ныхас» завоевало еще более прочные позиции в республике. «Хостуг Тыва», напротив, практически прекратило свою деятельность.

Соотношение толерантных и интолерантных лиц определялось на основе методической разработки «Типы этнической идентичности» (см. раздел II, глава 9). При опросе вынужденных переселенцев, беженцев и активистов национальных движений методика «Типы этнической идентичности» применялась в сочетании с другими социально-психологическими методами. Опрашивая титульных и русских респондентов в республиках, мы использовали в рамках социологического опроса сокращенный вариант этой методической разработки.

К толерантным лицам мы отнесли тех респондентов, этническую идентичность которых можно охарактеризовать по типу «нормы» (естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей, сочетающееся с позитивным отношением к другим этническим группам), либо по типу «нормы» и «этнической индифферентности» одновременно.

Группу жтолерантных лиц составили респонденты с этническим самосознанием по типу «гиперидентичности». Сюда вошли также те респонденты, у которых наряду с гиперидентичностью в общую межэтническую диспозицию попадала либо «норма», либо «этническая индифферентность», либо и то и другое одновременно.

Две дополнительные группы среди толерантных и интолерантных лиц следует рассматривать скорее как потенциальные персоналии для этих категорий. У них выражены как толерантные, так и интолерантные установки. Но их соотношение было не одинаково. Перевес одной из тенденций позволил нам провести условную границу и разделить всех респондентов на две категории. Лица, у которых преобладали толерантные установки в этноконтактных ситуациях, были отнесены к категории «толерантных». Соответственно лица с доминированием интолерантных установок попали в альтернативную категорию. Внутри каждой категории выделяются подгруппы со своими особенностями и с очень различной степенью этнической интолерантности. Но в данном случае остановимся главным образом на сравнении в целом двух выделенных нами категорий лиц.

Таблица 5

Соотношение толерантных и интолерантных лиц среди жителей республик России

	Северная Осетия		Татарстан		Саха (Якутия)	
	осетины	русские	татары	русские	Саха	русские
Коэффициент соотношения	1 95	44	27	53	24	43

Таблица 6

Соотношение толерантных и интолерантных лиц среди активистов национальных движений и перемещенных лиц

	«Хостуг Тыва»	«Стыр Ныхас»	Вынужденные переселенцы (Грозный)	Беженцы (Грозный)
	тувинцы	осетины	русские	русские
Коэффициент соотношения	1.0	1.8	1.2	0.7

Данные таблиц 5 и 6 отражают зависимость уровня толерантности–интолерантности как от ситуации межэтнической напряженности, так и от опыта участия в ней. Чем выше коэффициент соотношения, тем больше в группе толерантных лиц. Неожиданностей нет. По мере усиления межэтнической напряженности возрастает число интолерантных лиц среди респондентов. Чем драматичнее опыт респондентов в ситуации межэтнической напряженности, тем больше среди них этнически нетерпимых. У представителей этнических групп в нашем исследовании не замечено «культурной» предрасположенности к этнической интолерантности, также как и к агрессивному поведению. Это говорит о том, что этническая нетерпимость в большой степени есть ситуативная характеристика.

Одно из доказательств этого тезиса – наибольшее число толерантных лиц среди русских в республиках (см. табл. 5) и наименьшее – среди русских беженцев из Грозного (см. табл. 6). Среди последних, по сравнению с другими подгруппами интолерантных респондентов, выделяются «этнонигилисты» – те, кто продемонстрировал негативное отношение и к собственной этнической группе, русским. Кризисная ситуация межэтнической напряженности, вылившаяся в войну между Россией и Чечней, породила у ее жертв всплеск ксенофобных реакций без разбора на «своих» и «чужих».

Очень высок уровень интолерантных лиц среди вынужденных переселенцев из Грозного. Они не успели попасть в такую тяжелую ситуацию как беженцы. Но для роста нетерпимости у них есть " свои причины. Это и посттравматический стресс, который усиливает трудности адаптации в новой среде, и последствия социально-психологической депривации как до миграции, так и после.

Наибольшее число интолерантных лиц (50%) оказалось среди членов национального движения «Хостуг Тыва», активность которого пришлась на 1991–1993 гг. И хотя у значительной части этих лиц проявились только тенденции интолерантности, тем не менее их число отражало декларируемые цели, задачи и антирусскую настроенность движения. Его представители ставили в 1992 г. вопрос о фиксировании в Конституции республики права выхода из Российской Федерации. Неумеренность лозунгов и интолерантность позиций членов движения не придала ему устойчивости и не нашла достаточной поддержки в тувинском обществе. Это еще одна из причин исчезновения движения «Хостуг Тыва» с политической арены в 1995 г.

Нетерпимость беженцев и вынужденных переселенцев находит свое оправдание как результат сложнейших жизненных ситуаций, в которых они оказались. А что же обычные жители республик России, в которых многие годы воспевалась дружба народов? Оказывается среди них, в большинстве своем лишь наблюдателей межэтнической напряженности, немало людей с доминированием интолерантных установок. Наибольшее число таких лиц обнаружено среди осетин (33%), наименьшее – среди русских Татарстана (15%). Но среди татар в относительно благополучном Татарстане число интолерантных лиц лишь немного меньше (27%), чем в беспокойной Северной Осетии-Алании.

В начале 1990-х гг., когда атмосфера насилия становилась все более ощутимой в нашем обществе, публицисты, писатели, ученые активно обсуждали психологические факторы, определяющие рост общей нетерпимости в обществе и постоянные поиски врага. Выделим несколько главных моментов. Современный россиянин, бывший советский человек, воспитан в духе большевистской нетерпимости, основанной на нелюбви к различиям и непримиримости в борьбе с врагами. Как отметила одна писательница, в советской литературе национальные герои, прославляемые даже в книжках для дошкольников, были, как правило, из числа тех, кто больше других пролил крови (Век XX и мир. 1990. №7). Подводя итог прошлому, наш человек накопил букет обид и несет в себе жажду возмездия. В разных поколениях и в разных культурах возмездие принимает свои формы, но его психологическая основа одна – нетерпимость. Обиды же в психологическом плане являются накопителями раздражения и ненависти. Бывший советский человек в определенном смысле отказался от своей истории. В результате вытеснения общей памяти из массового сознания в сочетании с невозможностью уйти от самого себя он пребывает в постоянном конфликте. Ощущение опасности не только не покидает россиянина, но и возрастает. Ожидание неприятностей мобилизует защитные психологические механизмы, среди которых не последнее место занимает агрессия. И все это на

фоне массовых депрессий, неврозов, фрустраций, злокачественность природы которых состоит в снижении симпатий не только к окружающему миру, но и к самому себе. Вот такова не слишком благоприятная психологическая основа развития любого диалога в стране и питательная почва для возвращения интолерантных лиц и проявления ими своих агрессивных качеств.

Помимо общих психологических факторов, рост этнически нетерпимых есть, возможно, результат и политической практики этнического национализма, доставшегося республикам в наследство от бывшего СССР (Тишков, 1994), и следствие закономерной генерализации негативных эмоций, вызванных самыми разными причинами, в сфере межэтнических отношений.

Интолерантных лиц в республиках среди русских как минимум в полтора раза меньше, чем среди титульных народов. Здесь, конечно, можно предположить, что терпимость наравне с терпеливостью свойственна русским как качество национального характера (Касьянова, 1995). Но, видимо, все же не в большей степени, чем для других народов в нашем исследовании. Например, при оценке жизненной ситуации русские в целом проявляют не больше терпения – важнейшего реалистического механизма решения критических жизненных ситуаций, чем титульные народы. В современной этнополитической ситуации в республиках этническая терпимость русских – вынужденный защитный механизм. Объективная ситуация ставит их в такие условия, когда приходится в целях адаптации стремиться к пониманию интересов титульных народов.

Какие же особенности вне зависимости от национальной принадлежности характерны для лиц с преобладанием интолерантных установок? Некоторые из «внекультурных» различий между двумя рассматриваемыми категориями лиц удалось выявить с помощью различных психологических методик: теста Куна, теста фрустрации Розенцвейга, Диагностического теста отношения, теста агрессивности Басса-Дарки, методической разработки «Этническая аффилиация» и др.

Респонденты с выраженными гиперидентичными установками имеют такую иерархическую структуру идентичности, в которой этническая принадлежность доминирует. В структуре референтных групповых идентичностей у этих лиц этническая принадлежность, как правило, либо на первом, либо на втором месте. В то же время у респондентов со слабыми гиперидентичными установками этническая принадлежность среди самоидентификаций встречается нечасто. Это характерно даже для лидеров и активистов национальных движений. Если среди жизненных приоритетов у этнически интолерантных лиц этническая группа представляет важнейшую статусную категорию, то у толерантных лиц этническая принадлежность далеко не всегда входит в число главных социальных измерений.

У интолерантных лиц выше потребность в этнической ассоциированности, и они более активно реагируют на национальные проблемы. Большинство из них убеждено в необходимости ощущать себя частью «своей нации». Все это говорит о том, что для лиц с преобладанием интолерантных установок стремление придать своей группе более высокий позитивный статус, поднять ее престижность в большой степени мотивировано изнутри. В зоне этнического конфликта – Северной Осетии-Алании эти отличия выражены в меньшей степени, так как у толерантных лиц здесь потребность в этнической принадлежности также высоко значима.

Более глубокие различия между самосознаниями толерантных и интолерантных лиц можно увидеть при анализе этнических стереотипов. Изменения в структуре этнического стереотипа, характерные для всех интолерантных лиц в нашем исследовании, представим на примере данных по группе лидеров и активистов национального движения «Стыр Ныхас» (Северная Осетия-Алания) (см. табл. 7). Сравнение показателей, полученных на основе Диагностического теста отношения, показывает, что в структуре этнического стереотипа у лиц с преобладанием интолерантных установок значительно увеличен дисбаланс между позитивностью автостереотипа и негативностью гетеростереотипов. Это означает, что у них нередко гипертрофировано стремление к позитивной этнической идентичности, и они пытаются за счет усиления позитивных различий в пользу своей группы придать ей более высокий статус. Это подтверждается и другими данными.

Таблица 7

Диагностические коэффициенты отношения у представителей национального движения «Стыр Ныхас»*

	Интолерантные	Толерантные
Автостереотип (осетины)	0,45	0,36
Гетеростереотипы (русские)	0,22	0,30
Гетеростереотипы (ингуши)	-0,22	-0,12

*Различия значимы при $p < 0.01$.

Интолерантные лица более позитивно оценивают собственную этническую группу и менее положительно, по сравнению с толерантными лицами, другие этнические группы. Это означает, что в их автостереотипах безусловно доминируют позитивные характеристики, а среди представлений, составляющих гетеростереотипы, растет число негативных характеристик. Хотя эмоциональная оценка русских интолерантными членами движения позитивна, она все же в два раза ниже, чем оценка членами движения собственной этнической группы. Еще более различаются у толерантных и интолерантных лиц оценки ингушей, по отношению к которым все члены движения, как показывают диагностические коэффициенты, занимали достаточно определенную позицию. Кроме того из табл. 7 следует, что у лиц с преобладанием интолерантных установок, во-первых, расширена зона «аф-фektivности» (от 0,45 до -0,22). Это означает, что у них не только больший разброс эмоциональных оценок, но и более высокая эмоциональная вовлеченность в ситуации межэтнической напряженности. Во-вторых, для восприятия интолерантных лиц характерен упор на различия, в данном случае на различия между этническими группами. Другими словами, толерантные воспринимают этнические группы более близкими, а границы между ними более размытыми, чем интолерантные, для которых этнические границы резко очерчены.

Какую же роль толерантные и интолерантные лица выполняют «по охране» этнических границ? Ответ на этот вопрос можно найти через исследование социально-культурной дистанции.

Мы сравнили установки толерантных и интолерантных лиц по модифицированной шкале Богардуса. Рассматривались ответы на вопрос о готовности человека контактировать с людьми другой национальности как с гражданами республики, деловыми партнерами, начальниками, соседями, друзьями и членами семьи.

Вне зависимости от республики и национальности социальная дистанция увеличивается в следующем порядке: гражданин, сосед, деловой партнер, друг, начальник, супруг (супруга) детей, партнер в браке. Только у русских, проживающих в Саха (Якутии), отношения «начальник–подчиненный» переместились на второе место по значимости и идут сразу же после супружества. Другими словами, наиболее заповедной сферой взаимодействия между народами России, как впрочем и между другими народами Земли, являются неформальные отношения. Такая же последовательность сохраняется и для двух выделенных нами подгрупп. Но вне зависимости от национальной принадлежности толерантные менее дистанцируются на самых разных уровнях от представителей других этнических групп.

Кроме этого есть еще одно существенное различие. Плавное увеличение социальной дистанции от менее значимых к более значимым видам контакта у толерантных респондентов контрастирует с резким скачкообразным ростом социальной дистанции в сфере неформальных отношений у интолерантных. Например, в подгруппе толерантных татар 80% опрошенных готовы принять человека другой национальности в качестве гражданина своей республики, 72% – в качестве соседа, 35% – в качестве супруга (супруги) их детей и 29% – в качестве партнера в браке. Среди интолерантных татар готовы видеть гражданином своей республики также не меньше 80% опрошенных, в качестве соседа – 64%, но в роли супругов детей уже только 18%, а в роли собственного супруга (супруги) – 17%. Эта закономерность характерна и для других народов. Хотим мы этого или не хотим, но этнически интолерантные лица – это тот человеческий материал, который уменьшает проницаемость этнических границ на неформальном уровне и в этом смысле способствует сохранению этноса.

Глава 6. От образов к действиям

Гете называл поведение зеркалом, в котором каждый показывает свой облик. Но в то же время человек, как никто другой на Земле, способен в повседневном поведении скрывать свои истинные отношения и чувства. Это происходит потому, что он «...не реализует одну какую-либо программу действия, а постоянно осуществляет выбор. Та или иная стратегия поведения диктуется обширным набором социальных ролей» (Лотман, 1996, с.332). Они определяют допустимую амплитуду поведения, а в случаях межгрупповой конфронтации и коллективные формы противостояния. Этническая группа в России 1990-х гг. заняла одно из главных мест в иерархии социальных групп. А национальность превратилась в одну из важнейших социальных ролей, принуждая индивида действовать с позиции своей этнической группы, а значит вступать в сферу межгруппового поведения (Sherif, 1966; Turner, Giles, 1981).

В этой главе мы остановимся на проблемах взаимосвязи между феноменами этнического самосознания и поведением в условиях роста межэтнической напряженности. А также попытаемся ответить на вопрос: какие способы разрешения ситуаций межэтнической напряженности и какие поведенческие стратегии как возможные формы этнополитической мобилизации может породить процесс формирования новых идентичностей у народов России?

Дистанция между образами и действиями

Знание содержания этнических образов не служит гарантом поведенческих прогнозов. Далеко не всегда существует прямая линейная зависимость даже между их формами, наиболее приближенными к поведению – межэтническими установочными образованиями – и фактическими действиями или поступками по отношению к членам других этнических групп. Анализ социально-психологических работ, посвященных вопросу взаимосвязи установок с реальным поведением, показал, что в исследованиях данной проблемы присутствовали два крайних полюса. С одной стороны, установки трактовались как модели потенциального поведения по отношению к членам других этнических групп (Brigham, 1971; Висапап, 1951). В этом случае они рассматривались как релевантные поведению не только на индивидуальном и межличностном уровнях, но и на групповом. В упрощенном виде это означает «что думаю, то и делаю».

Противоположную точку зрения можно выразить вопросом: а имеет ли вообще место прямое «использование» установок в поведении личности? Эта проблема была отчетливо обозначена еще в 1934 г. классической работой Р.Ла-Пьера, экспериментальные результаты которой получили в психологии название «парадокса Ла-Пьера» (La Piere, 1934). Его суть в несоответствии установок и реальных поступков. Обзоры уникальных исследований этой проблемы показали, что принципом соотношения сфер межэтнического восприятия и реального поведения следует признать сложную нелинейную зависимость (De Fleur, Westie, 1958; Kutner, Wilkins, Yarrow, 1952; Wicker, 1969). Частный вариант такой зависимости был раскрыт в работе американского психолога Р.Минарда. Цель его исследования состояла в определении взаимосвязи установок с реальным поведением у белой шахтеров по отношению к чернокожим американцам – их товарищам по работе. Р.Минардом было выявлено противоречие между поведением белых в процессе совместной работы в шахте и в свободное время. Эмпирически выявленные у белых расовые предрассудки «не работали» под землей и наоборот, определяли реальное поведение «на земле» (Minard, 1968).

На процесс превращения установки в реальный поступок влияют факторы всех трех уровней: макроуровня (уровень общества), мезоуровня (уровень группы) и микроуровня (уровень личности). Результаты многочисленных исследований показывают, что установки преломляются через сложную

совокупность этих факторов, выступающих в качестве «буфера» между содержанием сознания и поведением (Brewer, Cramer, 1985; Cook, 1978; Hewstone, Giles, 1986; Levine, Campbell, 1972; Turner, Giles, 1981). Ситуации межэтнической напряженности задают этому процессу свою логику. Дальше в этой главе и в других разделах книги мы попытаемся раскрыть специфику и психологические механизмы такой логики. Здесь же ниже остановимся на тех особенностях самих этнических образов, которые способствуют воплощению установок в реальное поведение.

С позиции онтологического бытийного подхода М.К.Мамар-дашвили рассматривал феномены сознания как адекватные действия, существующие в нашем сознании, в мире понимания. Причем они не являются действиями в привычном смысле слова, а «строятся по схеме сознательно прослеживаемой связи между намерением и выполнением, между целями и средствами» (Ма-мардашвили, 1984, с. 14). Можно ли говорить об адекватных сознательных действиях, имея в виду образы других этнических групп: стереотипы, предубеждения, предрассудки? На наш взгляд – можно, так как в качестве способа реагирования сознания они адекватны реальности в силу соответствия между их внутренним содержанием и внешними функциями. Это соответствие определяется интенциональностью¹ этнических образов. Как межгрупповые социально-перцептивные феномены они интенциональны вдвойне: их содержание отражает неразрывное единство двух объектов и направленность на два объекта – внешнюю этническую группу и собственную. Этнические образы формируются в субъективной психологической плоскости, где, по мнению Б.Ф.Поршнева, категория «они» первичнее чем «мы», но категория «мы» более значима (Поршнева, 1966), и поэтому является аутентичной точкой отсчета.

Именно категория «мы» «защищается» установочными образованиями. Это является результатом их функции защиты позитивной групповой идентичности. А способы такой защиты чаще предполагают не агрессивные формы выражения отношения к иноэтническим группам, а скорее когнитивное искажение. Это широко подтверждено эмпирическими исследованиями. Чем выше уровень межэтнической напряженности, тем сильнее искажены и неадекватны установки, и тем чаще они как «действия сознания» совпадают с реальными поступками.

Рост негативных атрибуций (приписываемых признаков) в этническом образе определяет степень предубежденности субъекта. Чем она выше, тем выше уровень негативного аффективного заряда и больше в поведении дискриминирующих моментов по отношению к членам других этнических групп. Наличие в этническом самосознании предрассудков укорачивает дистанцию между интенциями и фактическими действиями в направлении ограничения возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы, а также нередко ведет к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве. Интенция (от лат. *intentio* – стремление) – термин схоластической философии, обозначающий намерение, цель, направленность сознания, мышления на какой-нибудь предмет.

При позитивных межэтнических отношениях категория «национальность», как правило, оказывается подчиненной. Главенствовать могут: «профессия», «возраст», «социальное положение», «пол» и др. Этнический стереотип здесь «не работает», и негативные этнические атрибуты в рамках данной ситуации не актуализируются. Они как бы остаются в другой когнитивной плоскости. Именно это обстоятельство является еще одним фактором, увеличивающим дистанцию между перцептивным образом представителя какой-либо этнической группы и реальным поведением по отношению к нему. Хорошей иллюстрацией пересекания перцептивных плоскостей является эпизод, описанный американским психологом М.Рот-бартом. Его коллега-южанин с неприязнью отзывался о чернокожих жителях своего штата. В то же время, характеризуя своего соавтора, принадлежащего к негроидной расе, он дал высоко положительную характеристику. Когда же ему напомнили, что его соавтор – чернокожий, он воскликнул: «Я никогда не думал о нем, как о черном!» (Rothbart, Dawes, Park, 1984).

В условиях конфликта этническое выступает на первый план, главным критерием противопоставления ее участников оказывается этническая принадлежность. В этих случаях национальность как актуальная категория задает свой ракурс социальной перцепции. В соответствии с взглядами С.Московичи, это «свой» прототип идентификационной матрицы, и, следовательно, активизация особой когнитивно-оценочной системы, которая определяет организацию внешней и внутренней информации в этноконтактных ситуациях (Moskovicic, 1984).

Уже упоминалось о том, что этнические образы имеют сложную внутреннюю организацию. В них существует общий прототипический уровень, характерный для всей этнической общности, и отдельные прообразы, которые определяются внутриэтническим делением. Механизмы сопоставления и противопоставления этих прообразов имеют свою специфику и еще более усложняют картину соотношения когнитивных и поведенческих структур. Это также один из факторов, который увеличивает дистанцию между этническим установочным и фактическим поведением.

В условиях роста межэтнической напряженности восприятие имеет тенденцию переходить на более высокие уровни абстракции. Основой этого процесса является деперсонификация, когда

люди воспринимаются не как конкретные личности со своими специфическими особенностями, а в первую очередь как представители той или иной этнической группы. Это ведет к снижению внутренней дифференцированности содержания этнических образов, к их обобщенности и упрощенности. В результате в нео-доброжелательной группе типа «лиц кавказской национальности» перестают различать дружелюбно настроенные подгруппы и не видят конкретных, вполне достойных людей. В то же время растет дифференцированность между различными этническими образами.

Итак, сокращение дистанции между поведением и установками по отношению к другой этнической группе определяется ростом искаженности (неадекватности) их когнитивного содержания, снижением их когнитивной сложности и внутренней дифференцированности, ростом негативного аффективного заряда. Все эти особенности приобретают особое значение и усиливаются в результате актуализации этнического ракурса социальной перцепции в ситуациях межэтнической напряженности.

Способы разрешения ситуаций межэтнической напряженности

Кризисные состояния общества характеризуются коллективными проявлениями иррационального поведения – поступками и действиями, несовместимыми с общепринятыми нормами человеческого общежития. Враждебность, агрессивность и насилие по отношению «к другим» в большинстве случаев можно квалифицировать именно так. Проявления агрессии возможны в диапазоне от вербальной агрессии, демонстративного и неприязненного поведения до физического воздействия. Общим психофизиологическим механизмом во всех этих случаях является затормаживание в результате высокого эмоционального возбуждения более сложных и тонких структур регуляции деятельности. В итоге этого адекватность поведения резко снижается. Каковы корни иррационального поведения в межэтническом взаимодействии?

Сравним два события, которые произошли практически одновременно в марте 1990 г. в Канаде и Румынии. Они были связаны с межнациональными волнениями и получили резонанс во всем мире. Но по своим последствиям и формам протеста эти два этнических кризиса оказались совершенно непохожими друг на друга. Противоречия между венграми и румынами в румынской

Трансильвании, где проживают более 40% венгров, разрешались посредством забастовок, баррикад, палок и цепей. Результат – убитые и раненые. Причем речь шла не о сепаратистских планах венгерского населения Трансильвании, а всего лишь о предоставлении им культурной автономии

Этнические противоречия по-канадски разрешались совсем другими способами. Началом волнений послужила проверка квебекскими властями выполнения одного из законов провинции Квебек, где проживает большая часть французского меньшинства Канады. Суть этого закона была в том, что владельцам относительно крупных (более 50 чел. персонала) автозаправочных станций, магазинов, ресторанов не разрешалось вывешивать наружные надписи на каком-либо другом языке, кроме французского. Результатом этой акции оказались не разгромленные рестораны и пробитые головы, а повестки в суд. Социально-экономическое благополучие и идеология «политической корректности», которыми отличается Канада, если и не исключают межэтническую напряженность, то безусловно сдерживают ее рост и существенно влияют на формы ее выражения. В чем же, помимо разных общественных систем, причины такого различия? Попробуем ответить на этот вопрос на основе российского материала.

У детей в разных культурах до того, как они освоят специфические социализированные нормы, тип и частота агрессивных актов практически совпадают. Агрессивное поведение – это враждебные действия, направленные на причинение другим ущерба и страдания. В процессе социализации оно попадает под контроль социальных норм. Есть ли выраженная предрасположенность к агрессивному поведению в различных культурах у народов России? Как влияют ситуации межэтнической напряженности и стремления народов к государственной самостоятельности на формы агрессивности у разных народов? Если эмоциональное напряжение будет все же разряжаться в сферу межэтнических отношений, что более вероятно – агрессия по отношению к другим народам или попытки конструктивного разрешения возникающих проблем?

Некоторые ответы на эти вопросы были получены на основе наших исследований по проекту «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации». Сравнивались реакции представителей разных народов России на возможные конфликтные ситуации на личностном и групповом уровнях.

В первом случае рассматривалась ситуация прямой агрессии против личности. Эту ситуацию выражал закрытый вопрос: «Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?». Предлагаемые ответы соответствовали следующим показателям: враждебная агрессия (прямая угроза жизни, например, применение оружия), подавленная или скрытая агрессия («ухожу от конфликта, но не прощаю») и «норма возмездия» или ответная агрессия («отвечаю тем же»). Противовесом этой группе показателей выступили неагрессивные ответы: стремление «сгладить конфликт» или «пойти на односторонние уступки».

Подавленная агрессия и норма возмездия – это социализированные формы агрессивности, предполагающие в первую очередь ее торможение. Норму возмездия можно отнести к числу правил поведения морального характера. По сравнению с требованием Нагорной проповеди Нового завета не противиться злу, норма возмездия есть более древняя форма взаимоотношений. Она воплощается в ветхозаветной формулировке: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Это наказание в ответ на агрессию и стремление к восстановлению своего достоинства и справедливости. В этом случае одна агрессивность компенсирует другую, и в результате оба субъекта оказываются квиты, а социальные отношения приходят в норму. Ответное агрессивное действие должно быть точно отмерено. Оно связано с оценкой намерений, стоящих за агрессивным поведением. Если оно передозировано, то возникает чувство вины (Хекхаузен, 1986).

Групповые реакции на конфликтную ситуацию рассматривались на основе индикаторов инструментальной агрессии. Это – допустимость насильственных действий против группы в ситуации межэтнического конфликта и допустимость жертв в ситуации борьбы за реализацию суверенитета.

Инструментальная агрессия, как социально мотивированная форма поведения, предполагает признание возможности агрессивных действий при наличии важных оправдательных причин. В этом случае агрессия выступает в качестве средства достижения определенной цели. Например, ради реализации суверенитета возможны такие жертвы как массовые перемещения людей, войны, межнациональные конфликты. Или же допустимы ситуации, «когда только насильственные действия могут принести результат». На этом уровне сравнивались также групповые оценки выраженности агрессивности как качества, характерного для собственной и другой этнической группы.

Сторонников крайней формы агрессии – враждебной, во всех этнических группах оказалось не более 1–3%. Поэтому дальше мы не будем останавливаться на этом показателе.

На личностном уровне число агрессивных ответов в среднем по всей выборке (по четырем республикам) приблизительно было равно числу неагрессивных ответов. Среди русских это соотношение повторялось во всех республиках. У титульных народов доля неагрессивных реакций на конфликтную ситуацию была ниже и несколько варьировала. Агрессивные ответы (враждебная, ответная и подавленная агрессия) и неагрессивные («сгладить конфликт», «пойти на односторонние уступки») соответственно в среднем достигли 55% и 44% среди титульных народов и 47% и 49% – среди русских. Во всех группах неагрессивные реакции и желание уйти от конфликта составляли подавляющее большинство (см. рис. 10, 11). Причем, основная часть этих ответов отражала стремление конструктивно решить конфликт, а не просто проявить уступчивость в сложной ситуации. Эти данные позволяют нам утверждать, что культурно обусловленной предрасположенности к агрессивному поведению у народов России нет.

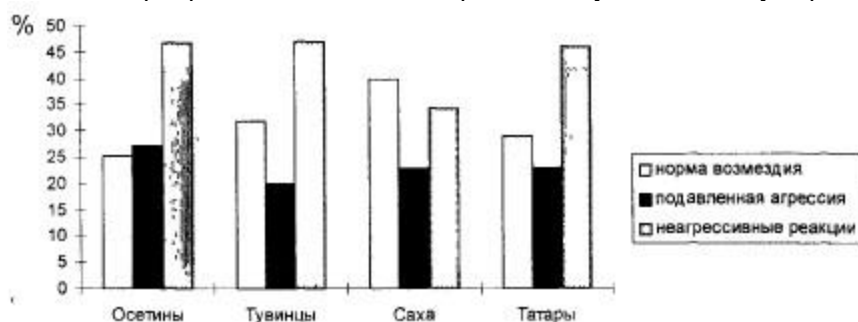

Рис. 10. Агрессивные и неагрессивные проявления на личностном уровне (титульные национальности)

Наиболее значимые различия по количеству агрессивных ответов были получены не между разными культурами, а между мужчинами и женщинами, а также между некоторыми возрастными группами. Во взрослом возрасте между полами сохраняется приблизительно то же соотношение, которое было выявлено У.Ламбертом в исследованиях агрессивности у детей в разных культурах (Lambert, 1974). Но не только мальчики агрессивнее девочек, но и мужчины агрессивнее женщин. Так, норму возмездия во всех культурах практически в два раза чаще стараются соблюдать мужчины, главным образом в возрасте от 20 до 39 лет. Женщинам более свойственно подавление агрессии и стремление сгладить конфликт, пойти на односторонние уступки.

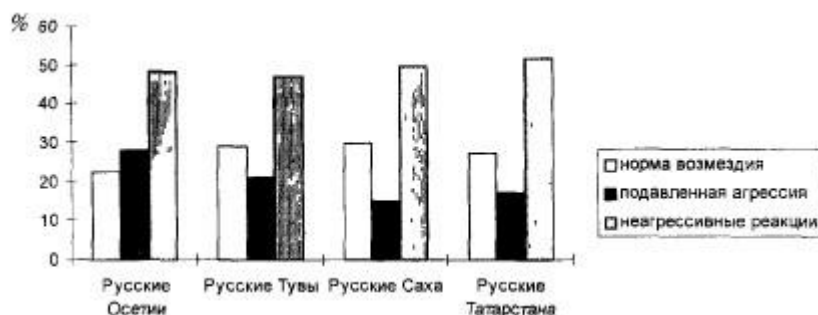

Рис. 11. Агрессивные и неагрессивные проявления на личностном уровне (русские)

Жители Татарстана, Саха (Якутии) и Тувы нередко предпочитали регулировать межличностные отношения на основе нормы возмездия. Больше всего сторонников такого поведения в конфликтной ситуации оказалось среди Саха. Именно за счет расширения границ «нормы возмездия» у Саха увеличилось число агрессивных ответов на личностном уровне до 63%. Из них 40% заявили, что они «ответят тем же» в ситуации непосредственной агрессии. Среди этих респондентов преобладали молодые люди 18–24 лет, отличающиеся в этом возрасте, как известно, максимализмом.

В Северной Осетии-Алании как у осетин, так и у русских при сравнении с жителями других республик, оказалось более выраженным на личностном уровне стремление подавить агрессию и снизился уровень приверженцев нормы возмездия (см. подробнее раздел III, глава 14). Торможение агрессивности на уровне личности – одно из последствий вооруженного этнического конфликта. Это отражает нежелание людей усугублять или повторять конфликт. В то же время здесь в наименьшей степени было выражено

стремление идти на односторонние уступки. Следовательно, не безразличны способы урегулирования конфликта.

На групповом уровне соотношение агрессивных и неагрессивных ответов резко меняется. Здесь безусловно доминирует установка на недопустимость насилия. Групповые насильственные действия в ситуации межэтнического и межгосударственного конфликта соответственно поддержали в среднем 15% и 28% – среди титульных народов и 13% и 20% – среди русских. Чаще одобряли насилие в межэтнических конфликтах жители Северной Осетии-Алании. В Туве, имевшей в прошлом собственную государственность, почти 45% тувинцев считали допустимыми этнические конфликты, гражданские и межгосударственные войны во имя реализации суверенитета. Сравнивая эти данные, мы видим, как приблизительно одинаковый личностный потенциал агрессивности у представителей разных народов гасится на групповом уровне в зависимости от параметров социальных ситуаций. Такие факторы как затяжная межэтническая напряженность и стремление народов к независимости при условии собственной государственности в прошлом и демографическом доминировании определяют сравнительно высокую допустимость агрессивных или насильственных действий против других групп.

И титульному народу, и русскому населению республик если и свойственны агрессивные тенденции, то они имеют скорее защитный характер не только на групповом, но и на личностном уровне. Это выражается, в частности, в усилении проективных механизмов в процессе восприятия народами друг друга: переносе социально-нежелательных характеристик на другую этническую группу. Так, можно отметить существенные различия в приписывании такого качества как агрессивность своей и другой этнической группе. Например, если в среднем 36% русских считают свою этническую группу достаточно агрессивной, то число русских, приписывающих это качество «своим» титульным народам, увеличивается почти вдвое. Это еще один показатель, отражающий высокий уровень эмоционального напряжения, характерный для русских в республиках в середине 1990-х гг.

Поведенческие стратегии: посредники, националы и невротики-этнофобы

Обращение к изучению поведенческих стратегий в межэтническом взаимодействии – это попытка определить возможные формы этнополитической мобилизации народов России в сложных условиях 1990-х гг. Как было показано выше, на групповом уровне природная агрессивность человека сглаживается. Однако такие факторы как рост межэтнической напряженности, стремление группы к независимости при условии наличия умелых «социальных» дирижеров активизируют этнополитическую мобилизацию и повышают агрессивность группы. Какой человеческий материал составляет ядро такой мобилизации? Каково соотношение в культурах позитивно и негативно настроенных на межэтническое взаимодействие людей?

В предыдущей главе была представлена типология этнической идентичности. На основе этой типологии мы рассматривали две достаточно большие и нежестко дифференцированные группы лиц, разбитые по принципу – «скорее толерантные» и «скорее инто-лерантные» в межэтническом взаимодействии. Это достаточно условное деление, так как оно проводилось на основе различных тенденций трансформации этнического самосознания.

В реальной жизни, как правило, лишь часть установок личности воплощается в действии. Поэтому, если говорить о структурах сознания, на основе которых можно рассматривать не только предрасположенность, но и зафиксировать готовность к определенному типу поведения, следует анализировать не тенденции, а более устойчивые элементы этнического самосознания. Такие элементы были выделены на основе одномерных распределений по тем же индикаторам, которые послужили основой типологии идентичности. В результате среди толерантных лиц определилась группа «посредников», то есть с отчетливой установкой на позитивное межэтническое взаимодействие, а среди интолерантных – группа «националов», также с отчетливой, но негативной установкой на межэтническое взаимодействие. Соответственно группы «посредников» и «националов» можно рассматривать как концентрированные коллективные формы толерантности и интолерантности по отношению к другим этническим группам.

В отличие от критериев выделения толерантных и интолерантных лиц, в этом случае основное значение приобрел следующий момент. Каждый респондент попадал только в одну подгруппу в зависимости от его ориентации в контексте межэтнического взаимодействия в целом. Для этого учитывалась общая позитивная или негативная направленность выбранной им комбинации индикаторов. Это позволило выделить среди «посредников» и «националов» подгруппы с различной степенью возможной поведенческой активности. Таким образом, определились группы активных и пассивных «посредников», активных и пассивных «националов».

Наши группы «посредников» и «националов» совпадают по своей сути с типами людей, выделенными С.Бокнером в исследованиях адаптации мигрантов в условиях другой культурной среды. Это закономерный результат использования при классификации

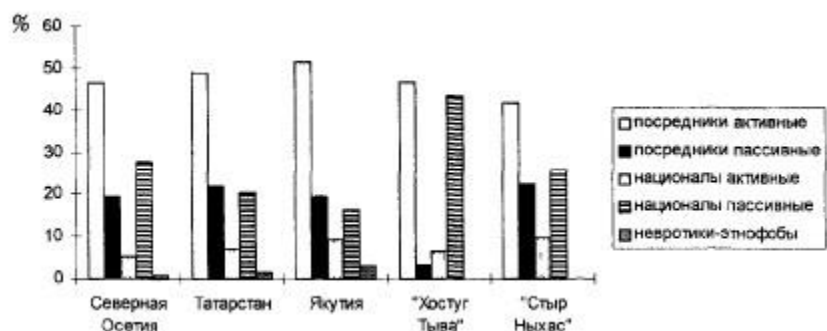

Рис. 12. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии (титulyные национальности)

интерактивного принципа «границы» (у нас – межэтническое взаимодействие, у С.Бокнера – межкультурные контакты). «Посредники» у него – это люди, «принимающие различные культуры», а «националы» («шовинисты» в типологии С.Бокнера) – люди, «отрицающие чужую культуру и преувеличивающие значимость собственной». В типологии С.Бокнера есть еще две категории лиц: «перебежчики» (те, кто предпочитает чужую культуру) и «маргиналы» (колеблющиеся между двумя культурами) (Bochner, 1982). В нашей же типологии, целью которой было выявление поведенческих стратегий, сравнение жителей республик именно с мигрантами (вынужденными переселенцами и беженцами) послужило основанием для выделения третьей группы респондентов, получившей название «невротики-этнофобы». Тем не менее типология С.Бокнера помогла нам более полно охарактеризовать две альтернативные категории: «посредников» и «националов».

Результаты, полученные на основе одномерных распределений данных, собранных среди жителей Татарстана, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании, а также среди участников национальных движений и вынужденных мигрантов, представлены на рис. 12, 13.

«Посредники» в межэтнических отношениях – это категория людей, настроенная на развитие позитивных взаимоотношений с представителями других народов. Они лучше приспосабливаются к иной культурной среде, к изменившимся этносоциальным условиям. «Посредники» способны не только удачно поддерживать отношения, но и их регулировать, разрешать конфликтные ситуации и вести переговоры. Для них характерна этническая толерантность, готовность к межэтническим контактам, разнообразная и равномерная структура идентичности. Исходя из нашей типологии этнической идентичности, к числу активных «посредников» мы отнесли тех респондентов, которые определяли себя только по типу «нормы». Ее доминирование над всеми другими тенденциями формирования этнической идентичности обуславливает подавляющую долю «посредников» в каждой этнической группе. А это весомый психологический потенциал по сдерживанию роста межэтнической напряженности и развитию разнообразных межэтнических контактов.

Группу пассивных «посредников» составили респонденты, которые одновременно выбрали «норму» и этнически индифферентность, либо только этническую индифферентность. В целом во всех республиках этнически индифферентные – это образованный, интеллигентный и сравнительно зрелый по возрасту контингент. Их обычная реакция на сложности в сфере межэтнических отношений – отстраненное равнодушие и уход в деятельность, меньше всего связанную с проблемами такого рода. Однако эти люди специально не избегают этноконтактных ситуаций и, как правило, спокойны, ровны и позитивно настроены на взаимодействие вне зависимости от национальности общающихся с ними людей.

К активным «националам» мы отнесли респондентов, которые дали позитивные ответы только на индикаторы гиперидентичности. Часть респондентов выбрала с гиперидентичностью также либо показатель «нормы», либо этнической индифферентности, либо и «нормы», и индифферентности одновременно. Это – пассивные «националы». Они не будут инициаторами конфликта, но если окажутся в конфликтной ситуации, не исключено, что поддержат активных «националов». Для «националов» не характерен этнонигилизм. Они отличаются убежденностью в превосходстве своего народа над другими народами. Они также являются наиболее ревностными хранителями его культуры, всегда готовы отстаивать права своего народа и воспевать его достижения. «Националы» в меньшей степени, чем «посредники», стремятся к развитию позитивных отношений с «чужими». Они отличаются этнической нетерпимостью, раздражаются при общении с представителями других народов, не стремятся поддерживать и развивать межэтнические контакты.

Группу «невротиков-этнофобов» составили респонденты, выбравшие либо только этнонигилизм, либо этот показатель в следующих комбинациях: с «нормой», с индикаторами гиперидентичности, с этнической индифферентностью. Помимо этнофобии, лицам этой группы свойственна резкая деформация структуры идентичности и смешение различных тенденций при ее трансформации. Подобный тип идентичности («идентификационной мешанины») был впервые описан Э.Эриксоном при исследовании американских индейцев, а также американцев-ветеранов вьетнамской войны (Ericson, 1967). Группа таких лиц выделялась среди первых русских беженцев 1990-х гг. из Баку (Солдатов, Шайгерова, Шлягина, 1995). Среди постоянных жителей республик число невротиков-этнофобов оказалось незначительным – от 1% до 3%. Среди вынужденных переселенцев и беженцев из Грозного число таких лиц достигло соответственно

13% и 37%. Подробно эта группа описывается в разделе III, главе 16, посвященной перемещенным лицам на Северном Кавказе.

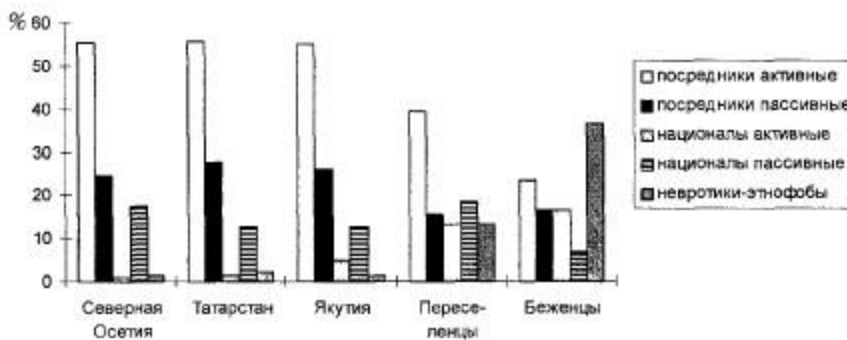

Рис. 13. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии (русские)

Ни в одной группе число «посредников» не опускается ниже 50%. Меньше всего их зафиксировано среди лидеров и активистов национального движения «Хостуг Тыва», а также среди вынужденных переселенцев. «Посредников» оказалось больше среди русских, чем среди титульных народов. Здесь сыграл свою роль более значимый для русских жителей республик фактор высокой социальной желательности индикаторов, определяющих «норму». Однако это не относится к русским перемещенным лицам.

Доля этнически акцентированных личностей на уровне структур идентичности, фиксирующих поведенческую готовность, существенно ниже по сравнению с общей ориентированностью на негатив или позитив в межэтнических отношениях. Но чем выше уровень межэтнической напряженности, тем больше число «националов» среди постоянных жителей республик и «невротиков-этнофобов» среди перемещенных лиц (см. рис. 10, 11). Так, это характерно для жителей Северной Осетии-Алании. Причем здесь рост «националов» носит не явный, а скрытый характер – растет доля их пассивной части. Среди русских Северной Осетии-Алании также, по сравнению с русскими из других республик, повышено число таких лиц. Как мы уже отмечали выше, у жителей Северной Осетии-Алании растут показатели подавленной агрессивности. Здесь значительную часть пассивных «националов» представляют те, которые «уходят от конфликта, но не прощают». Ситуация затяжной межэтнической напряженности не проходит бесследно, на психологическом уровне конфликт подавляется и уходит вглубь.

Несмотря на то, что в Саха (Якутии) межэтнические проблемы совсем иной остроты, у Саха более высокий уровень активных «националов» – около 10%. Значительная часть респондентов среди Саха одобрила поведение, регулируемое нормой возмездия. Именно эта категория лиц является доминирующей среди активных «националов». А это значит, что возможное агрессивное поведение с их стороны скорее будет носить только ответный характер. Среди русских Саха (Якутии), как бы «вослед» за якутами повышен аналогичный показатель. Но в целом среди русских число «националов» значительно меньше, чем среди титульных народов.

Наибольшее количество «националов» (50%) оказалось среди членов «Хостуг Тыва». Среди членов «Стыр Ныхас» их приблизительно столько же, как и среди опрошенных нами среднестатистических жителей титульной национальности Северной Осетии-Алании. Это говорит о том, что это движение в данном аспекте отражает общие настроения, царящие в республике, и в этом одна из причин ее жизнеспособности.

Сравнительный анализ поведенческих стратегий у «националов» и «посредников» расширил характеристики этих категорий лиц и дополнил список различий между толерантными и интолерантными личностями.

Защитная реакция в форме агрессии свойственна и «посредникам» и «националам». Но при сравнении их реакций на проблемные ситуации, связанные с насилием и агрессией, между ними проявились некоторые поведенческие различия. Среди «националов» оказалось больше тех, кто в ситуации прямой агрессии был готов ответить аналогичным образом. Особенно значимо это различие в Северной Осетии-Алании. Здесь число осетин-«националов», выбравших норму возмездия, почти в два раза превысило аналогичный показатель среди осетин-«посредников».

Казалось бы, что среди осетин, для которых еще в начале XX в. были непреложными суровые традиции кровной мести, в какой-то степени реанимированные конфликтом с ингушами, норма возмездия должна входить в состав социально одобряемых норм поведения и быть более популярной, чем среди жителей других республик. Может быть, мы и получили бы такие результаты, если бы исследование проводилось сразу же после вооруженного конфликта в конце 1992 г. или же в начале 1993 г., когда боль утрат и осознание ужасной трагедии еще не сгладились временем. Но затяжная ситуация высокой межэтнической напряженности скорректировала механизмы восприятия и поведенческие схемы, ориентированные на конфликтное поведение и на месть. В результате и у «посредников», и у «националов» (как у осетин, так и у русских) оказалась даже сниженной по сравнению с жителями других республик доля лиц, выбравших в качестве психологической защиты «норму возмездия». Так через два года после начала конфликта на вопрос: «Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?» ответ: «Отвечаю тем же» среди осетин-«посредников» дали 25%. Аналогичный ответ

дали почти столько же «посредников» среди татар (27%) и 39% – среди якутов. Кроме того осетины-«посредники» чаще в ситуации прямой агрессии «стараятся сгладить конфликт» (44%), чем, например, лица этой категории среди якутов (31%).

В межэтнических отношениях и «посредники» и «националы» в равной степени считают свои народы покладистыми и компромиссными. Ингушско-осетинский конфликт не находит своего решения уже длительное время, но осетины, вне зависимости от своей поведенческой ориентации в межэтническом взаимодействии, оказались в наибольшей степени солидарны, по сравнению с жителями других республик, в оценке своего народа как наиболее склонного к компромиссам.

«Националы» любой национальности чаще приписывают не только другой, но и своей группе стиль соперничества. Безусловно, чаще другой группе, как впрочем и «посредники». И те, и другие с большей легкостью, чем при самооценке, квалифицируют другие народы как соперничающие. Среди русского населения республик «националы» в целом оказались более критичными, так как они не только другим группам, но и своей достаточно часто отказывают в приверженности к компромиссам. В то же время русские-«посредники», оценивая поведение титульных народов в конфликтной ситуации, в два, три и даже четыре раза (русские Северной Осетии-Алании) чаще приписывают им стиль соперничества по сравнению с собственной группой.

В системе ценностей «националов» стиль соперничества в межэтническом взаимодействии чаще попадает в разряд одобряемых стратегий поведения. Они нередко и свое собственное поведение квалифицируют подобным образом. Например, 33% русских-«националов» в Северной Осетии-Алании ответили, что в случае возникновения межнациональных разногласий и конфликтов они «Настойчиво стремятся решить вопрос в свою пользу». Среди русских-«посредников» аналогичный ответ дали 15%. Среди осетин-«националов» этот же ответ выбирался в три раза чаще, чем среди осетин-«посредников».

«Националы» чаще одобряют насилие как форму социального контроля в межэтнических конфликтах или демонстрируют радикализм сознания, допуская различные жертвы ради суверенитета (например, массовые перемещения людей, межнациональные конфликты внутри республик, гражданские войны, войны за независимость с другими государствами). Но социальная ситуация регулирует и эти установки. Например, в более спокойных Татарстане и Саха (Якутии) доля ответивших, что ради суверенитета «никакие жертвы не допустимы» среди «националов», как впрочем и среди «посредников», ниже (соответственно 66% и 58%), чем в беспокойной Северной Осетии-Алании (73%). На наш взгляд, это говорит не столько о меньшей актуальности для жителей Осетии суверенитета, сколько о влиянии затяжной ситуации межэтнической напряженности, которая в конечном итоге снижает радикалистские установки массового сознания и заставляет быть осторожнее в суждениях.

«Националы» чаще принимают непосредственное участие в межнациональных спорах и разногласиях. Интолерантность провоцирует вступать в конфликты, и больше возможностей для приобретения опыта такого рода в беспокойных республиках. Есть ли какие-то принципиальные различия в поведенческих схемах, которых придерживаются эти две категории лиц в конфликтных ситуациях?

Рассматривая возможные способы компенсаторного поведения в конфликтных ситуациях, Г.Олпорт выделял два противоположных – экстрапунитивный и интропунитивный (Allport, 1954).

Экстрапунитивный – когда индивид действует в соответствии с установкой, что происходящие события есть результат главным образом внешних обстоятельств. Такой взгляд при провоцирующих обстоятельствах может выступить основой агрессии против окружающих. В случае, когда ответственность за происходящее переносится на самого себя, личность склонна к интропунитивному способу компенсаторного поведения.

Анализ данных, полученных на основе теста рисуночной фрустрации Розенцвейга у членов национальных движений, беженцев и вынужденных переселенцев из Грозного, показал разницу между «посредниками» и «националами» в направленности агрессивных реакций. В среднем по всем группам у «националов» повышено число экстрапунитивных реакций (внешнеобвинительных), понижено или остается в пределах нормы число импунитивных (безобвинительных) и интропунитивных (самообвинительных) реакций. Другими словами, в качестве способа компенсаторного поведения в конфликтных ситуациях «националы» более склонны к агрессивным реакциям по отношению к окружающим. Повышенный уровень эгозащитных реакций, которые носят характер обвинения в первую очередь других, а не самих себя, снижает стремление разрешить ситуацию примиряющим образом.

Данные по тесту агрессивности Басса-Дарки подтверждают приведенные выше результаты – респонденты с этническим самосознанием по типу гиперидентичности имеют самые высокие индексы агрессивности и враждебности. Вместе с тем большинство этих людей – достаточно адаптивные, психически сильные и устойчивые к фрустрационным ситуациям люди. И все же у «националов», похоже, быстрее иссякает терпение, среди них несколько больше тех, кто при оценке жизненной ситуации ответили, что «терпеть наше бедственное положение дальше невозможно».

Преобладание среди жителей республик «посредников» – людей открытых для иной культуры, свидетельствует о том, что стремление к межэтнической кооперации есть центральная стратегия поведения во взаимодействии между народами. Распространяется ли это утверждение также на ситуации разногласий и конфликтов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы сравнивали предпочтения в разных этнических группах в выборе соперничающей (навязывание другой стороне различными способами, в частности насильственными, предпочтительного для себя решения) или кооперативной («проблемно-решающей» –

поиск решения, удовлетворяющего обе стороны) стратегий межэтнического взаимодействия. Использовалась группа сдвоенных полярных индикаторов². Дополнительно в эту группу мы включили индикаторы, отражающие взаимоотношения с Центром. Центр в республиках, как правило, воспринимается русским. В связи с этим мы посчитали возможным в континууме «соперничество–кооперация» анализировать также показатели, отражающие отношения между титульным и русским населением республик.

Как и в целом, в условиях межэтнического взаимодействия, в этнонапряженных ситуациях доминирует кооперативная направленность как у титульных народов, так и у русских в республиках. Среди последних она в наибольшей степени выражена в Татарстане и в Северной Осетии-Алании. Здесь русские отличаются более позитивной оценкой прошлого опыта межэтнического взаимодействия, признают значимость для себя гражданства республики их проживания, демонстрируют высокую готовность к кооперации на групповом и личностном уровнях. Например, в Северной Осетии-Алании 70% русских назвали себя одновременно гражданами этой республики и Российской Федерации, а 68% оценивают типичное поведение осетин в конфликтной ситуации как желание найти взаимоприемлемое решение, удовлетворяющее обе стороны. Меньшее стремление к кооперации проявляют русские из Тувы. Около 60% из них считают, что тувинцы предпочитают соперничающую стратегию в ситуациях межэтнического взаимодействия. В целом городские жители Тувы в сравнении с другими республиками несколько чаще приписывают себе стиль соперничества в ситуациях разногласий, затруднений и конфликтов (четвертая часть всех тувинцев и пятая часть всех русских). Вероятно, это отражение соревновательного стиля взаимоотношений между тувинцами и русскими в различных сферах жизнедеятельности в республике.

На возможность развития стратегий соперничества в межэтническом взаимодействии указывает выраженность «национально-территориальных» («Больше чувствую себя гражданином своей республики», «Земля и ресурсы должны быть в исключительном ведении республики») ориентации у титульного населения республик. Это свидетельствует о том, что национально-государственный статус продолжает оставаться значимым для титульных народов и может оказаться важнейшим ориентиром в выборе стратегий межэтнического взаимодействия. Соответственно повышается актуальность в контексте межэтнического взаимодействия таких потенциально конфликтных этносоциальных измерений как «коренной–некоренной», «большинство–меньшинство», «титульный–нетитульный».

Кооперативная направленность в ориентациях у жителей республик характеризуется также тем, что и у титульного, и у русского населения выражены антиэкстремистские установки. В их число попадают уже рассмотренные нами: недопустимость жертв и насилия, стремление сгладить конфликт и пойти на односторонние уступки, а также предпочтение переговоров действиям чрезвычайного характера, в том числе и военным. Непопулярность экстремизма и силовых методов в межэтническом и межгосударственном взаимодействии и ожидание с обеих сторон в первую очередь кооперативного взаимодействия существенно снижает вероятность проявления крайних негативных стратегий в отношениях между народами.

Глава 7. Фазы межэтнической напряженности и психологические защитные механизмы

Завершая представление социально-психологической концепции межэтнической напряженности, выделим ее фазы, опираясь на эмпирические данные и систему социально-психологических индикаторов. Исследование межэтнической напряженности как динамического феномена открывает возможность выявления критических моментов ее роста, вплоть до того уровня, когда она достигает своих крайних точек – конфликтов и кризисов. Кроме того, межэтническая напряженность рассматривается в этой главе как результат активизации механизмов психологической защиты группы.

Социально-психологические индикаторы межэтнической напряженности

На основе концептуальных и эмпирических разработок системы понятий, описывающих феноменологическое поле межэтнической напряженности, определилась система социально-психологических показателей. Она рассматривается как основа конструирования специализированного инструмента, необходимого для самостоятельного мониторинга уровня межэтнической напряженности и характера этномобилизационных процессов. Такого рода мониторинг – это способ дать точные прогнозы эскалации напряженности в обществе, определить ее очаги и своевременно принять соответствующие меры на основе понимания глубинных психологических механизмов ее развития. В рамках общего конфликтологического мониторинга можно эффективно предсказать вероятность трансформации социальной напряженности в межэтническую, а также указать возможные пути ее развития.

Система показателей состоит из 10 базовых групп индикаторов

1. Статус этничности в структуре социальной идентичности и уровень этнополитической мобилизации сознания.
2. Типы этнической идентичности (гипоидентичность, гиперидентичность, этническая индифферентность).
3. Компоненты этнического образа (установочные образования – стереотипы, предубеждения, предрассудки, ценности, социокультурные размерности, психологические универсалии).
4. Этническая толерантность.
5. Агрессивность.
6. Фрустрация.
7. Этническая солидарность.
8. Этнические потребности и мотивы.

9. Поведенческие установки.

10. Этнокультурная дистанция.

Эти индикаторы взаимосвязаны между собой. Пересекаясь, они отражают три важнейшие сферы межэтнических отношений: психокультурные характеристики групп, особенности их социального восприятия и особенности межэтнического взаимодействия. В совокупности индикаторы представляют целостную характеристику состояний взаимодействующих этнических групп. В предыдущих главах перечисленные показатели анализировались в контексте сравнительного эмпирического материала, полученного в Татарстане, Туве, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании. В III разделе на их основе исследуются межэтнические отношения на Северном Кавказе.

Сравнивая психологические состояния этнических групп в республиках России, мы зафиксировали в них различный уровень и характер межэтнической напряженности. Наиболее высоким ее уровень оказался в Северной Осетии-Алании, где начавшийся в октябре 1992 г. ингушко-осетинский конфликт в период исследований (1993–1995 гг.) оставался все еще очень далеким от урегулирования. Наименьшая напряженность на уровне массового сознания была зафиксирована в Татарстане. Тува по уровню межэтнической напряженности оказалась ближе к Северной Осетии-Алании. Саха (Якутия) – ближе к Татарстану.

В Республике Тува межэтническая напряженность имела внутренний характер. Причем психологическая напряженность русских превышала уровень напряженности титульного населения. В Северной Осетии-Алании, где главный узел межэтнических противоречий был завязан между осетинами и ингушами, взаимоотношения между русскими и титульным населением республики характеризовались стремлением к кооперации, взаимозаинтересованностью и низким уровнем негативизма. По целому ряду показателей осетино-русские отношения были даже позитивнее по сравнению с другими республиками. Тем не менее затяжной конфликт с соседней Ингушетией и его очаги в самой Северной Осетии-Алании высоко подняли здесь уровень психологической напряженности не только среди осетин, но и среди русских.

В Татарстане и Саха (Якутии) межэтническую напряженность можно определить как «внешненаправленную с внутренней проекцией». Здесь на психологическом уровне оказалась выражена достаточно распространенная в республиках России ситуация, когда отношения с центром проецируются на свое русское население, и развитие внутриреспубликанской напряженности существенно зависит от характера федеральных отношений. Но в Саха (Якутии) центр напряженности был больше сдвинут в сторону титульных народов.

Наши исследования показали, что в целом равновесие в психологической сфере отношений между титульными народами и русским населением республик достаточно неустойчиво. В то же время ни один из показателей не достигал критических уровней, и толерантность доминировала над агрессивностью. Но психологическая основа для роста межэтнической напряженности к середине 1990-х гг. оставалась практически во всех республиках, даже в относительно благополучном Татарстане.

Сравнение показателей, отражающих психологические состояния и этнокультурные характеристики этнических групп в различных республиках, обеспечило эмпирическую основу для выделения фаз межэтнической напряженности.

Фазы межэтнической напряженности

Рассматривая процессуальную сторону конфликта, исследователи выделяют его различные стадии или этапы развития. Несмотря на разнообразие точек зрения, доминирующий здесь подход основан на фиксации различных уровней межгрупповой напряженности. При широком обобщении такого рода типологий, разрабатываемых конфликтологами, выделяются следующие стадии конфликта: латентная, или скрытая (напряженность минимальна); начало конфликта – переход от латентной стадии к открытому конфликту; эскалация конфликта (нарастание напряженности); конфликт (нарастание напряженности); насильственное протекание конфликта (напряженность максимальна); равновесие или баланс сил (продолжение конфликта силовыми методами невозможно, однако действия по достижению согласия еще не предпринимаются); разрешение конфликта или фаза интеграции; прерывание мирного периода (появление основы для новой конфронтации) (см. Латынов, 1993; Гостев, Соснин, Степанов, 1996; Степанов, 1996).

При рассмотрении межэтнической напряженности как динамического феномена выделение ее стадий или фаз представляется очень важным. Переход к очередной фазе означает каждый раз достижение определенных критических рубежей, оценка которых необходима для диагностики уровня межэтнической напряженности и для предупреждения ее дальнейшего роста. Исследуя межэтническую напряженность в диапазоне от скрытой, фоновой напряженности к проявлениям агрессии и насилия в отношениях между народами, мы выделяем четыре фазы: латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную. Охарактеризуем их на основе вышеприведенной системы индикаторов по следующим направлениям: психологическое состояние этнических групп, особенности их межэтнического восприятия и взаимодействия.

Латентная напряженность. Определенный уровень психологической напряженности – это нормальный психологический фон не только этноконтактных ситуаций, но и любых других ситуаций, связанных с элементами новизны или неожиданности, например, ситуация знакомства, узнавание человека с новой стороны. Поэтому можно утверждать, что латентная или фоновая межэтническая напряженность существует в любом даже самом гармоничном обществе, где есть признанное деление на этнические группы.

Ситуация латентной межэтнической напряженности предполагает позитивные отношения. Это означает, что если в обществе и существуют локальные массовые состояния неудовлетворенности, то их причины обычно не осознаются в плоскости отношений между народами. В структуре массового сознания доминирует этническая идентичность по типу «нормы». В сфере социального восприятия тон задают различные групповые категории, среди которых «национальность» главенствует очень редко. Ее значимость определяется исключительно текущей ситуацией межличностного общения. Когнитивные продукты межэтнического восприятия отличаются позитивностью и относительной адекватностью. В межэтническом взаимодействии, как и в любых позитивных межличностных отношениях, сочетаются как кооперативные, так и соревновательные процессы.

ношениях, сочетаются как кооперативные, так и соревновательные процессы.

Все это определяет прозрачность этнических границ. Но даже на этом уровне отсутствует эмоциональная нейтральность. Переход социальной ситуации в новую плоскость межгрупповых отношений уже задает начальный уровень эмоциональной напряженности. Конечно, она может быть связана и с позитивными эмоциями интереса, удивления и радости. Но результаты эмпирических исследований говорят о том, что контакты с незнакомыми людьми нередко повышают негативную эмоциональную активацию. Например, в работе Е.Бобада и Г.Уолботта показано, что члены разных культур во взаимодействиях с незнакомыми людьми – «чужаками» чаще, чем со знакомыми, испытывают страх и в меньшей степени контролируют гнев (Bobad, Wollbott, 1986).

Более подробно все эти показатели в условиях ситуации латентной межэтнической напряженности анализируются в главе 13 (III раздел).

Стремительный рост межэтнической напряженности может произойти на базе острой социально-политической напряженности. Так случилось в бывшем СССР, где латентная напряженность при всей внешней благопристойности межэтнических отношений вдруг обнаружила свой мощный взрывной потенциал в условиях глобальных социально-экономических изменений в обществе.

Фрустрационная напряженность. В психологии фрустрация рассматривается обычно как специфическое психическое состояние неудовлетворенности и переживания жизненных трудностей индивидом. Фрустрация проявляется в ощущениях гнетущего напряжения, тревоги, отчаяния, гнева, раздражения, разочарования. Негативные переживания повышают степень эмоциональной возбужденности личности. На этой стадии напряженность становится зримой, прорываясь наружу в формах бытового национализма. Ему соответствует появление и широкое распространение в обществе уничижительных групповых характеристик (например, «лицо кавказской национальности», «черные», «кепки», «чучмеки» и др.), возрастание популярности анекдотов на национальные темы, учащение конфликтных межличностных эпизодов на национальной почве и т.п. Фрустрационная напряженность как бы зреет во внутригрупповом пространстве, постепенно проникая и в межгрупповые отношения.

Главный признак ситуации фрустрационной напряженности – рост эмоционального возбуждения. Увеличение числа фрустрированных личностей повышает уровень аффективной заряженности общества.

Фрустрация как групповое психическое состояние влияет на формы и векторы формирования этнической идентичности. Развитие массовых процессов психической инфляции определяет вектор трансформации группового этнического самосознания в сторону гиперидентичности. В результате становится возможным «запуск» процессов эмоционального заражения и подражания. Формируются психические пограничные состояния массовой невро-тизации, фрустрации, которые непременно требуют психической разрядки. Это стремление неоднократно блокируется на экспрессивно-исполнительной фазе, что приводит к очередному повышению уровня эмоционального возбуждения.

По данным Центра социальной и психологической помощи, больше половины населения России страдают посттравматическим стрессовым расстройством. К числу психологических стрессоров относят фактор фрустрации. Негативные эмоции не обязательно должны быть заметно выражены. Важно, что они увеличивают общий уровень эмоционального возбуждения и стремления к действию. Это не может не влиять на формирование групповых поведенческих стратегий. В рамках теорий социального научения уже давно экспериментально доказано, что фрустрация далеко не всегда ведет к агрессии (Л. Берковитц, А.Бандура). Из нее возможны еще два выхода: конструктивное решение возникающих проблем и рост астенических и депрессивных состояний. Но в результате продолжительной фрустрации, вызванной ростом социальной и межэтнической напряженности, уменьшается число людей, способных к конструктивным решениям.

Нарастание интенсивности межэтнической напряженности на фрустрационном этапе напрямую связано с уровнем социальной напряженности в обществе и ее трансформацией в межэтническую. Последнее означает, что в качестве источника фрустрации начинают выступать другие этнические группы. В результате различные препятствия, возникающие при осуществлении жизненно важных потребностей, начинают связываться с этнической принадлежностью. Здесь могут иметь значение как реальные причины (например, дискриминация при поступлении на работу, распределение продуктов по предъявлению паспорта, как это было в странах Балтии в начале 1990-х гг.), так и надуманные.

В начале этого этапа блокируется потребность в позитивной этнической идентичности. Психологическая причина этого – идентификация с коллективной «тенью», когда слабая, негативная сторона этноса становится зримой и груз собственных недостатков начинает давить на сознание. Возникает необходимость в их немедленном рациональном вытеснении. Это определяет появление гиперидентичных или гипoidентичных тенденций в индивидуальном и групповом сознании.

И хотя еще не конкретизирован реальный конфликт интересов, групповые позиции уже поляризованы. Этнические границы становятся ощутимыми, уменьшается их проницаемость. Растет значимость в межэтнической коммуникации языковых, культурных и психологических факторов. На этом этапе в массовом этническом самосознании закладываются основные психологические оси межэтнической напряженности: зависимости, ущемленности, несправедливости, враждебности, виновности, несовместимости, соперничества, страха, недоверия.

С целью определения различий в психологических состояниях титульного и русского населения Татарстана, Тувы, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании в республиках сравнивался эмоциональный фон. Для этого рассматривались не только прямые показатели фрустрации, но и косвенные. В совокупности они отражают баланс позитивных и негативных эмоциональных тенденций, связанных с социально-экономической сферой и сферой межэтнических отношений (см. рис. 14). Общий уровень фрустрации измерялся на основе индикаторов социальной напряженности, оценок удовлетворенности социально-экономическими аспектами, в целом жизненной ситуацией, результатами политических перемен, уровня доверия к властям. Принцип подбора индикаторов был парный. Каждая пара состояла из двух показателей, один из которых соответствовал накоплению позитивных эмоций, а второй – накоплению негативных¹.

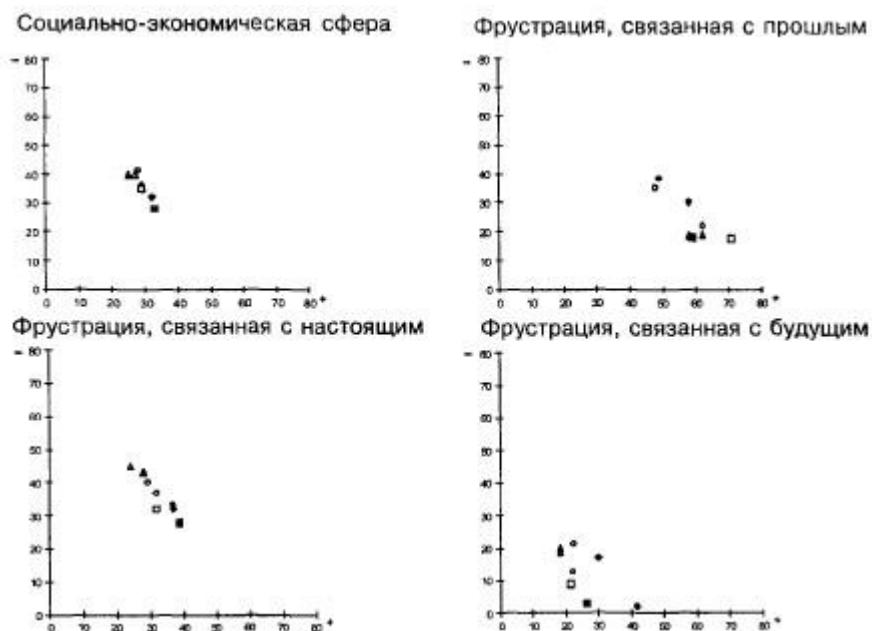

Рис. 14. Соотношение позитивных и негативных эмоциональных тенденций, связанных с социально-экономической сферой и сферой межэтнических отношений (%)

Северная Осетия:	▲ осетины	Тува:	• тувинцы
	○ русские		○ русские
Саха (Якутия):	◆ Саха	Татарстан:	■ татары
	○ русские		□ русские

Источником фрустрации могут быть и события прошлого, и проблемы сегодняшнего дня, и мысли о будущем. По мнению психологов, тип эмоциональных переживаний зависит от времени: фрустрация, связанная с прошлым, порождает страх, с настоящим – гнев, с будущим – печаль, отчаяние (Hunt, 1958).

Корни напряженности между титульными народами и русскими в республиках России не столько в прошлом, сколько в настоящем. Это значит, что в межэтнических отношениях меньше такой разрушительной эмоции как страх и меньше вероятность насилия и агрессии на этнической почве.

Фрустрация, связанная с прошлым опытом межэтнических отношений, оказалась наиболее характерной для жителей Тувы. Несмотря на позитивный опыт совместного проживания тувинцев и русского старожильского населения, полвека общей советской истории оказались не таким большим сроком для взаимной адаптации достаточно разных культур. Сравним некоторые данные по Туве с данными по Северной Осетии-Алании, которая добровольно присоединилась к России уже два с лишним века назад. У жителей Тувы выражено эмоциональное неудовлетворение, связанное с особенностями отношений в прошлом. Негативный опыт межнационального общения (сталкивались с негативным отношением на бытовом уровне, с дискриминацией по национальному признаку и др.) имеют 65% тувинцев и столько же русских. Среди осетин и русских таких респондентов значительно меньше – 13% и 26% соответственно. Если 64% осетин высоко оценивают помощь русских в развитии других народов России, то среди тувинцев это мнение высказывается в три раза реже. Около 40% тувинцев считают, что, живя в соседстве с русскими, они переняли у них некоторые негативные психологические черты и особенности образа жизни. Среди осетин о негативных культурно-психологических заимствованиях у русских упоминают всего 5%. Одним из результатов такой оценки прошлого опыта межэтнического взаимодействия является, возможно, выявленное нами снижение у жителей Тувы уровня доверительности и открытости в межличностных отношениях.

Фрустрация, связанная с социально-экономической сферой и с актуальными проблемами в межэтнических отношениях, более характерна для русских, чем для титульных народов. Русские оказались менее защищенными и соответственно более чувствительными к экономическим и этносоциальным изменениям. Они чаще оценивали межэтнические отношения как напряженные и отмечали их ухудшение за последние 2–3 года. » Более стабильное эмоциональное состояние у русских Татарстана. Среди них уровень этнической солидарности и открытость в межличностном общении соответствовали аналогичным показателям у татар.

По сравнению с титульным населением русские республик демонстрируют более лояльное отношение к мигрантам. За исключением Северной Осетии-Алании, переполненной беженцами и вынужденными переселенцами из Южной Осетии и внутренних областей Грузии, Чечни, Ингушетии и других регионов постсоветского пространства. Здесь и осетины, и русские нередко называют беженцев в качестве лиц, осложняющих межэтнические отношения в городе.

В целом проецирование негативных эмоций на такой источник фрустрации как этническая группа более характерно для титульных народов. Особенно для тех его представителей, у которых этническое самосознание трансформируется по типу гиперидентичности. Сниженность гиперидентичных тенденций среди русских означает, что им в меньшей степени свойственно стремление решать свои проблемы в русле «этнических» обвинений. Их эмоциональное напряжение скорее перерождается в астенические и депрессивные состояния. А в первой половине 1990-х гг. наиболее популярным способом решения проблем в таких случаях среди русских было принятие решения о миграции.

В соответствии с результатами исследований мы определяем внутренние ситуации межэтнической напряженности в Туве, Саха (Якутии) и Татарстане как фрустрационные, хотя и различающиеся по степени и по характеру эмоционального напряжения.

В республике Северная Осетия-Алания фрустрационная напряженность между титульным и русским населением дополняется конфликтной напряженностью между осетинами и ингушами. Это отразилось на показателях фрустрации. Здесь и у русских, и у осетин по сравнению с населением других республик повышен уровень негативных эмоциональных переживаний, обусловленных социально-экономическими обстоятельствами и межэтническими проблемами, которые связаны с настоящим и будущим (см. рис. 14).

Конфликтная напряженность. Напряженность на этом этапе приобретает рациональную основу, так как между сторонами возникает реальный конфликт несомнимых целей, интересов, ценностей и соперничество за ограниченные ресурсы (Campbell, 1965). Реалистическая теория группового конфликта, предложенная Р.Левайном совместно с Д.Кэмпбеллом как альтернатива индивидуальному уровню объяснения предрассудков и напряженности, заложила функциональный подход к исследованию межгрупповых противоречий. В соответствии с этой теорией конфликт интересов и взаимные угрозы определяют: (а) восприятие ситуации, (б) враждебность по отношению к источнику угрозы, (в) усиление внутригрупповой солидарности и осознание внутри-групповой идентичности, (г) усиление этноцентризма (Levine, Campbell, 1972).

Сущность конфликтной межэтнической напряженности точно выражена в определении конфликта Р.Фишером: «Это такая социальная ситуация, для которой характерно несоответствие в целях или ценностях между двумя или более сторонами, стремление сторон контролировать друг друга и антагонистические чувства сторон по отношению к друг другу» (Fisher, 1990a, p.6). В соответствии с этим определением конфликтную фазу межэтнической напряженности можно обозначить как антагонистическую. Мы выделяем ее следующие особенности.

Во-первых, эмоциональное возбуждение, накопленное на предыдущем этапе, уже аккумулировано в пограничных формах, непосредственно предшествующих психопатическим состояниям. Прекрасный диагност психических болезней не только отдельных личностей, но и всего общества, К.Юнг относил все политические, в том числе и национальные движения к массовым психозам или психическим эпидемиям, которые никогда «...не разражаются словно гром среди ясного неба, а всегда являются результатом длительной предрасположенности» (Юнг, 1996б).

Экспериментальные психологические исследования свидетельствуют о том, что аккумуляция отрицательного эмоционального заряда значительно увеличивает круг раздражителей, вызывающих враждебные реакции, и определяет негативный вектор когнитивных и перцептивных процессов. Например, высокий уровень тревоги обуславливает повышенную склонность к восприятию элементов угрозы в различных ситуациях (Secord, Backman, 1964), длительная фрустрация способствует превращению нейтральных слов в слова агрессивного содержания (Postman, Bruner, 1948), в состоянии сильного эмоционального возбуждения оцениваемый человек кажется менее приятным и дружелюбным, в свою очередь, непривлекательные субъекты воспринимаются как недружественные и закрытые для общения (Рейковский, 1979).

Пограничные психические состояния могут переходить в явления массового психоза в ситуациях национальных потрясений. В качестве примера можно привести трагические апрельские события 1989 г., произошедшие в Грузии, когда для разгона демонстрации были использованы не только саперные лопатки, но и отравляющие газы. Длительное время после этих событий в клиники Тбилиси продолжали поступать люди с явно выраженными симптомами интоксикации отравляющими веществами. По утверждению французских врачей-токсикологов, прибывших в Грузию специально для оказания помощи пострадавшим от отравления газами, в большинстве случаев это были не физические отравления, а «психологические» (Экспресс-хроника. 1989. №2).

Во-вторых, этничность становится центральным психологическим конструктом массового сознания. Так как она является функцией отношений с другими этническими группами, изменение этих отношений служит источником сильного беспокойства. В то же время она уязвима из-за страхов, тревог и обид. В широком масштабе осознается и обсуждается кризисное состояние своего народа.

В-третьих, резко возрастает неадекватность межэтнического восприятия. Ее результат – кристаллизация негативного образа другой этнической группы через трансформации этнических стереотипов в предубеждения и предрассудки. Стремительно увеличивается количество людей, охваченных психической инфляцией. В результате возрастает число лиц с трансформацией этнического самосознания по типу гиперидентичности. Эти процессы ведут к росту нетерпимости в межэтнических отношениях, еще больше снижается проницаемость этнических границ и повышается вероятность негативного поведения по отношению к представителям других этнических групп.

Рост межэтнической напряженности формирует межгрупповое взаимодействие преимущественно по типу соперничества. Преобладание соревновательного взаимодействия и дальше ведет к соперничеству (Deutsch, 1990), которое определяет рост антагонизма между группами.

Массовые психозы на основе процесса психической инфляции порождают групповую реакцию «воинствующего энтузиазма». В соответствии с К.Лоренцем, это – форма социальной защиты, предполагающая активное вступление в борьбу за значимые социальные ценности, особенно за те, которые освящены культурной традицией (Лоренц, 1992). Как нельзя лучше эти ценности могут быть представлены такими понятиями как «народ», «национальная культура», «родина предков» и др. Когнитивно-эмоциональная опора воинствующего энтузиазма – это образ врага, в котором конкретизируется угроза. Сконструированный на идеологическом уровне, он попадает на хорошо подготовленную психологическую почву: массовое сознание готово его принять, а идеологи – расставить соответствующие акценты.

В ситуации конфликта происходит переход межэтнической напряженности из пассивной стадии в активную. Это именно такая раздражающая ситуация, которая провоцирует разрядку социальной агрессивности. На этом этапе процессы группового переструктурирования и этнической мобилизации группы резко ускоряются и достигают наибольшей определенности. Единичность случаев проявления бытового негативизма приобретает массовый характер. Сокращается дистанция между негативными образами и соответствующими действиями. Чем больше людей заражено процессом психической инфляции, тем больше «воинствующих энтузиастов» в лице активных националов. Причем их число растет, главным образом, за счет увеличения «пассивных» представителей этой категории. Резко возрастают показатели этнической солидарности: этноаффилиативные тенденции, накал позитивных чувств по отношению к своему народу; усиливается потребность в позитивной этнической идентичности и безопасности.

Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты. Они – главный источник появления в обществе группы лиц, которую мы называем невротиками-этнофобами. У них снижена фрустрационная устойчивость, затруднены взаимоотношения с широким кругом лиц. В этноконтактных ситуациях они отличаются неадекватностью и иррациональностью поведения (см раздел III, глава 16). В условиях продолжительной психо-травмирующей ситуации невротики-этнофобы пополняют ряды националов.

Кризисная напряженность. Ситуация межэтнической напряженности может быть названа кризисной, когда ее невозможно урегулировать цивилизованными методами, и в то же время она требует немедленного разрешения. На этом этапе все ее элементы приходят в противоречие. М.Дойч назвал такого рода ситуацию «злокачественным социальным процессом» (Deutsch, 1990, p.238). Ее главные отличия – страх, ненависть и насилие. Ненависть и страх тесно связывают и становятся ведущими двигателями поведения, а насилие превращается в главную форму контроля сторон друг за другом. Поэтому эту фазу межэтнической напряженности можно обозначить как насильственную.

В кризисной ситуации психическая инфляция достигает своих крайних форм и по силе, и по широте охвата. Это выражается

в массовых тенденциях формирования этнического самосознания по типу радикальных форм гиперидентичности: этноизоляция-ционизма и национального фанатизма. По уровню гиперидентичности впереди идут вынужденные мигранты – переселенцы и беженцы. Они невольно разносят грибок национализма за пределы его первичных очагов.

Радикализм сторон и несовместимость позиций, крайняя предвзятость в интерпретации реальных фактов, фиксация на защите попираемых прав достигают своего апогея. Общий уровень эмоционального возбуждения доходит до той степени, когда эмоции становятся мощным побуждением к действию и иррациональной основой повышенной активности. Социально-перцептивные механизмы нередко достигают своих крайних форм. Неадекватность и негативизм образов других народов резко возрастает, дистанция ними и реальными действиями по отношению к «другим» практически исчезает.

Это психопатологическое состояние получило название социальной паранойи. Дж.Совер-Фонер считает, что индивид в таком состоянии способен участвовать в самых различных событиях, но его позиция всегда будет отличаться подозрительностью и стремлением контролировать любую ситуацию (Sarwer-Foner, 1979). У социальных параноиков процессы психической инфляции нередко достигают своего максимума, когда в структуре идентичности «Мы» практически полностью вытесняет «Я». При определенной интенсивности психопатологических процессов на бессознательном уровне отбираются

личности или группа, и на них проецируется все то, что социальный параноик считает для себя нежелательным. Его заблуждения направлены в первую очередь на тех, кого легко идентифицировать как чужаков {Sarwer-Foner, 1979}. В условиях роста межэтнической напряженности таковыми безусловно становятся этнические группы.

Еще один признак социальной паранойи – утрата обратной связи и, в результате, неспособность воспринимать и подвергать анализу то, что не подтверждает проекций (Соколовский, 1994). Важной причиной утраты связей с реальностью является неконтролируемый страх. Этничность как форма идентификации, обращенная в прошлое, в наибольшей степени связана с эмоцией страха. Исследуя антропологию этнического насилия на примере Ошского конфликта, В.А.Тишков показывает, что страх был обязательным компонентом во всех эпизодах, включавших агрессивные или насильственные действия (Tishkov, 1996). Но страх не обязательно инициирует агрессию. В первую очередь он – важнейший побудитель активных действий. Они могут быть и совершенно противоположного характера, например, уход от агрессии. Так в 1989 г. волна страха в кратчайшие сроки смела турок-месхетинцев практически из всего Узбекистана, хотя нигде, кроме Ферганы, не было поджогов, погромов, грабежей.

Важнейшим побудительным компонентом агрессивных действий является гнев {Postman, Burner, 1948}. Это эмоция с высоким уровнем плотности (уровень нейронной активности высок и постоянен). Она сопровождается, как правило, уверенностью и импульсивностью, стремлением к активному действию. Страх и гнев – эмоции, которые наиболее приближены к агрессивным реакциям.

В кризисной ситуации межэтнической напряженности своего максимума также достигает иррациональность поведения. Она особенно свойственна психопатическим личностям параноидального склада, которые становятся центральными субъектами эмоционального заражения.

С.В.Соколовский, описывая психологические корни социальной паранойи, раскрывает особенности иррациональности в различных сферах бытия человека. В интеллектуальной сфере она проявляется как глубокая убежденность индивида (группы) в своей правоте, единственности разделяемой картины мира или ситуации. Противоречащие этому данные либо игнорируются, либо объявляются подделкой. В мотивационно-поведенческом плане параноид представляет собой стремление индивида (группы) утвердиться в глазах окружающих. Противоречащие факты воспринимаются как ложные, измышленные противниками. Субъективно это переживается как борьба истины с ложью. В эмоциональной сфере это состояние характеризуется чувством высокой собственной значимости, подозрительностью, тревогой, страхом, злобой. При малейшем противодействии извне возникает чувство ущемленности, стремление отомстить и даже готовность к самопожертвованию во имя гибели или посрамления соперника. Субъективно это переживается как борьба непонятого с непонимающими, притесняемого с притеснителями, то есть как борьба добра со злом. В перцептивной сфере наблюдаются тревожно-враждебные ожидания вместе с интерпретациями, предшествующими фактам, а не следующими за ними, что создает иллюзии, субъективно воспринимаемые как очевидность {Соколовский, 1994}.

На этапах конфликтной и особенно кризисной межэтнической напряженности значимость приобретает такая характеристика массового сознания как мифотворчество. Высокая аффективная заряженность общества благоприятствует его развитию.

Психологические защитные механизмы

С.Лурье, рассматривая в качестве важнейшей функции этнической культуры психологическую защиту индивида, утверждает, что «в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями» {Лурье, 1994, с.51}. Психоаналитики доказывают, что каждой культуре присуща своя собственная иерархия защитных механизмов – культурных моделей и этнических характеристик (Devereux, 1980; Herron, 1995). Некоторые из них, характерные для северокавказских народов, рассматриваются в главе 11.

Помимо этнокультурных защитных механизмов существуют общечеловеческие психологические механизмы, в частности социально-перцептивные, универсальные для большинства культур Земли. В целом на выходе формируется уникальная система психологической защиты этнической группы – важнейшего механизма ее адаптации в критических ситуациях. Она представляет совокупность психологических средств и способов регулирования межэтнической напряженности силами самих этнических групп как коллективных субъектов деятельности и взаимодействия.

Активизация системы психологической защиты этнической группы – результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержания этничности при наличии реальной или воображаемой оппозиции в лице другой этнической группы. Возрастающее в критических социальных ситуациях, а также при нарушении целостности, стабильности этнической группы и привычного порядка межэтнических отношений стремление представителей группы сохранить и усилить свою позитивную этническую идентичность нарушает устоявшиеся компенсаторные связи между сознанием и бессознательным. Необходим новый уровень компенсации, и эту функцию выполняет система психологической защиты этнической группы.

А.Адлер, который ввел в психологию невротиков понятие компенсации, определял ее как функциональное уравнивание

чувства неполноценности при помощи замещающей психологической системы. Компенсация для А.Адлера – это «фиктивная линия поведения», на основе которой человек стремится не только уравновесить неполноценность, но даже превратить ее в сверхценность (Адлер, 1993, с.34).

С такой точки зрения, действие механизмов компенсации в сфере межэтнических отношений – это результат социально сформированного невротического комплекса этнической неполноценности. Он включает гипертрофированное чувство ущемленности в культурном и этническом качестве, осознание своей маргинальностиTM, страх утраты этнокультурной идентичности, ощущение упущенных возможностей и др. Компенсаторный комплекс способствует формированию замкнутости и круга общения по моноэтническому принципу, развитию стремления к превосходству, соперничеству и желания отомстить за прежние реальные и воображаемые обиды.

Шире понятие компенсации рассматривал К.Юнг. У него компенсация – это процесс саморегулирования психики: где есть психологическая неуверенность, беспокойство и страх, там возникает потребность в безопасности, порядке и силе, где чувствуют свою индивидуальную слабость и никчемность, там появляется потребность в коллективной силе и гордости, где нет самоидентичности, там стремятся к идентичности с группой (Jung, 1977a). В случае нарушения взаимосвязей между бессознательным и сознанием компенсация такого рода возникает на основе «экстер-нализации» подавленного психического содержания и выражается в состояниях массовой психической инфляции.

Ее индикаторами являются трансформации этнического самосознания по типу гиперидентичности («этноэгоизма», «этноизо-ляционизма», «национального фанатизма»). На уровне группы в качестве способов ее саморегуляции наибольшее значение в этом случае будут приобретать не только антиассимиляционистские (например, возрождение и «очищение» национальных языков, культур), но и «деколониаторские» (например, стремление к независимости на политическом уровне, к восстановлению самоуважения, национального достоинства) тенденции в отношении доминировавшей в прошлом этнической группы. В наибольшей степени такие компенсаторные механизмы выражены у репрессированных в прошлом («наказанных») народов. Причем, они существенно активизируются за счет чувства обиды, оскорбления национального достоинства, стыда и унижения.

Психологические-защитные механизмы искажают или отрицают реальность (Javier, Rendon, 1995; Herron, 1995; Volkan, 1988), что на уровне межэтнического восприятия является в большой степени результатом действия специфических социально-перцептивных механизмов, начинающих «работать» в условиях роста межэтнической напряженности. На их основе формируются образы «своих» и «чужих», врагов и союзников, добра и зла. Они подчиняются закономерностям социальной категоризации, межгруппового сравнения и каузальной атрибуции. По мере роста межэтнической напряженности социально-перцептивные механизмы начинают приобретать все более отчетливые формы. Они имеют выраженный компенсаторный характер, так как направлены на повышение личностной самооценки с целью самозащиты и поднятием престижности собственной этнической группы.

В условиях усиливающейся межэтнической напряженности центральное значение приобретают следующие социально-перцептивные механизмы:

1. Смещение баланса эмоционального позитива «в пользу» собственной этнической группы. В результате повышается избирательность межэтнического восприятия. Происходит отсев позитивной информации и искажение поступающей по следующему принципу: в фокусе внимания остается информация, которая подтверждает уже имеющиеся негативные стереотипы, неподтверждающая их информация отбрасывается. Отмечается устойчивая тенденция негативных этносоциальных представлений к самовпроизводству и самоподдержанию.

2. Актуализация межэтнических различий. Усиливаются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. Снижается дифференциация отдельных представителей других этнических групп и усиливаются тенденции деперсонализации членов собственной группы.

3. «Этническая» генерализация негативного эмоционального потока и поиск виноватого по этническому критерию.

4. Объяснение недостатков и неудач собственной группы на основе внешних факторов и обстоятельств, а не внутренних причин (личностных характеристик, мотивов и целей). Победа своей группы над другой в таком случае чаще интерпретируется как результат собственной силы, чем как слабость противника (Jaspars, Newstone, 1982, p. 142). А в случае превосходства другой этнической группы, ее достижения объясняются «ситуационными» причинами. Это результат действия общего социально-перцептивного механизма – «фундаментальной атрибутивной ошибки». В межкультурном взаимодействии это означает, что, во-первых, недооцениваются различия в культуре, обстоятельствах и социальных ролях. Во-вторых, ответственность и вина за неудачи в экономическом, социальном и др. развитии своей группы переносятся на другие этнические группы.

5. Смещение «оправдательных» и «обвинительных» критериев. Примером этого является превращение в очень короткий срок в республиках бывшего СССР «братских народов» в «мигрантов», «инородцев» и «оккупантов». Это результат действия атрибутивного механизма эмоциональной инверсии (от лат. *inversio* – перестановка).

6. Проецирование собственных, но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа, негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп.

Механизм проекции имеет особое значение в сфере межэтнического восприятия. Через проецирование неконтролируемого страха, собственных недостатков и психических расстройств на другой

народ отчуждается коллективная «тень». В условиях межэтнического конфликта вытеснение «тени» происходит достаточно жестко. Негативные содержания бессознательного получают дополнительную энергию, в результате проекция ускоряется и широко распространяется. Это один из механизмов возникновения в обществе массовых невротических и психотических состояний, которые характеризуются навязчивым стремлением к конфликтам. Помимо политических врагов люди склонны проецировать собственную «тень» на всякого, что отличается или отдален от них.

Смысл проекции как защитного механизма состоит в том, что отрицательные проекции помогают группе избежать прямого внутреннего контакта с несовместимыми или вызывающими беспокойство психическими содержаниями. Анализируя работы К.Юнга по этой проблеме, В.Одайник выделил подчеркиваемую Юнгом полезную функцию отрицательных проекций: «Само существование врага, на которого можно свалить все зло... – огромное облегчение для нашей совести и для компенсирующего чувства идеализма. Вы можете тогда по крайней мере сказать не колеблясь, кто дьявол; и будете совершенно уверены, что причина ваших бед находится вовне, а не в вас самих» (Одайник, 1996, с. 86). Реализация механизмов проекции через такую форму межэтнического взаимодействия как этнический конфликт – способ группы защититься от теневых аспектов своего коллективного «Я».

К. Юнг характеризовал проекции вследствие их бессознательной природы как наивные по форме и совершенно неспособные к различению, а тем более к объективной оценке. В качестве классического примера он говорил о сути психологии войны и шовинизма: все, что совершила моя страна – хорошо, все, что совершил противник – плохо. Распознать проекции в межэтническом восприятии и научиться понимать свою тень значит осознать причины, по которым другая этническая группа или ее отдельные представители вызывают беспокойство, страх и враждебность. По мнению К.Юнга, ничто так не способствует взаимопониманию и восстановлению дружеских отношений, как взаимное снятие проекций (Jung, 1977).

Неуверенность в будущем и выраженное стремление к идентификации с группой может стимулировать возвращение к архаике, к старым и более примитивным схемам поведения в сложных ситуациях. Этот своеобразный уход от реальности, отступление в «традиционную нишу» означает активизацию регрессивных защитных механизмов. Для культур Северного Кавказа они стали важной частью психологической системы защиты. Так в первой половине 1990-х гг. мы наблюдали интенсивную реанимацию длительные годы латентно существовавшей кланово-родовой системы в традиционных культурах Северного Кавказа, попытки использовать архаичные формы урегулирования конфликтных отношений между Северной Осетией и Ингушетией (подробнее см. раздел III).

Несмотря на то, что действие регрессивных механизмов определяет «спуск» по цивилизационной лестнице к более архаичным формам взаимодействия, связанным в том числе и с насилием, они предполагают достаточно конкретное, хотя и медленное решение острых проблем на основе старых традиций и ритуалов. Мирровая практика показывает, что для конфликтов, в ходе которых пролита кровь, не существует быстрых способов разрешения.

В ситуациях конфликтной и кризисной межэтнической напряженности возможности изменения отношений через учащение контактов очень ограничены. В таких обстоятельствах даже после локализации конфликта необходимо длительное время для снятия внутригруппового эмоционального возбуждения. Погруженность в собственное эмоциональное состояние существенно затрудняет процесс взаимопонимания. Даже казалось бы мелочам придается большое значение. Поэтому принятие немедленных мер урегулирования на основе стратегии интенсификации межэтнического взаимодействия как правило не эффективно. Более того, они могут усилить напряженность.

Время лечит. Примириться с потерями можно только через переживание печали на индивидуальном и групповом уровнях. Печаль снижает эмоциональное значение утрат и ущерба, помогает принять изменения и перейти к новому этапу взаимоотношений. В.Волкан считает, что помочь этому процессу можно через объекты, связывающие данную ситуацию с потерей и поэтому имеющие большое психологическое значение. Это памятники, кладбища, различные церемонии (Volkan, 1988).

В ситуациях конфликтной и кризисной межэтнической напряженности, когда взаимодействие этнических групп нередко определяется прошлым, необходимо немалое время, чтобы переболеть этим прошлым, суметь простить в настоящем и попытаться объединиться в соответствии с общими интересами и для осуществления общих целей. А это процесс, который связан с большими психологическими и временными издержками.

Раздел II

Принципы и методы эмпирического исследования психологии межэтнических отношений

Глава 8. Принципы построения эмпирической программы этнопсихологического исследования

Более полувека в СССР существовал негласный запрет на исследования в области этнической психологии и ее важнейшей сферы – психологии межэтнических отношений. Теоретические и методологические разработки практически не велись, а отечественный банк этнопсихологических данных к 1980-м гг. весьма незначительно пополнился со времен эмпирического исследования, осуществленного А.Р.Лурией еще в начале 1930-х гг. в Узбекистане¹ (Лурия, 1974).

Тем не менее, начиная с 1980-х гг., потребность в такого рода исследованиях не только возникла, но и усиливалась. Когда стали появляться первые этнопсихологические работы, исследователи, естественно, столкнулись с дефицитом и теории, и методологии, и эмпирики. Наиболее остро это ощущалось в становящейся все более политизированной области межэтнических отношений, а именно здесь в конце 1980-х–начале 1990-х гг. эмпирические этнопсихологические данные оказались особенно необходимыми

при решении задач прогнозирования возможных конфликтов и регулирования уже существующих. Дальнейший рост межэтнической напряженности еще более увеличил потребность в этнопсихологических исследованиях. Остановимся на основных методологических и методических проблемах, возникающих в процессе построения эмпирической программы этнопсихологического исследования. Существует ряд важных и общих вопросов вне зависимости от того, исследования ли это отдельных этнических групп, кросскультурные исследования этносов, разделенных океаном, или это исследования напряженности между народами, живущими бок о бок.

Междисциплинарный статус этнопсихологии

Наступивший после продолжительного затишья бум в исследованиях межэтнических отношений показал, что развитие этнопсихологии происходит сегодня по типу так называемых «теорий среднего ранга». В этом смысле мы следуем за Западом, используя в первую очередь достижения американской кросскультурной психологии и европейской психологии межгрупповых отношений. Эти теории «замешиваются» также и на наиболее известных отечественных концепциях: теории этногенеза Ю.В.Бромлея, истори-ко-психологической концепции межгрупповых отношений Б.Ф.Поршнева, биолого-географической концепции этноса и этногенеза Л.Н.Гумилева. «Теории среднего ранга», созданные специально под определенную социальную задачу: миграции, конфликты, проблемы суверенитета, требуют разработки специфического методического аппарата.

Неоднозначность и многослойность этнопсихологических явлений неизбежно порождают необходимость междисциплинарного подхода к их исследованию. Как, например, это произошло в западной науке при соединении культурной антропологии с психоанализом. К этой диаде затем активно подключилась социология, придав этнопсихологическим исследованиям новые измерения. Позже, уже в 1970-х гг., функции между этими науками были условно распределены следующим образом: антропология обеспечивает сбор данных, психология представляет методологию, социология – теорию, необходимую для дальнейшего анализа полученных результатов. В последние десятилетия в перечень наук, непосредственно связанных с этнопсихологией, добавились история, психолингвистика, политология. В зависимости от предмета этнопсихологического исследования используются соответствующие подходы, опирающиеся на различные психологические субдисциплины.

Социальная этнопсихология и ее субдисциплина – психология межэтнических отношений, предполагают изучение этнических групп как исторических и социокультурных образований и отношений между ними через отдельную личность, являющуюся, по выражению А.А.Леонтьева, «историко-этнической категорией» (Леонтьев, 1983). Это означает, что содержательную опору социальной этнопсихологии составляют не только первичные данные собственно эмпирического этнопсихологического исследования, но и «родительских» или смежных дисциплин. Этнопсихологический анализ должен опираться и на психологические теории и концепции, и на реалии межэтнических отношений, и на эмпирические факты антропологии, социологии, истории, языкознания, политологии, демографии, отражающие этнокультурную действительность. Этот подход требует разработки собственной исследовательской логики. Опыт такого социально-психологического анализа на основе исторических, политологических, социологических, этнологических и демографических материалов исследования народов Северного Кавказа представлен в 10–12 главах.

Главной содержательной основой этнопсихологии является антропология. В ней интегрированы этнография (монографическое описание, наблюдение и анализ традиционно-бытовой культуры этнических групп в целях реконструкции их образа жизни) и этнология (сравнительное изучение материалов, собранных в полевых исследованиях разных народов). По мнению К.Леви-Стросса, антропология – это обобщенный этнологами этнографический материал, используемый для общего познания человека и для диалога с другими гуманитарными науками (Levi-Strauss, 1975).

Кроме того, антропология – это родовая дисциплина для этнопсихологии. Психология зародилась в лоне антропологии², и их взаимоотношения имеют долгую историю. Развитие современной этнопсихологии наиболее отчетливо можно проследить от «этнографической психологии», начиная с работ русских ученых в сороковых– пятидесятых годах XIX в. (см. Будилова, 1983), и психологии народов

В.Вундта (Вундт, 1912) до психологической антропологии – от известного направления «культура и личность» (Артановский, 1973; Белик, 1989; Токарев, 1978) до различных направлений кросскультурной психологии. В современных антропологических исследованиях психологический подход при решении многих проблем уже давно рассматривается как обязательный. Это означает использование не только теоретических психологических интерпретаций, но и психологических методов исследования. Для изучения взаимосвязи между психологическими и антропологическими переменными антропологи особенно активно используют проективные методики и методы психоанализа. Этот инструментарий применяется для проверки психологических гипотез главным образом при сравнительном изучении культур. Психологические методы позволяют антропологу перейти от рассмотрения характеристик макро- и мезоуровней (общество, культура, группа) к анализу индивида и проверить соответствие полученных антропологических данных уровню отдельных субкультур и личностей.

Этнологами и этнографами во всех регионах России накоплен огромный информационный банк по отдельным культурам. Он включает описание традиционно-бытовой сферы, коммуникативных аспектов, систем поощрений и наказаний, способов социального взаимодействия, решения проблемных ситуаций, форм социализации, стереотипов, норм, ролей и правил, регулирующих поведение человека в различных социальных ситуациях и др. (см., например, Этнические стереотипы поведения, 1985; Этнографическое

изучение знаковых средств культуры, 1989). Нетрудно заметить, что в содержательном плане все перечисленное тесно связано с задачами, которые ставят перед собой этнопсихологи. Несомненно, что при экспертизе этнопсихологического исследования одно из первых мест должен занимать специалист – этнограф или этнолог.

Этнографический банк данных является той необходимой основой, в соответствии с которой может и, видимо, должна осуществляться вся работа по содержательной коррекции программы эмпирического этнопсихологического исследования, подбору методик, их модификации или созданию нового инструментария. К сожалению, уровень обобщения и систематизации в нашей этнологии далек от желаемого, а обширные этнографические данные очень разрознены и рассыпаны по страницам объемных и узкоспециализированных монографий.

Примером упорядоченности этнографических и этнологических материалов и создания содержательной основы для проверки

гипотез широкого антропологического характера, включая психологические, является так называемая «Ареальная картотека человеческих отношений» («Human Relations Area Files»), созданная в рамках одного из направлений американской культурной антропологии. Основателем картотеки, формирование которой началось в 1937 г., был известный американский антрополог Дж.Мердок (G.Murdock). Интенсивная работа по ее пополнению, совершенствование методических аспектов математического и структурного анализа антропологического знания определили быстрый количественный и качественный рост содержания картотеки. Так, например, если в «Этнографическом атласе» Дж.Мердока 1967 г. были обобщены материалы более чем по 600 обществам {Murdoch, 1967}, то к 1980 г. в картотеке уже сконцентрировано огромное количество сведений примерно по 900 культурам Земли (Handbook of cross-cultural psychology, 1980). Название картотеки Дж.Мердока не случайно так «психологично». Подсчитано, что за 40 лет ее формирования более трети проведенных исследований осуществлено именно психологами (Brislin, Lonner, Thorndike, 1973). Она широко используется для проверки в первую очередь психоаналитических гипотез.

В настоящее время формализованная и компьютеризованная картотека распространена практически во всех этнологических центрах США. Ее содержание разбито приблизительно на сто категорий (язык, пища, технология, искусство, труд, семья, социализация и др.), каждая из которых в свою очередь разбивается на десять или более субкатегорий. Так, категория «социализация» содержит описание различных видов обучения и воспитания в младшем, детском и подростковом возрастах, особенностей передачи культурных норм, навыков, убеждений и др. Пользуясь картотекой, исследователь, интересующийся конкретной проблемой, может получить за короткое время сведения по определенной теме из всего объема тех этнографических исследований, где освещался данный вопрос.

С точки зрения использования систематизированных научных данных для организации этнопсихологических исследований интерес представляют также материалы структуралистского направления современной культурной антропологии – когнитивной антропологии, базирующейся на этнолингвистике и общей теории познания. Ее объектами являются разнообразные классификационные и таксономические системы, функционирующие в той или иной этнической культуре: цветовые таксономии, системы родственных связей, категоризации и классификации различных объектов (Свод этнографических понятий и терминов, 1988). Исследования такого типа развиваются и в современной отечественной науке {Василевич, 1987}.

Этнопсихологическая интерпретация эмпирических фактов различных дисциплин – важнейший промежуточный этап на пути теоретического осмысления этнопсихологических проблем, который должен смениться построением законченных концепций и разработкой специфических методов этнопсихологического исследования.

Желание исследователей восполнить пустоты в этнопсихологии на основе «теорий среднего ранга» нередко реализуется в расширении диапазона эмпирических направлений. В результате развитие отечественной этнопсихологии на данном этапе ее становления носит экстенсивный характер. Хотя это и соответствует общей логике исторических этапов развития знания – сначала накопление эмпирических фактов, а затем попытки их обобщения и интерпретации, но в этнопсихологии мы отнюдь не первопроходцы. Россия неповторима в своем этническом и культурном многообразии, но не уникальна в смысле полиэтничности и общих закономерностей, связанных с этим. Задержка в развитии отечественной этнопсихологии на несколько десятилетий ставит исследователей, работающих в этой области знания, перед необходимостью изучения богатого мирового этнопсихологического опыта, достижения которого нужно использовать, а на ошибках учиться. Игнорируя этот опыт, можно долго изобретать свой велосипед. В частности, руководствуясь лишь логикой исследователя-эмпирика, мы рискуем превратить этнопсихологию в чисто экспериментальную описательную науку, содержание которой составит необозримое скопление разрозненных фактов.

Недостатки экстенсивного эмпирического развития без своевременной теоретической коррекции хорошо видны на примере американской кросскультурной психологии. Использование самых разнообразных методик и отсутствие единой теории привели к созданию обширной «этнопсихологической коллекции», представляющей собрание интересных, но трудносопоставимых данных. Представители этого направления в большинстве случаев сами подвергают сомнению правомерность сравнения результатов, полученных в существенно отличающихся друг от друга культурах разными или различным способом адаптированными методами. В результате одна из главных декларируемых целей кросскультурной

психологии – сопоставление этнопсихологических характеристик различных культур и выявление обобщающих «культурных» законов – практически оказалась труднодостижимой.

Особенности этнопсихологического инструментария

Обобщенным эмпирическим объектом этнопсихологии являются особенности репрезентации этнического в сознании личности или группы. Поэтому исследователи для решения эмпирических задач обращаются преимущественно к психологическим методам.

Экскурс в историю этнопсихологии раскрывает широкое разнообразие применяемого инструментария. Это различные личностные и ситуационные тесты, проективные методики, экспериментальные исследования, методы опроса, включая анкетирование, интервью, социометрию, шкальные измерительные методики и др. (Triandis, Berry, 1980; Narol, Cohen, 1970). Весь этот методический арсенал использовался как в хронологически более давних исследованиях, в частности в рамках направления, получившего название «культура и личность», так и в современных исследованиях психологии межгрупповых отношений и кросскультурной психологии. Методическое разнообразие и оригинальные эмпирические программы характеризуют и отечественные этнопсихологические работы, которые выполнены в русле общей и социальной психологии (Данзанова, 1997; Лебедева, 1993; Левкович, 1990; Мулдаше-ва, 1991; Науменко, 1992; Петренко, 1987; Стефаненко, Шлягина, Ениколопов, 1993). Широкий набор отечественных и зарубежных методов исследования межэтнических отношений обобщен В.Н.Павленко {Павленко, Таглин, 1992}.

Тем не менее далеко не все аспекты этнопсихологического исследования обеспечены методически. В первую очередь следует признать существование дефицита собственно этнопсихологических методик. Этнопсихолог, разрабатывая в соответствии с поставленными задачами программу эмпирического исследования, зачастую оказывается перед необходимостью либо модифицировать известные психологические методики, либо изобретать оригинальный исследовательский инструментарий. Созданный для решения конкретной задачи, он, как правило, тут же поспешно используется автором, хотя его проверка на валидность и надежность, помимо пилотажного исследования, требует дополнительных усилий. Необходимость учета особенностей, которыми отличается этническая общность, и ее взаимосвязей с другими группами ставит вопрос о «культурных» пределах используемых методических приемов.

Выступая субъектом деятельности, этническая группа на протяжении своего существования производит и воспроизводит присущую только ей культуру. В то же время ни одна современная культура не развивается и не существует вне взаимодействия с другими культурами, а само это взаимодействие приобретает свою специфику на основе пересечения уникальных культурных систем. Хорошо об этом сказал М.Бахтин: «Культура вся расположена на границах, границы проходят повсюду через каждый момент ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах; в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (Бахтин, 1975, с 25). Нет культуры отдельной этнической общности – этот центральный тезис культурной антропологии несомненно должен стать одним из главных методологических принципов эмпирических этнопсихологических исследований и, в первую очередь, в социальной этнопсихологии. Внутрикультур-ные исследования и исследования в межкультурной области, в частности в сфере межэтнических отношений, должны непременно взаимодействовать. Разграничение этих двух смежных и взаимопресекающихся областей может быть проведено лишь условно в целях упрощения отдельных исследовательских задач.

Как известно, методические приемы изучения межкультурных различий стали разрабатываться еще в начале XX в. Попытки исследователей выйти в межкультурное пространство вначале шли по пути поиска методов, «свободных от влияния культуры» (Анастаси, 1986). В качестве примеров наиболее известных результатов таких поисков можно привести матричный тест Равена (1936) и «культурно-свободный» тест интеллекта Кэттелла (1929). Но позже ученые все категоричнее стали сходить в мнении о том, что надежда отыскать методический абсолют, стоящий «выше» любой культуры, утопична и заранее обречена на неуспех.

В результате поиски методических приемов в данной области сводятся к задаче формирования универсальной межкультурной методической основы. Универсальность такой модели определяется самой логикой прогресса общечеловеческой культуры. Развитие современных технологий и средств массовой информации унифицирует человеческое поведение и расширяет зоны, все менее зависящие от этнокультурной принадлежности. Поэтому, помимо выделения в различных культурах уникальных и специфических особенностей, в них можно найти не только универсальные общечеловеческие структуры, но и общие психологические зоны влияния продуктов современной человеческой цивилизации. Универсальные образования в свою очередь, преломляясь сквозь призму каждой культуры, также становятся культурно-специфическими, но тем не менее сами эти образования и законы их преломления все же имеют общую природу.

В связи с вышесказанным представляется совершенно правомерным принятое в американской кросскультурной психологии разделение исследовательских этнопсихологических методов на две категории: культурно-специфические (в основе лежат понятия, стимулы, поведение, присущие людям «внутри» данной культуры) и универсальные (общечеловеческие) (Triandis, Berry, 1980). Для того, чтобы сравнить этнопсихологические характеристики различных этнических общностей или провести исследование в плоскости межэтнических отношений, требуется сочетание универсального с культурно-специфическим методическим уровнем, в то время как внутрикультурное исследование должно опираться

главным образом на методы, отражающие культурную специфику. Принцип соотношения этих методических уровней, их взаимозависимость в конкретной эмпирической программе представляют достаточно сложную картину, но безусловно то, что они должны взаимодополнять друг друга.

В качестве примера систематизированного эмпирического материала, полученного на основе соотнесения указанных уровней, приведем «Атлас аффективных значений», созданный американским психологом Ч.Осгудом и его коллегами (Osgood, May, Miron, 1975). Основное содержание Атласа (около 620 «объективных индикаторов субъективных культур») является итогом интеграции внутри- и межкультурных исследований психосемантических характеристик юношей-подростков разной этнической принадлежности. Индикаторы «Атласа аффективных значений» представляют уникальную базу для составления и осуществления в пределах указанных в нем культур той части эмпирической психологической программы, которая связана с исследованием эмоционально-оценочных феноменов этнического самосознания. С точки зрения использования в качестве содержательной основы этнопсихологических исследований «Атласа аффективных значений» Ч.Осгуда и «Этнографического атласа» Дж.Мердока, первый обладает одним важным преимуществом: сбор материала для него осуществлялся на основе единых концепции и цели. К сожалению, в отечественной психологии межкультурные аналоги Атласа отсутствуют. Более того, этнопсихологические исследования в различных культурах бывшего СССР до последнего времени редко проводились с учетом этнокультурных различий – такой корректировки психологического методического инструментария практически не осуществлялось.

Место обозначения этнопсихологом-эмпириком «точки отсчета», или «культурной оси» (внутри культуры, между культурами), зависит от конкретных задач и общей цели, к решению которых он стремится. Но первым шагом на этом пути в любом случае является признание принципа множественности культур и их взаимовлияний. На методическом уровне это предполагает, во-первых, формирование группы универсальных («надкультурных») переменных, во-вторых, выделение культурно-специфичных переменных, в-третьих, соответствующую корректировку инструмента этнокультурной валидации методического аппарата исследования. В каждом конкретном случае такая корректировка должна опираться на эмпирические факты, полученные при исследовании данной культуры различными науками. Желательно, чтобы программа получила экспертную оценку опытных специалистов из смежных наук – этнолога, этнографа, социолога, историка, филолога и др. Желательно и важно участие в этнопсихологическом исследовании специалистов, этническая принадлежность которых совпадает с этнической принадлежностью предполагаемых респондентов. Такой подход, на наш взгляд, открывает перед этнопсихологами возможности проведения сопоставимого межкультурного анализа и широкой интерпретации полученных данных.

Задача создания и совершенствования инструмента этнокультурной валидации предполагает разработку проблемы модификации или адаптации применяемых методик при их переносе из одной культуры в другую. Культурная адаптация стимульного и интерпретационного блоков методик – важный этап формирования эмпирической программы этнопсихологического исследования. Эмпирический материал, полученный в разных культурах посредством одной и той же методики, которая «культурно» адаптирована на базе единых принципов, – надежная основа для межкультурного сравнения и сопоставления.

На практике же в связи с нехваткой собственно этнопсихологических методических средств чаще всего случается так, что модификация методики предполагает ее адаптацию в первую очередь к целям исследования. Такая процедура помимо того, что достаточно сложна сама по себе, может привести к утрате специфического предназначения данной методики. Очевидно, что использование социально-психологического инструмента для решения задач другого класса, например для измерения этнопсихологических характеристик, далеко не всегда гарантирует, что изучается именно то, что требуется. Эта опасность может быть уменьшена в случае модификации методики в соответствии с реалиями новой культуры. Осуществляя одновременно целевую и культурную адаптацию методики, исследователь по существу всякий раз создает практически новый инструментарий, применение которого в рамках другой культуры, в свою очередь, вновь требует соответствующей коррекции. В таких случаях встает вопрос о правомерности сопоставления эмпирического материала, полученного в разных культурах на основе методик, прошедших многократную адаптацию. Ярким примером может служить широко известная психологам и социологам шкала социальной дистанции Богардуса (Bogardus), претерпевшая рекордное количество модификаций. Многочисленные эмпирические данные, полученные в разных культурах при использовании ее модификаций (с утратой концептуальной основы, «размерности» методики и т.д.), к сожалению, плохо сопоставимы.

Культурную адаптацию можно представить как ряд приемов этнокультурной «центрации». Например, адаптация вербальных методик в первую очередь предполагает решение вопроса их лингвистического перевода. На территории бывшего СССР необходимость перевода стимульного материала с русского языка на язык коренной национальности определяется уровнем владения ее представителями родным языком. В республиках России, где язык титульной национальности не имел ранее статуса государственного, перевод методик для некоторых возрастных групп не всегда целесообразен. В частности, как свидетельствуют данные этносоцио-логических исследований, полученные в ряде республик Северного Кавказа, подавляющая часть коренного городского населения в возрасте до 35–40 лет, как правило, свободно владеет русским языком и недостаточно хорошо родным. При проведении в 1980–1990-х гг. социально-психологических и этносоциальных исследований в Республике Северная Осетия-Алания

городские титульные респонденты, имея выбор, практически все предпочли работать с методиками именно на русском, а не на осетинском языке.

Развитие современных языков идет по пути формирования единой семантической основы при разных формах ее выражения. Поэтому с помощью вербальных средств можно уловить и универсальный «надкультурный» уровень, и культурно-специфические компоненты. Но сам процесс перевода вербального методического материала сопряжен с трудностями, хорошо знакомыми специалистам, адаптирующим психологические методики с иностранных языков. Первым шагом при культурной адаптации вербальной психологической методики (например, опросных листов с набором характеристик для исследования этнических стереотипов или шкальных измерительных методик (Кцова, 19856)) является поиск вербальных эквивалентов. Эта процедура, как показывает практика, достаточно сложна даже для переводчика высокого класса. Например, перевод оценочно-градуированной шкалы ответов требует не только знания языка, но и знания психологии. После составления «подстрочника» – чисто вербального эквивалента стимульного материала – должны быть найдены функциональные эквиваленты, отражающие культурные специфические аналоги изучаемой этнической общности. Следующий шаг – поиски соответствия вербального и функционального в форме, адекватной для данной методики. Последовательность этих шагов, конечно, не абсолютна. Процедуры могут выполняться одновременно, но тем не менее учет и осуществление всех этапов при переводе вербальных методик повышают их обоснованность и адекватность.

В западной кросскультурной психологии нередко используется прием обратного перевода – методика переводится с языка оригинала на иной язык, после чего другим переводчиком совершается «обратная» процедура (Brislin, 1980). Такой прием достаточно эффективен с точки зрения проверки адекватности сделанного перевода и степени соответствия оригинальной методики модифицированной. Но при этом необходимо соблюдать все то же условие: перевод должен осуществляться не механически, а в соответствии с содержательно-смысловой и культурной основой данной методики. В противном случае на выходе мы рискуем получить результат, имеющий мало отношения к первоначальному тексту⁴.

Проблема модификации и интерпретации как культурной коррекции не снимается при работе этнопсихолога с приемами и техниками, которые относятся к категории невербальных психологических методов. Полученные в различных исследованиях факты подтверждают, что невербальные тесты еще более «культурно» зависимы, чем вербальные (Анастаси, 1986), хотя и здесь признается существование универсального общечеловеческого уровня. Поэтому «грамматика», «синтаксис», «лексика» невербального задания (восприятие и интерпретация индивидами различных ситуаций, жестов, фигур, цветовых пятен и др.) при «переводе» их из одной культуры в другую требуют глубокой «культурной» погруженности и не меньшей тщательности, чем перевод вербального содержания.

Нередко случается так, что этнопсихологические данные оказываются достаточно обоснованными, но не устойчивыми. Повторное этнопсихологическое исследование может дать совершенно иные результаты. Поэтому важнейшим компонентом, который необходимо учитывать при интерпретации этнопсихологических данных является социальный контекст. Например, исследование в области межэтнических отношений практически невозможно повторить в одних и тех же условиях. В связи с этим нужна ориентация исследователей на изучение совокупности факторов макро-(общество), мезо- (субкультура, группа, семья) и микро- (личность) уровней. Учет наиболее значимых для данного исследования контекстуальных факторов (этнографических, социологических, демографических, исторических, политических, экономических, социально-психологических) возможен с помощью этносоцио-логического опросника.

В зависимости от целей исследования в этносоциологический опросник психологами могут закладываться соответствующие методические приемы. Например, если главная цель – изучение этнического самосознания, то основой психологического блока анкеты могут быть принципы выявления особенностей и оснований этнической идентификации и межэтнической дифференциации, а также семантического пространства этносоциальных представлений. Для этого есть соответствующие методические приемы изучения процессов межгруппового социального сравнения, социальной категоризации и каузальной атрибуции.

В то же время программа должна иметь свою логическую познавательную границу и исключать по возможности влияние на объект исследования «шумов» – факторов несущественных в данном исследовательском контексте и поэтому не подлежащих анализу. Для этого очень важно в соответствии с теоретической ориентацией и целями исследования четко выделить главные эмпирические объекты – элементы этнопсихологического исследования. Они выступают в роли системообразующих факторов для данного исследования и определяют целостность и функциональность эмпирической программы, а также основные траектории анализа на этапе обработки и интерпретации полученных данных. Подбор методик в программу необходимо осуществлять, используя заложенные в них возможности измерений взаимосвязей различного уровня в системе значимых переменных, где выделенные элементы анализа выступают как зависимые переменные. Важно также помнить, что подбор методик нужно проводить в соответствии с особенностями выборки респондентов.

Принципы построения эмпирической программы этнопсихологического исследования

Известен тезис о том, что каждый метод есть всего лишь один из способов приближения к истине. На основе системы методов более вероятно достижение оптимального уровня анализа получаемых данных. При подготовке к этнопсихологическому исследованию необходимо обсуждение не только отдельных методик, но и целостной программы – комбинации методов.

Среди основополагающих принципов конструирования конкретного методического инструментария для эмпирической этнопсихологической программы выделим следующие:

(а) в зависимости от типа этнопсихологического исследования – внутри- или межкультурного – основное внимание в процессе этнокультурной центрации уделяется в первом случае культурно-специфическому методическому уровню, во втором – сочетанию культурно-специфического и универсального методических уровней. Подход к процессу этнокультурной центрации должен быть междисциплинарным;

(б) главной частью программы является блок психологических методик (прежде всего социально-психологических и общепсихологических), адаптированных с учетом культурной специфики. В зависимости от целей исследования наиболее значимые контекстуальные критерии могут быть выражены в форме вопросов-индикаторов разного типа в дополнительной анкетной части программы;

(в) методики, включаемые в программу, должны соответствовать требованиям внутренней и внешней валидности как критериям их адекватности;

(г) при подборе методик необходимо стремиться к сочетанию вербальных и невербальных техник, направленных на измерение одного и того же феномена или связи, и поэтому взаимно дополняющих друг друга;

(д) один из главных методических принципов антропологии несомненно является важнейшим и для этнопсихологии: этнопсихолог, так же как этнограф или этнолог, должен стремиться проводить исследование «в поле». Это предъявляет определенные требования к этнопсихологическим методам: они должны быть доступны, наглядны, неумтомительны.

Проведение эмпирических исследований в ситуациях межэтнической напряженности требует от исследователя особого отношения. Его важнейший долг – не спровоцировать дальнейший рост напряженности, не дать дополнительных поводов для роста взаимной неприязни между народами. Если исследование осуществляется на этапе конфликтной напряженности, необходимо ограничить методический инструментарий наиболее нейтральными в эмоциональном отношении приемами и вопросами.

В настоящее время за рубежом известно немалое количество методик, позволяющих измерить уровень конфликтности, неудовлетворенности на межгрупповом уровне (см., например, Давыдов, 1992; Степанов, 1996). В последнее время новые методы измерения социальной напряженности стали появляться и у нас в стране (Давыдов, 1992; Чернобай, 1992). В условиях трансформации социальной напряженности в межэтническую многие из этих методов могут эффективно использоваться в контексте межэтнических отношений.

В соответствии с нашим подходом к исследованию межэтнической напряженности ее средоточием на уровне этнического самосознания является этническая идентичность. Это определило конструирование специфических методических приемов и методик, направленных непосредственно на изучение этничности или этнической идентичности. Мы рассмотрим их в следующей главе

Глава 9. Методы социально-психологического исследования этнической идентичности

Значительная часть анализируемых в этой книге эмпирических материалов получена с помощью различных этнопсихологических программ. Они конструировались с целью изучения межэтнических отношений через отдельную личность. Главными элементами этнопсихологического анализа явились эмоционально-оценочные, когнитивные и конативные (поведенческие) компоненты этнической идентичности.

Психологический блок этих программ составили известные методики: тест на агрессивность Басса–Дарки, рисуночный тест фрустрации Розенцвейга, тест руки Вагнера, Цветовой тест отношения, Символический тест отношения, анкетирование, различные способы интервьюирования. Важная часть программ – авторские методики, модификации известных тестов и специальные методические разработки. Создание оригинальных методов исследования – очень сложный и длительный процесс. Поэтому за два десятилетия набралось всего четыре оригинальные и одна модифицированная методика, которые можно представить читателю как завершенные разработки:

– Диагностический тест отношения;
– модификация известного теста личностных конструктов Дж. Келли; методические разработки на выявление:

- а) типов этнической идентичности и степени этнической толерантности,
- б) этноаффилиативных тенденций,
- в) ценностных ориентации.

Описанию перечисленных методик посвящена эта глава. Стимульный материал к трем последним разработкам подготавливался в 1989–1994 гг. совместно с группой сотрудников сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН. Разработки прошли широкую апробацию в массовых этносоциологических исследованиях, дипломных и аспирантских работах психологического факультета МГУ.

Перечисленные методы дополняют представленные в разделе I методические приемы изучения уровня этнополитической мобилизации сознания и статуса этничности в структуре социальной идентичности, разработанные на основе теста Куна и Маркпартленда «Кто Я?», а также ряд методических приемов исследования конативных (поведенческих) аспектов этнической идентичности.

Диагностический тест отношения

ДТО разрабатывался для исследования эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа. Он широко используется психологами в исследовании межгрупповых и межличностных отношений (Бороньев, Павленко, 1994; Данзанова, 1997; Шлягина, Ениколопов, 1993 и др.). Это оригинальная модификация метода семантического дифференциала (СД) (Кцова, 1986). Создавая эту методику, мы исходили из того, что дифференциация восприятия этнических групп по шкале «нравится – не нравится», как правило, ведет к тому, что одни и те же качества, приписываемые и своей, и другой общности, могут интерпретироваться по-разному. В случае расположения этнических групп на противоположных полюсах данной шкалы, добродетель одной группы («мы – экономны, бережливы») рискует превратиться в порок другой («они – жадны, скупы»). То, что применительно к собственному народу определяется как настойчивость, твердость характера, применительно к «чужаку» может называться упрямством (Бромлей, 1983).

Это определило подбор шкал по следующему принципу. Из двух антонимов типа «щедрый – жадный» выбиралось только негативное качество «жадный», а в качестве противовеса – «золотая середина»: «экономный». Критикуя этические взгляды Аристотеля, который рассматривал добродетель как «золотую середину» между двумя крайними качествами (например, мужество между отважностью и трусостью, щедрость между расточительностью и скупостью и т.д.), Альберт Швейцер заметил, что «одно дело – в известной мере естественное свойство, именуемое обычно добродетелью, и совсем иное – добродетель в подлинно этическом смысле». Поэтому середину между расточительностью и скупостью А. Швейцер видел не в этической добродетели «щедрости», а в свойстве «разумной бережливости», середину между отважностью и трусостью – не в «мужестве», а в «разумной осторожности» (Швейцер, 1973, с. 135).

На основе такого принципа подбора мы как раз и получили шкалы, полюса которых различаются по коннотативным (аффективным) параметрам, в то время как их смысловые значения могут расцениваться как достаточно близкие. Пары качеств выбирались из массива личностных характеристик, наиболее часто приписываемых представителям собственной и других этнических групп и рассматривались как стереотипные в отечественных и зарубежных социаль- , но-психологических исследованиях (Кон, 1966; Beattie, Agani, Spencer, 1982; Stephan, 1977; Tajfel, 1981 и др.) Учитывались их частотные характеристики (Частотный словарь русского языка, 1977), исключались метафоры, архаизмы, вульгаризмы, синонимы. Диаметр-ральности характеристик в выделяемых парах качеств оценивали эксперты – профессиональные психологи. Для качеств каждой пары эксперты должны были найти определенную позицию на шкале «привлекательный–непривлекательный». Данная ось оценки выступила в качестве фильтра, дифференцирующего пары признаков с наиболее расходящимися эмоциональными значениями.

Полный вариант (А) ДТО представляет набор 20 пар качеств, размещенных на одной карточке (Кцова, 1986). Второй сокращенный вариант (Б), чаще применяемый исследователями, включает 12 пар качеств. На стандартном бланке ДТО обычно представлено 4 карточки.

Бланк ДТО (Б)

Инструкция испытуемому. Оцените последовательно по предложенным характеристикам себя, «Идеал», «типичного» представителя своей национальности и т.д. Оценку каждого качества вписывайте в соответствующую клетку Качества оцениваются по 4-балльной шкале 1 – данное качество отсутствует, 2 – качество выражено слабо, 3 – качество выражено средне, 4 – качество выражено в полной мере

дипломатичный	навязчивый	гордый	общительный	высокомерный	лицемерный
активный	бесхарактерный	остроумный	покладистый	ехидный	агрессивный
экономный	упрямый	находчивый	настойчивый	хитрый	жадный
темпераментный	педантичный	осторожный	аккуратный	трусливый	вспыльчивый

На карточке полюса шкал размещены по определенному принципу:

+ – + + – –
 + – + + – –
 + – + + – –
 + – + + – –

Здесь «–» соответствует негативному полюсу шкалы, а «+» – «золотой середине» В каждой строке пары качеств, например, «дипломатичный–лицемерный» соответственно представлены порядковыми номерами: 1–6; 2–4; 3–5.

ДТО позволяет измерить следующие параметры этнических стереотипов амбивалентность, выраженность и направленность. Их количественные показатели рассматриваются как эмпирические индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Амбивалентность характеризует степень эмоциональной определенности стереотипа. Высокая неопределенность и, следовательно, высокий коэффициент амбивалентности (А) будут зафиксированы в случае низкой поляризации оценок противоположных качеств каждой пары, когда респондент не отдает четкого предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки. Коэффициент амбивалентности по одной паре качеств определяется формулой:

$$A_i = \frac{\min(\alpha_i^+, \alpha_i^-)}{\max(\alpha_i^+, \alpha_i^-)} (0 \div 1),$$

где a^+ , a^- – оценки респондентом положительного и отрицательного качеств. Общий коэффициент амбивалентности определяется с учетом коэффициентов амбивалентности всех 20 пар как их среднее арифметическое. Знак эмоциональной определенности – «позитив» или «негатив» – можно установить на основе соответствующих коэффициентов выраженности и направленности.

Выраженность (интенсивность) стереотипа отражает силу стереотипного эффекта. Вычисление коэффициента выраженности 5 основано на подсчете числа четко поляризованных пар качеств. Коэффициент по одной паре качеств будет тем выше, чем больше расстояние между парами качеств. Подсчет коэффициента выраженности производится с учетом знака оценок. В результате этого выявляется не просто интенсивность стереотипа, но и его позитивная или негативная направленность. Коэффициент выраженности по одной паре качеств определяется формулой

$$S_i = \frac{a_i^+ - a_i^-}{3(1 + A_i)} (0 \div 1)$$

Общий коэффициент выраженности данного стереотипа определяется с учетом коэффициентов выраженности всех пар качеств как их среднее арифметическое.

Направленность (выраженность) или диагностический коэффициент стереотипа характеризует знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту. Числовое значение диагностического коэффициента D близко числовому значению коэффициента выраженности, но «более чувствительно» к изменению знака стереотипа. Оно определяется по формуле:

$$D = \frac{\sum a^+ - \sum a^-}{\sum a} (0 \div 1),$$

где $\sum a^+$ – сумма оценок всех положительных качеств; $\sum a^-$ – сумма оценок всех отрицательных качеств; $\sum a$ – общая сумма всех оценок.

Подходы к интерпретации результатов, полученных на основе ДТО, могут быть дополнены вспомогательными показателями, предложенными В.П.Павленко. Речь идет не об абсолютных значениях коэффициентов, а о соотносительных. Так, если требуется оценить уровень самооценки с помощью ДТО, обычно пользуются абсолютным показателем диагностического коэффициента образа «Я». Однако при одном и том же значении этого показателя у двух испытуемых уровень самооценки может быть проинтерпретирован в одном случае как высокий (в случае, если диагностический коэффициент образа «Я» равен или даже превышает аналогичный показатель для образа «Идеал»), а в другом – как очень низкий (если дистанция между диагностическими коэффициентами образов «Я» и «Идеал» будет значительной). Поэтому для анализа самооценки, по мнению В.П.Павленко, корректнее использовать показатель, в числовом выражении представляющий собой разность между диагностическими коэффициентами образа «Идеала» и образа «Я?».

Аналогичный подход возможен и при выделении иных вспомогательных показателей, в частности, показателя этнических предпочтений. Удобной моделью системы этнических предпочтений может служить степень совпадения образов этнических групп с образом «Идеал». В числовом выражении данный показатель представлен разностью между диагностическими коэффициентами образа «Идеал» и образа типичного представителя какой-либо национальности. Проранжировав результаты сопоставления образа «Идеал» с типажам различных этнических групп, исследователь получит информацию об общей системе этнических предпочтений данного респондента.

Удобной моделью для анализа этнической идентификации и межэтнической дифференциации, по мнению В.П.Павленко, служит степень совпадения образа «Я» с образами различных этнических групп. В числовом выражении показатель этнической идентификации рассматривается как разность между диагностическими коэффициентами, с одной стороны, образа «Я» и, с другой, автостереотипами и гетеростереотипами. Очевидно, что чем ближе к нулю будет величина данного показателя, тем более схожи по направленности эмоционально-ценностные компоненты образа «Я» и групповых образов, а значит, тем выше уровень этнической идентификации (при сравнении с автостереотипом) и ниже уровень межэтнической дифференциации (при сравнении с гетеростереотипами). Чем более отличной от нуля будет величина данного показателя, тем более чуждой ощущает респондент ту или иную этническую группу. Важное значение, как и в других показателях, имеет его знак, то есть воспринимает ли он себя в качестве более (в случае положительного значения) или менее (при отрицательных значениях) достойного человека по сравнению с типичными представителями данной национальности. При сопоставлении образа «Я» с типажам различных этнических групп можно получить целый ряд показателей этнической идентификации, проранжировав и сопоставив которые, исследователь будет иметь информацию о том, с какой этнической группой испытуемый идентифицирует себя в наибольшей степени, а с какой – в наименьшей (Воронове, Павленко, 1994).

Модифицированный тест личностных конструктов Дж.Келли

Методикой, которая позволяет выявить латентные переменные «имплицитных теорий» не только отдельной личности, но и целой этнической группы, является классификационная методика Дж.Келли (тест личностных конструктов) (Kelley, 1955). На наш взгляд, эта методика открывает большие возможности в исследовании этнического самосознания и межэтнических отношений. К сожалению, она недостаточно активно используется в отечественных этнопсихологических исследованиях, хотя есть очень удачные ее модификации в других областях психологии, показавшие гибкость данного метода и правомерность его адаптации при решении широкого круга задач. Тест Келли рассматривается в этом параграфе также с

целью популяризации удачных методических приемов, лежащих в его основе. Эту методику можно назвать полупроективной. В ее основе, как и в проективных методах, «...лежит давно и глубоко изученный психологический факт – факт пристрастности психического отражения и, в частности, человеческого сознания» {Соколова, 1980, с.58}.

Главная идея методики заключается в том, что восприятие и интерпретация человеком явлений внешнего мира происходит на основе имеющейся у него системы конструктор-параметров для сравнения людей и событий между собой. Каждый конструктор представляет биполярную оценочную шкалу: «добрый–злой», «веселый–мрачный» и др. С помощью методики Келли возможно выявление «пристрастности» сознания, субъективных отношений к явлениям и их личностных интерпретаций. Данная методика не предназначена для определения универсального стандарта посредством массового опроса. Она является гибким индивидуальным средством для выявления структуры и сущности «имплицитных» теорий личности.

Техника репертуарных решеток позволяет выйти за рамки устоявшегося эмпирического подхода к изучению этнических стереотипов, предложенного в широко известных исследованиях «Принстонской триады» (Katz, Braly, 1933; Gilbert, 1962; Karlins, Coffman, Walters, 1933), начатых с классической работы Д.Катца и К.Брейли. Среди его основных недостатков: навязывание стереотипной формы ответов респондентам, ограниченность выбора характеристик, невозможность учета размеров обобщений. Тест Келли способствует преодолению исследовательского субъективизма в изучении феноменов, одной из основных характеристик которых уже является их «пристрастность» – субъективизм первого порядка. По сравнению с классическими методами исследования стереотипов как конструкторов сознания преимущества теста Келли состоят в следующем: (а) снимается формальный характер изменения стереотипов, не происходит искусственного усиления стереотипизации; (б) возникает возможность выявления не только групповых стереотипов, но и индивидуальных, так называемых «идиосинкратических», а это значит, что возможен учет тех индивидов, мнения которых будут отличаться от большинства (Secord, Vasktap, 1964); (в) неограниченность респондентов в ответах и их «незаданность» приближают нас к выявлению истинной картины, в то время как ограниченность выбора предложенным списком приводит к ее искажению; (г) принцип бинарной оппозиции позволяет сопоставить уровни взаимодействия межличностного и межэтнического сравнений.

С другой стороны, такая «свобода», предоставленная респондентам, ведет к большому разбросу выявленных характеристик. Это определяет необходимость стандартизации предъявляемых дескрипторов, так как в противном случае их анализ становится затруднительным. Но, на наш взгляд, разнообразие полученных атрибуций – это то, к чему должны стремиться исследователи этнического самосознания, явления многоуровневого и многозначного.

Мы предлагаем еще один вариант модификации теста Келли, апробированный в наших исследованиях. Традиционный ролевой список меняется следующим образом. Респондентам, помимо карточки с надписью «Я», предлагаются карточки с надписями, например, «типичный русский», «типичный грузин» и др. Наряду с ними предлагаются карточки с конкретными фамилиями и именами лиц разной национальности из непосредственного окружения индивида (например, студенческая группа, школьный класс, коллеги по работе). В ролевой список могут быть включены из непосредственного окружения респондента два «социометрических» лица («положительный» и «отрицательный») той же национальности, что и сам респондент. Дополнительно может быть включен также социометрический выбор лиц другой национальности. Это позволит, в частности, сравнить особенности идентификации с другой этнической группой и идентификации с ее «положительными» и «отрицательными» в представлении респондентов членами.

Карточки предъявляются по стандартной процедуре теста: триадами по принципу бинарной оппозиции – две карточки объединяются для сравнения с третьей. Этот принцип на уровне мышления представляет элементарную классификационную функцию, основанную на дуальном делении и двоичном противопоставлении. В связи с этим респонденту предлагается следующая инструкция: «Объедините две карточки и отделите третью на основе сходства и различия между данными субъектами. Назовите качества (черты

характера, особенности поведения, культуры и т.д.), которые объединяют двух выделенных лиц и качества, которые отличают третьего от этих двух». Для исследования межгрупповых (межэтнических) отношений триада непременно должна включать «этнический» компонент (карточки с надписями «типичный русский», «типичный грузин» и др.).

Общие качества для лиц, соединенных респондентом вместе, записываются интервьюером или самим респондентом в специальные бланки в графу «сходство» классификационной решетки. Различительные качества вносятся в графу «контраст». Характеристики по каждой триаде рассматриваются не только как биполярные «личностные конструкторы», но также как отдельные самостоятельные оценочные суждения о представителях различных этнических групп. На заключительном этапе респонденты оценивают степень выраженности названных ими качеств для всех лиц, представленных на карточках, включая и «типичных» представителей этнических групп. Оценка проводится по 7-балльной шкале (от +3 до –3).

Обработка результатов предполагает, во-первых, определение коэффициентов этнической идентификации и межэтнической дифференциации как субъективных показателей близости и отдаленности этнических групп. Во-вторых, выявление содержательных аспектов этнического самосознания на основе

биполярных оценок – атрибуций, полученных в результате сравнения различных этнических групп и их отдельных представителей по принципу бинарной оппозиции.

Для решения первой задачи вычисляются коэффициенты идентификации и дифференциации на основе общей формулы, описывающей расстояние (Типология и классификация в социологических исследованиях, 1982):

$$d_{ij} = \sum_{k=1}^n \frac{R_{ki} - R_{kj}}{6n}$$

где d_{ij} – расстояние (различие) между i -м и j -м персонажами по столбцам матрицы; R_{ki} – оценка k -го персонажа по i -му конструкту; n – количество оценок-атрибуций в данном протоколе (классификационной решетке).

Содержание этнического самосознания анализируется на основе кластерного анализа, включающего следующие процедуры: определение уровня сходства–различия каждой пары оценок-атрибуций; выявление количества образовавшихся кластеров-факторов; выявление содержания, на базе которого выделены данные кластеры-факторы.

Методическая разработка «Типы этнической идентичности»

Главная задача методической разработки «Типы этнической идентичности» – определение тенденций трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности. Одной из форм кризисных трансформаций этнической идентичности является рост этнической нетерпимости (интолерантности). Толерантность–интолерантность, главная проблема межэтнических отношений в условиях роста межэтнической напряженности, явилась для нас ключевой социально-психологической характеристикой при конструировании данного опросника. Степень этнической толерантности оценивалась на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности были выделены на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, до национального фанатизма – апофеоза нетерпимости и высшей степени негативизма по отношению к другим этническим группам. Стимульный материал готовился совместно с С.В.Рыжовой.

В результате серии экспертных оценок и пилотажных исследований были отобраны 30 суждений-индикаторов, интерпретирующих конец фразы: «Я такой человек, который...». Индикаторы отражают отношение к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического воздействия. Бланк «Типы этнической идентичности»

Инструкция испытуемому. Ниже приводятся высказывания различных людей по вопросам национальных отношений, национальной культуры. Подумайте, насколько ваше собственное мнение совпадает с мнением этих людей. Определите свое согласие или несогласие с данными высказываниями.

Я - ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ

	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
1 предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам					
2 считает что межнациональные браки разрушают народ					
3 часто ощущает превосходство людей другой национальности					
4 считает, что права нации всегда выше прав человека					
5 считает что в повседневном общении национальность не имеет значения					
6 предпочитает образ жизни только своего народа					
7 обычно не скрывает своей национальности					
8 считает что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности					
9 часто испытывает стыд за людей своей национальности					
10 считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа					
11 не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре включая и свою собственную					
12 нередко чувствует превосходство своего народа над					

другими					
13 любит свой народ но уважает язык и культуру других народов					
14 считает строго необходимым сохранять чистоту нации					
15 трудно уживается с людьми своей национальности					
16 считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей					
17 безразлично относится к своей национальной принадлежности					
18 испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь					
19 готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия					
20 считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов					
21 часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности					
22 считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами					
23 считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории					
24 раздражается при близком общении с людьми других национальностей					
25 всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре					
26 считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур					
27 не уважает свой народ					
28 считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу					
29 никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам					
30 считает, что его народ не лучше и не хуже других народов					

Рассматриваются следующие типы этнической идентичности: этнонигилизм (индикаторы: 3, 9, 15, 21, 27), этническая индифферентность (5, 11, 17, 28, 30), норма (позитивная этническая идентичность) (1, 7, 13, 19, 25), этноэгоизм (6, 12, 16, 18, 24),

этноизоляция (2, 8, 20, 22, 26), национальный фанатизм (4, 10, 14, 23, 29). Подробно тенденции трансформации этнического самосознания по вышеперечисленным типам рассматриваются в разделе I, глава 5.

Методическая разработка «Этническая аффилиация»

Цель разработки – исследование этнических аффилиативных тенденций В качестве эмпирических оснований изучения выраженности мотива этнической аффилиации использовались три критерия, выделенные Г Триандисом как основа аллоцентрического типа личности. Среди них подчинение индивидуальных целей групповым, выраженная идентификация со своей этнической группой, восприятие себя как части группы, а группы как продолжения самого себя. Аллоцентризм – идеоцентризм рассматриваются Г.Триандисом и его коллегами как измерения социокультурной размерности «коллективизм–индивидуализм» на личностном уровне (Triandis, Leung, Villareal, Clack, 1985) В соответствии с вышеперечисленными критериями были отобраны 9 пар ценностных суждений по принципу противопоставления ориентации на группу и ориентации на личность. Подробнее об этноаффилиативных тенденциях и результатах, полученных на основании данной методики, см. раздел I, глава 2.

Бланк «Этническая аффилиация»

Инструкция испытуемому Ниже приводится ряд высказываний Нас интересует Ваше мнение относительно этих суждений Укажите, пожалуйста, согласны Вы с ними или нет

	Согласен	Не согласен	Не знаю
1 Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа			
2 В своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем какими-либо другими, в том числе и национальными			

3	Взаимопонимание в семье совершенно не зависит оттого, к какой национальности принадлежат члены этой семьи		
4	Каждый человек несет в себе долю вины за ошибки, совершенные его народом		
5	Современному человеку его национальность должна быть безразлична		
6.	В жизни необходимо придерживаться норм и правил, выработанных в культуре своего народа		
7.	Народам, исповедующим одну и ту же религию, легче понять друг друга		
8.	В жизни необходимо жить своим умом без опоры на нормы и правила поведения, принятые у того или иного народа		
9.	Интересы народа должны быть важнее, чем проблемы и интересы отдельной личности		
10.	Взаимопонимание между народами не зависит от того, какую религию они исповедуют		
11.	Если в семье появляется человек другой национальности, то это скорее всего осложнит взаимопонимание		
12.	Человеку необходимо ощущать себя частью какого-либо народа		
13.	Никогда нельзя сказать, что отдельный человек несет в себе характерные черты своего народа		
14.	Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа		
15.	Человек всегда должен помнить о своей национальности		
16.	Отдельный человек не может отвечать за дела своего народа		
17.	Народные обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному человеку		
18.	За национальностью человека всегда можно увидеть его народ		

Индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности («этноаффилиативные тенденции»): 1, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 18. Индикаторы, отражающие низкую потребность в этнической принадлежности («анти-этноаффилиативные тенденции»): 2, 3, 5, 8, 10, 13, 14, 16, 17.

Стимульный материал разрабатывался совместно с С.В.Рыжовой. В ее работе представлен пример анализа этноаффилиативных тенденций среди русских, проживающих в республиках России (Рыжова, 1995).

Методическая разработка «Культурно-ценностный дифференциал» (КЦД)

Цель методики – измерение в пределах психологической универсалии «индивидуализм–коллективизм» групповых ценностных ориентации в четырех сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения. В подборе стимульного материала участвовали И.М.Кузнецов и С.В.Рыжова.

Шкала «ориентация на группу–ориентация на себя» рассматривается на основе таких параметров, как внутрigrупповая поддержка (взаимовыручка–разобщенность), подчиненность группе (подчинение–самостоятельность) и традиционность (верность традициям– разрушение традиций). Ориентация на изменения рассматривается в диапазоне «открытость переменам–сопротивление переменам» по параметрам: открытости–закрытости культуры (открытость–замкнутость), ориентации на перспективу (устремленность в будущее–устремленность в прошлое), степени риска (склонность к риску–осторожность). Ориентация друг на друга – в диапазоне «направленность на взаимодействие–отвержение взаимодействия» по параметрам: толерантности–интолерантности (миролюбие–агрессивность), эмоциональности (сердечность–холодность) и мотивации достижения (уступчивость–соперничество). Ориентация на власть – в диапазоне «сильный социальный контроль–слабый социальный контроль» по параметрам: подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность–своеволие, законопослушность–анархия) и значимость авторитета (уважение власти–недоверие к власти).

Бланк КЦЦ

Инструкция испытуемому. Как Вы считаете, насколько характерны данные качества для Вашего народа (для другого народа)? Качества оцениваются по 4-балльной шкале: 1 – данное качество отсутствует, 2 – качество выражено слабо, 3 – качество выражено средне, 4 – качество выражено в полной мере.

Взаимовыручка	4	3	2	1	1	2	3	4	Разобщенность
Замкнутость	4	3	2	1	1	2	3	4	Открытость
Дисциплинированность	4	3	2	1	1	2	3	4	Своеволие
Агрессивность	4	3	2	1	1	2	3	4	Миролюбие
Верность традициям	4	3	2	1	1	2	3	4	Разрушение традиций
Осторожность	4	3	2	1	1	2	3	4	Склонность к риску
Уважение власти	4	3	2	1	1	2	3	4	Недоверие к власти
Сердечность	4	3	2	1	1	2	3	4	Холодность
Подчинение	4	3	2	1	1	2	3	4	Самостоятельность
Устремленность в прошлое	4	3	2	1	1	2	3	4	Устремленность в будущее
Законопослушность	4	3	2	1	1	2	3	4	Анархия
Уступчивость	4	3	2	1	1	2	3	4	Соперничество

Помимо выявления ценностных ориентации в различных куль турах, на основе данных ДТО и КЦД вычисляются также показателя адекватности, близости, отличительности и совпадение взаимных ожиданий. Они отражают степень совпадения содержания образов этнических групп (см. раздел I, глава 4). Процедура математической обработки представляет следующую последовательность¹.

1. Вычисление степени выраженности отдельного качества. Степень выраженности качества определяется через коэффициент выраженности, принимающий значение от 0 до 100. Выраженность

качества, получаемая на основе опроса мнения и выражаемая четырьмя категориями, приводится к коэффициенту выраженности посредством следующей формулы:

$$K = 1/6 \cdot [300 - 3 \cdot k_1 - k_2 + k_3 + 3 \cdot k_4],$$

где k_1 – «качество не выражено», k_2 – «качество выражено слабо», k_3 – «качество выражено средне», k_4 – «качество выражено в полной мере».

При этом очевидно, что (а) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 1-й категории ответа («качество не выражено»), равному 100%, значение коэффициента выраженности равно 0; (б) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 2-й категории («качество выражено слабо»), равному 100%, значение коэффициента выраженности равно 0,33; (в) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 3-й категории («качество выражено средне»), равному 100%, значение коэффициента выраженности равно 0,66; (г) при количестве опрошенных, отдавших предпочтение 4-й категории («качество выражено в полной мере»), равному 100%, значение коэффициента выраженности равно 100. При каком-либо распределении предпочтений опрошенных между этими четырьмя категориями значение коэффициента выраженности изменяется пропорционально предпочтениям.

2. Определение коэффициента совпадения степеней выраженности качеств в различных группах.

Функция зависимости коэффициента совпадения от величины ϵ имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} F(\epsilon): F(0) &= 1 \\ F(10) &= 0 \\ F &= -0,1 \cdot \epsilon + 1, \end{aligned}$$

где ϵ – фактическая разница между двумя сравниваемыми степенями выраженности качеств.

Данная функция является линейной зависимостью, то есть чем больше сходства между сравниваемыми величинами, тем больше коэффициент совпадения.

Коэффициент совпадения определяется следующим образом. Предварительно сравнивается фактическая разница по каждому качеству между двумя сравниваемыми степенями выраженности качеств (т.е., например [автостереотип{татары} – гетеростерео-тип{русские в Татарстане}]). Для этого подставляется значение фактической разницы в $F(\epsilon)$. Для вычисления общего коэффициента по всем качествам необходимо просуммировать значения коэффициентов по отдельным качествам и полученную сумму разделить на количество качеств. Коэффициент совпадения изменяется в пределах от 0 до 1. Чем больше коэффициент, тем больше величина совпадения.

В связи с тем, что вычисления производятся над переменными, имеющими погрешность – 106, погрешность вычислений можно считать незначимой по сравнению с погрешностью округления при получении целочисленного значения процентов. Указанная погрешность округления лежит в пределах 0–0,5% в соответствии с правилами округления.

Как уже отмечалось, представленные методики направлены на измерение уровня межэтнической напряженности и изучение эмоционально-оценочных, когнитивных и конативных компонентов этнической идентичности. В четвертой главе мы представим анализ широкого эмпирического материала, полученного в разные годы в процессе исследования отношений между народами Северного Кавказа на основе различных эмпирических программ, включающих также и эти методики. С их помощью становится возможным исследование межэтнической напряженности как реального феномена и социально-психологической характеристики взаимоотношений между народами.

Раздел III Теория и методы в действии: Северный Кавказ

Глава 10. Горские народы Северного Кавказа как субъекты взаимодействия! ситуации межэтнической напряженности и их динамика

Старинная черкесская пословица гласит: «Два брата делят огород – без скандала не обойтись». Даже родственникам не всегда удается договориться, а если землю делят между собой народы? На Северном Кавказе в настоящее время насчитывается свыше 30 территориальных претензий (см. карту). Здесь это главные источники межэтнической напряженности. Напряженность, возникающая в одном звене общества, как по цепочке передается всем его частям. На примере республик Северного Кавказа мы покажем, что межэтническая напряженность – это не локальный феномен, а общее свойство поликультурной системы, в которой нарушился баланс межэтнических взаимоотношений.

С этой целью, а также для того, чтобы у читателя сложилось общее представление о ситуации в республиках Северного Кавказа в 1980–1990 гг кратко представим событийную хронику межэтнической напряженности и попытаемся раскрыть ее психологическую основу в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Чечне, Ингушетии и Северной Осетии-Алании. Здесь внимание будет преимущественно сосредоточено на отношениях между северокавказскими народами, так как взаимоотношениям между горцами и русским населением Северного Кавказа посвящена отдельная глава.

За последние годы мы неоднократно были свидетелями того, как социальная напряженность, достигнув высокого уровня, трансформировалась в межэтническую. Это происходило практически во всех регионах бывшего СССР, где были какие-то основания для развития этнических конфликтов. На Северном Кавказе эти процессы активизировались практически синхронно со всем Советским Союзом. Но как бы соблюдая имперский принцип – по старшинству, на северокавказские республики обратили должное внимание лишь после того, как отгремели события в Литве, Молдове, Грузии, Азербайджане.

Оснований для трансформации социальной напряженности в межэтническую на Северном Кавказе оказалось более чем достаточно. Этот регион, очень разнообразный по составу населяющих его этнических

групп, отличается еще и тем, что плотность компактного расселения этносов здесь одна из самых высоких в мире. Скученность, сокращение дистанции между группами являются предпосылками роста интенсивности напряженности (Wright, 1990). Картина дополняется, с одной стороны, малоземельем вследствие исторически традиционного здесь дефицита равнинных территорий и с другой – неоднократной перекройкой в недалеком прошлом национально-административных границ.

Исторические взаимоотношения разных северокавказских народов с Россией складывались не только не просто, но и не равнозначно. Это вносило напряженность и в отношения горцев между собой. Важным фактором ее роста оказались перемещения целых народов. В частности, возвращение депортированных народов в конце 1950-х гг. изменило соотношение этнических групп на территории бывшей Чечено-Ингушетии, в Дагестане, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии и обострило не только внутриреспубликанские, но и межреспубликанские отношения в регионе.

Катализаторами роста социальной напряженности и ее трансформации в этническую в начале 1990-х гг. оказались военные конфликты вблизи южных границ северокавказского региона – в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, а потом и непосредственно на территории Северного Кавказа – ингушско-осетинский вооруженный конфликт и чеченский кризис. Кроме того из-за своего геополитического положения Северный Кавказ оказался местом столкновения интересов влиятельных соседей

В 1990 г. был провозглашен суверенитет России. Все последующие суверенизации северокавказских республик произошли в период поощрения этого процесса российским руководством. К 1991 г. уже все республики Северного Кавказа повысили свой государственно-политический статус. Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия превратились из автономных республик в суверенные. Стали самостоятельными республиками Чечня и Ингушетия. Вместо автономных областей утвердились новые республики – Адыгея и Карачаево-Черкессия, выделившиеся соответственно из Краснодарского и Ставропольского краев. Между республиками и внутри них обозначилась особая сфера взаимоотношений, обусловленная новоприобретенными статусами. В связи с этим приобрели актуальность межреспубликанские границы.

подавляющая часть современных территориальных проблем порождена за годы советской власти, когда государственные границы нередко проводились произвольно, без учета этнической истории народов. В XIX в. на Северном Кавказе еще не было государственных образований. Местные народы объединялись в более или менее крупные феодальные владения, а также в «вольные» общества – союзы общин, которые находились относительно друг друга в различного рода политической зависимости и отличались подвижностью границ (Волкова, 1989).

К территориальным проблемам добавились вопросы внутренней суверенизации, то есть государственной самостоятельности народов, проживающих в одной республике, или их перехода в другое национально-административное образование. Кроме того, распад СССР и появление новых государственных границ придали некоторым национальным проблемам теперь уже межгосударственный характер. Например, объединение лезгин, большая часть которых вдруг оказалась в суверенном Азербайджане, объединение Северной и Южной Осетий, поскольку последняя также оказалась в другом государстве – Грузии.

Карачаево-Черкессия

В начале 1990-х гг. наиболее стремительно межэтническая напряженность нарастала в Карачаево-Черкессии. Карачаево-Черкесская автономная область была создана в 1922 г.; в 1926 г. – разделена на три части: Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Последний в 1931 г. был разделен между Карачаем, Черкессией, Ставропольским и Краснодарским краями.

Карачаевская АО просуществовала до 2 ноября 1943 г., когда карачаевцы были репрессированы и высланы в Среднюю Азию и Казахстан. Территорию Карачая поделили между Ставропольским, Краснодарским краями и Грузией. В 1957 г. Черкесская АО была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края, куда начали возвращаться после депортации карачаевцы. Но восстановления Карачаевской автономной области так и не произошло.

Относительное большинство в Карачаево-Черкессии составляют карачаевцы и русские. Последние – самая многочисленная этническая группа в республике. По переписи 1989 г. их свыше 40%. Но на социальном уровне они несколько разобщены, так как распадаются на казаков и собственно русских. Карачаевцы, хотя и выделяются по численности среди горских народов республики (свыше 30%), но как репрессированные в прошлом, не имеют той силы, которая должна бы соответствовать их относительному численному превосходству. Черкесы (9%), абазинцы (7%) и ногайцы (3%) вместе составляют около пятой части населения республики. Черкесы и абазинцы – близкородственные народы, карачаевцы и ногайцы также родственны по языку, но культурная общность между ними выражена слабее (Смирнова, 1993, с. 52). На основе перечисленных пяти наиболее крупных народов республики здесь в течение 1989–1990 гг. возникли и начали активно действовать национальные общества.

В 1990 г. Карачаево-Черкессия из автономной области Ставропольского края стала республикой в Российской Федерации. Вслед за этим в течение 1990–1991 гг. были провозглашены: Республика Карачай, Черкессия, Республика Абаза (Абазинская республика), Баталпашинская казачья республика, Зеленчукско-Урупская казачья республика. Это обострило отношения в первую очередь между карачаевцами и казаками, а также между близкородственными черкесами и абазинцами. И главной проблемой стали земельные споры.

В случае создания суверенной республики Карачай, казачество Зеленчукского и Урупского районов пригрозило присоединиться со своими землями к Краснодарскому краю. Особый резонанс вызвало провозглашение Зеленчукско-Урупской казачьей республики в конце 1991 г. Именно тогда в г. Карачаевске был создан бессрочный митинг протеста против провозглашения этой республики. Несколько месяцев нарастала напряженность между русскоязычной частью населения и карачаевцами. Однако органам власти в лице «оргомитета по стабилизации обстановки» и республиканского общества карачаевцев «Джамагъата» удалось не допустить длительного противостояния карачаевцев и казаков в форме этнически разделенных митингов. На общем сходе жители района нашли взаимопонимание (Пчелинцева, Самарина, 1995).

Среди основных требований абазин – возврат абазинским аулам земель, отрезанных у них во времена коллективизации и других административно-территориальных изменений. Кроме того в связи с дисперсным расселением абазин ставят вопрос не только о создании абазинского национального округа, но и «своих» сельсоветов. Абазин беспокоит их ассимиляция черкесами, а также неравноправное положение при распределении административных постов (Смирнова, 1993).

Достаточно активно в Карачаево-Черкессии выступали и ногайцы. Здесь их проживает около 13 тыс. человек – меньше четверти всех ногайцев Северного Кавказа. Но, судя по тому, что Карачаево-Черкессия первенствовала в развитии межэтнической напряженности в этом регионе, именно здесь зародилась идея о создании на основе Ногайской степи самостоятельного национально-территориального образования. Этому способствовали недовольство ногайцев крайне запущенными социально-бытовыми проблемами и их дискриминация при решении кадровых вопросов.

Пик обострения ситуации в Карачаево-Черкессии пришелся на 1991 г., когда активно обсуждались новопровозглашенные национально-территориальные образования, проводились выборы в парламент республики, разгорелись споры о правомерности ее названия. Однако характерная для республики национальная чересполосица, относительная этнодемографическая сбалансированность горских народов при доминировании русских, много-позиционность и пропорциональность нарастания межэтнической напряженности в конечном итоге уравнивали ситуацию. В результате на общереспубликанском референдуме в марте 1992г. 76% населения республики все же проголосовали за ее сохранение, в том числе и жители районов с преимущественно карачаевским населением. Но в районах с преобладанием русского населения – Зеленчукском и Урупском, положительно проголосовали менее трети населения (Пчелинцева, Самарина, 1995).

Несмотря на то, что к середине 1990-х гг. межэтническая напряженность в Карачаево-Черкессии снизилась, ее мотивационная основа сохранилась в форме устойчивой аффективно-когнитивной структуры этнического самосознания: чувства ущемленности, возникшего у карачаевцев в результате репрессий, у ногайцев – на основе разделенности народа; у абазин оно связано с низким этносоциальным статусом. У последних ущемленность сочетается также со страхом этнокультурной ассимиляции.

Дагестан

Несмотря на то, что история Дагестана не знает серьезных внутренних межэтнических конфликтов, без противоречий не обходилось. Случались и военные столкновения, происходившие в основном из-за спорных пастбищ. И все же, и в досоветский, и в советский период в этой горной стране свыше 30 народов, говорящих на различных языках, достаточно мирно жили, прекрасно дополняя друг друга.

Современное состояние отношений между народами Дагестана в целом можно определить как ситуацию фрустрационной межэтнической напряженности. Но, естественно, она не может быть квалифицирована однозначно для самой многонациональной республики региона. В начале 1990-х гг. обострились наиболее болезненные области межэтнических отношений. Получили известность аваро-кумыкский спор (1991 г.), чечено-лакские столкновения (осень 1992 г.), лезгино-азербайджанский конфликт в Дербенте (1992 г.). Города Махачкала, Хасавюрт, Кизляр также стали аренами этнических конфликтов.

Ни один из народов Дагестана, хотя они существенно различаются по численности, не обладает демографическим превосходством, дающим основания почувствовать себя явным большинством и выступать в роли старшего брата. В то же время наиболее многочисленные дагестанские народы – аварцы и даргинцы составляют почти половину всего населения республики. По результатам переписи 1989 г. их было соответственно 27,6 и 18,8%. Но высокая этническая мозаичность второй половины населения республики уравнивает относительное численное превосходство аварцев и даргинцев. Можно сказать, что все население Дагестана состоит из этнических меньшинств. Поэтому чувство ущемленности, характерное для представителей этнического меньшинства, даже самые малочисленные народы Дагестана испытывают в меньшей степени, чем горские народы других республик Северного Кавказа.

На политическом уровне этнодемографическое соотношение народов Дагестана получило адекватное отражение: квотное (пропорциональное) представительство в Народном Собрании Дагестана и паритетное представительство в Госсовете республики. Председатель и заместитель Госсовета, а также 12 его членов представляют 14 наиболее многочисленных народов республики: аварцев, агулов, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгинов, ногайцев, русских, рутульцев, табасаранцев, татов, ца-хуров и чеченцев.

Внутренние политические проблемы, этнодемографическая пропорция, история отношений между народами Дагестана, психокультурные различия между ними нельзя рассматривать в качестве определяющих причин роста межэтнической напряженности в республике во второй половине 1990-х гг. Ситуацию фрустрационной межэтнической напряженности к критическим рубежам неумолимо

подталкивали рост социальной напряженности и чеченский кризис. Приграничное положение Дагестана также оказало влияние на ситуацию. Из-за событий в Чечне республика оказалась практически заблокирована. С юга жесткая граница с Азербайджаном прервала важные экономические связи.

Во время войны в приграничных районах с Чечней – Хасавюртовском, Новолакском, Ботлихском – велись боевые действия, федералы обстреливали чеченские села, чеченцы отвечали. На территории Новолакского района длительное время никто не работал, люди лишились всего подсобного хозяйства, и единственным источником существования являлись пенсии и детские пособия. Для гибнущих на войне дагестанцев меры компенсации, как для чеченцев, не были предусмотрены. В марте 1995 г. заместитель председателя Народного собрания Дагестана Абакар Алиев в интервью «Независимой газете» заявил, что Дагестан находится почти в состоянии войны (Независимая газета. 1995. 2 март.). В период войны на территории Чечни, в Дагестане работали с большими перебоями или не работали вообще железная дорога, кабельные сети, линии электропередач и нефтепровода. Даже сельскохозяйственные самолеты нельзя было поднять в воздух без согласования с военными. Безработица стала одной из главных проблем Дагестана, который за короткое время из донора превратился фактически в дотационную республику (Независимая газета. 1996. 12 окт.).

В условиях ухудшения положения в экономике и социальной сфере (падение производства во всех областях, отсутствие социальной защищенности) продолжалось стихийное переселение горцев на равнину. Это обостряло отношения между кумыками и аварцами, кумыками и даргинцами, лезгинами и азербайджанцами, горцами и русскими.

Властные структуры, поддерживаемые большинством общественных и национальных движений, выступают за сохранение государственно-территориальной целостности и единства республики Дагестан (Кисриев, 1994). Дагестанцы любят повторять: «Мы добровольно в Россию не входили и добровольно из нее не выйдем». Такая позиция отражена и в Конституции Дагестана, в которой нет упоминания о независимости и институте президентства.

Тем не менее сепаратизм как национализм этнических меньшинств проявляется также и в Дагестане. Почти треть общественных организаций, зарегистрированных Минюстом РФ, носят характер моноэтнических объединений. Такие национальные движения как «Тенглик» (кумыкское), «Садвал» (лезгинское), «Бир-лик» (ногайское) отстаивают модель территориального разделения Дагестана по этническому признаку. Именно эти народы проявляют наибольшую коллективную волю в стремлении к этнической независимости.

Достаточно рано и очень активно стали действовать кумыки, составляющие около 13% населения республики. На первом съезде Кумыкского народного движения в ноябре 1989 г. была поставлена цель – создание национального государственного образования кумыкского народа. Второй съезд (ноябрь 1990 г.) принял декларацию о самоопределении кумыкского народа. Было провозглашено образование Кумыкстана «...с охватом исторической территории кумыкского народа», который «добровольно входит в состав СССР и РСФСР» и готов объединиться в «Федерацию дагестанских государств». Третий Чрезвычайный съезд кумыкского народа состоялся в январе 1991 г. На нем был сформирован Кумыкский Национальный Совет из числа народных депутатов кумыкской национальности и представителей кумыкского движения «Тенглик», которому было поручено приступить к поэтапной реализации задач по созданию Кумыкской Народной Республики в составе РСФСР. В дальнейшем Совет стал вести самостоятельную политическую линию, выступая с более умеренных позиций, чем радикальный «Тенглик» (см. Дагестан: этнополитический портрет. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. 1993. Т. 1; Дагестан: этнополитический портрет. Очерки, документы, хроника. 1994. Т. 2).

Одна из самых обостренных проблем в Дагестане – лезгино-азербайджанская. Государственная граница между Азербайджаном и Россией разделила лезгинский народ на две части. В результате около 300 тыс. лезгин осталось в Дагестане, а свыше 400 тыс. человек – в соседнем Азербайджане. Недостаточно плотно перекрытая для проникновения контрабанды и преступных элементов российско-азербайджанская граница оказалась серьезным барьером для общения разделенного народа. Из-за строгих пограничных правил из одной республики в другую не могут переправиться похоронные и свадебные церемонии, возникают большие трудности в контакте с родственниками, в товарообмене, таможенные проблемы. Азербайджанская сторона негативно относится к активной деятельности лезгинской организации «Садвал», обвиняя ее членов в организации террористических актов на территории Азербайджана.

Стоит остановиться также на проблеме ногайского народа. В республиках Северного Кавказа ногайцев около 60 тыс. человек. Из них половина проживает в Дагестане. При советской власти им так и не удалось обрести хотя бы некоторую степень самостоятельности и права на решение своей судьбы. Кизлярский округ Ставропольского края, где в основном проживали ногайцы, несколько раз передавался из Ставрополя в Дагестан и обратно, при этом мнение ногайского народа не учитывалось. После упразднения в 1944 г. Чечено-Ингушетии и образования Грозненской области, в ее состав была включена вся территория Ногайской степи. Попытка восстановить справедливость в отношении репрессированных народов в 1957 г. серьезно усугубила ногайский вопрос. В результате очередной перекройки границ часть ногайцев осталась в Дагестане, вторая – в составе Ставрополя, а третья часть – в Шелковском районе, который в порядке компенсации за Ауховский район был передан бывшей Чечено-Ингушетии и сегодня принадлежит Чеченской республике.

Главными темами курултаев ногайского народа в 1988–1992 гг. были проблемы национального самоопределения и воссоединения. На третьем съезде (1992 г.) была провозглашена Ногайская

республика в составе Российской Федерации. Чечня, Дагестан и Ставрополье категорически отказались предоставить ногайцам право на отделение и образование самостоятельной области или республики. Было бы наивно предположить, что Чечня или Дагестан согласятся передать свою часть Ногайской степи в Ставрополье или друг другу.

С каждым годом все больше внимания требует к себе проблема чеченцев-аккинцев. В 1944 г. после отправки в ссылку чеченцев и ингушей один из их районов – Ауховский был передан Дагестану. Предварительно из него было депортировано около 14,5 тыс. чеченцев-аккинцев. На их места насильственно переселялись жители нескольких десятков аулов горного Дагестана – семьи аварцев и лакцев. Район переименовали в Новолакский, и он до сих пор остается в административном подчинении Дагестана. В 1957 г. чеченцы-аккинцы начали возвращаться на родину и требовать поселения на прежних местах жительства. Хотя им оказывалась соответствующая помощь (земельные участки, кредиты и т.д.), это была частичная реабилитация. Не всем желающим разрешили вернуться в родные места, не были восстановлены прежние исторические названия. Требования по полной реабилитации чеченцев-аккинцев безусловно затрагивают права и интересы лакцев, аварцев и кумыков, принудительно переселенных на эти земли и проживающих там уже более полувека.

Численность чеченцев в Дагестане стремительно увеличивалась. В 1993 г. их число превысило 62 тыс. человек (Кисриев, 1994). Пропорционально росту численности чеченцев росла также напряженность между ними, с одной стороны, и аварцами и лакцами – с другой. Она, то затухая, то усиливаясь, достигла в целом достаточно высокого уровня. Особую остроту проблема стала приобретать в связи с процессами суверенизации и милитаризации Чечни. В 1992 г. в паспортах взрослого населения чеченцев-аккинцев были проставлены штампы о гражданстве Чечни, щит-указатель при въезде в Новолакский район неоднократно заменялся щитом со старым названием и эмблемой Чеченской республики. Стало оказываться психологическое давление на местное аварское и лакское население с целью принуждения его к переселению.

Позиции сторон по поводу решения этого вопроса на начальном этапе казались в целом вполне взаимоприемлемыми. В 1991 г. подавляющее большинство лакского населения, испытывая чувство вины и признавая справедливость требований чеченцев-аккинцев, решилось на безусловно мужественный и благородный шаг – высказалось за переселение севернее г. Махачкала. Однако возможность такого решения вопроса вызвала возражения со стороны кумыков, которые оказались против «...необдуманного заселения плоскостных земель, где традиционно проживали кумыки» (Дагестанская правда. 1991. 24 июля). Проще складывались взаимоотношения аварцев и чеченцев-аккинцев, которые испокон веков жили рядом, и ни одна из аварских семей Новолакского района не занимала дома чеченцев-аккинцев.

У республики не оказалось возможности отвода «ничьих» земель для переселения людей. В результате федеральная программа переселения лакского населения оказалась полностью сорвана (Независимая газета. 1996. 12 окт.). Лакцы, находясь под давлением чеченцев-аккинцев и вынужденные бросать обжитые дома, начали организовываться с целью отказа от переселения. По мере усиления напряженности в регионе в связи с развитием событий в Чечне, лакцы и аварцы, проживающие на территориях репрессированных чеченцев-аккинцев, стали требовать принятия мер, гарантирующих их законные интересы.

Проблему чеченцев-аккинцев в Дагестане невозможно рассматривать как вне контекста чеченского кризиса, так и вне исторических отношений между Чечней и Дагестаном. Известно, что существуют претензии Чечни на все дагестанские земли севернее реки Сулак. С другой стороны, между дагестанцами и чеченцами всегда существовало взаимопонимание и приязнь. После событий в Кизляре и Первомайском (массовые захваты заложников) была отмечена кратковременная вспышка античеченских настроений, но вскоре дагестанцы уже оправдывали чеченцев: «Горцы сами разберутся между собой», «Целый народ не может быть преступным», «Чеченцы воюют и вынуждены делать несдержанные заявления». Дагестанцы считают, что конфликты с чеченцами маловероятны. Национальные движения поддерживают чеченцев как своих братьев. В то же время печально известная «операция по освобождению заложников» в Первомайском однозначно осуждается.

Основные психологические оси межэтнической напряженности, вдоль которых наиболее вероятны политические спекуляции и обострение ситуации в Дагестане – это, во-первых, чувство ущемленности, в наибольшей степени выраженное у лезгин и ногайцев как разделенных народов, и у чеченцев-аккинцев как репрессированного народа, и, во-вторых, сложная смесь чувств ущемленности, виновности и страха у насильственно переселенных аварцев и лакцев.

Кабардино-Балкария

В 1922 г. кабардинский и балкарский народы были объединены в единое государственно-административное образование – автономную Кабардино-Балкарскую область. Ее образование расценивается сегодня представителями национальных движений республики как акт насильственного объединения (Гучев, 1992). В 1936 г. область получила статус автономной республики. После депортации балкарцев она с 1944 г. стала называться Кабардинской АССР.

С начала 1990-х гг. отношения между кабардинцами и балкарцами дважды достигали критических рубежей фрустрационной напряженности. Однако и в первом, и во втором случае руководству и общественности республики удавалось гасить конфликты. Этому в большой степени способствовало и то, что балкарский народ, в прошлом один из пяти горских общин Кабарды, значительно уступает кабардинцам и по численности, и по социальному статусу.

По переписи 1989 г. кабардинцы составляли практически половину населения республики (48,2%), русские – почти треть (32%), в то время как балкарцы представляли явное меньшинство. Их чуть более 9% – немногим больше 70 тыс. человек. Депортация свыше 40 тыс. балкарцев в Киргизию и Казахстан в марте 1944 г. даже по прошествию более полувека продолжает отражаться на их статусном положении. Ключевые позиции в республике занимают главным образом кабардинцы. Кроме того балкарцы территориально разобщены. Их удельный вес в разбросанных по территории республики населенных пунктах (за исключением одного из районов) составляет от 1–2 до 30%.

Первое обострение напряженности между кабардинцами и балкарцами пришлось на 1991 – 1992 гг. Тогда балкарцы выдвинули требования о преобразовании Кабардино-Балкарской автономной республики в Конфедерацию Кабарды и Бал карий. Съезд балкарского народа, состоявшийся в конце марта 1991 г., избрал Национальный Совет балкарского народа и принял резолюцию, в которой, в частности, говорилось о восстановлении районов Балкарии в границах, существовавших на момент выселения балкарцев в марте 1944 г. Прошедшая следом конференция кабардинского народа выразила несогласие с этим решением. А Первый съезд кабардинского народа (январь 1992 г.) принял решение «О восстановлении Кабардинской Республики» и избрал Конгресс Кабардинского Народа (Акжиева, 1994).

В ответ 8 февраля 1992 г. была в первый раз провозглашена Республика Балкария. В обращении Национального Совета балкарского народа к Верховному Совету РСФСР были перечислены основные претензии балкарцев. Среди них главная – территориальная: «Балкарским хозяйствам не были возвращены сельхозугодья, которыми они пользовались на момент их насильственного выселения, часть территории Балкарии превращена в заповедники, зоны массового отдыха, туризма и альпинизма. В пределах этих территорий балкарцам запрещено пользоваться сельхозугодьями, селиться, строить и даже обновлять жилье» (Обращение Национального Совета Балкарского народа к ВС РСФСР в связи с провозглашением Республики Балкария 8 февраля 1992 // Терр. 1992.

№ 14). К числу территориальных проблем относится также вопрос о Баксанском ущелье (юго-западной части Эльбрусского и Нагорного районов) – той территории Бал карий, которая в 1944 г. была передана Грузии и заселена сванами.

На фоне этих событий в конце 1991 г. и в мае 1992 г. в сельской местности республики произошли локальные конфликты на почве уголовных преступлений, получивших национальную окраску. Межэтническая напряженность нарастала. Но события, связанные с деятельностью в Абхазии Конфедерации народов Кавказа, штаб-квартира которой находилась в Нальчике (арест Ю.Шанибова, возбуждение уголовных дел и преследование лиц, принимавших участие в событиях в Абхазии, а также введение чрезвычайного положения в республике) повысили социально-политическую напряженность в республике и «перевели» полюс концентрации внимания ее населения.

Урегулирование проблемы кабардино-балкарских отношений внутриреспубликанскими силами, путем принятия ряда мер по решению требований балкарского народа, определило снижение межэтнической напряженности в республике. Позитивное влияние на урегулирование ситуации оказало также создание Двухпалатного Верховного Совета на основе соблюдения принципа адекватного соотношения представительства различных национальностей в руководстве республики.

О позитивной динамике межэтнической напряженности в Кабардино-Балкарии говорят данные двух референдумов, проведенных с разницей в 3 года. Если в 1991 г. почти 95% балкарцев высказались за выделение Республики Балкария, то на референдуме в ноябре 1994 г. более 90% балкарцев отдали свои голоса за единую Кабардино-Балкарию. Лидеры балкарского народа указывают на неправомерность рассмотрения последних результатов как итога референдума. По их мнению, была нарушена процедура – не проводилось тайное голосование. Поэтому то, что было названо референдумом, может быть определено лишь как опрос (Балкарский Форум 1997, январь). Тем не менее его итоги красноречиво свидетельствуют о снижении напряженности между балкарцами и кабардинцами.

Второй раз ситуация межэтнической напряженности обострилась в Кабардино-Балкарии в ноябре 1996 г. Съезд балкарского народа вновь провозгласил создание суверенной республики Балкария, принял постановление об атрибутах государственной власти и государственных языках, учредил на переходный период высший орган власти – Госсвет (Балкарский Форум. 1997, январь).

Психологическая основа роста межэтнической напряженности в Кабардино-Балкарии – это чувство ущемленности балкарского народа, неудовлетворенного результатами реабилитации. Спекуляции на этом чувстве усиливают стремления балкарцев поднять свою самооценку и достоинство через повышение статуса народа.

Чечня и Ингушетия

Одной из самых взрывоопасных республик Северного Кавказа была бывшая Чечено-Ингушетия. По численности населения это вторая после Дагестана республика региона. В самом начале 1990-х гг. здесь уже были серьезно обострены отношения между титульным и русским населением. Одновременно нарастала напряженность между самими титульными народами – чеченцами и ингушами. Тенденции политической суверенизации в бывшей Чечено-Ингушетии сразу же набрали высокий темп. Уже в ноябре

1990 г. сессия ВС Чечено-Ингушской АССР под председательством Доку Завгаева приняла декларацию о суверенитете, в которой не было даже упоминания о Российской Федерации. В июне

1991 г. на Общенациональном Конгрессе чеченского народа было принято политическое заявление, что чеченская республика Нох-чичьо не входит ни в СССР, ни в РСФСР (Независимая газета. 1996. 13 сент.).

Первые законодательные акты Чечни, например, некоторые положения закона о гражданстве Чеченской республики (в частности, относительно того, что жители Чечни, не имеющие чеченского гражданства, будут смещены с административных должностей) непосредственно затрагивали интересы представителей других этнических групп, причем не только русскоязычное население, но и ингушей.

Бывшая Чечено-Ингушетия с самого начала была зоной повышенного риска еще по той причине, что не лучшим образом складывались отношения с тремя ближайшими соседями. С конца 1950-х гг. на границах республики существовали три области повышенной напряженности: чеченско-дагестанская (территория Дагестана, прилегающая к Чечне), чеченско-ногайская (территориально – на стыке Дагестана, Ставрополя и Чечни) и осетино-ингушская (Пригородный район Северной Осетии). После распада Чечено-Ингушетии противоречия с осетинами стали только ингушской проблемой, а старые противоречия с Дагестаном и ногайцами на фоне российско-чеченских взаимоотношений отошли на задний план.

Нередко чеченский кризис определяют не как этнический конфликт, а скорее как войну с криминальным режимом, стремящимся к легитимизации на государственном уровне. Помимо этого В.А.Тишков выделил еще несколько интерпретаций природы чеченского кризиса: как неудавшийся вариант «маленькой победоносной войны» против независимой Чечни, затеянной Центром; как заговор, имеющий мощную финансовую основу; как результат частных стратегий, мотиваций и меняющихся диспозиций, влияющих на механизм принятия решения в системе властных взаимоотношений; как проявление национально-освободительного движения чеченского народа и попытка его подавления имперскими силами. В качестве варианта последней интерпретации рассматривается так называемый «цивилизационно-этнографический романтизм», исповедуемый некоторыми учеными и зачастую заимствуемый политиками. Его суть либо «в конфликте цивилизаций», исламской и христианской, либо в несовместимости этнических систем и непонимании российскими политиками глубинной специфики российского общества (Чеченский кризис, 1995).

Но по мере развертывания военных действий кризис в Чечне все больше превращался в войну между чеченским народом и федеральными войсками, то есть российской правящей властью. Именно после декабря 1994 г. (начала войны) Джохар Дудаев для значительной части чеченцев стал национальным символом, хотя до этого он контролировал лишь чуть больше половины Чечни.

Вне зависимости от политических интерпретаций, чеченская война – ситуация кризисной межэтнической напряженности, так как в жестоком противостоянии одна сторона совершенно определенно была организована по этническому признаку, а вторая – олицетворяла в первую очередь русский народ.

Уровень межэтнической напряженности в Чечне достиг максимальной степени насилия – кровопролитная война длилась почти два года. Россия проявила здесь себя не с лучшей стороны. Главная цель – подавление неугодного режима – совершенно заслонила права и отдельного человека, и целых народов, не только чеченцев, но и русских, погибавших в Чечне от российских снарядов.

Несмотря на то, что в 1781 г. Чечня и Ингушетия добровольно вошли в состав России, более чем двухсотлетнюю российско-чеченскую историю взаимоотношений никак нельзя назвать мирным сосуществованием. Низкий уровень этнической толерантности вайнахов по отношению к русским – это печальный результат не только современной политики России на Кавказе, но и исторического опыта взаимодействия этих народов с Россией. В этом процессе вайнахи получили серию мощных инъекций против возможной русификации. Начало их регулярных отношений с Россией оказалось по сути началом Кавказской войны, длившейся почти полвека и проходившей со стороны коренных мусульманских народов Кавказа под флагом газавата. Далее последовала полувековая колонизация Кавказа царской Россией, потом – смутное время революций и период установления в непримиримой борьбе с местными верованиями и традициями советской власти, ассоциируемой с властью русских. История вайнахов уже в рамках СССР также не могла послужить залогом укрепления отношений не только с русским народом, но и с некоторыми народами Кавказа. С лета 1922 г. по 1944 г. было проведено, в частности, 6 крупных «усмирений» чеченцев (Чеченский кризис, 1995, с.8), потом последовали беспрецедентные депортации целых народов.

Неудивительно, что идея национальной независимости, провозглашенная еще в годы Кавказской войны, так глубоко укоренилась в сознании чеченцев. И чеченский, и ингушский народы так и не удалось сломить, обуздать их независимый нрав и искоренить любовь к свободе. Опыт чеченского кризиса показывает, что именно идея освобождения остается наиболее мощной побудительной силой для чеченцев и в наше время. Она подпитывается архетипом героического прошлого сплотившегося народа, борющегося за свою свободу. Подкрепленная архетипическими мотивами, эта идея может быть настолько сильна, что становится самоцелью целого народа, вне зависимости от опыта ее конечного воплощения. Не случайно бывший начальник штаба чеченской армии, а позже президент Чеченской республики Аслан Масхадов в одном из интервью обронил такую фразу: «Предки уже не раз побеждали Россию, но затем не знали, что делать дальше, и вновь входили в ее состав» (Сегодня. 1996. 12 сент.).

Численность населения Чечено-Ингушетии превышала миллион человек (в 1989 г. – 1,27 млн), когда она в сентябре 1991 г., после низложения Верховного Совета и отставки его председателя Доку Завгаева, прекратила свое существование. Именно с этого момента Чечено-Ингушетия фактически распалась на две самостоятельные республики. Власть в Грозном перешла в руки

Общенационального Конгресса чеченского народа. Политическая активность ингушей окончательно переместилась в Назрань, где в декабре 1991 г. была провозглашена Ингушская республика, объединяющая территории Назрановского, Сунженского и Малгобекского районов.

Судьбы чеченцев и ингушей всегда были тесно переплетены. Историки считают ингушей одним из чеченских племен. Отражением языковой и культурной близости чеченцев и ингушей является общее самоназвание – вайнахи («мы–люди»). Характерно, что этноним «вайнах» утвердился уже в период советской истории. Его введение приписывается ингушскому лингвисту Заурбеку Мальса-гову, который в 1920–1930-е гг. боролся за единый для чеченцев и ингушей литературный язык, и русскому лингвисту Николаю Яковлеву, считавшему эти народы этнически очень близкими (Чеснов, 1996, с.37). Союз чеченцев и ингушей кажется очень естественным. Но жизненные ситуации всегда намного сложнее очевидных решений.

Чеченцы и, особенно, ингуши всегда стремились иметь самостоятельные пути развития. Это выражалось в том, что они компактно проживали на отдельных территориях, имели самостоятельные политические образования, разные направления и формы контакта с соседними народами (Волкова, 1974). Тем не менее по взаимному желанию руководства Чеченской и Ингушской автономных областей путем их объединения в 1934 г. была образована единая Чечено-Ингушская автономная область. В 1936 г. она была преобразована в автономную Чечено-Ингушскую республику.

Объявление Чечней своей независимости в рамках границ 1934 г. вплотную поставило ингушей перед необходимостью безотлагательного решения целого ряда территориальных, экономических, культурных и социальных проблем. После распада Чечено-Ингушетии соотношение сил и преимуществ в различных сферах жизнедеятельности сложилось не в пользу ингушского народа. На территории Чечни остались основные промышленные предприятия, административный и культурный центры бывшей совместной республики. Ингушетии практически не досталось никакой системы жизнеобеспечения, никакой промышленности. Очень тонкой была прослойка образованной интеллигенции. До 1992 г. в Ингушетии практически отсутствовали официальные властные структуры, что также не способствовало нормализации общественной жизни.

Чечня все же кое-чем поделилась. И чеченцы не забывают напоминать об этом, причем нередко в форме упрека. Руслан Хасбулатов в одном из интервью отмечает: «Некоторым представителям ингушского народа следовало бы подумать над тем, как они намереваются строить свои отношения с чеченским народом. Чеченцы задаются вопросами: "В чем мы провинились перед ингушами, чьи высокие руководители в Москве "молчаливо соглашались" с политикой, направленной на уничтожение чеченского народа?" Некоторые чеченцы прямо спрашивают: "Им мало того, что значительную часть производства Чечни перевезли в Ингушетию, перебрали строительную и сельскохозяйственную технику, огромные объемы сырья и запасов, нефтедобывающую технику и оборудование, все то, что было накоплено в республике за десятилетия". Люди задают вопрос: "Им мало того, что они самовольно захватили два чеченских района, которых не было в составе Ингушетии, когда ингуши в 1934 г. запросились войти в единую Чечено-Ингушетию?"» (Независимая газета «Жизнь», 1996, № 2(9), июнь).

На фоне политических событий 1991–1992 гг. разъединенность между чеченцами и ингушами возросла. Главные причины этого – обострение отношений из-за спорных территорий и образование Ингушетии как самостоятельной республики в составе России. В июне и сентябре 1991 г. созданный лидерами «Нийсхо» исполком депутатов всех уровней Ингушетии во главе с И.Кодзоевым без всякой законодательной базы провозгласил Ингушскую республику. В ответ Оргкомитет по восстановлению государственности Ингушетии провел в октябре 1991 г. третий Общенациональный съезд ингушского народа, который постановил: «Считать нецелесообразным восстановление ингушской государственности до полного возврата всех аннексированных в период сталинщины ингушских территорий». Согласно постановлению Верховного Совета России, в октябре 1992 г. ингушам предстояло избрать собственные органы власти и приступить к созданию независимой Ингушской республики в составе России. Однако выборы не состоялись, и конец октября стал началом вооруженного конфликта между осетинами и ингушами.

На начальном этапе эскалации межэтнической напряженности между Северной Осетией и Ингушетией Чечня поддерживала Ингушетию. По мнению Р.Хасбулатова, ингушко-осетинский конфликт начался с того, «что ингуши захотели свою республику, причем имея мощную поддержку тогдашнего первого секретаря обкома партии и председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской республики Д.Завгаева. Этот лидер даже выдвинул требования к союзным и российским властям: "Если вы не отдадите нам

Пригородный район, мы отказываемся провести референдум о единстве Союза". И не провел этот референдум, который состоялся в марте 1991 г.» (Независимая газета «Жизнь». 1996. №2(9), июнь). Впоследствии Чечня не вмешивалась в ход конфликта и признавала право ингушей на самоопределение. Но при этом четко отслеживала свои интересы. Когда российские войска, выполнявшие в регионе миротворческую функцию, продвинулись с понятными целями вглубь территории бывшей Чечено-Ингушетии, они были поставлены перед необходимостью считаться с границами между Чечней и Ингушетией по 1934 году.

Сразу же после провозглашения Ингушской республики президент Чечни Джохар Дудаев заявил, что Сунженский и Малго-бекский районы – это исторические чеченские земли. Если разделять две вайнахские республики по границе 1934 г., то Сунженский район должен остаться в пределах Чечни, как входивший именно в состав Чеченской АО. Ингушская сторона оспаривает район на том основании, что считает его историческими ингушскими территориями: казачьи станицы, возникшие здесь в 1840–1850 гг., возводились на месте ингушских и карабулакских аулов (Цуциев, 1994).

В 1992 г. Д.Дудаев силовым порядком поменял в населенных пунктах Сунженского и Малгобекского районов, где жили преимущественно чеченцы, местные власти. Позиция руководства Чечни относительно территориальных споров с Ингушетией была предельно проста. Министр печати и информации Чечни Мовлади Удугов так выразил ее в одном из интервью: «Если ингуши останутся в составе Чечни, вопрос о границах не будет поставлен, если же они отойдут к России, вопрос о границах будет решаться с Москвой» (Коммерсант. 1992. №31). Еще определеннее на этот счет высказывался Джохар Дудаев: «Как она (Россия) будет делить Чечено-Ингушетию на две республики? Конечно, отхватив кусок исконных чеченских земель для Ингушетии и, конечно, ингушские экстремисты готовы пригласить Россию на помощь в Сунженский и Малгобекский районы. Туда придут со штыками. Это война» (Московские новости. 1992. 19 марта).

Желание Ингушетии остаться в России, помимо других причин, определялось и надеждой на помощь России в решении территориальных споров с осетинами и чеченцами, и соображениями этнической безопасности. Отделение воспринималось и как возможность избежать дальнейшей этнокультурной ассимиляции, имевшей место не только вследствие близкого культурного и языкового родства, но и значительного численного превосходства чеченцев. По данным переписи 1989 г., чеченцев в бывшей Чечено-Ингушетии было в 4 раза больше, чем ингушей – соответственно 23% и 5% от общей численности населения республики. В Грозном в 1990 г. чеченцев было почти в 6 раз больше: чеченцы составляли 30,5% (121350 человек), ингуши – 5,4% (21346 человек) (Демографический ежегодник, 1990). Это – вторая сторона этнокультурной тождественности. Угроза ассимиляции в ситуации взаимодействия двух близких народов заставляет более малочисленный народ «занимать круговую оборону», например, в форме собственного государства, иногда искусственно отдаляться, чтобы сохранить себя. В противном случае он рискует раствориться в родственном большинстве.

Итак, ситуация напряженности между чеченцами и ингушами на психологическом уровне подкреплялась со стороны ингушей чувствами зависимости, ущемленности и страхом ассимиляции. Повышение статуса Ингушетии и обретение ею самостоятельности, переход от ролей второго плана, когда ингуши выступали в качестве равноправных, но «младших в семье» членов, к первым ролям, усиление этнических границ административными, – все это лишило подпитки эмоциональную основу напряженности между чеченцами и ингушами. Общий язык, который находят лидеры Чечни и Ингушетии, поддержка Ингушетией Чечни в период войны перевели ситуацию в середине 1990-х гг. с критических рубежей фрустрационной напряженности на уровень позитивных отношений.

Ингушетия и Северная Осетия

Конфликту между Северной Осетией и Ингушетией в октябре 1997 г. исполнилось 5 лет. Представляя поначалу внутриреспубликанскую проблему, ситуация напряженности все более определялась как межреспубликанская в связи с образованием Ингушской республики.

В результате национально-государственных изменений бывшей Чечено-Ингушетии конфликт между осетинами и ингушами ограничился только Ингушской республикой и Северной Осетией. Основой конфликта явились требования ингушской общественности о передаче Ингушетии части территории Пригородного района Северной Осетии, а также правобережной части ее столицы – Владикавказа. Эти территории ингуши считают своими исконными историческими землями.

Главный объект земельных споров – Пригородный район Северной Осетии – был и остается самым многонациональным и густонаселенным в республике. По данным переписи 1989 г. на всей его территории проживало 75,5 тыс. человек, из которых 58,9% составляли осетины, 22,1% – ингуши, 15,7% – русские, а 3,3% – представители других национальностей. Ингушетией оспаривается часть земель Пригородного района, на которых, начиная с 1957 г., постепенно сложилась ситуация «этнодемографического паритета». В 1989 г. здесь проживало 28,7 тыс. осетин и 27,4 тыс. ингушей. Чересполосное расселение осетин и ингушей на этих спорных территориях ограничивает возможность радикального разрешения территориального спора в пользу одной из сторон (Цуциев, 1994).

До 1944 г. Пригородный район входил в состав сначала Ингушской автономной области, а потом Чечено-Ингушетии. После депортации чеченцев и ингушей оспариваемые ныне территории были переданы Северной Осетии. В качестве компенсации в пользу восстановленной Чечено-Ингушетии от Ставропольского края были отделены три района – Наурский, Каргалинский и Шелковской, которые в 1944 г. вошли сначала в Грозненскую область, образованную на месте Чечено-Ингушетии. После разделения Чечено-Ингушетии в 1991 г. эти территории достались Чечне. Северной Осетии были оставлены также так называемый «Моздокский коридор», оспариваемый Ингушетией, Курпский район, оспариваемый Кабардино-Балкарией и Моздокский район, который ранее принадлежал Ставропольскому краю.

За период с 1957 г. по настоящее время в истории осетино-ингушского конфликта было несколько конфронтационных ситуаций. Выделяются события января 1973 г. и октября 1981 г. Первые начались с митингов в Грозном, на которых были поставлены вопросы о судьбе Ингушетии и бывших ингушских сел на территории Северной Осетии. Причиной трагических событий октября 1981 г., произошедших на территории Северной Осетии, стал инцидент, связанный с уголовным преступлением, совершенным ингушом. Инцидент вызвал массовые выступления осетин, возмущенных его жестокостью. И в том, и в другом случае наиболее активные участники событий были обвинены в национализме, и к ним были применены различные по степени тяжести санкции.

Более 10 лет после событий 1981 г. этническая напряженность между ингушами и осетинами балансировала на критических рубежах фрустрационной ситуации. В 1991 г. участились открытые

столкновения – драки, перестрелки, самозахваты домов. С 1991 г. в Пригородном районе не снимался режим чрезвычайного положения, который был отменен только в начале 1995 г.

Переходу межэтнической напряженности в стадию открытого конфликта в большой степени способствовал также и тот факт, что Пригородный район был переполнен беженцами из Южной Осетии и внутренних областей Грузии. Так, на 1 февраля 1991 г. здесь проживало по официальным данным почти четверть (около 20 тыс. человек) от всего числа зарегистрированных в Северной Осетии беженцев. В связи с перемирием Грузии и Южной Осетии их число уменьшилось. И все же непосредственно перед конфликтом в октябре 1992 г. в Пригородном районе только зарегистрированных беженцев было около 7 тыс. человек. Они выбирали этот район для временного проживания прежде всего потому, что преимущественно здесь жили осетины из Южной Осетии и их потомки, насильственно переселенные сюда в 1944 г. из Грузии. В течение полувека целое поколение людей, вынужденных сменить место жительства, возможно никогда не покидало чувство неуверенности за свою будущность. Ведь некоторые из них занимали бывшие ингушские дома. Часть беженцев из Грузии также надеялись найти постоянное пристанище возле своих родственников. Устоявшийся демографический баланс на спорных территориях был нарушен. В период обострения ситуации в Пригородном районе именно беженцы проявили себя как наиболее активная часть населения. Не случайно по данным проведенного в 1991 г. социально-психологического исследования осетинских беженцев из Грузии наиболее болезненной проблемой для четверти опрошенных беженцев называлась опасность развития осетино-ингушского конфликта.

Только за первый месяц конфликта с двух сторон было убито 319 человек, 750 ранено, и более 65 тыс. беженцев покинуло свои дома. Для небольших по численности народов эти потери невосполнимы.

Отчетливо обозначенные территориальные противоречия между Ингушетией и Северной Осетией-Аланией, а следовательно диаметрально противоположные интересы, подкрепляются устойчивыми мотивационными структурами. Со стороны ингушей это чувства несправедливости, зависимости и ущемленности, вызревшие во взаимоотношениях и с русскими, и с осетинами, и с чеченцами. Сочетание этих чувств порождает устойчивую эмоцию стыда. Стыд – это вторичная, «социализованная» эмоция, временно заменяющая и как бы сдерживающая базовую эмоцию гнева (см. Sites, 1990). Временно потому, что по мере усиления стыд трансформируется в гнев, а гнев, в свою очередь, опять порождает стыд. Эта «ловушка чувств» является одним из психологических механизмов затяжного характера напряженности между осетинами и ингушами.

Со стороны осетин это также чувство ущемленности, связанное с насильственными переселениями и разделенностью осетин границей между двумя странами – Грузией и Россией. Кроме того ущемленность сочетается с чувством вины. Вина – также «превращенная» базовая эмоция, но эмоция страха. Надо понимать, что это замаскированные базовые эмоции, которые определяют враждебность по отношению к внешнему миру и являются основой сохранения высокого уровня межэтнической напряженности. Но если у ингушей эти чувства разделяет практически весь народ, так как история почти каждой семьи повторяет историю народа, то в Осетии они в первую очередь характерны для осетин, насильственно переселенных в военные годы либо пострадавших в ингушко-осетинском или грузино-осетинском конфликте.

Анализ социально-психологических аспектов ситуаций межэтнической напряженности на Северном Кавказе показывает, что активными субъектами деятельности и взаимодействия здесь являются не отдельные республики, а составляющие их народы. Субъект межэтнического взаимодействия становится все более «первичным». Главное значение приобретают различия этнического и субэтнического уровней, а общая «кавказская» идентичность даже «не разламывается», она «крошится». Это подтверждает тезис о многосубъектности и многоуровневости межэтнической напряженности.

Выраженные тенденции к внутренней суверенизации и федерализации республик говорят о том, что каждый народ на Северном Кавказе предпочитает решать проблемы собственной этнической безопасности самостоятельно. Это соответствует общей тенденции к самоопределению, которая в последние годы становится главенствующей в мировом масштабе. На современном этапе потребность в этнической безопасности – сохранении, воспроизводстве и свободном развитии данной этнической общности как самостоятельного этнокультурного и духовного целого – для народов Северного Кавказа более значима, чем, например, объединение по политическим мотивам или на основе единого вероисповедания.

Анализ этнополитической ситуации на Северном Кавказе показывает, что, начинаясь в контексте двусторонних отношений, напряженность за короткое время охватывает многонациональное население не только непосредственно конфликтующих республик, но и соседних с ними. Межэтническая напряженность – общая характеристика вышедшей из равновесия полиэтнической системы. На Северном Кавказе ее разрядка невозможна без комплексного урегулирования ситуации во всем регионе.

Все ситуации межэтнической напряженности на Северном Кавказе имеют вполне реальную основу – территориальные споры. Еще в начале XX в. расселение народов здесь было компактным. В результате неоднократных переделов границ, административных преобразований и переселений народов чересполосица стала характерной чертой Северного Кавказа. В то же время здесь существует выраженная тенденция к моноэтничности.

Несовместимость взаимных претензий, «своя историческая правда» для каждой конфликтующей стороны, недопустимость локального решения любой территориальной проблемы определяют невозможность решения земельных споров в ближайшем будущем. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе подтверждает известный тезис о том, что не существует демократических путей определения территориальных границ.

Важной мотивационной основой сохранения и усиления межэтнической напряженности на Северном Кавказе являются чувства зависимости и ущемленности. Они сочетаются и взаимодополняют друг друга, образуя главную психологическую ось напряженности. Многоступенчатая национально-административная система власти–подчинения породила устойчивое чувство несправедливости и неполноценности у меньших по численности народов. Ущемленность в той или иной степени свойственна всем кавказским народам: уход в махаджирство (насильственное выселение) после кавказской войны XIX в., расказачивание, раскулачивание в эпоху гражданской войны и коллективизации, ссылки и насильственные переселения в период Отечественной войны. Даже относительно обласканные советской властью осетины указали, что они испытывают обиду за свой народ. Понятно, что другие народы Северного Кавказа имеют больше оснований для обид.

По мнению С.А.Арутюнова, за вычетом трех наций Закавказья, образовавших свои независимые государства, весь Кавказ – «...это регион, где каждый считает себя меньшинством, где каждый найдет достаточно оснований, с одной стороны, утверждать величие своего этноса, даже численно маленького, с другой – сетовать на неза заслуженную ущемленность – социальную и правовую, территориальную и экономическую, культурную и языковую, которую ныне этот этнос испытывает» (Арутюнов, 1995, с 21) Не случайно самым популярным неологизмом на бытовом уровне межэтнических отношений здесь является слово «нацмен», что не только обозначает принадлежность к «национальному меньшинству», но и конкретизирует ее «нацмен» – это человек нерусской национальности

Глава 11. Общая этничность и психологические универсалии северокавказских народов

«Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно. Почему следуют стародавним законам и взглядам? Потому ли, что они здравы? Нет, потому что общеприняты и не дают прорасти семенам раздора» Так отвечал Блез Паскаль на сложные вопросы, которые не перестают мучить человечество на каждом новом витке его истории. За каким большинством пойдут народы Северного Кавказа? Что психологически объединяет это большинство и в чем его сила?

Геополитическое положение республик Северного Кавказа позволяет рассматривать проживающие в них коренные народы как единую систему этнических групп. Однако у северокавказских народов не только тесно взаимосвязанные исторические пути развития, общность географического расположения и специфическое место в системе межрегиональных взаимодействий. Они обладают общей этничностью, той сложной смесью менталитета и культуры, которая не только характеризует какой-либо народ, но и объединяет его, и отличает от всех других сообществ.

Главная основа северокавказского единства – историко-гене-тическое, этнокультурное, бытовое и нравственное родство. Это позволяет говорить об общекавказской солидарности и существовании здесь определенного культурно-исторического и психологического типа личности. Попробуем выделить психологическую quintessence этого единства и ответить на вопрос: увеличивает ли оно шансы социально-политического и психологического объединения и размывания этнических границ между народами Северного Кавказа? Такой аспект анализа, естественно, не отрицает существования культурных, языковых, религиозных и других различий между северокавказскими народами.

В этничности народов Северного Кавказа господствуют два айсберга. Первый – остатки неистребимого горского менталитета, формировавшегося многие века. С момента Кавказской войны он подвергался систематическому разрушению со стороны России. Второй – советский менталитет, которому горские народы оказались подверженными в разной степени. Успех «русификации», а потом «советизации» зависел от силы сопротивляемости горской психологии чужеродным внешним воздействиям. Соответственно, чем выше в горы, тем меньше степень ассимилированности кавказцев русской и советской культурами.

Кавказцы любят называть себя горцами. Горы оказывают влияние на весь образ жизни народов, в том числе и на их психологию. В зависимости от происхождения и места проживания среди северокавказских народов можно выделить собственно горцев (население гор и предгорий) и население равнины. В настоящее время это разделение в определенной степени условно. Но чеченский кризис, в частности, показал очевидность психологических различий между представителями «жестких» горных тейпов и «мягких» равнинных.

Исторически жители гор всегда находились в экономической и социальной зависимости от жителей равнины, имеющих более выгодные условия для хозяйствования (Уарзиати, 1990). Эта зависимость, например, ярко проявилась в языковой сфере. В соответствии с принципом вертикальной зональности распространения двуязычия и многоязычия на Кавказе, впервые описанным Л.И.Лавровым, жители горных ущелий чаще знали языки жителей предгорий и равнин. Так, горцы Балкарии нередко владели языком коренного населения степной Кабарды. Лезгины нередко знали азербайджанский язык, рутульцы, обитающие выше лезгин, знали азербайджанский и рутульский, цахуры, живущие еще выше, чем рутульцы, часто владели азербайджанским, лезгинским и рутульским языками (Лавров, 1989). Закономерности такого рода остались и в настоящее время, хотя место языка-посредника давно принадлежит русскому языку.

Ученые находят и другие связи между природными и социальными параметрами. С.А.Арутюнов отмечает их плавное изменение по оси с северо-запада на юго-восток – от равнин в сторону гор.

С одной стороны, «падает увлажненность и плодородность почв, количество пахотных земель, снижается облесенность и нарастает гористость и изрезанность рельефа. Вместе с тем нарастает давность и влияние ислама, падает уровень общей урбанизации и европеизации, падает и доля русских в составе населения (от 70% в Адыгее до менее 9% в Дагестане). С некоторыми исключениями в целом в

этом же направлении возрастает этническая мозаичность А с нею – реальная и потенциальная этническая напряженность» (Арутюнов, 1995, с 22)

С природными параметрами безусловно связаны и психологические характеристики северокавказских народов Но здесь мы не будем останавливаться на различиях между горными и равнинными жителями Северного Кавказа Это тема специального исследования Мы рассмотрим те психологические особенности, которые, на наш взгляд, характерны для всех северокавказских народов

Г Лебон писал, что основные черты народа проявляются в ситуациях его общего недовольства и беспокойного состояния (Лебон, 1995) Таковыми как раз являются ситуации межэтнической напряженности В них актуализируются те качества народа, которые закрепились в процессе его исторического развития как наиболее адаптивные способы поведения и внутри группы, и вне ее Перечень этих качеств определяется на основе совокупности психологических универсалий, рассматриваемых нами как основные дилеммы, организующие мотивацию социального поведения личности в северокавказских культурах и определяющие личностный выбор в проблемных ситуациях Это шесть психологических универсалий «радикализм–умеренность», «андроцентризм (маскулинность)–феминизм», «закрытость–открытость», «регламентированность–дискретность», «общинность (коллективизм)–индивидуализм», «традиционализм–модернизм»

В них в концентрированном виде заложены перцептивные схемы и поведенческие модели, определяющие особенности восприятия и взаимодействия в повседневной жизни (включая и конфликтные ситуации) народов Северного Кавказа как между собой, так и с членами других этнических групп Представления об этих схемах и моделях составляют важную часть общей этничности северокавказских народов Эти представления взаимодействуют с установочными образованиями и образуют конативные (поведенческие) структуры этничности, которые задают способы внутригрупповой организации и мобилизации группы в ситуациях межэтнической напряженности Северокавказские культуры в континууме этих универсалий тяготеют к первому полюсу. В связи с этим их можно охарактеризовать скорее как радикальные, андро-центрические, замкнутые, регламентированные, коллективистские и традиционные.

Традиционализм

Критериями традиционализма для нас являются: устойчивость традиционных социальных институтов, сила связи с прошлым, сопротивление переменам. Большинство северокавказских культур относятся к типу трудно модернизируемых, их характеризует стремление к сохранению привычного жизненного уклада. Этно-социологические и социально-психологические исследования всегда фиксировали высокую значимость традиционного культурного компонента для самосознания народов Северного Кавказа.

Резкие трансформации их традиционной сферы начались с конца XVIII в. Стадии кризиса традиционных общественных институтов совпадали с этапами колониальной политики царизма. Пик пришелся на 1820–1850-е гг. Многие традиционные общественные институты сознательно разрушались. В качестве примера можно привести указ 1822 г., в соответствии с которым всем кабардинским князьям и дворянам запрещалось «...отдавать детей своих на воспитание к чужим народам». В результате были разорваны ата-лыческие связи кабардинцев с кавказскими народами, что явилось мощным ударом по институту аталычества и по связям народов Кавказа между собой. Уже в 1860-х гг. этот институт окончательно уходит в прошлое (Смирнова, 1989).

Активное возрождение на Северном Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении северокавказских культур к прошлому. Связь с ним активно осуществляется посредством религии, которую С.Московичи назвал способом воскрешения коллективной памяти (Московичи, 1992, с.84). Все возрождающиеся обычаи, традиции, праздники имеют, как правило, религиозный характер, определяемый синтезом православия или мусульманства с местными верованиями. Например, традиционный праздник первой борозды у абазин, старинный праздник Святого Хетага у осетин, празднование Сабантуя у ногайцев и др.

Возвращается национальная и мусульманская атрибутика в одежде (все чаще покрыты головы, более строга одежда у женщин). Новорожденных, как правило, называют национальными именами. С целью пропаганды традиционной национальной культуры в Северной Осетии-Алании создаются ныхасы (народные советы) всех уровней. Возвращение к традициям и обычаям предков подчеркнуто демонстрирует молодежь Северного Кавказа. Причем нередко популярность обретают такие отжившие и неадекватные сегодня обычаи как, например, «умыкание» (похищение) невесты.

На бытовом уровне в качестве одобряемого поведения принимаются поведенческие модели, наиболее приближенные к общечеловеческим ценностям и нормам. Это определяет высокий эгалитаризм северокавказских народов и следовательно, широкие возможности адаптации на Кавказе человека любой национальности. Не случайно русскоязычное население республик всегда стремилось следовать общему традиционному порядку жизни и перенимало обычаи коренных народов, особенно в сфере групповой взаимоподдержки.

В то же время еще в начале XX в. на Кавказе разрешение наиболее острых конфликтных ситуаций осуществлялось на основе обычая кровной мести, свято соблюдавшемся в прошлом многими народами. Это достаточно развернутая поведенческая модель, центральный компонент которой, на первый взгляд, – насилие. Антропологические исследования показывают, что этот обычай, как правило, был характерен для горских народов всего мира (Иванова, 1989; Воеһт, 1984). Это результат «...воинской организации социальной жизни в изолированных районах» в условиях постоянной угрозы со стороны внешнего мира (Воеһт, 1984). В таких обществах убийство на почве мести становилось поведенческой нормой,

являющейся одновременно и формой защиты независимости, и способом сохранения достоинства семьи и рода. На Северном Кавказе обычай кровной мести не изжил сам себя исторически, а был запрещен советской властью в конце 1920-х гг.

В 1990-х гг. на Северном Кавказе каждый горец, потерявший в конфликтах и войнах своих близких, становится страстным апологетом кровной мести. Возможность объяснить через «кровную месть» трагические масштабы человеческих потерь на Северном Кавказе определила популярность этого обычая среди политиков и журналистов. Идеология «кровной мести», «цены крови» как способа рационализации агрессивности и враждебности по отношению к другой группе охотно развивается и местными элитами. Создается впечатление, что в конфликтных зонах на Северном Кавказе к «кровной мести» начинают апеллировать целые народы для оправдания агрессивного поведения «ответного» характера. Однако наши эмпирические данные свидетельствуют о том, что для современных кавказцев «норма возмездия» или «ответная агрессия» вовсе не является доминирующей поведенческой установкой. Например, для ингушей и осетин уровень «ответной агрессии» не превышает аналогичный показатель, полученный для народов других республик России, у которых в прошлом никогда не практиковался обычай «кровной мести» (см. раздел III, глава 14).

Второй стороной института кровной мести был комплекс примирения кровников. На его основе выполнялась важнейшая функция этого обычая, предполагающая не насилие, а договоренность и доверительность конфликтующих сторон. Детальная разработанность комплекса примирения, строгая последовательность действий отражает главенствование этой стороны «кровной мести». Это означает, что традиционные механизмы регулирования конфликтных ситуаций, предполагающие насилию четкую альтернативу – мирный договор, издавна являлись неотъемлемой частью менталитета северокавказских этносов.

Традиционные формы примирения кровников были регуляторами конфликтных ситуаций в эпоху господства обычного права и в настоящее время безнадежно устарели. Деятельность медиаторских судов старейшин для разрешения групповых конфликтов в 1940–1950-х гг. в Абхазии, в 1960–1970 гг. в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, в 1990-х гг. в Дагестане и между Ингушетией и Северной Осетией оказалась не эффективной. На уровне современных социальных институтов, регулирующих отношения между народами, прямое обращение к традициям адата и примирению по шариату выглядят нелепо. Разве можно сегодня серьезно говорить об искусственных браках между враждующими семьями, о взятии на воспитание ребенка из семьи «врага», о неизбежности примирения после прикосновения кровника к груди матери убитого? Хотя некоторые стороны старого примиренческого обряда могут быть актуальны и сегодня (Гостиев, 1996). В первую очередь принцип индивидуального подхода, который определял деятельность третейского суда – примирялись отдельные фамилии, отдельные аулы, наконец отдельные люди. Именно с «низов» – через конкретных людей, через фамилии должна проводиться на Северном Кавказе работа по снижению роста межэтнической напряженности.

Закрытость (замкнутость)

Неутраченная бытовая традиция всегда обеспечивала какой-то запас закрытости по отношению «к чужим». Но под закрытостью имеется в виду не просто изоляция от внешней среды. В качестве критерия закрытости культуры рассматривается высокий уровень стабильности традиционных моделей поведения и внут-ригрупповых взаимоотношений в сочетании с интенсивностью социального и человеческого обмена и связей с внешней по отношению к данной культуре средой. С этой точки зрения северокавказские этносоциальные системы больше закрыты для внешних влияний, чем открыты. Даже несмотря на устойчивые и нередко интенсивные контакты с другими культурами, кавказцы скорее стремятся приспособить к себе и ближнюю, и дальнюю среду, чем меняются сами.

Нередко горцы сохраняют свой стиль жизни вдали от родины, хотя новые условия позволяют развить другие качества. Например, такие северокавказские народы, как чеченцы и ингуши после их возвращения на родину нередко были вынуждены следовать стилю жизни отходнического типа и подрабатывать за пределами собственной республики, где для них не хватало рабочих мест и жилья. Для этих народов был обычен ранний уход младших сыновей из семьи. Не случайно самая большая диаспора среди северокавказских народов у чеченцев – до 400 тыс. человек в разных регионах бывшего СССР. Такой образ жизни определил накопление у этих жизнестойких и адаптивных народов опыта частной инициативы и развитие навыков предпринимательства. Кавказцы раньше многих взяли за торговлю, посредничество, коммерцию. В результате они оказались хорошо подготовлены к смене экономических отношений. Яркое выражение этот опыт приобрел в начале 1990-х гг. и выразился в пике могущества чеченского криминального клана в Москве. В это время чеченцы стали лидерами во многих областях криминального бизнеса (Модестов, 1996). Однако этот бизнес делался по-своему, в соответствии с традициями чеченской общины.

Географическая обособленность горных районов Северного Кавказа, их ограниченная доступность в связи с отсутствием дорог, превращающаяся в абсолютную недоступность в зимних условиях, помогли сохранить на сравнительно небольшой территории многообразие языков и культур. Некоторые особенности исторического развития народов Кавказа также связываются с географическими условиями. Например, медленное изменение общественных отношений и замедленный процесс внутриэтнической консолидации (Уарзиати, 1990). Еще в 1926 г. в соответствии с переписью вместо одной этнической группы Дагестана – той, которая представляет сегодня современных аварцев, тринадцать этнических групп, говорящих на различных андо-цезских языках, выделяли себя как самостоятельные народы. Искусственное укрупнение

этнических групп еще более подчеркнуло многоуровневость и иерархичность идентичностей народов Северного Кавказа. М.Магомедов отмечает: «Житель селения Риквани в Дагестане, говорящий на рикванинском говоре андийского языка, среди андийцев называет себя рикванинцем, в общеварском обществе – андийцем, в общедагестанском – аварцем, вне пределов Дагестана – дагестанцем» (Магомедов, 1994, с. 14). Вне Кавказа он считает себя кавказцем.

«Закрытость» северокавказских культур определяется жесткими традиционными условностями и запретами, кланово-родовой системой (например, тейповая структура в Чечне и Ингушетии, тухуми в Дагестане), а также религией. Так, например, мусульмане, проживающие в мусульманской среде, менее подвержены ассимиляции другими культурами. В этом случае даже оторванность от своего этноса имеет меньшее значение. Сравнение двух кабардинских сел в Курпском районе Ставропольского края показывает, что в селе, где мусульманская вера была не утрачена, лучше сохранилась национальная культура.

Несмотря на ссылки и гонения, а может быть в определенной степени и благодаря им, наиболее сохранили свой язык и этнокультурную самобытность те народы, которые были депортированы в сталинские годы. Семейно-бытовая сфера чеченцев и ингушей практически была закрыта от проникновения билингвизма (Заур-бекова, 1987). Они также сохранили высокую этнокультурную гомогенность, которая в современной социально-политической ситуации возрастает за счет резкого усиления эндогамных тенденций (приверженности однонациональным бракам) во всех регионах Северного Кавказа. Менее защищенными оказались православные осетины, этнос которых был с XVIII в. открыт для русских. Культура осетин была наиболее подорвана интенсивным проникновением так называемой «социалистической культуры».

В то же время северокавказские культуры всегда были доступны для «других» – представителей кавказских и некавказских народов. Многие иноплеменники (кумыки и другие дагестанцы, персы, грузины, евреи, турки) становились основателями тейпов в Чечне (Чеснов, 1996). Прекрасно прижилось на Северном Кавказе казачество. До современных конфликтов здесь вполне довольны были своей жизнью русские, которые массово переезжали на Кавказ в годы индустриализации страны. Сами горские народы считают свои культуры открытыми для общения и взаимодействия. Почти 90% опрошенных нами осетин назвали «открытость» вместе с «сердечностью» и «миролюбием» в числе качеств наиболее характерных для своего народа. Более 70% русских респондентов, проживающих в Осетии, также считают осетинскую культуру открытой. Безусловно, русский и другие народы приходили на Кавказ со своей культурой и своей психологией. Но, попадая, с одной стороны, под обаяние кавказской романтики сильных людей и мужских отношений, а с другой – в строго регламентированную и традиционную среду, они скорее переделывались сами, чем пытались изменить существующий порядок.

Регламентированность

Критерии регламентированности – это жесткость регулирующих и запретительных стандартов общества, определенность и консерватизм культурной жизни. Более регламентированная культура – это всегда сильное супер-эго и следовательно повышенный уровень стресса. В ней не особенно приветствуются расхождения во мнениях и ненормативные поступки. Ее представители стремятся избегать неопределенности, а девиантное поведение нередко порождает с их стороны агрессивность.

Северокавказские культуры представляют собой скорее жесткие и «плотные», чем дискретные и гибкие системы, хотя каждый народ занимает свою, отличную от других, точку вблизи полюса регламентированности.

Отношение к человеку на Северном Кавказе регламентируется в соответствии, во-первых, с его принадлежностью к клановому, родовому или семейному дереву, во-вторых с его статусом, в-третьих, с его возрастом. Эти три момента – иерархии, власти и старшинства жестко определяют границы одобряемого поведения.

Внутренняя иерархия кланово-родовых отношений, свойственная северокавказским культурам и в наши дни, свидетельствует об их авторитарности, опирающейся на традиционный патриархальный менталитет. Власть общины, рода нередко ассоциируется

с властью государственных (республиканских) структур и порождает патерналистские ожидания в отношении новых властей. «Уважение к власти» назвали характерной чертой своего народа более 80% опрошенных нами в 1994 г. осетин. В прошлом значимость статусных отношений была не одинакова у разных народов Северного Кавказа. Наиболее развиты они были в Кабарде, где, например, право кровной мести определялось статусом в феодальной иерархии – кровная месть не могла быть обращена против вышестоящего лица (Кажаров, 1994).

Культ старших – одна из характерных особенностей северо-кавказских народов. Уважение старейшин своего народа проецируется на старейшин других народов. Советы старейшин существуют в некоторых северокавказских республиках. Их деятельность особенно важна при урегулировании конфликтных ситуаций между народами Северного Кавказа. В половозрастных отношениях высоко значимыми внутрикультурными ценностями являются такие качества как послушание, конформизм, покорность.

Консерватизм северокавказских культур определяется их высокой приверженностью к традиционным укладам, устойчивой межпоколенной связью и преемственностью. Свойственная им некоторая инерционность заставляет рассматривать их скорее как застывшие (персистентные), чем динамические культуры. Известно, что феодальные отношения на Северном Кавказе развивались более медленными темпами, чем, например, в Закавказье и переплетались с патриархально-общинными отношениями. В

советской историографии общепризнано, что ко времени присоединения Северного Кавказа к России (середина XIX в.) горские народы стояли на разных уровнях феодального развития. Дальше других по пути складывания феодальных отношений продвинулись кабардинцы. Некоторые авторы считают, что в Чечне в XVIII в. еще встречались рабовладельческие реликты. У чеченцев эта особенность менталитета проявилась в наши дни. Шамиль Басаев в интервью корреспонденту «Независимой газеты» так выразил свое восприятие многочисленных фактов использования чеченцами военнопленных в качестве рабов: «У чеченцев такой закон – пленный является частной собственностью. Многие это воспринимают как дикое средневековье, как рабство. Нет, это не рабство! Они едят то же, что мы едим. Некоторые сами поймали пленных, некоторые купили, некоторые, вот как сейчас пришел просить человек, получили в подарок. Я уже свыше 200 человек отдал просто так. Солдатским матерям, чеченцам из разных диаспор» (Независимая газета. 1996. 21 янв).

Северокавказские культуры – высококонтекстуальны. Все происходящее в них имеет свой особый смысл. Внешняя сторона жизни полна условностей. Она несет много информации. А это в свою очередь порождает устойчивые ожидания. Свой культурный смысл имеют не только ритуальные формы поведения, но и бытовое поведение. Особое значение имеет регламентированность и прочность бытовых поведенческих стереотипов. Это определяет этику следования правилам, а не этику подчинения, что как раз, по мнению Эрнста Геллнера, позволяет избежать дилеммы либо принять внешнюю культуру, либо «придерживаться фольклорного популизма» {Геллнер, 1992}.

Еще одной стороной высокой «контекстуальности™» северокавказских культур является важность различий между членами своей группы и «другими», между поведением внутри группы и вне ее. Здесь существует двойной стандарт: за пределами группы любые действия, не приносящие ей ущерба, могут не рассматриваться как предосудительные. Внутри группы одобряется однозначность действий. Этому способствуют этикетные северокавказских народов – совокупность норм, правил, регулирующих поведение человека в любой ситуации от рождения до самой смерти. Этикет предотвращает возможные конфликты, так как определяет соответствие между действиями и смыслом этих действий и таким образом маскирует личное отношение человека к ситуации или к партнерам. Требования традиционного этикета полностью соблюдаются во время ритуальных собраний (свадьба, похороны) и на людях.

Этикетные – важные способы регламентации северокавказских обществ. Детальную регламентацию адыгского этикета рассматривает в своих работах Б.Х.Бажноков. Например, один из принципов адыгского этикета – рассмотрение поля общения с точки зрения «почетное–менее почетное». Это касается не только отношений между людьми, но и сторон света в жилом помещении, и правил разделки и распределения пищи (Бажноков, 1983). В любой ситуации предполагается определение иерархии присутствующих, а значит прав и обязанностей участников. В современной жизни, как и в прошлом, этикетные выполняют объединяющую роль. Например, активно возрождаемый сегодня Адыга хабза (адыгский этикет) является важной основой объединения разрозненных черкесов Северного Кавказа. Не случайно на Северном Кавказе существуют такие понятия как «че-ченство», «абхазство» и др. Они символизируют совпадение образа жизни с традиционными нормами поведения. Различаясь в деталях, этикетные северокавказских народов пересекаются по главным поведенческим нормам. Поэтому с полным основанием можно говорить об общем кавказском этикете.

Общинность

Общинность мы рассматриваем в числе психологических универсалий социокультурной размерности «коллективизм–индивидуализм». Основными критериями общинности™ как ориентации на группу являются: подчиненность группе и зависимость от нее, важность одобрения со стороны группы, наличие внутригрупповой поддержки, господство вертикальных, межпоколенных связей, выраженность Мы-идентификации. На основе этих критериев северокавказские общества можно определить как коллективистские.

Общинность как характеристика северокавказских народов – это результат их внутреннего структурирования по кланово-родовому принципу. Она придает им основательность и прочность. Известно, что длительное время у большинства северокавказских народов сохранялись следы племенного деления, на базе которого формировались этнотерриториальные общности (например, жители различных ущелий). И до сих пор здесь в общественной жизни и в быту в большей или меньшей степени сохраняются следы патриархального уклада, особенно отчетливо проявляющиеся в патронимических отношениях. Как яркое выражение общечеловеческой потребности в групповой принадлежности, клановость в первую очередь предполагает высокую преданность и привязанность к своему роду и семье. Деление на кланы, выполняя, по словам Л.Гумилева, «функцию скелета этноса» (Гумилев, 1990), регулирует как отношения отдельных представителей, так и родовых или семейных коллективов между собой. Это всегда был один из универсальных принципов поддержания единства у всех северокавказских народов.

Семейные родовые связи переплетены с соседскими, куначескими отношениями и с отношениями, порожденными некоторыми формами искусственного родства. Поэтому в качестве структурной единицы кланово-родовой системы на Северном Кавказе нужно рассматривать сообщества людей, объединенных тесными кровнородственными (естественными или искусственными), соседскими и куначескими связями. В настоящее время консолидация этносов на Северном Кавказе продолжает осуществляться «снизу вверх» и имеет в своей основе достаточно четкую кланово-родовую структуру. Это становится особенно заметным в условиях межэтнической напряженности.

Современная социально-политическая ситуация на Северном Кавказе еще более актуализирует общинные отношения у всех народов. По мере роста межэтнической напряженности усиливаются внутриэтнические эмоциональные связи, внутригрупповая кооперация, круговая порука и взаимоподдержка, возрастает чувство этнической общности, а собственная группа в системе ценностей выдвигается на первый план. Ориентация на группу становится важной частью групповых систем психологической защиты в ситуациях межэтнической напряженности. И особенно у горских народов. Доказательством этого явилось доминирование среди осетин аллоцентрических личностей, нуждающихся в групповой присоединенности. Причем среди русских жителей Северной Осетии-Алании число аллоцентрических личностей было в 2 раза меньше. Эти различия хорошо видны на гистограмме (см. рис. 15), где представлено соотношение этноаффилиативных и противоположных им тенденций – показателей ассоциированности и диссоциированности с группой среди осетинского и русского населения республики Северная Осетия-Алания. Кроме того в ситуациях межэтнической напряженности активизируются механизмы этнического самоопределения – практически каждый человек, проживающий сегодня на Северном Кавказе, вынужден проявить свое «коллективное» национальное лицо, а значит, встать на чью-то сторону.

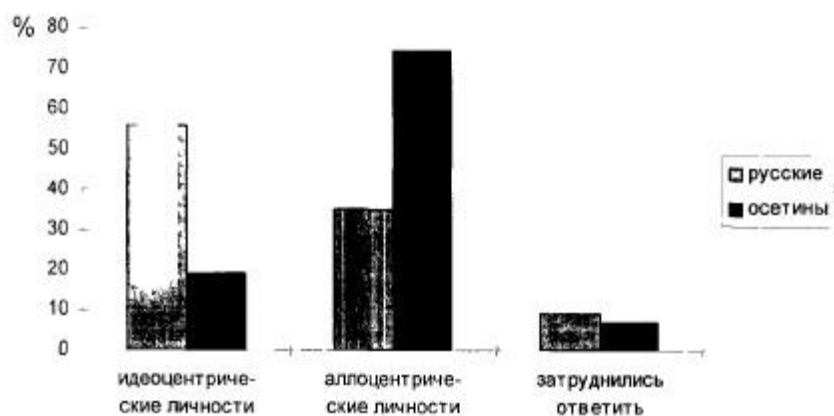

Рис. 15. Аллоцентрические и идеоцентрические личности среди осетин и русских республики Северная Осетия-Алания

Проявления коллективизма связаны с особенностями внутреннего строения этнической группы. Г.Триандис подчеркивает значимость числа подгрупп внутри группы: чем их больше, тем

уже влияние коллективности как размерности, которая сплачивает и организует всю группу целиком (Triandis, Leung, Villareal, Clack, 1985). В разных культурах Северного Кавказа складывается своя «внутренняя» ситуация. Сравним с этой точки зрения осетинскую и чеченскую культуры. В Чечне существовавшее всегда четкое разделение общества на тейпы и вирды было усилено в 1990-х гг. вооруженными структурами. Чеченское общество всегда было как бы «негосударственным». У чеченцев существовали традиции проведения народных собраний, но у них, например, никогда не было царя. Проблема консолидации для них значима не только сейчас, но и была актуальна всегда. У.Лаудаев, чеченец по происхождению, писал в 1872 г., что «общество чеченского племени, состоя из множества фамилий, искони враждебных между собою, чуждо единодушия. Таким образом, назрановцы были непримиримыми врагами чеченцев на плоскости и на Терек; они грабили и убивали друг друга; также шатоевцы нападали на над-теречных чеченцев, эти же, мстя им, похищали у них людей и продавали их в ясыр (неволю) на запад Кавказа. Ауховцы более близки с кумыками, а назрановцы с осетинами и кабардинцами, нежели с единоплеменными чеченцами. Из этого неединодушия чеченских обществ проистекала ничтожность политического значения их страны» (Лаудаев, 1993, с 157).

У осетин только в начале 1990-х гг. стали повсеместно реанимироваться широкие родовые связи, потерявшие былую значимость в период социализма. Они безусловно поддерживались и раньше, но не были главной опорой официальной власти. Основой разделения осетинского общества было и остается «горское» происхождение (жители различных ущелий – куртатинцы, ала-гирцы и др) и на более общем уровне – диалектное разделение (дигорцы и иронцы – жители Северной Осетии, кударцы – жители Южной Осетии).

Глубокая внутриэтническая структурированность северокавказских обществ существенно снижает возможности их консолидации. Элиты республик серьезно озабочены развитием единого национального самосознания.

Андроцентризм

Северокавказские культуры можно обозначить как андроцентрические, т.к. в значительной степени они ориентированы на мужчин. В благополучные времена трудно было найти мужчину, которому бы не понравилось на Кавказе. Мужчины безусловно здесь главные действующие лица. В патриархальных обществах Северного Кавказа им всегда принадлежали все активные роли.

История Северного Кавказа не содержит большого числа особо выдающихся женских имен. И это вовсе не потому, что здесь не было неординарных представительниц слабого пола. Границы одобряемого женского поведения жестко ограничивались культурами. Женщинам отводились функции, которые еще в начале XX в. строго определялись домашним хозяйством. Особенно регламентировалось поведение женщин в мусульманских культурах. И хотя им в той или иной степени удалось разомкнуть этот круг,

устойчивое соотношение в общественной жизни подавляющего большинства «активных» мужчин и подавляющего большинства «пассивных» женщин сохранилось и сегодня.

Например, об отношении к женщине в политике можно судить по итогам выборов в органы власти. Среди депутатов от северокавказских республик, выбранных в Государственную Думу и в Федеральное собрание Российской Федерации 12 декабря 1993 г., не было ни одной женщины. Среди 71 парламентария, выбранных в Северной Осетии-Алании 26 марта 1995 г., оказалась только одна женщина. Причем в этой республике в сравнении со всеми остальными северокавказскими республиками с мусульманскими традициями, в 1993 г. было отдано наибольшее количество голосов за общественное движение «Женщины России». Если раньше при советской власти срабатывали принципы спущенной сверху «половозрастной» разрядки и соответственно избиралось определенное количество женщин в органы власти, то в условиях демократизации северокавказских обществ берут верх исконные механизмы их саморегуляции.

Еще Маргарет Мид показала, что биологическая природа не определяет автоматически социальные роли мужчин и женщин (Mead, 1935). Выживание народов в суровых кавказских горах требовало четкой регламентации поведения каждого члена общества. Отсюда жесткая дифференциация половых ролей. Статус женщины в семье и обществе в начале XX в. определялся патриархально-феодалным порядком, законами адата и шариата. Для внутрисемейных отношений народов Кавказа в прошлом были характерны авторитарная власть главы семьи (старшего мужчины в доме), строгое подчинение младших старшим, иерархизация статусов членов семьи, зависимое положение женщины в доме, строгая половозрастная регламентация труда, соблюдение обычаев избегания (Пче-линцева, Соловьева, 1994). Последние определяли сдержанные эмоциональные отношения в семье.

Матери принадлежала основная роль в воспитании детей обоего пола до 6–7 лет, особенно в малой, нуклеарной семье. Значительна была роль старшей женщины, которая выполняла в больших многопоколенных семьях организаторскую, хозяйственную и воспитательную функции (Гостиева, 1994). Одна из важнейших функций женщин у северокавказских народов – сохранение и передача традиций. В значительной степени благодаря природному консерватизму женщин и стремлению к сохранению семьи и родственных связей остались действенными многие положительные обычаи на Северном Кавказе – уважение к старшим, обязательные проявления заботы о стариках, гостеприимство, взаимопомощь. В силу таких особенностей женщины оказываются значимой стабилизирующей силой для консолидации народов и сохранения этнических границ между ними. В частности, они чаще, чем мужчины предпочитают делать выбор в сфере неформальных связей по этническому критерию. Например, осетинки при выборе друзей и предпочитаемых брачных партнеров для своих детей более склонны, по сравнению с мужчинами или русскими женщинами, ограничивать неформальный круг общения рамками своего народа.

Многие семейно-бытовые традиции сохранялись у народов Северного Кавказа до 1950–1960-х гг. В мусульманских культурах Северного Кавказа границы эмансипации женщин раздвинулись в наименьшей степени. Современные тендерные идеалы северокавказских обществ – культурные представления о мужском и женском поведении, о предназначении мужчин и женщин – в значительной степени продолжают соответствовать традиционным патриархальным представлениям о сексуальных ролях. Например, в некоторых республиках Северного Кавказа и в годы советской власти существовало многоженство, которое сейчас получает уже открытое общественное одобрение. Президент Ингушетии Руслан Аушев подписал указ, разрешающий в соответствии с национальными и религиозными обычаями брать в жены нескольких женщин. По случаю 8 марта поздравляя женщин Ингушетии, он сказал: «Желаю вам, чтобы вы рожали только мальчиков и не обижались, когда муж приводит в дом вторую жену» (Итоги, 1996, август). Ни возмущения, ни протеста со стороны ингушских женщин выражено не было.

Социальное неравенство между мужчинами и женщинами глубоко укоренилось в северокавказских обществах. Но женщины здесь никогда не были бесправными или забытыми. Их функции высоко ценились мужчинами, и женщины всегда занимали достойное положение. Отражением этого явились результаты одного из социологических опросов, проведенного с целью определения уровня дружественности по отношению к женщинам в России. Наибольшую дружественность к женщинам показали жители Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Причем Кабардино-Балкария продемонстрировала результаты, по всем основным параметрам лучше среднероссийских (Женщина XX века. 1994, март).

Доминирование мужчин в северо-кавказских культурах, на наш взгляд, это одна из причин тенденции к радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще склонны поддерживать насилие как средство социального контроля (см. рис. 16).

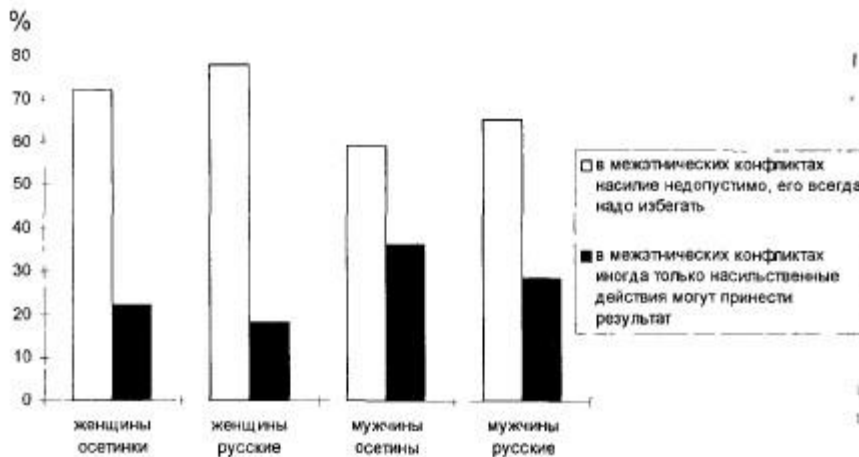

Рис. 16. Отношение к насилию как к способу регулирования межэтнических конфликтов среди мужчин и женщин Северной Осетии-Алании

В частности, в Северной Осетии-Алании как русские, так и осетинские женщины чаще, чем мужчины считают насилие недопустимым в межэтнических конфликтах и реже одобряют насильственные действия. Женщины в силу своей природы всегда на стороне мира. Недаром в прошлом на Северном Кавказе существовал обычай примирения, где особая роль отводилась женщине.

Радикализм

Среди исторически устойчивых и в наибольшей степени влияющих на поведение и взаимодействие характеристик народа, Гюс-тав Лебон выделял две группы качеств: нравственные и волевые (Лебон, 1995а). Рассмотрение волевых и нравственных проявлений северокавказских народов в континууме «радикализм–умеренность» показало, что они тяготеют к полюсу радикализма.

Нравственные характеристики связаны со способностью придерживаться твердых правил поведения и не отступать от них. В северокавказских культурах здесь четыре краеугольных камня: ге-ронтимия – почитание стариков, личная честь, культ гостя и взаимопомощь. Эти обычаи в XIX в. отличались не только строгостью их соблюдения, но и радикализмом. Например, гостеприимство распространялось на любого человека, в том числе и преступника, и ради безопасности гостя хозяин должен был жертвовать всем, вплоть до самой жизни (Кажаров, 1994; Бабич, 1996). Вайнахская поговорка гласила: «Спрячь покойника под кровать, а гостя прими».

Способности, проистекающие из воли – это энергичность, настойчивость, умение владеть собой и добиваться поставленной цели. В ситуациях межэтнической напряженности эти качества у северокавказских народов проявляются в свободолобии, воинственности и темпераментности. Эти характеристики – стержень активного характера горца. Они определяют стремление к крайним способам самоутверждения, манифестным формам поведения.

Радикализм северокавказских народов определяется также характерной для них аффективной вовлеченностью в происходящее. Для кавказцев не характерна эмоциональная сдержанность, они скорее склонны подчеркивать свои чувства, преувеличивая их. М.Ю.Лермонтов – участник Кавказской войны XIX в., писал о горцах в поэме «Измаил-бей»:

«И дики тех ущелий племена, Их бог – свобода, их закон – война. Там поразить врага не преступленье, Верна там дружба, но вернее мщенье, Там за добро – добро, и кровь – за кровь, И ненависть безмерна, как любовь».

Спустя полтора века в жестокой и бессмысленной войне России с мятежной Ичкерией подтвердилась справедливость этого удивительного по своей выразительности и лаконичности образа

в лице чеченских боевиков. Чувством мести переполнены не только мужчины, но и горянки, потерявшие в этой войне мужей, детей, братьев. Вот не просто строки из письма (опубликованного в газете «Труд»), а жизненная стратегия девятнадцатилетней чеченки, у которой под обломками дома погибла вся семья, маленький брат остался калекой, а война перевернула душу: «У меня внутри иногда такая ненависть вскипает, что тетя пугается: вдруг я уеду в Чечню и стану там мстить, искать виновных. Мне очень хочется родить сыновей. Все-таки мстить, стоять за себя и близких должны мужчины. Для женщины богом уготована другая роль и участь».

Воинственность для кавказского мужчины всегда была позитивной характеристикой. Она связывалась с любовью к свободе, с воспеваемым в песнях непокорным духом, с представлениями о том, что «мужчина рожден для опасного дела, без него он все равно что тур в одном загоне с овцами», что «набеги украшают мужчину как хвост – скакуна». Кроме того, воинственность для горца была жизненно необходимым качеством – приходилось постоянно отстаивать и свои владения, и свою жизнь. Поэтому в прошлом оружие всегда было непременным атрибутом вышедшего за порог своего дома кавказца.

Представители северокавказских народов отличались не только воинственностью, но и воинскими способностями. В царской России горцы Северного Кавказа в мирное время были освобождены от воинской повинности по причине неблагонадежности. Но если призывались на воинскую службу, то, как правило, добивались больших успехов. Горцы, отличающиеся «...особой расторопностью, способностью к службе и хорошим поведением», быстро продвигались по служебной лестнице. Из них в 1914 г. была сформирована

легендарная Кавказская туземная конная дивизия, впоследствии получившая название «Дикой дивизии». А.Верещагин, побывав в одном из ее дивизионов, Осетинском, так описывает его воинов: «Какой все видный народ. Осетины, молодец к молодцу, точно как на подбор. Весь дивизион состоял из охотников. У некоторых всадников полное снаряжение стоило 700–800 р. и даже 1000 р. Что мне в особенности бросилось в глаза у осетин, это их осанка и походка. Каждый осетин имел походку точно князь какой: выступал важно, степенно, с чувством собственного достоинства» (цит. по: Баев, 1915, с.22).

Свои воинские способности горцы Северного Кавказа показали во время Отечественной войны. Служа в советской армии, чеченцы, ингуши, осетины нередко добивались до высших воинских званий. В 1990-х гг. в России многие из этих имен стали широко

известны. Кавказская воинственность нашла самое прямое отражение в реальной жизни. В начале 1990-х гг. создавались военизированные организации (типа «Мансур» в Чечне, военные формирования Конфедерации народов Кавказа, воевавшие в Абхазии), формировались национальные гвардии (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия). Как и в начале века, в современной России после чеченского кризиса, стали ограничивать прием на службу в элитные войска представителей некоторых северокавказских народов.

У горских народов Северного Кавказа на основе сурового образа жизни сформировался свой специфический способ мышления и восприятия в условиях конфликтных ситуаций: склонность скорее к силовым решениям как наиболее верному, хотя и радикальному способу разрешения конфликтных ситуаций. Это отражается и на выборе стратегий поведения в ситуациях межэтнической напряженности: горские народы в глазах русских, по сравнению с их представлениями о себе, выглядят как менее склонные к компромиссу. И хотя русские жители Северной Осетии-Алании считают осетин достаточно компромиссными в выборе поведения в напряженных ситуациях, более четверти респондентов приписывают осетинам «настойчивое стремление решить вопрос в свою пользу» (см. табл. 8). Осетины, по сравнению с русскими, также чаще приписывают себе такой стиль поведения.

Таблица 8

Выбор стратегий поведения в ситуациях разногласий и конфликтов

Стратегия поведения	Осетины			Русские		
	осетины	русские	Я сам	русские	осетины	Я сам
Настойчиво стремятся решить вопрос в свою пользу	12,3	15,4	8,8	5,7	26,6	13,7
Стремятся найти взаимоприемлемое решение в чем-то уступить, но и частично добиться своего	76,5	64,9	85,9	80,7	55,4	76,4
Затрудняюсь ответить	11,2	19,7	5,3	13,7	18,0	9,0

Широкие возможности проявлений радикализма в решении политических и социальных вопросов на Северном Кавказе в первую очередь определяются, конечно, не личностными и культурными факторами. К радикализму подталкивали: (а) атмосфера войны, уже длительное время окутывающая Северный Кавказ (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия), (б) перенасыщенность региона оружием и целенаправленный курс местных элит на милитаризацию, начиная с событий в Абхазии, (в) обострение криминогенной обстановки, (г) почти двухлетняя жестокая война и оставшийся потенциальный военный очаг в самом сердце Северного Кавказа – Чечне. Проживание в таком нестабильном регионе, где помимо общих для России проблем повседневной реальностью были убитые, раненые и беженцы, не может не вести к деструктивным психологическим последствиям. Для населения северокавказских республик характерно распространение таких психических пограничных состояний как массовая невротизация и фрустрация, продуцирующих различные негативные переживания. В условиях высокой межэтнической напряженности естественным результатом таких процессов является общее снижение толерантности, повышение уровня межличностной конфликтности, агрессивности и широкая генерализация негативных эмоций, вызванных острыми социальными и экономическими проблемами, в плоскость межэтнических отношений. Аура войны, охватившая этот регион, вместе с «кавказской воинственностью», которую приписывают себе многие кавказцы, толкает в ситуациях напряженности к выбору более радикальных способов их разрешения.

Завершая эту главу, подчеркнем, что, несмотря на мозаичность культур, между северокавказскими народами существует множество культурных взаимозаимствований в самых различных сферах жизни. Основа культурного родства народов Северного Кавказа – активная общинная жизнь и высокая значимость родственных связей, преобладание мужского начала и культа старейшин, схожесть кодексов чести. Это те традиционные модели, которые выполняли широкие социальные функции и поэтому оказались менее разрушенными. Сходство различных аспектов (исторического, демографического, социального, политического и др.) жизнедеятельности северокавказских культур является основой их общей этничности. Не только вследствие общности геополитического положения, но и в силу общей этничности, народы Северного Кавказа можно отнести к единому северокавказскому суперэтносу. Это определяет высокую схожесть механизмов адаптации и противостояния в северокавказских культурах глобальным изменениям, происходящим в обществе.

Анализ в контексте межэтнической напряженности этничности и психологических универсалий северокавказского суперэтноса свидетельствует о высоком внутреннем и внешнем конфликтном потенциале региона. В условиях роста межэтнической напряженности такие качества как замкнутость и традиционализм северокавказских культур «запускают» важный защитный механизм регрессивного характера: определяют «отход» культур назад – в традиционную этнокультурную нишу и актуализируют традиционные регулятивные механизмы. Такие качества как общинность и регламентированность составляют важную основу механизмов консолидации, диктуют необходимость участия и мобилизации

каждого в условиях угрозы этнической безопасности. Радикализм и андроцентризм определяют предпочтение силовых способов разрешения конфликтных ситуаций. На поведенческом уровне защитные реакции на угрозу этнической безопасности наиболее ярко проявляются в актуализации и реанимации кланово-родовых связей, усилении эндогамных тенденций, повсеместном возрождении старых традиций, мощном всплеске религиозной активности

Глава 12. Этнополитическая мобилизация: направления массовой активности

Основные векторы этнополитической мобилизации северокавказских народов определились уже в самом начале 1990-х гг. О сепаратизме и этнокультурном возрождении, характерном для всех титульных народов республик России, говорится в главах 10 и 11. Здесь остановимся на специфических направлениях массовой активности народов Северного Кавказа Исламизм, реабилитационная активность (в том числе и активность насильственно переселенных народов), милитаризация и солидаризация – опорные темы риторики и программы, развиваемые местными элитами для удержания власти.

Реабилитационная активность

Реабилитационная активность направлена на восстановление погрязших прав, самоуважения и достоинства своего народа. В той или иной степени она характерна для всех северокавказских народов. Самосознание «наказанных» кавказских народов, народов-изгнанников и просто «лиц кавказской национальности», обиженных национальной политикой России, было готово к «оживлению» архетипических образов, связанных с колонизацией, репрессиями, депортациями, насильственными переселениями.

«Страдания седовласых старцев, горе и отчаяние матерей, слезы детей дают нам полное моральное право объявить о нашем всеобщем народном непростении государству, которое сделало все, чтобы нас уничтожить» – написано в Обращении национального Совета балкарского народа (Балкарский Форум. 1991. №5). По сведениям отдела спецпереселений НКВД из общего числа высланных северокавказских народов с 1943 по 1948 г. умерло 144 704 человека или 23,7% (Волкова, 1996, с.23). Оставшиеся в живых сумели пройти через резкую смену жизненной ситуации и адаптацию в экстремальных условиях. Психологическую основу реабилитационной активности в значительной степени определяют национальные расстройства невротического и психотического уровней. Но сам факт депортации – это еще не все. Нельзя забывать также о том, что возвращение в конце 1950-х гг. депортированных народов на Северный Кавказ не означало прекращения их унижений и тягот как материального, так и морального характера. Еще долгие годы сохранялось несправедливое отношение к ним как к изменникам родины. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что наиболее отрицательное отношение у народов Карачаево-Черкессии было выявлено именно к карачаевцам (Смирнова, 1993, с.24). В республиках «проштрафившиеся» и «наказанные» народы были на третьих ролях: они практически отстранялись от институтов власти. Материальные средства на их нужды выделялись в последнюю очередь. Конечно, выросли новые поколения, но они уже разделили вытесненное их родителями и предками – очевидцами и жертвами – негативное содержание коллективного бессознательного и уже навсегда сохранили горькие воспоминания, актуализируемые современными событиями.

Реабилитационная активность – это групповое компенсаторное поведение в чистом виде. Его главной целью является не возмещение в полной мере всех моральных и материальных утрат. В любом случае их невозможно полностью компенсировать. Идея реабилитации является в первую очередь важным статусным мотивом. Повышение статуса и престижности группы – вот форма компенсации, которую отстаивают национальные элиты. Стремление народов реабилитироваться особенно активизировалось после принятия Верховным Советом РСФСР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав», которая предусматривала восстановление территориально-административных образований на момент переселения. Результатом движения ингушей, балкарцев, карачаевцев за реабилитацию явились провозглашения этими народами своих республик. Под идею реабилитации проще всего собрать многочисленные митинги, она придает высокий эмоциональный накал любому собранию. Восстановление погрязших прав и справедливости было основным содержанием съездов ингушского народа, начиная с марта 1991 г. Их главные темы: обсуждение вопроса государственной-политической самостоятельности Ингушетии, возвращение Пригородного и Малгобекского районов. Известен результат этой активности – вооруженный конфликт.

Чрезвычайный съезд народов Карачая, состоявшийся в ноябре 1991 г., принял решение о проведении бессрочного митинга вплоть до признания Карачаевской республики Центром. Однако несколько долгосрочных митингов и другие виды реабилитационной активности не продвинули организацию Карачаевской республики, провозглашенную в ноябре 1990 г. съездом народных депутатов Карачая. Карачаевцы остались единственным из репрессированных народов, не получившим ту форму государственности, которую имел до выселения.

Чрезвычайный съезд Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации, объединяющей общественно-политические движения и организации балкарцев, греков, ингушей, карачаевцев, корейцев, крымских татар, немцев, месхетинских турок, ингерман-ландских финнов, чеченцев (Нальчик, февраль, 1992 г.) констатировал, что правительство РФ не обеспечило реализацию Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов».

Более глубокий архетипический слой у северокавказских народов в отношении с русскими связан с Кавказской войной XIX в. В результате ее значительно сократилась численность коренных народов Кавказа, некоторые исчезли вовсе (например, убыхи). События более чем вековой давности приобрели особое

значение для тех народов Северного Кавказа, которые не были депортированы во время Отечественной войны. Лидеры и идеологи национальных движений стремятся актуализировать в памяти народов самые трагические события прошлого вне зависимости от срока их давности. Второй съезд кабардинского народа и всеадыгский съезд обратились к Верховному Совету РФ с просьбой дать политико-правовую оценку Русско-Кавказской войне. В Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее прошли научные конференции по проблемам кавказской войны. В соответствии с памятными датами проводятся траурные митинги. Теперь 21 мая (день празднования Россией победы над мятежным Кавказом) признано в Северо-Кавказских республиках Днем жертв Кавказской войны и насильственной депортации. В «Программе деятельности Конгресса кабардинского народа на перспективу» в качестве основной задачи предполагается «...воисоздание в полном объеме государственности Кабарды, которой она лишилась в 1822 г. в результате полувековой борьбы за независимость и геноцида кабардинского народа» (Хасэ. 1992. № 20). Подчеркивается, что вместе с независимостью Кабарда утратила 4/5 своего населения. Среди черкесов широко распространено мнение, что сдавшаяся последней (1864 г.) в Кавказской войне Черкесия потеряла 90% своего населения: они либо погибли, либо оказались за пределами своей родины. Эти данные не могут не произвести впечатления на массовое сознание. Перед имамом Шамилем, возглавлявшим борьбу кавказцев против России в течение 25 лет, поклоняются не только аварцы. В работах ученых, в художественной литературе Кавказская война, несмотря на поражение, представлена как подвиг и слава народов Северного Кавказа.

Еще одна форма реабилитационной активности на Северном Кавказе – это деятельность в защиту насильственно переселенных народов. Людей переселяли в военное время на территории, освободившиеся после депортации других народов. Как правило, это происходило без учета согласия переселенцев, то есть насильственно. Тем не менее, они до сих пор еще испытывают комплекс вины. Те из них, кто продолжает жить в домах, из которых были депортированы представители других народов, передали этот комплекс, замешанный на страхе и тревожном ожидании, своим потомкам.

Активность насильственно переселенных народов характерна для осетин, а также лакцев и аварцев (Дагестан). Это защитная реакция на групповом уровне в ответ на реабилитационную активность ближайших соседей. Например, в феврале 1994 г. был созван первый Чрезвычайный съезд депортированных народов Дагестана. Представителей от чеченцев-аккинцев на съезде не было, и его главная цель заключалась в «...защите интересов всех, кто пострадал в связи с насильственным их переселением на земли репрессированных в 1944 г чеченцев».

Мощная реабилитационная активность чеченцев-аккинцев и ингушей заставили Дагестан и Северную Осетию в июле 1991 г. представить в Верховный Совет РСФСР законопроект «О насильственно переселенных народах». В нем подчеркивалась необходимость юридически определить их статус, признать незаконными сами насильственные переселения. В марте 1996 г. в рамках парламентских слушаний Государственной Думы по вопросу «Концепция государственной национальной политики в РФ» был вынесен на обсуждение разработанный Министерством национальностей

РФ законопроект «О защите моральных и социально-экономических прав принудительно переселенных народов».

Исламизм

С самого начала 1990-х гг. в мусульманских республиках Северного Кавказа обострение социальных, этнических, экономических проблем нередко сопровождалось выступлениями под исламскими лозунгами. В первую очередь это было характерно для Дагестана, Чечни и Ингушетии. В этих республиках мусульманская активность стала особенно заметной с начала 1991 г. и выразилась в акциях солидаризации с мусульманами Ирака. Когда большая часть России восхищалась блестящей операцией, осуществленной президентом США Дж.Бушем в зоне Персидского залива, в Махачкале и в Грозном прошла целая серия митингов, на которых осуждалась политика США на Ближнем Востоке и выражалась горячая поддержка Саддама Хусейна.

Практически все горцы Северного Кавказа, за исключением значительной части осетин, исповедуют ислам, который начал широко утверждаться после монголо-татарского нашествия. Из-за преобладающего влияния мусульманской религии здесь явно выражены тенденции к тотальной исламизации региона и объединению мусульманских народов. Несмотря на внутренние противоречия в мусульманском мире Северного Кавказа, общая религия способствует усилению внутренних эмоциональных связей и в этом смысле является важным интегрирующим фактором в регионе.

Христианство, пришедшее на Северный Кавказ из Грузии и Византии, закрепилось главным образом среди осетин. Православная ориентация большинства осетин, а также их принадлежность к индоевропейскому кругу, определяют специфику положения осетин в северокавказском суперэтносе. Около пятисот лет назад здесь появились казаки, ставшие оплотом православия на Северном Кавказе.

Однако ни ислам, ни христианство не вытеснили полностью древние местные верования. Многие из них вошли составной частью в христианскую и мусульманскую обрядность. В частности, православие в Осетии никогда не существовало в догматически-традиционной форме. В 1990-х гг. как реакция на мусульманское единение Северного Кавказа и рост межэтнической напряженности с соседней мусульманской Ингушетией в Северной Осетии-Алании происходит всплеск православной

религиозной активности. Активизация казачества и устойчивая ориентация Осетии на Россию усиливает значимость религиозного фактора в регионе.

Особую позицию Осетии среди северокавказских республик подтверждают в частности и такие данные. Еще до вооруженного противостояния ингушей и осетин лишь 17% осетин и 13% русских, проживающих в Северной Осетии-Алании, согласились, что республике следует входить в Конфедерацию народов Кавказа в случае ее создания как самостоятельного государственного образования (см. табл. 9).

Таблица 9

Отношение к вхождению Северной Осетии в качестве со-, ставной части в Конфедерацию народов Кавказа (в % к общему числу опрошенных по каждой этнической группе)* ,

Варианты ответов	Осетины	Русские	Ингуши
Да	7,5	4,9	26,8
Скорее да, чем нет	9,5	7,8	23,8
Скорее нет, чем да	25,0	17,6	3,2
Нет	37,5	38,3	9,7
Затрудняюсь ответить	20,5	31,4	36,5

*Данные апреля 1992 г.

В северокавказских республиках активизировалось мусульманское обучение населения. Действуют исламские институты в Дагестане, Ингушетии. Восстановлена деятельность исламского института в Грозном. Религиозная литература чаще всего привозится представителями диаспоры из-за рубежа. С начала 1990-х гг. организуются регулярные массовые паломничества северокавказских мусульман в Мекку.

Центром ислама на Северном Кавказе всегда был Дагестан. В начале XX в. здесь действовало более 800 мечетей. В десятках медресе и сотнях мектибов обучались несколько тысяч дагестанцев. К 1988 г. в Дагестане осталось всего 27 мечетей. Но за последние пять лет их число превысило 1000. Около 85% дагестанского населения относятся к мусульманскому вероисповедованию. В последнее время в Дагестане усиливается влияние ислама в его наиболее экстремистской форме – ваххабизм. Позиции ислама наиболее сильны в селах – преимущественно в даргинских и аварских районах, отчасти в кумыкских. На сельском уровне Джамааты (Советы мусульман при мечетях) играют немалую роль при решении социальных вопросов.

В настоящее время в Дагестане высок уровень политизации ислама. Хотя между различными течениями и сектами в мусульманском движении Дагестана существуют серьезные противоречия, доходящие иногда до столкновений, общее вероисповедование и наличие разветвленных организационных структур позволяют исламским лидерам мобилизовать для активных политических действий, например, митингов на центральной площади г. Махачкала, до 20–25 тысяч человек (Халидов, 1992).

Возрождение ислама очень активно проходило также в бывшей Чечено-Ингушетии. Хотя здесь только в конце 1970-х гг. были открыты первые мечети, действовавшие до этого времени подпольно. Именно чеченские лидеры проявляли стремление возглавить «национально-освободительное» движение горских народов с приданием ему окраски исламской революции. С самого начала в Конфедерации народов Кавказа доминировали представители тех республик, где особенно усиливались сторонники ислама, и Чечня занимала лидирующую позицию. А президент Д.Дудаев явно пытался выступать в качестве не только политического, но и религиозного лидера.

При Д.Дудаеве Чечня третий раз за свою историю объявлялась теократическим государством. Впервые это произошло во времена имама Шамиля. Он был последователем одной из ветвей суфизма – накшбендии. Шамиль пытался стереть родовые различия, уничтожить народное законодательство и на его место поставить шариат – богословское право, что способствовало бы в конечном итоге созданию государственной системы управления. Как бы в противовес воинствующему мюридизму в эти же годы распространяется другая суфийская ветвь – кадырия, проповедующая мирный мюридизм. Именно от этой ветви в качестве важного ритуального элемента сохранился среди чеченцев религиозный танец зикр, сопровождающийся поминовением имени Аллаха. В настоящее время эти две суфийские ветви в Чечне перемешаны.

По мнению Сулима Насардинова, директора института проблем исламской цивилизации, народный ислам на Кавказе – это расплывчатый синтез общемусульманских духовных ценностей, местных языческих культов, некоторых важнейших элементов суфийского ритуала (Независимая газета. 1996. 23 февр.). Тем не менее он набирает силу и консолидирует мусульманские северокавказские народы. Хотя и здесь на межреспубликанском уровне доминируют разъединительные тенденции. Уже на Первом съезде мусульман Северного Кавказа (май 1989 г.) произошел раскол: из Духовного управления мусульман выделились духовные управления чеченцев, кабардинцев и других народов. Несмотря на «расплывчатость» содержательной основы ислама, она оказывается важнейшей причиной психологической и этнокультурной «несовместимости» и роста напряженности между горскими народами с одной стороны и русскоязычным населением Северного Кавказа и православным титульным населением республики Северная Осетия-Алания – с другой.

Активность солидаризации

И ислаимизм, и реабилитационную активность можно отнести к активности солидаризации. Но здесь имеется в виду более высокий уровень – межэтнический аспект солидаризации, и, в частности, тенденция единения всех северокавказских народов.

Идея объединения народов Северного Кавказа за последние сто с лишним лет частично реализовывалась два раза: в попытке создания Шамилем единого горского государства и в образовании Горской республики, просуществовавшей неполные два года (1918–1919). Созданию Федеративной Горской республики предшествовал Первый съезд горцев Кавказа (май 1917 г., Владикавказ), на котором был

образован Союз объединенных горцев Кавказа. Горская республика на федеративных началах объединяла семь областей, начиная с абхазов на Западе до закатальских аварцев в Азербайджане. В нее входили Абхазия, Адыгея, Дагестан, Кабарда, Осетия и Чечня. Обе попытки объединения нельзя назвать удачными.

Усиление активности по солидаризации народов Кавказа в конце 1980–начале 1990-х гг. было напрямую связано с ростом межэтнической напряженности в его различных регионах. Первым толчком послужили трагические события июля 1989 г.: произошедшие в Сухуми столкновения между абхазами и грузинами. Именно в Сухуми после этих событий состоялся первый за годы советской власти съезд горских народов Кавказа (август 1989 г.). В нем приняли участие всего 7 народов Кавказа. На съезде была создана Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК) и принят ее устав.

Как реакцию на события в Чечне и на появившуюся угрозу военного вмешательства со стороны России можно рассматривать Третий съезд народов Кавказа. По сравнению с предыдущим, его состав значительно расширился. Помимо абазин, абхазов, адыгейцев, ингушей, кабардинцев, черкесов и чеченцев, представители которых присутствовали и на Первом съезде, его делегатами стали также аварцы, даргинцы, лакцы, чеченцы-аккинцы, южные и северные осетины, шапсуги.

Главным итогом этого съезда было решение о создании Конфедерации горских народов Кавказа в качестве «...правопреемника независимой Северо-Кавказской республики (Горской республики)». В Декларации Конфедерации говорилось: «В нашей борьбе за право на существование, свободу и справедливость не исключена возможность физического истребления отдельных горских народов Кавказа, как это не раз бывало в нашей печальной истории. Но у нас нет выбора, и мы можем противопоставить этим силам только свое единство. Оградить себя от агрессии мы можем только объединенными силами самообороны народов – членов Конфедерации горских народов» (цит. по: Анчабадзе, 1996, с. 186).

Идея расширения Конфедерации как межрегиональной организации, объединяющей не только горцев, но и другие народы Северного Кавказа, была поддержана на Чрезвычайном съезде народов Кавказа в октябре 1992 г. Главным адресатом этой акции было все более набирающее силу казачество. С этого момента из названия Конфедерации было исключено слово «горские», и оно приобрело более обобщающий смысл – Конфедерация народов Кавказа (КНК). Несмотря на то, что отношения с казачеством складывались негладко, этот факт в свое время послужил причиной снижения напряженности в регионе.

Идеологи КНК видят ее главную функцию по достижению «горско-кавказской государственности» не в подмене органов власти республик Северного Кавказа, а в их «подталкивании» к объединению. Предполагается, что на первом этапе, который продлится 5–10 лет, должна быть образована Конфедерация республик Северного Кавказа и Абхазии пока еще в составе России, которой делегируется часть управленческих функций. Гражданство на этом этапе предполагается двойное – «кавказско-российское», но впоследствии только «свое». На этом же этапе должен быть пересмотрен Федеративный договор и заключен Конфедеративный договор с Россией. В дальнейшем провозглашается государственная независимость Конфедерации кавказских республик (Анчабадзе, 1996).

После 1993 г. роль и значение КНК как объединяющей народы Кавказа организации резко снизилась. Очередной Восьмой съезд народов Кавказа, прошедший в конце августа 1996 г. во Владикавказе, показал, что идея объединения северокавказских народов осталась, но тенденции размежевания на данном этапе значительно сильнее тенденций к единению. В условиях взаимных территориальных претензий, упадка экономики и снижения уровня жизни, соперничества в различных жизненных сферах между республиками, трудно говорить о единстве северокавказских народов.

Процессы солидаризации в таких условиях в первую очередь служат тенденциям межэтнического размежевания: на Северном Кавказе народы солидаризируются на основе исторической, этнокультурной и кровнородственной близости. Причем активность такого рода выражается не только в поддержке на словах, но и на деле (пожертвования, участие в боевых действиях). Так, осетин из Южной Осетии весной 1992 г. активно поддержали северные осетины, абхазов – кабардинцы. В свою очередь южные осетины приняли активное участие в осетино-ингушском конфликте. По некоторым данным в боевых действиях в Чечне участвовало около 800 ингушей.

В 1989 г., помимо добровольцев от КНК, главную помощь абхазам оказали кабардинцы. В обращении к съезду кабардинского народа Председатель Верховного Совета Республики Абхазия В.Ардзинба сказал: «В этой кровавой войне с грузинским фашизмом нас оберегает прежде всего адыго-абхазское единство, тысячелетняя общность наших древних народов» (Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. М.Н.Губогло, И.Л.Бабич: В 2 т. М.: ИЭА, 1994. Т.П). По словам председателя Союза абхазских добровольцев Руслана Токова в боевых действиях в Абхазии участвовало полторы тысячи граждан Кабардино-Балкарии. Из них 59 погибли и четверо пропали без вести (Северный Кавказ. 1996. №33.). 14 августа каждый год в Нальчике проводится митинг, посвященный началу абхазо-грузинского военного конфликта и памяти погибших.

Активно взаимодействуют на Северном Кавказе адыги. Ими считают себя кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абхазы и шапсуги. На Первом всеадыгском съезде, прошедшем в Нальчике в 1992 г., была создана общественная организация «Адыгэ Хасэ». Ее цель – добиваться формирования федерации адыгейских народов. Деятельность «Адыгэ Хасэ» выходит за пределы Северного Кавказа. Помимо репатриации соотечественников из-за рубежа, через эту организацию поднимается проблема восстановления Шапсугского национального района, существовавшего до 1944 г. Шапсуги в начале XIX в. представляли одну из самых многочисленных групп адыгского этноса. К концу Кавказской войны они

оказались на грани исчезновения. Около 10 тысяч шапсугов живут сейчас в Лазаревском и Туапсинском районах.

Единство черкесов и их возрождение – главные идеи Международной Черкесской Ассоциации, последний конгресс которой проходил в г.Черкесске в июле 1996 г. Ногайцы Дагестана, Чечни, Ставрополья, Карачаево-Черкессии и Астраханской области активно взаимодействуют через общество «Бирлик».

Милитаризация

Рост напряженности на Северном Кавказе сопровождался интенсивным вооружением его населения. С самого начала 1990-х гг. впереди всех республик по этому направлению шла Чечня. Сразу же после провозглашения независимости здесь был взят курс на создание собственной армии. Постановлением Совета обороны Чеченской республики «О мерах по обеспечению правопорядка в г. Грозном и районах республики» воинские формирования были переведены на казарменное положение, а лица, имеющие огнестрельное оружие, были обязаны зарегистрировать его в трехдневный срок. Практически этим косвенно подтвердилось право ношения огнестрельного оружия каждым гражданином республики. У.Лаудаев писал о чеченцах: «Прежде они не были уверены ни за один день своей жизни, почему не делали без него (оружия. – Г.С.) ни шагу, как на работах, так и дома, и даже засыпая, осматривали, исправно ли оно» (Лаудаев, 1993, с. 182). Страсть к оружию всегда была одной из отличительных черт горцев, так как оно входило в число жизненно необходимых для него вещей.

Проблему поголовного вооружения Чечни помогла решить Россия, когда оставила ей расположенные на ее территории военные городки, спешно покинутые российскими военнослужащими в июне 1992 г. Военные эксперты констатируют, что «к ноябрю 1994 г. из-за попустительства федерального Центра в Чечне де-факто были созданы дееспособные вооруженные силы», а Д.Дудаев вошел в историю и как организатор быстрого строительства боеспособной армии (Независимое военное обозрение. 1996. 26 сент.). Уже в сентябре 1992 г. чеченская армия насчитывала свыше 10 тыс. человек и являлась мощной региональной военной группировкой. В период вооруженного осетино-ингушского конфликта, который многими сейчас рассматривается как начало чеченской войны, в Чеченской республике уже отработывались механизмы включения в единую систему обороны всего мужского населения от 15 до 55 лет, независимо от национальности, вероисповедания и гражданства. По мнению В.А.Тишкова, «осуществленное федеральными структурами беспрецедентное вооружение территориальной власти Чечни, а затем и ее местной оппозиции предопределило эскалацию конфликта, в котором главным стала борьба за власть в республике» (Чеченский кризис, 1995, с.50).

Наличие в центре Северного Кавказа десятков тысяч крепких мужчин, воевавших почти два года, хорошо владеющих оружием и отвыкших от мирной жизни, порождает серьезное беспокойство властей и нешуточный страх жителей соседних республик. В приграничных районах Дагестана во время боевых действий в Чечне были сформированы отряды самообороны. По словам М.Толбоева, секретаря совета безопасности Дагестана, предполагалось довести численность такого рода отрядов до 5 тыс. человек и полностью вооружить их. Подготавливались нормативные документы для частичной легализации на 2–3 года имеющегося у населения приграничных районов оружия. Эти меры принимались в связи с заявлениями некоторых представителей чеченской стороны о территориальных притязаниях к Дагестану (Независимая газета. 1996. 12 окт.). Мятая Ичкерия как эпицентр напряженности на Северном Кавказе и после заключения Хасавюртовских соглашений была и останется на долгие годы причиной серьезного беспокойства ее ближайших соседей, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Милитаризация северокавказских республик протекала на фоне необычайного обострения в регионе криминогенной обстановки. Ему способствовал указ Д.Дудаева «Об исполнении решений иностранных судов и арбитражей в Чеченской республике», согласно которому ни один преступник, находящийся на территории республики, не будет выдан государству, не признавшему независимость Чечни.

Давняя северокавказская традиция родственных отношений с оружием, легализованная в рамках отдельно взятой республики, была в некотором смысле поддержана Президентом России в его указе от 12 февраля 1997 г. В соответствии с ним возможность легально вооружаться получило русское население Северного Кавказа в лице казачества. Согласно уставу Терского казачьего войска, одобренного данным указом, казаки, состоящие на государственной службе, получили возможность ношения служебного оружия. Криминогенность, напигованность оружием, легальные и нелегальные вооруженные группировки превратили Северный Кавказ в пороховую бочку, которая уже неоднократно взрывалась.

Рассмотренные выше специфические направления массовой активности народов Северного Кавказа являются формами этнополитической мобилизации, наиболее интенсивно используемыми в своих целях местными элитами. Иррадиация межэтнической напряженности в регионе приводит к возникновению групповых противодействий со стороны одних народов в ответ на формирование специфических направлений массовой активности у других народов. Так, реабилитационная активность народов, депортированных в 1940-х гг., вызвала активность насильственно переселенных народов; активность исламизма в мусульманских республиках региона определила всплеск интереса к православию среди осетин и русского населения. Групповые противодействия возникают также и по причине групповых стремлений к этнической безопасности. Это определяет солидаризацию северокавказских народов в первую очередь на основе этнокультурной и кровнородственной близости, а не по политическим мотивам. По отношению к северокавказскому региону в целом такая тенденция отражает процессы межэтнического размежевания, а не обще-кавказского единения.

И все же северокавказский суперэтнос далек от межэтнического единства. Рост межэтнической напряженности в регионе ведет к разрушению общей региональной идентичности и усиливает межэтническую дифференциацию. После распада СССР первую трещину в общекавказской идентичности породил осетино-ингушский конфликт. По критериям религиозного вероисповедания и исторического происхождения в северокавказскую систему этносов хуже вписываются осетины и русские. Кроме того, северокавказский суперэтнос представляет как раз тот вариант, когда близкие, схожие по многим параметрам культуры, пытаясь избежать ассимиляции и в целях этнической безопасности, стремятся не к слиянию, а к обособлению. Еще продолжается этап разъединения, которые народы Северного Кавказа должны пройти в период передела власти в новых социально-политических условиях.

И все же на Северном Кавказе заметны объединительные тенденции. В случае появления внешнего врага здесь есть, помимо других, все социально-психологические основания для консолидации горских народов.

В следующих главах на основе анализа социально-психологических эмпирических исследований различных ситуаций межэтнической напряженности на Северном Кавказе будут рассмотрены этнические границы и отношения между некоторыми народами, проживающими в этом регионе.

Глава 13. Особенности самосознания северокавказских народов в 1980-х гг.

Во времена советского интернационализма, когда средства массовой информации были переполнены сообщениями о все крепнущей дружбе народов, между ингушами и осетинами случались бурные выяснения взаимоотношений. Последний острый «доперестроечный» конфликт произошел в октябре 1981 г в Орджоникидзе – нынешнем Владикавказе за одиннадцать лет до начала современного осетино-ингушского конфликта. В настоящее время в Северной Осетии-Алании эти события нередко называют Октябрьским восстанием и не сводят к межнациональным проблемам, а рассматривают как этап борьбы за национально-государственный суверенитет. Жестко подавленное, оно все же оказало раскрепощающее влияние на несколько поколений не только осетин, но и их ближайших соседей – ингушей, чеченцев, кабардинцев и других северокавказских народов.

По следам этих событий летом 1984 г нами было проведено социально-психологическое исследование этнических стереотипов среди студентов, работавших в течение двух месяцев на консервном заводе в небольшом городке Ардон в Северной Осетии.

Многонациональный стройотряд состоял из студентов Чечено-Ингушского государственного университета (г Грозный) и Северо-Осетинского государственного медицинского института (г Орджоникидзе). Стройотрядовцы занимались реальной производственной деятельностью – были объединены в бригады, работали на единый наряд и имели полный рабочий день.

Выборка испытуемых была ограничена по половому признаку – в исследовании принимали участие только девушки. После отсева экспериментальных данных, оказавшихся неполными в результате отъезда некоторых студентов, общее количество респондентов составило 112 человек. Среди них было 28 чеченок, 39 русских, 16 ингушек и 29 осетинок.

За последние годы на Северном Кавказе произошло так много трагических событий, невольными участниками которых могли оказаться эти девушки, что трудно с уверенностью сказать, как сложились их судьбы. Больше оснований надеяться, что относительно благополучно сложилась жизнь осетинок и русских из Северной Осетии. Некоторые из них, уже врачи со стажем, после октября 1992 г. выхаживали в больницах республики пострадавших во время вооруженного осетино-ингушского конфликта. В 1994–1996 гг. в прифронтовом Владикавказе они оказывали помощь раненым из Чечни. Но что стало с чеченками и ингушками? В каких школах и университетах обучают иностранным языкам детей и студентов девушки из Грозного – бывшие студентки факультета иностранных языков Грозненского университета? И все ли они живы?

В то жаркое лето в Ардоне царил полный мир. После октябрьских событий прошло около 2 лет. С помощью отработанного арсенала идеологических средств ситуация была сглажена, нормализована и, кажется, забыта. И надо признаться, что межнациональные отношения меньше всего занимали мысли наших респондентов. Мир царил и на всем Северном Кавказе, и во всей стране. А исследование межэтнических проблем не входило в число конъюнктурных тем. Тем не менее, ощущая скрытую напряженность, власти Северной Осетии поддержали проведение этого исследования. Защищенная на его основе кандидатская диссертация была практически первой этнопсихологической работой после длительного затишья в этой области. Главной ее целью было исследование содержаний идентичностей различных этнических групп, их взаимосвязей и изменений в процессе межэтнического взаимодействия между представителями нового поколения. В этой главе в сжатом виде представлены некоторые ее результаты.

Программа эмпирического исследования была рассчитана на два месяца и включала следующие методы: социометрию, модифицированный тест Келли, Диагностический тест отношения (ДТО), Цветовой тест отношения (Эткинд, 1980), включенное наблюдение, интервью и анкетирование.

Когнитивная структура этнической идентичности

Сравнение содержаний групповых идентичностей проводилось на основе всей совокупности признаков-атрибуций, выявленных с помощью модифицированного теста Келли. После предварительного отбора в пространстве исходных признаков остались атрибуты, полученные только в результате межэтнических сравнений. Межличностный уровень сравнений не рассматривался. В итоге было отобрано

830 характеристик-атрибуций, в число которых включались многочисленные повторы, так как групповая идентичность характеризуется согласованностью мнений членов группы.

Содержательный анализ исходного пространства признаков позволил выявить общую картину по всей совокупности характеристик. Они распались на две крупные группы: «Этнокультурные особенности» и «Черты характера». Последняя включала две трети всех признаков. Основной ее массив составили три подгруппы: собственно «черты характера», «качества, определяющие отношение к людям» и «особенности поведения и динамические характеристики». Умственные качества, различные умения и др. оказались статистически незначимы и в общем анализе не учитывались. Выделенные группы качеств рассматривались как опорные компоненты содержательной структуры этнической идентичности.

Качества анализировались отдельно в каждой этнической группе по следующим критериям: (а) признаки-атрибуции, характеризующие собственную этническую группу (автостереотипы); (б) признаки-атрибуции, характеризующие другие этнические группы (гетеростереотипы); (в) совпадающие признаки-атрибуции в автостереотипе и гетеростереотипе; (г) совпадающие признаки-атрибуции в различных гетеростереотипах.

Автостереотипы. Автостереотипы всех четырех групп отличались высокой позитивной направленностью. Между собой они различались, главным образом, этнокультурными характеристиками. В число последних входили признаки, связанные с традиционными формами поведения (на основе этнических обрядов, обычаев, традиций), с религиозными обычаями, а также с такими этнокультурными определителями как язык, фольклор, внешний облик.

Эти характеристики составили почти половину от всех атрибуций автостереотипа чеченок (45,6%). У ингушек их число достигло 40%, у осетинок – 30%. Представители этих трех групп с высокой внутригрупповой согласованностью выделяли «традиционность», предполагающую высокую степень приверженности национальным обычаям и традициям, а также характеристики, представляющие целые комплексы обычаев – «отношение к старшим», «гостеприимство», «взаимопомощь».

Этнокультурные характеристики в автостереотипах чеченок и ингушек отличались большим сходством. В первую очередь это проявлялось в представлениях об обычаях, связанных с отношением к мужчинам (их почитание и возвышение) и во взглядах на брак, в том числе в отрицательном отношении к браку с членами других этнических групп; а также в представлениях о традиционных особенностях внешнего облика. В автостереотипе осетинок в качестве опорных этнокультурных компонентов выделились характеристики, отражающие традиции взаимопомощи, родственные связи и особенности семейно-бытовой сферы.

В то же время значимость этнокультурных параметров оказалась абсолютно не характерной для русских – в их автостереотипе наиболее представлена была группа признаков «Черты характера». Среди оригинальных самохарактеристик, которыми отличался автостереотип русских от автостереотипов других групп, выделялась группа качеств, отражающих открытость и направленность на общение («искренность», «незлопамятность», «жизнерадостность», «душевность», «мягкость»). Но она не могла выполнять системообразующую функцию. В автостереотипе русских отсутствовало этнокультурное ядро, поэтому он не имел устойчивой структуры.

Во всех автостереотипах, разделяемых большинством, были такие атрибуты, как «доброта», «простота», «смелость», «щедрость». У чеченок, осетинок и ингушек оказались совпадающими качества «скромность», «гордость» и «чувство национального достоинства». Но большая часть кластера «Черты характера» и у горских народов представляла достаточно разрозненную картину. Здесь не выделилось устойчивых и оригинальных комплексов, описывающих характеры этнических групп. Представления о чертах характера собственной этнической группы оказались достаточно расплывчатыми и включали разнообразные общечеловеческие характеристики. То же самое можно сказать о кластерах «Отношение к людям» и «Оценка поведения и динамических характеристик».

Полученные результаты говорят о том, что значимость кластера «Этнокультурные особенности» в середине 1980-х гг. была безусловна на уровне самовосприятия для таких этнических групп, как чеченцы, ингуши и осетины. Даже у молодых девушек – представительниц этих этнических групп, не говоря уже о более старших поколениях, этнокультурные атрибуты составляли устойчивые и оригинальные комплексы признаков как главную опору самоидентификации. Представительницы горских народов, в первую очередь чеченки и ингушки, отчетливо ощущали свои этнические границы. Менее всего границы своей этнической общности осознавали русские, потерявшие этнокультурные ориентиры и испытывавшие дефицит культурной отличительности. И все же семантические зоны совпадающих характеристик в автостереотипах свидетельствуют о том, что в восприятии народами друг друга доминировало осознание схождения, а не различий.

Гетеростереотипы. Анализ гетеростереотипов дополнит нам картину межэтнических отношений, существовавших в 1980-е гг. в регионе.

Совпадение представлений группы о себе с ее же представлениями о другой группе рассматривается как показатель, отражающий, во-первых, близость групп на уровне самосознания и, во-вторых, проницаемость их этнических границ. Анализ совпадений таких представлений по этнокультурным параметрам выявил следующую картину. Русские Северной Осетии сближали себя с осетинами, отмечая возможность «принятия осетинских обычаев». В то же время у русских из Грозного осознание этнокультурного схождения с чеченцами и ингушами не было обнаружено. Как впрочем не осознавали этнокультурного схождения с русскими и чеченки, и ингушки Осетинки воспринимали чеченскую и ингушскую

культуры как гораздо более близкую к себе, чем русскую, подчеркивая сходство традиций взаимопомощи, норм поведения в кругу семьи, отношения к старшим и т.д. Чеченки сближали себя по этнокультурным особенностям с ингушами, указывая на схожесть языков, фольклора, традиционной сферы. С осетинами они отмечали близость некоторых обычаев, особенности положения женщины в обществе. Ингушки находили много общего между культурами своей этнической общности и чеченской, например, схожесть семейно-бытовых традиций, некоторые религиозные обычаи.

В гетеростереотипах всех этнических групп присутствовали атрибуты, свидетельствующие об осознании и этнокультурных различий, и этнокультурного сходства. Совпадающие характеристики в представлениях этнических групп друг о друге отражали их взаимные ожидания. Более 60% представлений осетин о чеченцах и чеченцев об осетинах совпадали по этнокультурному компоненту. Совпадала также половина аналогичных атрибуций в гетеростереотипах осетин и ингушей. Это означает, что и чеченцы с осетинами, и ингуши с осетинами ожидали друг от друга понимания и одинакового поведения в ситуациях, связанных с традиционной культурой. Меньше совпадений по этнокультурному компоненту (30%) оказалось между представлениями чеченцев об ингушах и представлениями ингушей о чеченцах. Причем и те, и другие обвиняли друг друга в «изживании обычаев», «в меньшей строгости традиций». Вероятно, это – выражение на уровне социального восприятия защитной реакции на угрозу этнокультурной ассимиляции у близких народов. Ее цель – укрепление этнических границ. В то же время и русские, и осетины в своих представлениях максимально сближали эти народы. Девушки-осетинки в нашем исследовании фактически отождествляли чеченцев с ингушами.

Как мы видим, культурная проницаемость этнических границ между горскими народами была достаточно высокой. Более четко стремились обозначить между собой этническую границу ингуши и чеченцы. Строгая этническая граница поддерживалась между, с одной стороны, чеченцами и ингушами, с другой – русскими. Русские были более открыты для осетинской культуры.

Представления о других этнических группах по кластеру «Черты характера» отличались от автостереотипов появлением негативных атрибуций. У русских негативные качества в образах чеченцев, ингушей и осетин составили почти треть. На фоне как бы благополучного развития отношений между народами Северного Кавказа эти данные свидетельствовали о наличии здесь в 1980-х гг. латентной межэтнической напряженности даже в студенческой среде, которая как известно, всегда отличается интернационалистическими ориентациями. Негативные атрибуты – это следствие непонимания, возникающего в результате этнокультурных различий. В частности, русские приписывали осетинам, ингушам и чеченцам качество «лицемерие». Представления русских об ингушах и чеченцах совпадали по характеристикам «хитрость», «дерзкость», «грубость». Несоответствие северокавказских этикетов представлениям русских о нормах поведения – одна из главных причин появления в гетеростереотипах таких характеристик.

Этнокультурный барьер оказался также причиной проецирования друг на друга нежелательных в собственных культурах характеристик. Например, ингушей и чеченцев русские объединяли на основе таких качеств как «замкнутость», «чувство превосходства» и «высокомерие». Горские народы, в свою очередь, также приписывали русским «изолированность от окружающих» и «замкнутость». Осетинки воспринимали русских как скупых и своевольных. Скупость, приписываемая русским – результат

противопоставления традиционному понятию широкого «кавказского гостеприимства», хотя «русское гостеприимство» известно как одна из устойчивых характеристик русского народа. «Своеволие» русских возникло как противопоставление более строгой традиционной системе воспитания девочек и девушек кавказских национальностей, предполагающей функционирование жесткой системы условностей и запретов. Исходя из своих традиционных норм поведения, представительницы всех горских народов приписали русским «раскрепощенность», «непринужденность в общении» и «свободу в поведении». Кроме того, следует отметить, что данные качества, например, скупость, своеволие, высокомерие, представляют собой атрибуты-«оборотни», обладающие способностью мгновенно находить «оправдательные» положительные эквиваленты в случаях смены знака эмоционального отношения к объекту – экономность, смелость, гордость.

Причем, все эти эквиваленты также присутствовали в гетеростереотипах. Это означает, что благоприятно складывающаяся ситуация межэтнического взаимодействия должна была обеспечить быстрое усиление позитивных образов народов друг о друге. Тем более, что в них доминировали позитивные характеристики – основа сближения народов между собой. Причем называлось много характеристик, которых не было в автостереотипах. Осетинкам нравились те качества у русских, которые, на их взгляд, были не характерны для осетин – «жизнерадостность», «добродушие», «мягкость», «терпеливость», «бесхитрость». Чеченки и ингушки выделяли характерные, по их мнению, для осетин качества: «преданность», «чувство собственного достоинства», «умение держать свое слово». Чеченки среди качеств, характерных только для русских, выделяли «самостоятельность», «прямолинейность», «правдивость», «мягкость», «любопытность».

Русские воспринимали и ингушей, и чеченцев как «рассудительных», «настойчивых» и «скромных». У себя и осетин русские находили общие качества – «отзывчивость» и «доброжелательность». Осетинки, хотя себя и русских видели очень разными, выделяли «гордость» и «простоту» как общие качества. Совпадающими качествами у осетин с чеченцами и ингушами были «скромность» и «доброта». Среди общих качеств с русскими чеченки называли «простоту» и «веселость». Наибольшее количество совпадающих характеристик по кластеру «Черты характера» было между автостереотипом ингушек и их

представлениями о русских. За исключением «веселости» в этих образах совпадали все наиболее типичные характеристики. Это говорит том, что несмотря на существенные этнокультурные различия, ингуши стремились к сближению с русскими. На основе этого общечеловеческого фонда («простота», «отзывчивость», «доброжелательность», «гордость», «доброта», «скромность» и другие качества) строятся психологические мостки между народами и увеличивается проницаемость этнических границ.

Содержательный анализ этнической идентичности определил основные различия между этническими автостереотипами и гете-ростереотипами. Автостереотипы оказались более детализированными, многослойными и диффузными. Гетеростереотипы – более структурированными, определенными и негативными. Однако наряду с появлением в образах других народов негативных характеристик были получены абсолютно позитивные гетеростереотипы – образы русских в глазах чеченок и ингушей. Женская часть молодого поколения ингушского и чеченского народов в начале 1980-х гг. демонстрировала исключительно позитивное отношение к русским.

Главная содержательная основа, на которой строились и автостереотипы, и гетеростереотипы в рассматриваемой ситуации была этнокультурной. Этнокультурные параметры в ситуации латентной межэтнической напряженности выступили в качестве главных маркеров этнических границ. Общие семантические зоны в представлениях групп о себе и о других группах создавали широкую психологическую основу для межэтнического обмена и взаимодействия.

Этнокультурная дистанция

В понятие этнокультурной дистанции входят представления о взаиморасположенности (близости–отдаленности) различных этнических групп в когнитивно-эмоциональной сфере их самосознаний. Этот аспект исследовался на основе количественных показателей – коэффициентов этнической идентификации и межэтнической дифференциации (см. глава 9).

Расчет показателей этнической идентификации (оценка воспринимаемого сходства) производился на основе степени близости респондентов: (а) со своей этнической группой (А-автостереотип)

(автоидентификация), (б) с основными этническими подгруппами (Я-гетеростереотип,; #-гетеростереотип2), (в) с «отрицательными» по социометрическим критериям членами своей группы; (г) с «положительными» по социометрическим критериям членами своей группы. Расчет показателей межэтнической дифференциации (оценка воспринимаемых различий) подсчитывался на основе «расстояния» между оценками следующих подгрупп: (а) собственной этнической группой и другими этническими группами (Автостереотип–Гетеростереотип, Автостереотип–Гетеростереотип2); (б) между другими этническими группами (Гетеростереотип–Гетеростереотип2).

На основе этих показателей и их соотношения оценивались этнические предпочтения и плотность этнических границ.

У представителей всех четырех этнических групп оказался приблизительно одинаковым уровень идентификации с собственной группой (от 0,89 – у осетинок до 0,85 – у чеченок). Средние величины идентификации с другими этническими группами были ниже уровня идентификации с собственной группой. Даже в такой благоприятной ситуации межэтнических отношений, какая была в нашем исследовании, закономерно происходит осознание большей близости с собственной этнической группой. Для каждой группы была получена оригинальная картина, отражающая ее представления о степени близости (о величине этнокультурной дистанции) с другими этническими группами.

Если чеченки осознавали тесную близость с ингушами как с родственным народом, то ингушки, напротив, вопреки очевидности, отдаляли чеченцев от себя, противопоставляя им близость с русскими. Это также одно из проявлений защитной психологической реакции на угрозу этнокультурной ассимиляции, что в данном случае выразилось в отчуждении близкородственной группы, в увеличении этнокультурной дистанции и в укреплении этнических границ на психологическом уровне. Таким образом, еще раз подтверждается вывод о том, что в этом поколении молодых людей – будущей интеллигенции Чечни и Ингушетии, не культивировалось негативное отношение к русским, характерное для их отцов и дедов, прошедших депортацию. Скорее наоборот, формировался явный позитив, о чем выразительно говорит сравнение величин этнокультурных дистанций.

На фоне всей этой картины бросается в глаза превосходящая все дистанцированность осетинок, чеченок и ингушек от отрицательного по социометрическому выбору члена собственной этнической группы. Негативизм для этих народов – важнейшая причина увеличения дистанцированности в отношениях. Только для русских отрицательный персонаж «из своих» оказался ближе, чем некоторые другие этнические группы, в частности, ингуши и чеченцы.

Опираясь на вывод о том, что основным определителем этноин-тегрирующих и этнодифференцирующих компонентов этнического самосознания являются этнокультурные факторы, мы предположили, что эти факторы непосредственно воздействуют на выраженность автоидентификации и межэтнической дифференциации. В качестве одного из таких факторов в нашем исследовании рассматривалась субъективная степень приверженности респондентов традиционным системам своих этнических культур.

Традиционные этнокультурные ориентации определялись на основе двух закрытых вопросов: «Знаете ли Вы обычаи, традиции, обряды своего народа?», «Соблюдаете ли Вы свои национальные обычаи и традиции в повседневной жизни?».

Молодые осетинки, чеченки и ингушки продемонстрировали хорошее знание своей традиционной этнической культуры. Так, свыше трети осетинок отметили, что знают обычаи хорошо и, как правило, их

соблюдают. Такой ответ дали почти половина чеченок и больше половины всех опрошенных ингушек. В группе русских таких респонденток оказалось всего две.

В результате определились две группы этнофоров, одну из которых составили респонденты с высокой степенью приверженности национальным традициям и их соблюдающие, а другую – респонденты, практически не знающие и не соблюдающие национальные обычаи и традиции. Были подсчитаны средние величины коэффициентов идентификации с собственной группой и коэффициентов межэтнической дифференциации отдельно для каждой этнической подгруппы (табл. 10). Респонденты с высокой степенью приверженности традиционным системам своих культур по сравнению со второй группой менее дистанцировались от собственной этнической группы, а другие группы воспринимали как более отдаленные друг от друга (различия значимы при $P < 0,05$). Высокая значимость для этнофора собственной традиционной этнокультурной системы приводит к увеличению «субъективного расстояния» между группами, что выражается в усилении межэтнической дифференциации.

Таблица 10

Средние величины идентификации и межэтнической дифференциации

Этнофоры приверженность национальным обычаям и традициям	Русские		Осетинки		Чеченки		Ингушки	
		П-Гг*	Я-А	П-Гг	Я-А	П-Гг*	Я-А	Г,-Г2*
низкая	0,87	0,11	0,85	0,20	0,83	0,18	0,83	0,08
высокая	0,90	0,20	0,93	0,23	0,92	0,30	0,89	0,43

* Я-А – «Я-Автостереотип»;

Г1-Г2 – «Гетеростереотип,-Гетеростереотип2»

Было проверено влияние на процессы идентификации и межэтнической дифференциации еще одного фактора – насыщенности межэтнического общения как одной из особенностей микросреды индивида. С учетом многонациональное™ родственного круга, в частности, национальности близких друзей, а также национальности соседей и предпочтений в этой сфере, было выделено три группы.

Очень малочисленной оказалась группа, члены которой по данным опроса ограничивали свое общение представителями собственной этнической среды (4 человека – 2 чеченки, 1 русская, 1 осетинка). Вторая группа (индивиды, контактирующие в повседневном общении не больше чем с представителями 3-х национальностей, включая представителей этнической группы респондента) состояла из 25 студенток (6 осетинок, 12 русских, 4 ингушки, 3 чеченки). Эти две группы составили 22% от всей выборки. Остальные респонденты включили в круг непосредственного повседневного общения представителей самых различных национальностей, проживавших в бывшем СССР.

Сравнительный анализ коэффициентов идентификации и дифференциации, проведенный отдельно по выделенным группам, не показал значимых различий. Так, например, в первой и во второй группах, несмотря на ограниченность межэтнических связей, высокие коэффициенты автоидентификации значимо не определяли соответственно высокую степень межэтнической дифференциации (коэффициент корреляции Пирсона – $0,3945 < C < -0,1205$, при $P < 0,05$). Это показывает, что ограниченность межэтнических контактов непосредственно не влияет на зависимость между высокой автоидентификацией и соответственно высокой межэтнической дифференциацией.

Трансформации эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа в процессе совместной деятельности

Сама по себе констатация негативных характеристик в гетеро-стереотипах мало говорит об их влиянии на всю структуру этнического образа. Исследуя эмоционально-оценочный компонент этнических стереотипов на основе ДТО, мы обратились к изучению возможностей их изменений. Для этого ДТО проводился 2 раза: в начале совместной деятельности студенток в стройотряде и по истечении двух месяцев их взаимодействия.

Мы предположили, что процесс совместной деятельности оказывает определенное влияние на восприятие представителями разных этнических групп друг друга. В этом случае на субъекта в первую очередь воздействует непосредственный опыт конкретного взаимодействия с членами иноэтнических групп. Стереотипизация выступает как механизм практического познания, в результате которого повышается адекватность и когнитивная сложность этнических образов. С развитием деятельности претерпевают изменения не только динамические характеристики межэтнического восприятия (объем, разносторонность, адекватность, согласованность), связанные с когнитивным содержанием, но и оценочные критерии познания представителей иноэтнических групп {Ломов, 1984}.

На возможность быстрого изменения общей валентности этнических образов указывало одновременное наличие в них обоих полюсов (позитивного и негативного) атрибуций-«оборотней». Первая гипотеза, которую мы выдвигали, состояла в том, что благоприятная этноконтактная ситуация может усилить позитивную валентность этнических образов за относительно короткое время.

В условиях совместной деятельности восприятие представителей иноэтнических групп осуществляется не только на основе эмоционально-непосредственного отражения, но и на основе рационально-опосредованного. В этой связи мы выдвигали еще одну гипотезу: в многонациональных производственных коллективах значимыми характеристиками восприятия друг друга выступают не этнические, а «деятельностные» параметры, оказывающие влияние на общий образ воспринимаемых этнических групп, что находит свое отражение в позитивных изменениях эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Сравнение эмоционально-оценочных параметров этнического стереотипа: амбивалентности, выраженности и направленности проводилось по четырем этническим группам – русским, чеченкам, ингушкам и осетинкам (см. табл. 11).

Таблица 11

Средние величины коэффициентов амбивалентности (А), выраженности (S) и направленности (D – диагностический коэффициент)

Вид оценки	русские			Осетинь			Ингуши			Чеченцы		
	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D
Самооценка	0,31	0,37	0,48	0,26	0,42	0,55	0,33	0,37	0,41	0,28	0,36	0,48
Оценка «Идеала»	0,13	0,64	0,78	0,11	0,68	0,79	0,16	0,60	0,71	0,13	0,61	0,74
Автостереотип1	0,41	0,36	0,41	0,39	0,34	0,41	0,41	0,32	0,32	0,41	0,33	0,37
Автостереотип2	0,42	0,35	0,40	0,42	0,32	0,35	0,39	0,36	0,37	0,43	0,32	0,36
Гетеростереотип1	0,53	0,18	0,11	0,47	0,18	0,06	0,58	0,16	0,18	0,53	0,20	0,14
Гетеростереотип2	0,28	0,24	0,16	0,53	0,14	0,11	0,48	0,27	0,27	0,51	0,24	0,23

Примечание. Автостереотип, и гетеростереотип, – это измерения, полученные в начале совместной деятельности; автостереотип2 и гетеростереотип2 – измерения, полученные в конце второго месяца.

Во всех этнических группах самую высокую позитивную эмоциональную определенность имела оценка «Идеала». Потом следовали самооценки и автостереотипы. Сравнение диагностических коэффициентов и коэффициентов выраженности говорит о том, что эмоциональная амбивалентность гетеростереотипов усиливалась за счет появления в них негативных характеристик. Однако их доля оказалась незначительна для того, чтобы гетеростереотипы приобрели общую негативную направленность.

Изменения коэффициентов амбивалентности, выраженности и направленности автостереотипов в течение двух месяцев оказались незначимы. Это подтвердили и корреляционные связи между эмоционально-оценочными параметрами автостереотипов (коэффициент сопряженности Пирсона – $0,6891 < C < 0,8743$).

Если автостереотипы показали себя относительно стабильными образованиями, то гетеростереотипы, напротив, оказались более подвержены влиянию обстоятельств. По непараметрическому критерию Уилкоксона оказались значимы изменения (от 0,04 до 0,11) всех трех эмоционально-оценочных коэффициентов гетеростереотипов, зафиксированные по прошествии двух месяцев (с вероятностью ошибки $p < 0,05$). Общая тенденция состояла в усилении позитивности гетеростереотипов. Особенно очевидны изменения диагностических коэффициентов этнических гетеростереотипов, выявленные при их попарном сравнении с разницей в два месяца. Так, у осетин при сравнении первоначальных и вторичных гетеростереотипов чеченцев и ингушей произошло 10 переходов отрицательных диагностических коэффициентов в положительные. У русских гетеростереотип осетин был в целом позитивен с самого начала, а через два месяца его позитивный заряд усилился. У русских возросла также позитивность образов чеченцев и ингушей. У чеченок и ингушек вторичный гетеростереотип осетин сдвинулся в позитивную сторону и сменился знак негативных диагностических коэффициентов.

Еще одним доказательством позитивного сдвига в эмоционально-оценочной структуре этнического стереотипа послужило общее сравнение по всей выборке первоначальных гетеростереотипов со вторичными. Так, в начале взаимодействия отрицательные диагностические коэффициенты составили 35% от всего числа коэффициентов, в то время как во вторичных гетеростереотипах их число уменьшилось почти в 2 раза – до 18%.

Позитивный сдвиг образов воспринимаемых этнических групп происходил на основе изменения качественных критериев межэтнического восприятия в процессе совместной деятельности. Фокусом восприятия друг друга стали не этнические, а «деятельностные» параметры.

На основе материалов интервью «Атрибутивный прогноз», проведенного в конце второго месяца, выяснилось, что число «деятельностных» признаков в процессе межэтнического взаимодействия по сравнению с этническими параметрами значительно возросло. Именно «деятельностные» качества, приписываемые представителям этнических групп, стали рассматриваться в качестве причин их успешности или неуспешности. Контакт и знакомство способствовали снижению искаженности стереотипов и персонификации членов других этнических групп. В то же время такой процесс предполагает «размывание» образа совокупного абстрактного члена этнической общности. В зависимости от такого фактора как успешность деятельности представления о собственной этнической группе в некоторых случаях приобрели даже более негативный характер, чем образы других групп.

Можно возразить, что позитивное изменение параметров эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов вызвано установлением дружеских контактов. С целью рассмотрения такой возможности и проверки обоснованности сделанных выводов были проанализированы параметры эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа отдельно по двум группам.

Первую группу составили респонденты, которые в течение двух месяцев приобрели дружеские знакомства более чем с тремя представителями иноэтнических групп (их оказалось 58 человек). Вторая группа состояла из респондентов, не подружившихся в течение двух месяцев ни с одним из представителей других этнических общностей (25 человек). Эти данные были получены на основе материалов анкеты, проведенной нами в конце второго месяца.

Естественно, мы получили результаты, которые подтвердили позитивное воздействие дружеских отношений на этнические стереотипы. Так, в группе респондентов, значительно расширивших сферу дружеских межэтнических контактов, повысилась определенность и позитивность гетеростереотипов.

Однако с позитивными изменениями образов других этнических групп оказалась связана и ограниченность дружеских межэтнических контактов. У более чем половины респондентов второй подгруппы также усилилась позитивность гетеростереотипов. Это выразилось в увеличении позитивности как диагностических коэффициентов, так и коэффициентов выраженности (Кцоева, 19856). Итак, приведенные выше результаты показали, что в условиях ситуации латентной межэтнической напряженности межгрупповые контакты в форме совместной деятельности достаточно легко изменяли гетеростереотипы в позитивную сторону. Конечно, такие результаты определялись также и тем, что наши респонденты были молоды и тем, что они

были студентами, которые, как правило, являются самой интернационально настроенной частью общества. И все же не в последнюю очередь это отражало низкий уровень предубежденности и высокую настроенность на широкое межэтническое взаимодействие у северокавказских народов в середине 1980-х гг.

Глава 14. Ингушетия и Северная Осетия-Алания: социально-психологические детерминанты сохранения межэтнической напряженности

Ингуши и осетины веками жили рядом, были добрыми соседями, нередко между ними возникали родственные связи. Тем не , менее для проживающих на Северном Кавказе народов резкое ухудшение осетино-ингушских отношений не было неожиданностью. Память нескольких современных поколений этого региона хранит даты, факты и ситуации, которые свидетельствуют о существовании напряженности между ингушами и осетинами на протяжении десятков лет. Особую роль в этом сыграла депортация ингушей в 1944 г. В октябре 1992 г. мир между этими народами был нарушен. Где бы ни лежали корни ингушко-осетинского конфликта – в отношении к собственности, в дележе должностей, в борьбе за избирательные голоса (Тишков, 19976), его трагические последствия – невосполнимость человеческих жертв, пропавшие без вести и заложники, разрушенные дома и жизни – основа устойчивого противостояния осетин и ингушей.

До войны в Чечне ингушко-осетинский конфликт был самой острой проблемой региона. Он длится уже так долго, что наблюдатели отмечают сезонные колебания: напряженность усиливается весной. С момента трагических событий в Пригородном районе Северной Осетии-Алании вышло несколько указов Президента Российской Федерации об урегулировании конфликта, подписано множество соглашений, постановлений о порядке возвращения беженцев в места их прежнего проживания. Но до середины 1997 г. лишь немногим более 5% беженцев вернулись в Пригородный район. По данным МВД Северной Осетии, на 15 июля 1997 г. здесь проживало свыше 7,2 тыс. ингушей, включая не покидавших

Пригородного района ингушей – жителей с. Майское и с. Чер-мен (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень, октябрь, 1997 г. С. 16).

Почему же с таким трудом налаживается переговорный процесс между осетинами и ингушами? Ведь помимо официальных контактов на федеральном и региональном уровнях были организованы многочисленные встречи. Встречались старейшины, молодежь, представители одних профессий, воины-интернационалисты, религиозные деятели, женщины, спортсмены, бизнесмены. Какие-то результаты есть, но по сравнению с затраченными усилиями надо признать, что они минимальны. Политологи называют немало причин затяжного характера ингушко-осетинского конфликта, в том числе пассивность и неповоротливость сначала Временного госкомитета по ликвидации последствий конфликта, потом так называемого аппарата при Президенте России, необеспечения федерального финансирования восстановительных работ в Пригородном районе, наличие национал-радикалов среди ингушей и осетин, противоположность позиций руководства республик.

Помимо этих и других причин нельзя сбрасывать со счетов социально-психологические детерминанты сохранения напряженности между Северной Осетией и Ингушетией. К их числу относится ряд факторов, которые, на наш взгляд, имеют наибольшее психологическое значение для людей, длительное время проживающих в ситуации конфликтной межэтнической напряженности. Среди них: (а) наличие реальной основы непрерывной конфронтационности ситуации – отсутствие решения по вопросу спорных территорий; (б) высокая нестабильность межэтнических отношений в северокавказском и соседних с ним регионах; (в) исторические различия в этносоциальном статусе осетин и ингушей; (г) актуализация прошлых негативных моментов во взаимоотношениях и современный негативный опыт разрешения конфликта; (д) сам факт достижения критического уровня конфронтации, перехода к агрессии и насилию; (е) акцентирование этнокультурных, психологических и религиозных различий. Перечисленные факторы находят прямое отражение в содержании этнического самосознания и в значительной степени определяют формирование у сторон соответствующих этнических образов и интерпретаций мотивов и действий друг друга. Эти образы и интерпретации становятся серьезными барьерами, затрудняющими формирование кооперативной стратегии по урегулированию осетино-ингушских отношений.

Территориальные и этнические границы

Осетино-ингушский конфликт в полной мере относится к типу территориальных конфликтов, разрешение которых, по мнению многих исследователей, представляется наиболее трудным. Именно проблемы, связанные с территориальными спорами, за несколько месяцев до конфликта назывались русскими, осетинами и ингушами, проживающими в Северной Осетии, в качестве главных причин напряженности (см. табл. 12)¹.

Таблица 12

Мнения жителей Северной Осетии об основных причинах напряженности осетино-ингушских отношений (1992 г.) в % к числу опрошенных

Варианты ответов	Осетины	Русские	Ингуши
Несходство национальных обычаев, традиций	7,0	4,9	0
Религиозные различия	9,0	11,8	3,2
Тяжелое экономическое положение	15,0	8,8	6,5
Неправильная политика союзного руководства	49,0	36,3	16,1
Ошибочная политика руководства Сев Осетии-Алании	7,5	11,8	58,1
Территориальные претензии ингушей	77,5	67,6	22,6
Нежелание осетин уступить спорные территории	17,5	18,6	64,5
Притеснение ингушей со стороны осетин	1,5	2,9	35,5
Уголовные преступления на межнациональной почве	35,5	20,6	12,9

Примечание. При ответе на вопрос можно было назвать несколько пунктов.

До конфликта четверть русских считали эти земли «исконно казачьими», треть осетин – «исконно осетинскими», около 70% ингушей – «исконно ингушскими». «Общей родиной для осетин, ингушей и казаков» назвали эту территорию треть осетин, половина всех опрошенных русских и 16% ингушей.

Таблица 13

Мнения жителей республики Северная Осетия-Алания об исторической принадлежности части Пригородного района (1992–1995 гг.) в % к числу опрошенных

Принадлежность территории	Осетинь i			Русские			Ингуши	
	1992	1994	1995	1992	1994	1995	1992	1994
1. Исконно осетинские земли	33,0	25,6	19,9	5,9	3,7	9,1	–	–
2. Закрепленные за Осетией по закону	31,0	61,3	52,3	15,7	26,0	50,6	–	–
3. Исконно казачьи	20,0	6,4	7,9	25,5	31,2	18,1	–	–
4. Исконно ингушские	–	0,5	–	2,9	–	–	67,7	67,7
5. Земли Ингушетии, незаконно отобранные	0,5	2,1	–	3,9	5,7	–	51,6	29,1
6. Спорная территория	5,5	2,2	4,8	7,8	25,9	10,3	3,2	3,2
7. Общая родина	32,5	4,5	12,0	49,0	12,0	13,7	16,1	–
8. Другое	4,0	1,0	7,3	2,9	–	5,0	–	–

Примечание. При ответе на вопрос можно было назвать несколько пунктов.

Мнения жителей Северной Осетии-Алании о принадлежности спорных территорий существенно изменились после конфликта (см. табл. 13, данные по 1994 г.). По данным, полученным в массовом опросе летом 1994 г., в два раза больше осетин стали рассматривать спорные территории как земли, закрепленные за Осетией по закону. Увеличилось количество таких представлений и среди русских. Экспертный опрос 1995 г. показал абсолютное доминирование этого мнения среди осетинской и русской творческой и политической элиты, а также в рабочей среде. В то же время снизилась радикальность представлений осетин о территориях Пригородного района, как об «исконно осетинских» землях. Время, прошедшее после конфликта, способствовало снижению эмоциональности мнений и формированию более прагматичного взгляда на суть конфликта. Тем не менее такая позиция достаточно прочна и поддерживается среди осетин политической элитой и творческой интеллигенцией. Придерживается этой позиции и часть русской политической элиты Северной Осетии-Алании. И все же среди осетин и русских встречались респонденты, считавшие часть земель Пригородного района «исконно ингушскими» или «незаконно» у них «отобранными». Сами ингуши однозначно придерживаются именно этого мнения. Лишь 3% ингушей склонны все же рассматривать эти земли как спорные. В Конституции Республики Ингушетия территориальные притязания к Северной Осетии-Алании закреплены на официальном уровне.

По сравнению с 1992 г. среди осетин уменьшилось число тех, кто считает спорные территории «исконно казачьими». Хотя традиция взаимоподдержки друг друга осетинами и казачеством была продолжена во время вооруженного конфликта, к моменту нашего опроса в 1994–1995 гг. ситуация неоднократно менялась. Этому способствовали различные политические события и активная деятельность казачества в регионе. Одним из ее результатов явилось укрепление среди русских Северной Осетии-Алании мнения о «казачьей» принадлежности спорных территорий. Это представление находит поддержку в первую очередь у русских рабочих: среди них треть опрошенных в 1995 г., как и треть всех опрошенных русских в 1994 г. продолжали считать спорные территории «исконно казачьими». В то же время русская политическая элита Северной Осетии-Алании, следуя за национальной элитой республики, активно поддержала мнение о том, что часть Пригородного района – это земли, закрепленные за Осетией по закону.

Существенно потускнели под влиянием конфликтов романтические представления о спорной территории как об «общей родине». Число осетин – сторонников такого рода представлений в 1994 г., по сравнению с 1992 г., снизилось в 8 раз. Среди городских русских таких респондентов в 1994 г. вообще не оказалось, в то время как два года назад половина всех опрошенных русских считали спорные территории общей родиной. Среди оп- / решенных ингушей в 1994 г. никто не назвал данную территорию «общей родиной», в то время как до конфликта так воспринимали Пригородный район приблизительно пятая часть ингушей. Это одно из доказательств расщепления верхних обобщающих уровней социальной идентичности и уплотнения этнических границ. Идеологическая риторика прошлого существенно сдала свои позиции под влиянием ситуации затяжной межэтнической напряженности. Конфликт драматически изменил представления у всех сторон о возможности благополучного совместного проживания. Но в 1995 г. представления об «общей родине» начинают все более активно поддерживаться творческой и политической элитами, уставшими от затянувшейся конфронтации.

Нестабильность межэтнических отношений

Помимо вооруженных конфликтов последних лет нестабильность межэтнических отношений в северокавказских республиках и конкретно в регионе проживания осетин и ингушей в значительной степени обусловлена высокой интенсивностью миграционных процессов прошлого и настоящего времени.

К их числу, во-первых, относится большая межреспубликанская миграция, связанная с началом возвращения в 1957 г. депортированных народов, в том числе и ингушей, на территории своих национальных образований. После возвращения часть ингушей компактно расселилась в Пригородном районе Северной Осетии-Алании. Всего с 1957 по 1989 гг. жителями данного района стали около 17 тыс. ингушей.

Во-вторых, это миграционные процессы последних лет. Например, в Северной Осетии-Алании, которая и в благополучные времена занимала первое место среди российских автономий по показателю плотности населения, появилось большое количество переселенцев и беженцев различных национальностей. Среди них основную часть составили беженцы-осетины из внутренних районов Грузии и Южной Осетии, уже более пяти лет как осевшие в республике, осетины из Средней Азии и Пригородного района.

Перерастание осетино-ингушской напряженности в вооруженное противостояние и политические процессы в Чечне ускорили отток русского населения из Чечни и Ингушетии – в Северной Осетии появились сотни беженцев-казаков. В этот период в газете «Терский казак» было опубликовано коллективное письмо казаков из Сунженского района Ингушетии, которые считали «...невозможным нормальное проживание русских с ингушами в казачьих станицах» и предлагали «свой выход»: переселить русское население Ингушетии в Пригородный район Северной Осетии, а в освободившиеся дома вселить ингушских беженцев. По их мнению, в результате такого шага будут достигнуты следующие цели: «...Уменьшится национальная напряженность в северокавказском регионе, появится реальная возможность прекращения конфликта, Осетия получит в лице своих новых граждан тружеников-земледельцев, что благотворно скажется на экономическом состоянии; уменьшится миграционная нагрузка на Юг России» (Терский казак. 1993. №3.).

Низкая численность осетин, проживавших в бывшей Чечено-Ингушетии, определила их относительно небольшой отток в Осетию. В 1994 г. беженцев-осетин из Чечни и Ингушетии было 540, вынужденных переселенцев – 151 человек. Всего же в целом на 1 июля 1994 г. в Северной Осетии было зарегистрировано 49 450 беженцев и вынужденных переселенцев, к сентябрю 1997 г. их число снизилось до 35,2 тыс. человек (данные миграционной службы Северной Осетии).

По данным Мухарбека Аушева – президента Ассоциации по оказанию помощи ранее депортированным народам и вынужденным переселенцам, на территории Ингушетии в начале 1997 г. находилось 37 650 ингушских беженцев – бывших жителей Северной Осетии (Северный Кавказ. 1997. №1). В связи с тем, что ингуши нередко проживали в Осетии без прописки у своих родственников, эта цифра близка к действительности, так как по данным МВД Северной Осетии численность ингушского населения республики на момент начала вооруженного конфликта – 31 октября 1992 г. – составляла 37,5 тыс. человек (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 1997. № 4. С. 16). Надо также учитывать, что после вооруженного конфликта в Осетии осталось 12 500 ингушей – жителей ряда населенных пунктов республики (например, поселок Майское, село Хурикау Моздокского района), не принимавших в нем участия.

Наличие большого числа беженцев в конфликтной зоне порождает не только экономические и социальные проблемы, но является дополнительной психологической нагрузкой для двух республик. Беженцы и переселенцы – это люди в состоянии травматического или посттравматического стресса. Они не способствуют оздоровлению тяжелой обстановки, а напротив, еще более увеличивают негативную «аффективную» заряженность психологического поля конфликта.

Нестабильность этнических отношений усиливает дифференцированность и избирательность социального восприятия. В ситуации конфликтной межэтнической напряженности все этнические образы преломляются сквозь призму конфликта. Психологическая дистанция между народами увеличивается, формируется устойчивая «предубежденная» когнитивно-эмоциональная система, включающая собирательные образы союзников и врагов. С образами врагов все понятно, но кто в представлениях осетин и ингушей является их союзниками? О взаимоотношениях между ингушами и чеченцами мы уже писали в главе 10. В данный исторический момент несмотря на этнокультурную близость ингушей и чеченцев численное превосходство последних определяет стремление ингушских лидеров дистанцироваться от близкородственных соседей. В таких случаях воздвигаемые этнические границы имеют скорее искусственную природу и без их усиления границами административными плохо выполняют свою разделительную функцию.

Как показано в предыдущей главе, представители ингушской молодежи (18–25 лет), которые родились уже на земле предков, а не в степях Средней Азии, отождествляли себя в большей степени с русскими, чем с родственными им чеченцами. Чеченцы, в свою очередь, также не были склонны выделять ингушей как наиболее психологически близкую к себе группу, а ставили их практически в один ряд с русскими. Но такая картина была получена в начале 1980-х гг. В 1990-х гг. ингуши поддерживали чеченцев во время войны, многие чеченские беженцы нашли приют в Ингушетии. И у ингушей есть основания рассчитывать на поддержку чеченцев в критической ситуации.

Политические связи Ингушетии и Осетии с Россией начинаются в середине XVIII в. Их развитию способствовали незащищенность Ингушетии и Осетии от внешних нападений, стремление к установлению

торговых связей с русской пограничной линией (Блиев, 1985), а также перспективы массового переселения на равнину. Непосредственные контакты между осетинами и ингушами – с одной стороны, и русскими – с другой, начинались через взаимоотношения горцев с казаками.

Казаки, начавшие осваивать среднее Предтеречье Северного Кавказа еще в XVI в., проживали на спорных сегодня территориях Северной Осетии-Алании с 1859 по 1922 г. С появлением в XIX в. казачьих станиц Сунженской линии вопрос земельного дефицита для горцев еще более обострился (Гордеев, 1992; Заседателева, 1974; Козлов, 1990; Омельченко, 1991). Установление советской власти сопровождалось изгнанием в 1920–1923 гг. казаков Сунженской линии. Казачьи станицы были заселены ингушами, которые проживали там в течение 22 лет до 1944 г.

В противоположность ингушко-казацким отношениям осетино-ингушские складывались относительно благоприятно. Осетины часто становились казаками. Уже в годы советской власти, когда правобережное казачество в 1920-х гг. было поголовно репрессировано, левобережное казачество пострадало лишь отчасти, благодаря совместным активным действиям осетин и казаков. Отметим также, что терские казаки одними из первых выступили на стороне Северной Осетии в октябре–ноябре 1992 г. В случае дальнейшего обострения отношений между Осетией и Ингушетией местные казаки и казачество юга России, несмотря на внутренние разногласия, могут выступить как союзники осетинского народа.

Нестабильность межэтнических отношений определяется также особенностями социально-демографических, политических и культурных процессов в регионе. Интерес в данном случае представляет сравнение не только ингушей с осетинами, но того и другого народа с русским населением республик. Русские по данным переписи 1998 г. занимали по численности прочное второе место после титульных народов как в Северной Осетии, так и в бывшей Чечено-Ингушетии. Среди социально-демографических факторов, особенно повлиявших на формирование этнического самосознания народов Ингушетии и Осетии, выделяются следующие: темпы естественного прироста титульных национальностей и рост их удельного веса в городской среде.

Самый низкий уровень естественного прироста населения среди северокавказских народов сохраняется у осетин, что является одним из индикаторов более высокой степени модернизированное™ Северной Осетии по сравнению с другими республиками региона. Наиболее высокий уровень рождаемости в 1980-х гг. на Северном Кавказе был зафиксирован в бывшей Чечено-Ингушетии. Например, за одно десятилетие (1979–1989 гг.) число ингушей увеличилось на 30%, чеченцев – на 26%, в то время как естественный прирост русских снизился здесь за тот же период времени более чем в 15 раз.

Титульные национальности значительно потеснили русское население в городах республик. Удельный вес чеченцев и ингушей в общей численности городского населения бывшей Чечено-Ингушетии увеличился за 30 лет (1959–1989 гг.) более чем в 5 раз, осетин в Северной Осетии – в 1,7 раза. В частности, во Владикавказе удельный вес осетин вырос с 23,6% в 1959 г., до 40% в 1979 г., почти достигнув уровня существующего тогда удельного веса русских (43%), а в 1989 г. практически сравнялся с 50% отметкой

(см. табл. 14, глава 15). Более чем в 7 раз по сравнению с 1944 г. увеличилось число ингушей в столице Северной Осетии-Алании – за период с 1957 по 1989 гг. во Владикавказе поселилось 14,4 тыс. ингушей.

В Северной Осетии-Алании, как и во всех других северокавказских республиках, наиболее активной в области национального возрождения и социально-политической деятельности оказалась титульная национальность. Приведем для примера наиболее крупные события, произошедшие в этой республике за 1991 г.: переименование СО АССР в Северо-Осетинскую Советскую Социалистическую Республику, Съезд народов Северной Осетии, Съезд осетинского народа, Международная научная конференция по осетиноведению и др. Они отражают общие тенденции национального возрождения в целом по региону. Одной из сторон активизации процессов суверенизации явилось увеличение во властных структурах, в политической, социальной и экономической сферах жизнедеятельности доли чеченцев в Чечне и осетин в Осетии по сравнению с русскими и ингушами, проживающими в этих республиках.

Все эти процессы активизировали и ингушскую элиту. Но ингуши столкнулись с жесткой конкуренцией в предпочитаемых ими социально-профессиональных нишах и в Чечено-Ингушетии, и в Северной Осетии. В Осетии, по мнению осетин и русских, ингуши были заняты и добивались успехов главным образом в промышленности, а также в научно-образовательной и культурной сферах деятельности. В промышленности серьезную конкуренцию ингушам составляли русские и татары. В образовании, науке и культуре – престижных сферах деятельности в Осетии – практически все народы республики, и в первую очередь – осетины и русские (см. рис. 17). Вследствие различного статусного положения, с одной стороны, осетин и чеченцев, а с другой – ингушей, последние не сумели в полной мере реализовать свои социальные потребности. Это явилось еще одной важной причиной повышения социально-политической активности ингушской элиты.

Социально-политическая активность ингушей в 1989–1991 гг. отличалась, в первую очередь, четкой направленностью на разрешение территориального вопроса в пользу Ингушетии (Anchabadze, Arutiunov, Volkova, 1993). В 1989–1990 гг. состоялось более 10 крупных митингов, главной темой которых был территориальный вопрос. В 1991 г. их число уже превысило 30. Некоторые из этих многотысячных митингов длились по несколько недель, основательно накаляя ситуацию.

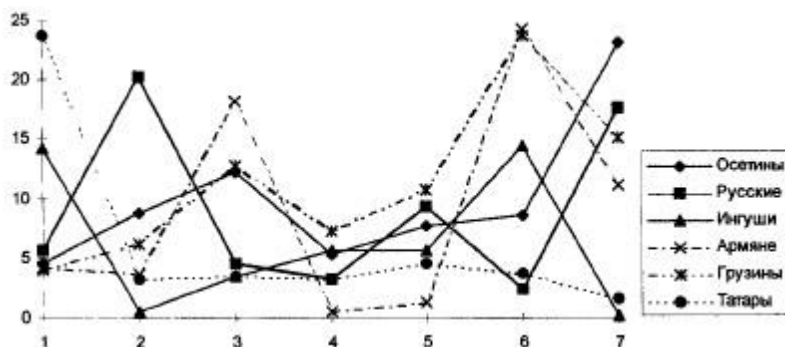

Рис. 17. Успешность и сферы жизнедеятельности:

1 – промышленность; 2 – предпринимательство, финансовая деятельность; 3 – животноводство; 4 – сельское хозяйство; 5 – торговля; 6 – наука, образование, культура; 7 – юридическая деятельность.

Этносоциальный статус

Различия в этносоциальном статусе между ингушами и осетинами определялись тем, что ингуши как «наказанный» народ, несмотря на восстановленную после возвращения на родину «титულность», оставались ущемленным меньшинством и как бы народом «второго сорта» и в Осетии, и в бывшей Чечено-Ингушетии.

Осознание народом своего положения в системе социальных связей и отношений обусловлено уровнем его социального развития. До образования советского государства темпы эволюции осетинского и ингушского народов историки и этнографы оценивают приблизительно одинаково. Общественный строй горских народов Кавказа в XIX в. определяется в целом как патриархально-феодальный. Тем не менее, в социальной структуре народов Северного Кавказа существовали различия. Например, она была более сложной у кабардинцев и части западных адыгов, менее сложной – у чеченцев и ингушей. Промежуточное положение по социальной стратификации занимали осетины вместе с карачаевцами и абазинами (Волкова, 1989; Гарданов, 1967; Кушева, 1963; Робакидзе, 1978). Так, и Тагаурское общество осетин, и горные ингуши в начале XIX в. находились в политической зависимости от кабардинских князей, владевших значительной частью северокавказской равнины, и платили подать в один рубль серебром (Волкова, 1989).

И Ингушетия, и Северная Осетия после их краткого совместного существования последовательно в Горской республике, Терской Советской Республике, Горской (АССР) Республике прошли путь от автономных областей до автономных республик. Однако, по сравнению с «персональной» автономией Северной Осетии, Ингушетия с 1934 по 1944 гг. и с 1957 г. по август 1991 г. являлась составной частью Чечено-Ингушетии сначала как автономной области, а с 1936 г. – как АССР. Только в 1992 г. Ингушетия стала субъектом Российской Федерации такого же уровня, как и Северная Осетия.

Огромные человеческие и моральные потери ингуши претерпели во время депортации. Как и другие репрессированные народы, они прошли через «статусную депривацию» – упразднение не только республики, но и народа. В целом, в 1944 г. из Пригородного района было выселено 26 019 человек, включая 2 254 человек из самого Владикавказа. Всего депортировали 493 269 чеченцев и ингушей. Из них приблизительно пятую часть составляли ингуши, численность которых к тому времени была 91,2 тыс. человек. Эта беспрецедентная по масштабам и по сути акция не могла не изменить самосознание ингушского народа.

С.У.Алиева, прошедшая ребенком через ад репрессий, пишет, что до сих пор не может «...преодолеть сложившегося в школьные годы рефлекса ущербности, неправомерности, неправомерности своего "предательского", "плохого" национального происхождения» (Алиева, 1993, с.322). 1944 г. послужил началом активного накопления депрессивных астенических состояний у целого народа, оказавшегося в унижительной ситуации этносоциального неравенства. По оценке самих репрессированных, стремление выжить вело к нравственному саморазрушению: «Выживали те, кто научился хитрить, изворачиваться, ловчить, "делать" деньги, лгать» (Базоркина, 1993, с.119). Тяжелые психологические последствия этносоциального неравенства до конца не преодолены и сегодня. Только смена нескольких «благополучных» поколений может освободить народ от тяжелого груза унижений, обид и ненависти к обидчикам.

Северная Осетия в период депортаций, напротив, оказалась в территориальном выигрыше, определившем соответственно политические и экономические преимущества. В итоге ее территория увеличилась за счет Моздокского района, заселенного русскоязычным населением, и Пригородного района, который слился со столицей республики экономически и территориально. Однако цена этих преимуществ оказалась достаточно высока: два насильственных переселения и дальнейшее проживание в заведомо конфликтной зоне.

В 1944 г. бремя переселения осетинам пришлось разделить с жителями соседних республик и областей. Людей перемещали насильно, применяя жесткие административные и партийные меры давления и контроля, усугубленные военным временем. Осетинские семьи особенно сопротивлялись переселению, так как по кавказским обычаям соседи близки как родственники, а ингуши и осетины многие столетия жили рядом.

В 1957 г. Чечено-Ингушетии возвратили часть земель, переданных в военное время Северной Осетии. Проживавшие на этих территориях осетины были вывезены и лишены недвижимого имущества,

нажитого за последние годы. Значительная часть переселенных осетин была из Грузии, где они уже потеряли свои жилища, поэтому эти люди селились в Пригородном районе и у своих родственников в Осетии. В качестве «земельной» компенсации за оставшиеся в Осетии территории в пользу Чечено-Ингушетии от Ставропольского края были отторгнуты три района (Каргалинский, Шелковской и Наурский), превышающие ранее отчужденные земли по площади. Однако эти территории в конечном итоге достались не Ингушетии, а Чечне, и при предъявлении своих претензий ингушская сторона об этой компенсации предпочитает не упоминать. В период с 1960-х по 1990-е гг. казачье население здесь сократилось до 30%, в то время как чеченское возросло до 49% (Цуциев, 1994).

Факт возвращения в конце 1950-х гг. депортированных народов оказался не решением проблемы, а порождением целого ряда новых, не менее серьезных проблем. Они особенно обострились после принятия закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., который можно рассматривать в качестве «пускового» политического фактора эскалации напряженности между осетинами и ингушами. На его основе репрессированным народам предоставлялись «...права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством». Закон существенно обострил неучтенный в этом декларативном акте вопрос о последовавших вслед за депортациями насильственных перемещениях народов. Например, осетины прошли через насильственные переселения в 1920, 1944 и 1957 гг., казаки – в 1918–1920 гг. Самым уязвимым местом этого закона является нормативно-правовой аспект. Его непроработанность превратила данный документ в чисто декларативный акт.

Если Северная Осетия считалась экономически наиболее развитой среди республик Северного Кавказа, то молодой Ингушской республике в этом ряду досталось последнее место. Ингуши начинали строить свою жизнь практически заново – без социальной, экономической, административной структуры. В принятом ВС Российской Федерации 4 июня 1992 г. законе «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации» не были определены важнейшие государственные атрибуты: территория, границы, столица.

Итак, осетины более органично вписывались в советскую этносоциальную структуру, отличались законопослушностью. Ингуши, напротив, на протяжении многих лет находились с окружающим обществом в состоянии конфликта, подпитываемого глубокими противоречиями между необходимостью социального взаимодействия и ущербленностью и сложностью выражения группового «Я». Результаты этого – отчуждение и замыкание целого народа, накопление депрессивных психологических состояний, развитие комплекса «обиженной нации». Несущим стержнем этих негативных процессов явилось чувство несправедливости, в значительной степени определяющее восприятие и интерпретацию поведения других этнических групп. Через конфликт ингуши стремились вернуть утраченные земли, на которых предполагалось строить новый дом. Осетины пытались сохранить уже устоявшуюся административную и экономическую конфигурацию республики и обеспечить ее народам свободное и безопасное развитие. Выравнивание этносоциального статуса у конфликтующих сторон на государственно-политическом уровне вовсе не означает немедленную перестройку их сознания. И тем более это не предполагает немедленного появления равных возможностей. Такое положение дел подкрепляет соперничающую стратегию поведения в ситуации конфликтной межэтнической напряженности.

Наследство и реалии межэтнических отношений

Опыт межэтнических отношений можно условно разделить на три части: исторический опыт предыдущих поколений, непосредственный опыт очевидцев (живущих поколений) и актуальный опыт последних лет. Все эти три совокупности обобщенной и схематизированной информации эмпирических знаний и соответствующих навыков имеют свои особенности преломления в групповом этническом самосознании.

В историческом развитии осетин и ингушей, как и у каждого кавказского народа, достаточно примеров внешней агрессии и принуждения. Взаимоотношения между самими этими народами на протяжении их многовекового сосуществования также нельзя отнести к разряду идиллических. Например, в эпоху средневековья эти отношения характеризуют и как антагонистические, и как дружественные. «Антагонизм возникал по причине борьбы за землю, дружественными же они были потому, что эти народы были соседями и находились в тесном соприкосновении друг с другом» (Далгат, 1972, с. 14).

Если войны и конфликты разъединяют народы, то хозяйственные связи, социальный и культурный обмен соединяют их. Весь этот исторический опыт взаимоотношений между народами фиксируется в концентрированном виде в их исторической памяти и представляет важнейшую архетипическую составляющую образов других этнических групп. В ситуациях межэтнической напряженности в первую очередь актуализируется негативная часть этих образов, которая превращается в содержательную опору интерпретаций мотивов и действий другой стороны.

В соответствии с географическими условиями, помимо устойчивых горизонтальных контактов (горцы с горцами, контакты между собой равнинных жителей), существовала четкая вертикальная направленность – сверху вниз: с гор на равнину. Она определялась такими факторами как малоземелье, необходимость в летних и зимних пастбищах, развитие отгонного скотоводства и отходничество. Исторические устойчивые этнокультурные контакты, а следовательно хозяйственные связи у осетин и ингушей, помимо взаимодействия друг с другом, в XIX в. совпадали по русской и грузинской линиям. По труднодоступным

горным тропам ингуши традиционно общались с горцами Восточной Грузии, с народами Дагестана, осетины – с кабардинцами и балкарцами. Малоземельные Осетия и Ингушетия, несмотря на то, что были ближайшими соседями, не могли удовлетворить взаимные нужды, и всякого рода хозяйственные контакты развивались между ними в меньшей степени, чем с другими народами Кавказа.

Подтверждает этот момент плохая представленность в этнографической литературе материалов о развитии куначеских связей между ингушами и осетинами. Куначество, как особая форма гостеприимства, способствовало установлению хозяйственных и дружеских связей между горцами. Ее трансформированные формы, связанные с историческим изменением традиционных социальных институтов на Северном Кавказе, в специальной литературе зафиксированы не между осетинами и ингушами, а, главным образом, между южными осетинами, дигорцами и ра-чинцами, осетинами и кабардинцами, осетинами и балкарцами, ингушами и хевсурами, ингушами и грузинами-мтиулами (Волкова, 1989).

Аналогичная картина складывается при рассмотрении различных форм искусственного родства, которые в прошлом имели большое значение для северокавказских народов. Эти формы в условиях отсутствия государств служили укреплению внешних и внутренних социальных связей и союзов против врагов. Этнографы отмечают, что среди народов Северного Кавказа, стремившихся к установлению искусственного родства во всех возможных случаях, в меньшей степени это относится к чеченцам и ингушам (Смирнова, 1989).

Искусственное родство у ингушей (кроме побратимства) не влекло за собой последствий, одинаковых для большинства народов Северного Кавказа: материальной взаимопомощи, обязанности и права кровомщения и квазиродственной экзогамии. Чеченцы и ингуши являются также единственными народами Северного Кавказа, у которых не существовало аталычества (связь семей воспитателя и воспитанника, почитаемая иногда даже выше кровнородственной), а пребывание в «другом доме» не вело к породнению. В то же время у осетин в XVIII–XIX вв. тесные аталыческие связи еще довольно отчетливо сохранялись с кабардинцами, балкарцами и грузинами (Волкова, 1974). Я.С.Смирнова объясняет такие различия особенностями общественного строя вайнахов, когда крепкие родовые связи не требовали дополнительного укрепления отношениями искусственного родства (Смирнова, 1989). Тот факт, что в этнографической литературе, посвященной данной теме, практически не описываются случаи искусственного родства между осетинами и ингушами, свидетельствует о том, что искусственное породнение не отнеслось к привычным формам взаимодействия между этими народами.

Тем не менее среди вайнахов была распространена побратимство (посестримство). Но оно прежде всего предполагало союз двоих и далеко не всегда распространялось на семьи побратимов. Побратимство предполагало взаимоподдержку, взаимопомощь и верность, на побратимов распространялся обычай кровной мести. У вайнахов и осетин эта форма обычно встречалась внутри этноса, хотя нередко бывали случаи заключения побратимства с представителями других этносов. Но опять же, у ингушей такие союзы чаще заключались с грузинами – мохевцами и мтиулами (Волкова, 1989). Однако еще в начале 1990-х гг. нам были известны случаи установления некоторых форм искусственного родства между осетинами и ингушами.

Практическое отсутствие современного позитивного опыта по достижению согласия между осетинами и ингушами, начиная с ноября 1992 г., само по себе также является значимой детерминантой роста межэтнической напряженности в регионе. Затяжной характер конфликта, неэффективность множества переговоров, решений, соглашений, жесткость и противоположность позиций участников конфликта, повторяющееся негативное поведение с обеих сторон (угрозы, взятие заложников, террористические акты, вооруженные провокации) – все это не только не разрушает, но подкрепляет негативные интерпретации сторонами действий и мотивов друг друга. Взаимные обиды, претензии и опасения снижают и так бывший очень низким уровень доверия и надежду на выработку взаимоприемлемых решений. Так, по данным этносоциологического опроса, уже до октябрьских событий 1992 г. свыше 80% осетин и свыше 60% русских не доверяли заявлениям ингушских лидеров о том, что в случае передачи части Пригородного района в состав Ингушетии осетинское население не будет из него выселяться.

Значительное влияние на рост напряженности между Северной Осетией-Аланией и Ингушетией оказывает необычайное обострение криминогенной обстановки. Особое значение имеют преступления, совершенные осетинами и ингушами по отношению друг к другу «Уголовные преступления на межнациональной почве», которые уже неоднократно провоцировали здесь обострение межэтнических отношений, 36% осетин, 21,2% русских и 13,7% ингушей назвали в середине 1992 г. среди основных причин усиления напряженности в республике. Уже упоминалось о том, что известные трагические события в Северной Осетии в октябре 1982 г., в результате которых в ее столицу были введены войска, начались с массовых выступлений осетин, возмущенных жестокими преступлениями отдельных лиц ингушской национальности. В свое время это событие было квалифицировано как «разжигание межнациональной розни», и сотни жителей Северной Осетии были наказаны.

Переход к агрессии и насилию

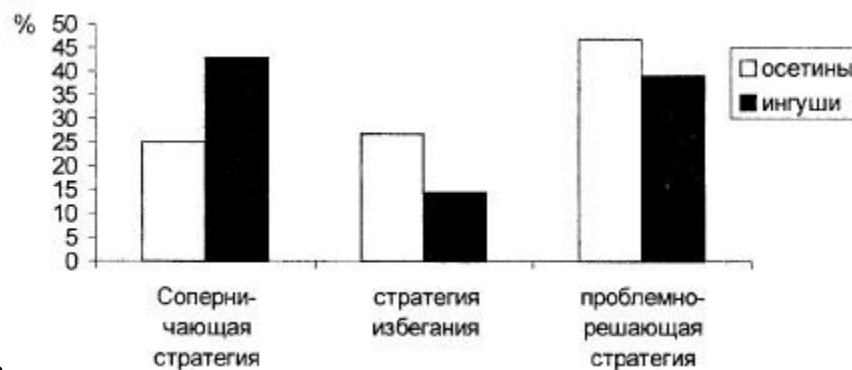
Одним из наиболее деструктивных последствий вооруженного противостояния осетин и ингушей является преодоление или сокращение дистанции между установочными образованиями, декларациями, намерениями и реальными действиями. Оба народа «перешли Рубикон» – преступили черту во взаимоотношениях. После этого проще конфликтовать, чем простить друг друга или признать свою вину. Самым губительным психологическим результатом свершившихся фактов этнического насилия является страх. Ингуши боятся возвращаться небольшими группами и отдельными семьями, как это предлагает

осетинская сторона. Они опасаются за свою жизнь. Боятся мести все, кто прямо или косвенно участвовал в вооруженных столкновениях. Боятся родственники участвовавших. Боятся мести жители сел в зоне конфликта, например, в Тарском, где не было военных действий, но брошенные ингушами дома понемногу разбирались по кирпичикам. Новой дестабилизации обстановки, новой крови и разрушений боятся все жители двух республик. Страх искажает этнические образы, убивает доверие и является одной из самых сильных эмоций, побуждающих к действию.

У осетин и ингушей противоположные взгляды на события октября–ноября 1992 г. Жители Северной Осетии-Алании воспринимают случившееся как агрессию со стороны ингушей, предпринятую с целью изгнания осетин со спорных территорий. Действия осетинской стороны определяются как защита своей законной территории. Понятие «конфликт» в данном случае вообще отрицается. Причем на оценке событий конца октября-начала ноября как агрессии со стороны ингушей настаивают не только представители осетинской, но и русской элиты республики (см. Говорит элита Республик..., с.198, 200). С ингушской стороны ситуация трактуется как осетинская агрессия, предпринятая с целью изгнания ингушей с территории, которая должна принадлежать по закону Ингушетии. К сожалению, агрессивные действия имели место как с той, так и с другой стороны. У ингушей они были специально организованы и целенаправленно вызваны нагнетанием обстановки экстремистски настроенными ингушскими лидерами. На фоне непродуманных политических акций центра, сложного социального и политического положения ингушского народа и того негативного психологического состояния, которое вызревало десятилетиями, сделать это было нетрудно. У осетин агрессивные действия носили ответный и инструментальный характер.

Спустя два года после конфликта у сторон сохраняется высокая готовность ответить на агрессию ответной агрессией (см. рис. 18). Хотя более 40% осетин и треть ингушей воспринимают себя как сторону, которая «старается сгладить конфликт», но идти на односторонние уступки среди тех и других мало желающих. И с той, и с другой стороны остались кровники, которые жаждут возмездия. Поэтому еще так велико число тех, кто склонен к соперничающей стратегии в межэтнических отношениях. Для того, чтобы подняться над обидами и ненавистью, необходимо длительное время.

Вооруженное противостояние существенно изменило ситуацию в зоне напряженности с точки зрения взаимных ожиданий. В результате разрыва коммуникаций между сторонами значительно сократился обмен информацией, тем более позитивной. Материализация негативных установок привела к тому, что избирательность восприятия стала осуществляться по принципу «ничего хорошего ждать не приходится».

Самооправдания по типу сопос

Рис. 18. Выбор стратегии поведения в ситуации прямой агрессии

тавления совершенных друг другом негативных акций, коллективного разделения ответственности, апелляции к высшим ценностям, делигитимизации другой стороны не только существенно снижают значимость собственных агрессивных действий, но и облегчают проявление возможного насилия в дальнейших отношениях.

При такой высокой общественной значимости конфликта, все события, факты, эпизоды и цифры (в большинстве случаев непроверенные), с ним связанные, мгновенно становятся достоянием широких кругов, приобретая соответствующую эмоциональную окраску. Негативная аффективная окраска информации как с ингушской, так и с осетинской стороны является отражением взаимоисключающих официальных позиций республик по достижению согласия, а также общих настроений и экспектаций населения Ингушетии и Северной Осетии-Алании.

Поддержанию высокого уровня напряженности в большой степени способствовало одностороннее эмоциональное освещение событий в средствах массовой информации. Вплоть до того, как первые полосы газет заняли репортажи о кризисных событиях в Чечне, оно было достаточно интенсивным. Такого рода материалы, созданные как бы с целью просвещения широкой общественности и апелляции к ней, почти незаметными проходили в центре. Но зато они находили мгновенный отклик у конфликтующих сторон. Газетные статьи, очерки, телевизионные передачи многократно обсуждались, вновь накаляя обстановку и усиливая такие побуждающие к действиям эмоциональные состояния как страх, ненависть, возмущение, гнев.

Закономерно, что представители средств массовой информации, освещающие события в зоне конфликта, проникаются интересами именно той стороны, с которой они имеют больше контактов. Кроме того ингуши, как сильно пострадавший за годы советской власти народ, вызывают особое сочувствие.

Поэтому ситуация нередко рассматривается только с одной позиции, описываются леденящие душу подробности, порочащие другую сторону. Приводя недоказанные страшные цифры и факты, пишущий принимает на себя огромную ответственность {Ляпин, 1993; Белозерцев, Дуванова, 1993}. Экстремальные негативные примеры, ассоциируемые с той или иной группой, заставляют читателя забывать о том, что они очень редки и являются скорее исключением. К сожалению, преступники есть у любого народа, тем более в сумятице вооруженного противостояния. Однако делать такого рода обобщения по национальному признаку означает провоцировать конфликт дальше. Эмоциональность и субъективность в освещении журналистами серьезной проблемы есть также результат «эмоционального заражения» в психологическом поле этнического конфликта.

Война в Чечне как бы оттянула на себя напряженность с других республик Северного Кавказа. В том числе разрядилась обстановка и в зоне ингушко-осетинского конфликта. Здесь произошел спад террористической и криминальной активности. По данным МВД Северной Осетии, ее позитивная динамика такова: 1993 г. – 400 преступлений с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, 1994 г. – 521, 1995 г – 245

Но потенциал роста напряженности сохраняется. И его основа не только 500 кровников с той и с другой стороны (115 жертв со стороны осетин, 400 – со стороны ингушей). В первую очередь – это большое количество беженцев, зарегистрированных в Ингушетии и в Северной Осетии-Алании. А также огромный уровень безработицы, особенно в Ингушетии, где безработных в 1996 г. было почти 50 тыс. человек (Независимая газета. 1996. 22 мая). В январе 1997 г. по данным из Ингушетии на 1 рабочее место претендовали 500 человек (Северный Кавказ. 1997. №1).

Поиски сходства и различий

Представления о психокультурных особенностях других этнических групп составляют важную основу интерпретаций их мотивов и действий. Рост межэтнической напряженности повышает значимость совместимости традиционных этнокультурных моделей и сензитивность (чувствительность) народов к культурным различиям и этнопсихологическим особенностям.

По мнению этнологов, в процессе исторического взаимодействия осетин и ингушей между ними образовалась обширная зона этнокультурного сходства. Развитие отношений между предками осетин и ингушей именно с точки зрения взаимопроникновения культур хорошо прослеживается на археологических материалах (Тменов, 1985; Кобычев, 1985). Б.А.Калоев считает, что ингуши с точки зрения общности в духовной культуре, в обычаях, обрядах, фольклоре, а также в дохристианских и домусульманских религиозных воззрениях ближе с осетинами, чем с родственными им чеченцами (Калоев, 1989).

Условия жизни в горах вырабатывали у народов сходные черты в хозяйстве и в традиционно-бытовой сфере. Предки осетин в период массовых миграций в горы перенимали в процессе адаптации к новым экологическим условиям элементы горской культуры (Уарзиати, 1985; 1990). Большое сходство было между осетинскими и ингушскими памятниками материальной культуры, сельскохозяйственными орудиями, традиционными занятиями. Известные историки и этнографы, занимавшиеся исследованиями Кавказа (П.И.Грабовский, В.Ф.Миллер, Б.Дал-гат, Г.Вертепов, Л.П.Семенов), приводят множество фактов осетинско-вайнахских параллелей в дохристианских и домусульманских верованиях (божества, культы, празднества), обрядах и обычаях. Наследием древних кавказцев у осетин и вайнахов можно считать поклонение «святым» камням, горам, деревьям, рощам, а также некоторые святилища, встречавшиеся повсюду в Осетии и горной Ингушетии. В качестве языческих святилищ осетины и вайнахи широко использовали средневековые христианские храмы и часовни, построенные в период распространения христианства из Грузии (Калоев, 1989).

Осетинско-вайнахские этнокультурные связи подтверждаются и множеством общих фамилий у этих народов. Ингушские фамилии, ведущие свое происхождение из Осетии, до недавнего времени поддерживали родственные связи со своими осетинскими однофамильцами. Они выражались во взаимных визитах, особенно во время свадеб, похорон, рождения сыновей-первенцев и других семейных и общественных торжествах, а также в оказании помощи друг другу (Калоев, 1989). Этнографические материалы свидетельствуют также о наличии как в отдаленном прошлом, так и в современный период до конфликта, довольно прочной традиции среди ингушей браков с осетинками. Примирение на основе родственных и фамильных связей – это один из способов урегулирования конфликта на среднем уровне.

Множество культурных взаимозаимствований у этих народов существует в лингвистической сфере (ираноязычная лексика в современных чеченском и ингушском языках) (Абаев, 1949), фольклоре, в народном эпосе. Французский исследователь Ж. Дюмезиль считает, что ядро знаменитых нартовских сказаний от скифов через алан пришло к их последним потомкам – осетинам. Эту «...устную словесность в той или иной степени восприняли соседние народы» – абхазцы, адыги, чеченцы и ингуши, «исказив в ней как раз то, что было специфически осетинским, скифским» (Дюмезиль, 1990, с. 12). Вайнахи, также как и осетины, считают нар-то вский эпос своими исконными преданиями.

До принятия горцами-ингушами мусульманства большое сходство прослеживалось в осетинской и ингушской культурах в семейной и свадебной обрядности, в похоронных и поминальных традициях. Исследователи также отмечают тождественность у этих народов регулятивных социальных институтов. В частности, важнейший регулятор отношений в конфликтных ситуациях – обычай кровной мести – отличался достаточной жестокостью как у осетин, так и у ингушей. Кровная месть падала на широкий круг родственников (до третьей степени родства), продолжалась годами, нередко приводя к истреблению целых фамилий. Сходным было и примирение кровников, совершавшееся почетными стариками (медиаторами) по

определенному ритуалу, с уплатой виновной стороной «цены крови» («платы примирения») и устройством ею так называемого «кровного стола» – угощения для большого числа людей {Калоев, 1989}. В ингушко-осетинском конфликте примирение кровников – одна из ключевых проблем, так как на долгие годы – это повод для возобновления кровопролития. Раньше двух противников примиряли целые села. Теперь это необходимо делать на уровне республик и их президентов. Это необыкновенно трудное и хлопотливое дело. Но именно через восстановление отношений между отдельными людьми возможно примирение целых народов.

Разница в историческом происхождении оказалась все же настолько сильна, что между осетинами и ингушами, несмотря на почти два тысячелетия тесного соседства, сохранились важные различия. В настоящее время они концентрируются в языково-культурной и религиозной сферах. Различия в культурной сфере в определенной степени обусловлены географически: культура вайнахов формировалась в условиях горного Кавказа, а культура осетин зародилась в степях, продолжив свое развитие в горных условиях. Культура алан-осетин после их переселения на юго-восток из степей прошла серьезные испытания на устойчивость – новые климатические условия жизни, новые соседи, общественные потрясения. Несмотря на все это, осетинский язык (у осетин – иранский язык индоевропейской языковой семьи, у ингушей – нахский язык, кавказская группа языков) удалось сохранить до наших дней «...не только как форму, несущую некоторое культурное содержание, но и само это содержание, в котором сохранилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития» (Дюме-зиль, 1990, с. 12).

Сходство в географических условиях, в материальной и духовной культуре, в традиционных верованиях, в общественном, семейном и хозяйственном быту определили единую систему психологических универсалий у северокавказских народов, в том числе у ингушей и осетин (см. глава 11). Но по сравнению с осетинской ингушскую культуру можно охарактеризовать как более закрытую, более регламентированную и традиционную. Это определяется тем, что для ингушского народа в большей степени характерны следующие особенности: (1) высокая этническая гомогенность и выраженность эндогамных тенденций; (2) лучшая сохранность традиционно-культурной и религиозной сфер жизнедеятельности; (3) высокая жизнеспособность и сохранность кланово-родовой системы (тейповая структура общества); (4) более «горное» происхождение.

В историческом разрезе ингушская культура представляется как менее динамичная по сравнению с осетинской. Эта характеристика в большой степени определяется географическим и религиозным факторами и выражается на социальном уровне в низкой сензитивности к иным мировоззренческим системам, в частности к социалистической. Благодаря таким особенностям ингушское общество оказалось менее подвержено многолетней политике русификации национальных окраин, от которой значительно пострадала более «открытая» культура Северной Осетии. Осетинское общество по сравнению с ингушским интенсивно модернизировалось в годы советской власти. Социалистическая модернизация на социально-экономическом и культурном уровнях в первую очередь означала создание всеохватывающей институциональной системы, регулирующей все общественные и межличностные отношения. В результате традиционное рассматривалось в качестве «устарелого», «пережитков», «анахронизмов». Ингуши, напротив, оказавшись менее восприимчивыми к социалистической модернизации, не спешили менять свою систему ценностей. Такое отчуждение, как защитный механизм целой культуры, особенно активизировалось вследствие репрессий, обрушившихся на ингушский народ. «Необходимость выжить заставила разобраться в традициях и обычаях – от каких временно отказаться, какие усилить. ...Эти тринадцать лет, в которые все народы вокруг разваливались, мы – сохранялись. Мы сопротивлялись насильственному уничтожению» – вспоминает А.Базоркина о годах, проведенных в депортации (Базоркина, 1993).

Родо-племенной уровень консолидации в ингушском обществе, еще более актуализируясь в ситуации межэтнической напряженности, определяет высокую внутригрупповую солидарность и усиливает коллективистские начала. А.Базоркина пишет о своем народе: «Удивительная это у нас черта: самый анархичный и независимый нрав в повседневности и самый организованный – в необходимости» (Базоркина, 1993, с. 119).

В настоящее время на Северном Кавказе постепенно набирает силу и религиозный фактор. С точки зрения исторического развития межэтнических отношений мусульманство для ингушей означает, помимо религиозных функций, связь и единение с другими кавказскими мусульманскими народами и ассоциируется с освободительной борьбой горцев против России. Для осетин христианство – в первую очередь связь и единение с православной Россией.

Итак, можно сделать вывод, что зоны и этнокультурного сходства, и этнокультурных различий между осетинским и ингушским народами достаточно обширны. В зависимости от общей установки на развитие отношений между этими народами возможны успешные поиски как схождения этих культур, так и различий между ними. В условиях роста напряженности между этими народами происходит акцентирование именно различий, которые, закрепляясь в самосознании народов как факты психологической, культурной, религиозной несовместимости, становятся трудно преодолимыми барьерами на пути урегулирования конфликта.

Выше были рассмотрены основные социально-психологические детерминанты сохранения напряженности между осетинами и ингушами. Они определяют формирование этнических образов через универсальные социально-перцептивные механизмы, рассмотренные в главе 7. Такого рода этнические образы лежат в основе конфронтационных интерпретаций поведения сторонами друг друга – серьезных

барьеров на пути к взаимопониманию, препятствующих формированию кооперативной стратегии по урегулированию ингушко-осетинских взаимоотношений. Конфронтационные интерпретации – психологические результаты не только конфликта как события, но и конфликта как «социального» конструирования сторонами ситуации межэтнической напряженности. Без их «переконструирования» с учетом психологических факторов невозможно добиться реального снижения уровня межэтнической напряженности.

В результате исследования определились социально-психологические механизмы, на основе которых формируются конфронтационные интерпретации сторонами мотивов и действий друг друга в осетино-ингушском конфликте. Среди них: (а) расщепление обобщающего уровня социальной идентичности; (б) повышение избирательности и дифференцированности межэтнического восприятия не только на основе конфликта, но и длительно существовавшего этносоциального неравенства; (в) актуализация негативной части архетипических образов и их усиление в результате негативного подкрепления современным опытом конфликтных взаимоотношений; (г) превращение фактов этнического насилия в основу формирования взаимных ожиданий; (д) акцентуация психокультурных и религиозных различий. Работа по снижению конфронтационности взаимных интерпретаций должна быть направлена на восстановление общей этничности как основы «кавказского» родства между ингушами и осетинами и разрушение противостояния в групповом сознании не только образов друг друга, но и собирательных образов союзников и врагов. Ее необходимо строить с учетом гипертрофии чувства социальной справедливости, доминирования соперничающей стратегии во взаимодействии, резкого снижения доверия между сторонами, наличия устойчивого чувства страха в сочетании с представлениями о культурной, психологической и религиозной несовместимости.

Глава 15. Русские и казачество Северного Кавказа: статус, особенности самосознания и взаимоотношения с горскими народами

До 1989 г. свыше одного миллиона трехсот тысяч русских в республиках Северного Кавказа в совокупности представляли первую по величине этническую группу. Это приблизительно пятая часть от общего населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии-Алании и бывшей Чечено-Ингушетии. Русские занимают в республиках разные позиции. В Карачаево-Черкессии они – доминирующая по численности этническая группа. В Северной Осетии-Алании и Кабардино-Балкарии русские – на втором месте соответственно после осетин и кабардинцев. До 1991 г. в бывшей Чечено-Ингушетии русские также занимали устойчивое второе место после чеченцев. Вместе с украинцами и белорусами они в 1990 г. составляли в Грозном большинство – 55,8% (Демографический ежегодник, 1990). Меньше всего русских проживает в Дагестане. И все же они – пятые по численности после аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин. Несмотря на резкое уменьшение русской части населения Чечни и Ингушетии, их этнодемографический статус в регионе в целом позволяет предположить, что они продолжают оставаться значительной силой, теоретически способной оказать серьезное влияние на развитие межэтнических отношений и на социально-политическую обстановку.

Русское население Северного Кавказа не представляет однородной массы. Оно делится на казаков, проживающих здесь почти 500 лет, и русских, приехавших главным образом в советский период. Особенно отчетливо дифференциация русского населения стала проявляться в «горячих» точках региона. Несмотря на тот факт, что после расказачивания в 1920-х гг. казаков официально стали причислять к русским, эти две группы остались разобщены как социально, так и психологически.

В данной главе будут рассмотрены положение русского населения на Северном Кавказе в настоящее время, особенности их этнического самосознания, потенциальные возможности и позиции казаков и остальных русских в качестве «третьей силы» в ситуациях межэтнической напряженности в северокавказских республиках.

Помимо этнологических, исторических и социально-демографических материалов, мы использовали результаты социально-психологических исследований. В их числе: (а) исследования русских Северной Осетии-Алании (350 человек, 1994 г.), как часть материалов проекта «Национализм, национальное самосознание и разрешение конфликтов в РФ»; (б) исследования казачества, проведенные в 1993 г. и в 1995 г. в различных городах и станицах Северного Кавказа¹. В 1993 г. было опрошено 160 человек, из них 104 мужчины и 56 женщин. В 1995 г. – 76 человек, из них 55 мужчин и 21 женщина. Кроме того в 1994 г. была опрошена группа казаков – вынужденных переселенцев из Чечни (результаты этого исследования рассматриваются в следующей главе, посвященной вынужденным мигрантам Северного Кавказа).

Социально-демографический портрет русского населения

Ниже представлен социально-демографический портрет русского населения республик Северного Кавказа главным образом в период, предшествующий развитию современных ситуаций межэтнической напряженности.

За последние два десятилетия в регионе произошло не только выравнивание социально-этнической структуры и уравнивание позиций русского и титульного населения, но и определилась смена лидирующего во многих отношениях положения русских в определенных сферах жизнедеятельности в пользу титульных народов. В первую очередь, имеется в виду в целом неблагоприятно складывающаяся для русских демографическая ситуация.

Таблица 14

Динамика удельного веса титульных народов и русского населения в республиках Северного Кавказа

Население по	Все население	Городское население
--------------	---------------	---------------------

республикам	1959	1979	1989	1994*	1959	1979	1989	1994
Дагестан: Титульное	63,9	77,8	83,6	84,5	35,6	59,8	67,2	73,6
Русское	20,1	11,6	9,2	8,2	43,4	24,4	18,1	14,2
Кабардино-Балкария: Титульное	53,4	54,5	57,6	58,1	16,6	36,2	43,0	42,2
Русское	38,7	35,1	31,9	33,8	69,4	49,8	43,5	9,2
Северная Осетия: Титульное	47,8	50,5	52,9	59,3	28,8	44,1	49,3	57,5
Русское	39,6	33,9	29,9	30,6	55,4	40,5	35,0	32,8
Чечено-Ингушетия: Титульное	41,1	64,5	70,8	99,4*	9,0	37,8	46,0	98,6**
Русское	49,0	29,1	23,2	0,3**	77,5	52,6	44,6	0,8**

*По данным микропереписи 1994 г. с охватом 5% населения страны.

**Данные только по Ингушской республике.

Число русских значительно увеличилось в послевоенный период. В 1960-х гг. рост их численности замедлился, к 1970 г. практически остановился и, начиная с этого момента, наблюдается сокращение их численности на территории Северного Кавказа (см. табл. 14). Скорость этих процессов в различных республиках была неодинаковой. Например, за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) численность русских в Северной Осетии сократилась на 13,2 тыс. человек, в то время как всего лишь за десятилетие (с 1979 по 1989 гг.) число русских в Дагестане снизилось на 23 тыс. человек (на 2,4%), в Чечено-Ингушетии – на 42 тыс. человек (на 5,9%). Несмотря на то, что в Северной Осетии эти процессы носили более плавный характер, динамика численности русских на этой территории отражает общие тенденции, характерные для всех республик Северо-Кавказского региона (см. табл. 15).

Снижение удельного веса русских в общей численности рассматриваемого региона было обусловлено следующими факторами: этнодемографическими процессами, межреспубликанскими и межобластными миграционными процессами, особенностями

Таблица 15 Динамика численности русских в Северной Осетии-Алании

Годы переписей	Всего населения (тыс. чел.)	В том числе русские (тыс. чел.)	Удельный вес русских в общей численности населения, %
1939	407,8	156,1	38,3
1959	450,6	178,6	39,6
1970	552,6	202,4	36,6
1979	592,0	200,7	33,9
1989	632,4	189,2	29,9
1992 (январь)	728,0*	186,2	25,5
1995"	645,2	180,1	27,9

* С учетом беженцев.

** Данные взяты из статьи Л.К.Гостиевой, А.Б.Дзадзиева и А.А.Дзарасова (1996). социально-экономического развития титульных национальностей региона.

Демографические сдвиги в значительной степени есть результат высоких темпов естественного прироста титульных народов Северного Кавказа. Например, в период с 1979 по 1989 гг. титульное население Чечено-Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии увеличилось в целом более чем на четверть. Среди русских, напротив, отчетливо оказались выраженными тенденции уменьшения естественного прироста. Даже в Северной Осетии-Алании – одной из наиболее благоприятных для проживания русских республике Северного Кавказа, только за одно десятилетие их естественный прирост снизился более чем в 16 раз. Так, если здесь в 1979 г. на 1000 человек русского населения родившихся было 16,4 человека, умерших – 9,9 человека, то в 1990 г. соответственно 13,6 и 13,8.

Кроме того русские в целом «старше» других этнических групп, а значит в целом менее активны. Например, в той же Северной Осетии-Алании в 1990 г. доля лиц старших возрастов среди русских была в два раза выше, чем среди других национальностей; средний возраст русского населения достигал 36,6 лет, в то время как средний возраст всего населения республики – 33,7 лет.

Вторая существенная причина снижения удельного веса русских – возвращение в 1957 г. балкарцев, карачаевцев, ингушей и

чеченцев на территории своих национальных образований. Как известно, значительная часть ингушей расселилась в Пригородном районе Северной Осетии-Алании, чеченцев – в Новолакском районе Дагестана. Это оказало прямое влияние на соотношение этнических групп в этих республиках.

Данные переписей показали, что значительная часть горожан на Северном Кавказе – русские. Однако в последние десятилетия русские из большинства в городах стремительно превращались в меньшинство. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Например, в период с 1959-по 1989 гг. удельный вес русского городского населения сократился в Дагестане на 25%, в Кабардино-Балкарии – на 26%, в Чечено-Ингушетии – почти на 33% (см. табл. 14). Высокая миграционная подвижность северокавказских народов в направлении из села в город привела к тому, что за 30 лет (1959–1989 гг.) удельный вес осетин в общей численности городского населения увеличился в 1,7 раза, кабардинцев и балкарцев – более чем в 2,5 раза, чеченцев и ингушей – более чем в 5 раз. Наиболее выразительны эти процессы в столицах республик.

Утратив в городе позиции этнического большинства, русские были существенно потеснены в социально-экономической инфраструктуре. Миграционные процессы «село–город» в значительной степени

были обусловлены получающей широкое распространение ориентацией титульных национальностей на работу в непромышленной сфере. В результате возросло их представительство в общей численности служащих региона. Так, в период с 1959 по 1985 гг. представленность русских среди служащих региона соответственно снизилась более чем в два раза (с 36 до 15%) (Дзадзи-ев, 1985)

Рост русских на Северном Кавказе в годы советской власти преимущественно был вызван волной переселенцев первой половины 1930-х гг. и притоком квалифицированной рабочей силы в период индустриализации (конец 1950-х и 1960-е гг.). Несмотря на то, что представленность русских в данной социальной группе в период с 1959 по 1985 гг. снизилась по региону более чем в три раза (Дзадзи-ев, 1985), они по-прежнему составляют значительную часть занятых в промышленности. Это определяет их низкие возможности самообеспечения и большую зависимость от положения в промышленности по сравнению с горскими народами и казаками.

Кроме того управленческий аппарат и сфера обслуживания в северокавказских республиках и в прошлом, и сейчас представлены преимущественно коренным населением. Русским очень непросто попасть на руководящие должности в эти структуры. Таким образом, этническая разобщенность подкрепляется еще и социальными различиями разного уровня, что усиливает общий уровень напряженности в регионе.

На политической арене русские-неказаки представлены главным образом в пророссийских общественно-политических движениях и организациях, которые рассчитывают на поддержку соответствующих партий из Центра. Возникали и чисто русскоязычные организации. Например, в ряде республик было образовано общество славян «Русь». Как правило, оно создавалось представителями русских из бывшей номенклатуры с целью защиты прежде всего самих себя.

Активизация демократических и пророссийских организаций на Северном Кавказе с самого начала отставала от национальных движений. Русскоязычное население иногда входит в состав последних, но это единичные случаи. Это объясняется тем, что не только национальные движения, но и другие общественно-политические организации в основном складываются как моноэтнические. Ситуация усугубляется в мусульманских республиках. Здесь русскоязычное население отчуждается от политической жизни в силу языковых и конфессиональных барьеров. Однако по результатам социологических опросов русскоязычное население в первой половине 1990-х гг. все же в основном поддерживало национальные движения и либеральные настроения.

Утрата русскими лидирующих позиций в социальной, политической и экономической сферах жизни, сложившаяся к началу 1990-х гг., подготовила их интенсивный выезд за пределы республик. Особенно активно миграционный отток русскоязычного населения проходил в бывшей Чечено-Ингушетии.

Осуществляя политику «активного нейтралитета» по отношению к соседним республикам, Чечня пыталась получить международное признание при демонстрации абсолютного нежелания взаимодействовать с российскими властями. Такая позиция не могла не повлиять на взаимоотношения чеченцев и русских. Здесь становится невозможным развитие общественно-политических движений русскоязычного населения. Например, съезд его представителей, намеченный на конец 1991 г., который пытался организовать грозненский казачий отдел, пришлось отменить в связи с высокой степенью напряженности в республике и нестабильностью ситуации.

Ситуацию еще больше усугубил известный конфликт, произошедший на территории Чечни с воинскими российскими формированиями. На уровне бытового сознания он воспринимался как конфликт с русскими и проецировался на русскоязычное население. Российские воинские части, размещенные на территории бывшей Чечено-Ингушетии, выступили в качестве заложников разногласий между Россией и Чечней. В результате целенаправленной политики руководства Чечни, включающей поощрение погромов военных городков в феврале 1992 г., Россия была вынуждена вывести свои вооруженные формирования со своей *de jure* территории.

Дальнейшее развитие событий также не могло не повлиять на положение русских в республике. Попытки со стороны России урегулировать отношения выразились в 1993–1994 гг. в большом количестве разнообразных делегаций. К их составу руководство Чечни предъявляло чрезмерные требования, и деятельность делегаций так и не увенчалась успехом. Чечня избрала максимальную форму сепаратизма и требовала признания со стороны России своей независимости. С начала 1990-х гг. многие преступления, происходящие в избытке в Чечне, бедственное экономическое положение, еще более ухудшившееся после замораживания Россией финансовых операций с Чечней, президент республики и его окружение были склонны объяснять «происками Москвы» и «агентов спецслужб иностранных государств». На конгрессе чеченского народа в середине мая 1992 г. Д. Дудаев заявил, что практически единственным врагом чеченской государственности является Россия.

После объявления независимости Чечни отток русских резко увеличился. По данным миграционной службы России за 1991 – 1994 гг. из бывшей Чечено-Ингушетии уехало 250 тыс. человек, из которых подавляющее большинство – русские. Но далеко не все русские смогли или захотели покинуть Чечню. По подсчетам Конгресса Русских Общин в Грозном в ходе конфликта погибло до 70% русских. А те из них, которые остались на территории Чечни весьма агрессивно относятся к российским соотечественникам (Независимая Газета. 1996 5 окт.).

Особенности самосознания русских-неказачков

Трансформации самосознания русских Северного Кавказа совпали с тенденцией, характерной для некоторых регионов бывшего СССР – осознанием себя как этнического меньшинства. В республиках Северного Кавказа для русских этот процесс завершился в середине 1990-х гг.

Осознанию русскими себя в качестве этнического меньшинства в большой степени способствовали языковой и традиционно-культурный факторы. Известно, что у русских не было необходимости овладеть языками народов бывшего СССР. И на Северном Кавказе русские, за редким исключением, не говорят на языках местных народов. В то же время свыше 90% коренного населения являются билингвами. Начало 1990-х гг. – это период активного расширения сфер применения горских языков.

Желание остаться «своими» на Северном Кавказе в начале 1990-х гг., выразилось у русских в похвальном, но запоздалом энтузиазме по изучению местных языков. Однако энтузиазм быстро схлынул, а объективные трудности по овладению непростыми языками остались. Русские в подавляющем большинстве как не говорили, так и не говорят на языках народов Северного Кавказа. В то же время их незнание превратилось в одну из важных причин ощущаемого русскими социального и психологического дискомфорта. Если раньше крайне редко возникали ситуации, когда неумение общаться на местных языках выступало препятствием для успешного взаимодействия, то теперь они достаточно типичны. В первую очередь это относится к русским-неказакам, так как казаки зачастую проживают компактными поселениями и вследствие длительности взаимоотношений с коренными народами нередко понимают их языки.

В сравнении с горскими народами русские менее традиционны. В главе 13 показано, что автостереотипы северокавказских народов и местных русских различались по степени представленности™ в них этнокультурных характеристик. В автостереотипе русских они практически отсутствовали, а в представлениях о своем народе у чеченцев, ингушей и осетин составляли главную содержательную основу и структурировали все остальные качества. В результате представления русских о своем народе характеризовались размытостью и неопределенностью. Способ определения своей национальности у русских-неказаков отличался от этнической идентификации других народов, населяющих Кавказ. Русские чаще причисляли себя к народу не через принадлежность к определенной этнографической группе, а через соотнесение с государством – раньше с СССР, теперь – с Россией.

Активизация традиционно-культурной жизни горских народов в начале 1990-х гг. стала резко контрастировать с оторванным от корней и утратившим свой колорит «наднациональным» образом жизни русских. В условиях Северного Кавказа такой образ жизни создавал вакуум вокруг его носителей. Поэтому русские стремились к активным контактам с местными населением, перенимая наиболее распространенные обычаи и традиции. Но такая ситуация была характерна не для всех республик. Опросы в Чечено-Ингушетии в середине 1980-х гг. показали, что среди русских было больше лиц с негативным отношением к межэтническим контактам, чем среди титульного населения республики. Автор одного из этносоциологических опросов Г.В. Заурбекова рассматривала это как «...все еще сохраняющийся эффект "субъективного восприятия" недовольной части русского населения возвращения чеченцев и ингушей на родину» и произошедшего в связи с этим резкого изменения этносоциальной ситуации в республике (Заурбекова, 1987, с.18).

По данным этносоциологического исследования, проведенного ВЦИОМом в августе 1991 г. в 13 регионах территории СНГ, среди характеристик чеченцев, которые дали русские, проживавшие в Чечне, встречаются не только позитивные качества (например, гостеприимные, почтительны со старшими, энергичные), но и негативные: властолюбивые (38%), заносчивые (37%), жестокие (27%), лицемерные, хитрые (24%), навязывающие свои обычаи (16%). Они составляют значительную часть представлений русских о чеченцах и ингушах. Такого негативного гетеростерео-типа не было получено ни в одном из охваченных исследованием регионов бывшего СССР, кроме Тувы.

В то же время представления о русских у титульных народов Северного Кавказа еще в середине 1980-х гг. были высоко позитивными (см. главу 13). Показательно в этом плане также отношение к русским у беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии (см. главу 16). Несмотря на резкое снижение у них этнической толерантности, что отразилось даже на восприятии представителей собственной этнической группы, отношение к русским осталось достаточно позитивным.

Русское население региона в целом представляет в конфликтах третью сторону, которая участвует в ситуации в силу своего присутствия в ней. Но по мере роста межэтнической напряженности соблюдать нейтралитет становится все труднее. В результате среди русских усиливаются стремления к отъезду, или они начинают объединяться с казачеством, в том числе и на предмет отделения. Такие тенденции имеют место, например, на территориях, принадлежавших ранее югу России, отчужденных от Ставропольского края и присоединенных в порядке компенсации к территориям некоторых республик в конце 1950-х гг. (в частности, Моздокский район Северной Осетии-Алании, Наурский и Шелковской районы Чечни).

Непосредственная историческая причастность казачества к основным проблемам Северного Кавказа определяет их вовлеченность в межэтнические конфликты. В то же время другие русские находятся здесь как бы «вне» главного узла межэтнических проблем. Тем не менее напряженность между русским населением и горскими народами возрастает. Она имеет главным образом вторичную природу и определяется не столько развитием противоречий между ними, сколько влиянием общей социально-политической ситуации.

Положение русских как третьей стороны в ситуациях межэтнической напряженности в какой-то степени характерно для всех республик Северного Кавказа. Поэтому основные тенденции трансформации

этнического самосознания русских, выявленные среди жителей Северной Осетии-Алании, характерны, на наш взгляд, для всех русских, проживающих в северокавказских республиках.

Рассмотрим на примере русских Северной Осетии-Алании трансформации их этнического самосознания, связанные с ростом напряженности в регионе. Из опрошенных 350 русских городских жителей, лишь 16 человек отнесли себя к казачеству. Поэтому приведенные ниже результаты исследования характеризуют русско-неказачков Северного Кавказа.

Мы уже обсуждали вопрос о том, что в условиях социальной неопределенности и нестабильности резко актуализируется потребность в идентичности и групповой солидарности. Потребность в социальном и психологическом объединении, как стремлении обрести защиту, особенно выражена у русских Северной Осетии-Алании. Об этом свидетельствует сравнение структуры их « \wedge -образа» с « \wedge -образами» титульного и русского населения других республик России. В групповом « \wedge -образе» русских Северной Осетии-Алании за счет роста доли этнополитических категорий снижена представленность категорий частной жизни (см. главу 3, табл. 1). Такая высокая степень отчуждения от базовых потребностей человека свидетельствует о том, что русские на Северном Кавказе в большей степени, чем в других исследуемых нами регионах, страдают от изоляции, одиночества и аномии общества. Множественность значимых идентичностей в идентификационной матрице русских Северной Осетии-Алании, а также более высокий уровень негативных эмоциональных переживаний, связанных с настоящим и будущим (см. глава 7, рис. 14), отражает их высокую обеспокоенность существующей ситуацией и активный поиск социальной защищенности. Эти данные подтверждают гипотезу В.А.Ядова о доминировании в условиях социального кризиса защитной функции идентичности над функцией самовыражения и самореализации личности (Ядов, 1995). Больше всего нуждаются в социальной присоединенности и стремятся к этнополитической определенности самые молодые и самые старые по возрасту русские жители Северной Осетии-Алании.

В групповом «JT-образе» русских жителей Северной Осетии-Алании уровень выраженности этнополитических категорий существенно отличается от всех других групповых идентификационных матриц (см. табл. 16).

Таблица 16

Этнополитические категории в групповых «Я-образах» в % по отношению к общему числу опрошенных

Категории	Тува		Татарстан		Якутия		Осетия	
	тувинцы	русские	татары	русские	якуты	русские	осетины	русские
Национальность	32,0	16,1	41,2	24,6	48,8	31,4	66,7	63,1
Субкультура	–	–	1,3	0,9	0,3	0,3	–	4,8
Религия	0,5	1,1	14,7	6,7	0,9	6,1	16,5	50,2
Гражданин республики	4,4	–	8,5	5,5	18,2	14,1	28,2	40,1
Гражданин России	1,1	2,0	1,9	6,9	7,2	9,8	13,1	52,6

Более половины русских из Северной Осетии-Алании подчеркивают свою российскую гражданскую принадлежность. Это во много раз выше по сравнению с аналогичным показателем у русского населения других республик. Кроме того 40% русских респондентов в Северной Осетии-Алании продемонстрировали на личностном уровне свою приверженность этой республике, назвав себя ее гражданами. Это значительно превышает уровень республиканской гражданственности не только по сравнению с другими

регионами, но и даже с осетинами, среди которых 28% назвали себя «гражданами республики Северная Осетия». Также более половины русских Северной Осетии-Алании включили в число самохарактеристик свою религиозную принадлежность. В то время как, например, в Саха (Якутии) эта категория актуальна лишь для 6% русских, в Татарстане – для 6,7, а в Туве назвали религиозную принадлежность всего 1% русских. Можно было бы назвать такую диспропорцию всплеском религиозной активности. Но все не так однозначно. Это также одна из форм реакции на экономические трудности, социальные проблемы и ситуацию конфликтной межэтнической напряженности. Православие – это одновременно и способ единения с русскими России и форма солидаризации с осетинами.

Значимость этнической принадлежности у русских Северной Осетии-Алании также соответственно в четыре, три и два раза выше по сравнению с русскими, проживающими в Туве, Татарстане и Саха (Якутии). Сравнительная выраженность субкультурной принадлежности у русских Северной Осетии-Алании происходит за счет их идентификации с казачеством, которое заметно активизировано в республике.

Ситуация конфликтной межэтнической напряженности определяет также и степень осознания внутриэтнической консолидации. Причем она далеко не однозначно влияет на разные этнические группы. Русские Северной Осетии-Алании начинают остро осознавать свою разобщенность – свыше 70% включили это качество в число главных характеристик собственной этнической группы. В то же время осетины, как представители группы, принимавшей непосредственное участие в конфликте, среди основных качеств, приписываемых себе, с высокой внутригрупповой согласованностью (86%) назвали «взаимовыручку».

Меньшая выраженность у русских по сравнению с титульными народами комплекса «этническая солидарность» существенно ослабляет, с одной стороны, психологические возможности их консолидации. С другой – русские менее концентрируются на своей этнической группе, а это расширяет границы и способы адаптации к изменившимся этносоциальным условиям. Это особенно значимо, когда у титульных народов, наоборот, сильно выражены важные психологические основания этнополитической мобилизации – этноаффилиативные тенденции, осознание внутригрупповой консолидации, позитивные чувства к своему народу.

Русские в Северной Осетии-Алании воспринимают себя как диффузную, но организованную в соответствии с законами республиканской жизни группу. Более 80% русских считают представителей своей группы послушными, уступчивыми, дисциплинированными и уважающими власть людьми. Другими словами, у русских в Северной Осетии-Алании, по сравнению с русскими из других регионов страны, сила стандартов, норм и авторитетов общественной жизни повышена. Это отражается не только на уровне самовосприятия, но и в продуктах межэтнического восприятия. Только в одной республике – в Северной Осетии-Алании желательные для русских в глазах титульных народов характеристики подчинения и покорности «реально» приписываются осетинами «своим» русским. Если ситуация затяжной межэтнической напряженности ослабила характерное для осетин признание авторитета власти, то у русских она повысила уровень согласия на социальный контроль.

Русские в Северной Осетии-Алании позитивно оценивают прошлый опыт межэтнического взаимодействия, признают значимость для себя гражданства республики, демонстрируют высокую готовность к кооперации на групповом и личностном уровнях. Назвали себя одновременно гражданами Республики Северная Осетия и Российской Федерации 70% русских и почти столько же определили поведение осетин в конфликтной ситуации как желание найти взаимоприемлемое решение, удовлетворяющее обе стороны.

Русские проявляют большую настроенность на взаимодействие, в целом более решительно, чем, например, осетины, отрицая характерность для своей группы таких качеств, как агрессивность, холодность, соперничество.

Ситуация этнического конфликта в Северной Осетии-Алании существенно повысила, по сравнению с другими этническими группами, гиперидентичность не только у осетин, но и у русских (ср. рис. 8 и рис. 9 в главе 5). Сравнение различных этнических групп в республиках говорит о том, что наличие существенного сдвига в показателях одной из них непременно ведет к изменению аналогичных показателей у других групп. Впрочем, усиление и одновременное сближение этих показателей определяется ростом межэтнической напряженности. Русские Осетии как бы торопятся не отстать от осетин по ряду параметров, в том числе и по уровню гиперидентичности. Это психологический результат совокупности ряда факторов. С одной стороны, не являясь прямыми участниками конфликта, русские в той или иной степени оказались в него втянутыми, вплоть до непосредственного участия (например, поддержка казачеством осетинской стороны в момент вооруженных столкновений в ходе осетино-ингушского конфликта). С другой – ощущение себя этническим меньшинством и связанное с этим беспокорность и неуверенность усугубляются не только ростом межэтнической напряженности, но и растущей неустойчивостью позиции русских в социально-профессиональной структуре республики. Последнее усиливается в значительной мере большим притоком беженцев и вынужденных переселенцев в Северную Осетию-Аланию за последние годы.

Проблемы возрождения казачества и трансформации его самосознания

По сравнению с другими регионами страны процессы возрождения казачества на Северном Кавказе имеют свою специфику. Она обусловлена ростом межэтнической напряженности в регионе и процессами национального возрождения горских народов. Можно выделить четыре этапа развития движения терского казачества, каждый из которых характеризуется своими особенностями роста и трансформациями самосознания, существенно сглаженного за семь десятилетий советской власти.

Первый этап пришелся на 1988–1989 гг., когда начали создаваться культурно-просветительские и военно-исторические казачьи общества. В самом начале эти структуры напоминали аморфные в организационном отношении дискуссионные клубы патриотической ориентации. Основной упор делался на культурное возрождение казачества. Проводились всевозможные фольклорные фестивали и праздники, восстанавливались православные храмы. Это было началом процесса осознания принадлежности к казачеству и формирования его лидерами идеологии, обосновывающей необходимость возрождения (Андреев, 1994).

Второй этап – с начала 1990-х гг. по август 1991 г. проходил под лозунгом, призывающим казаков уже не к культурному, а к национальному возрождению. Возрождение Терского казачества официально было провозглашено 24 марта 1990 г. во Владикавказе. Казачество активно группировалось на местах по принципу землячеств, в межрегиональных объединениях шел «дележ погон и кресел». Значительно ускорили этот процесс рост межэтнической напряженности и появление в больших количествах беженцев и переселенцев. В Законе «О реабилитации репрессированных народов», принятом российским парламентом 26 апреля 1991 г., казачество по сути было признано самостоятельным народом. В соответствии с этим казачество начинает отстаивать право называться народом, этнической общностью, а не военным сословием, упраздненным в 1917 г. При Всетерском казачьем культурном центре изучаются проблемы истории и этногенеза Терского казачества. Идеологами казачества обосновывается концепция, в соответствии с которой Терское казачество, как часть общероссийского, «считается уникальным явлением в истории и подлежит научному изучению как этническая формация» (Терский казак. 1991. № 4).

Третий этап – с конца 1991 г. по лето 1993 г. характеризуется все возрастающей политизацией казачьих движений. Ее естественным результатом был раскол внутри казачества по идейно-политическим мотивам. Но главной особенностью этого этапа явилось, стремление лидеров казачества к созданию государственно-правовой базы его возрождения.

В августе 1993 г. на Чрезвычайном Большом Казачьем Круге войска Терского к традиционным требованиям (выполнение Указа о реабилитации казачества, государственное финансирование миграционных процессов из Закавказья и республик Северного Кавказа, привлечение к уголовной

ответственности виновных в гибели и грабеже славян на Северном Кавказе) добавилось новое. Это вопрос определения государственно-правового статуса казачества как субъекта Российской Федерации – вплоть до создания Казачьей республики или воссоздания Терской области. Этот вопрос постоянно обсуждался на казачьих кругах, но впервые был заявлен категорично.

Такая постановка вопроса смыкается с требованиями возврата Кизлярского района из состава Дагестана, Моздокского района из состава Северной Осетии-Алании, Прохладненского – из состава Кабардино-Балкарии, а также Наурского и Шелковского районов, административно подчиненных Чечне, и Сунженского района Ингушетии. Терские казаки не оставляют идею возвращения к традиционному общественному землепользованию, что предполагает получение обратно во владение земель, принадлежащих в начале XX в. их дедам и прадедам. Реализация этой идеи остро поставит вопрос о современных основаниях передачи земли, так как до 1917 г. казаки имели право на землю как военное сословие, неся за это особую войсковую повинность. Кроме того, резко усугубит проблему территориальных претензий между казаками и горскими народами.

С лета 1993 г. начинается очередной этап возрождения казачества, который носит уже массовый и ярко выраженный защитный характер. Его главный фактор – резкое обострение напряженности в регионе и как следствие – почти повсеместное ухудшение отношений между казаками и горскими народами. Уже с начала 1990-х гг. их контакт на уровне организационных структур складывался непросто. Наладившийся было диалог с Конфедерацией народов Кавказа был прерван летом 1993 г. – атаманы казачьих войск российского юга отказались участвовать в середине июля в съезде народов Кавказа в Нальчике.

Что же представляет собой казачество как коллективный субъект восприятия и взаимодействия? Каковы особенности и трансформации его самосознания в период 1993–1995 гг.?

Оценить реальную численность казачества очень непросто. По некоторым данным до 1917 г., когда учет казаков велся отдельно от русского и местного населения, на территории Терской области проживало 20% казаков от численности всего населения (Омель-ченко, 1991). В 1990–1991 гг. предполагалось, что в республиках Северного Кавказа проживает около полумиллиона казаков. В Северной Осетии, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии они представляли устойчивые территориально-хозяйственные общности преимущественно в сельской местности.

Но точных статистических данных о количестве терских казаков нет. В Кизлярском районе Дагестана по оценкам экспертов численность потомственных казаков не превышает 12–15% (Дагестан: нижне-терское казачество, 1995). Я.С.Смирнова пишет, что в Карачаево-Черкессии местные казаки составляют приблизительно 5% и лишь местами, например в Черкесске – 10%. Даже самые «казачьи» районы (Зеленчукский, Урупский, Усть-Джегутинский, частично Прикубанский) населены не столько казаками, сколько русскими, которые составляют около трети населения республики и около половины численности этих районов (Смирнова, 1993).

В последний раз принадлежность к казачеству фиксировалась во время переписи населения в 1926 г. Тогда уже далеко не все казаки признавались в своей принадлежности к этому сословию. Семьдесят лет тема казачества была запретной. Результатом этого явилось то, что более пятой части опрошенных нами казаков затруднились дать четкий ответ о своей принадлежности к казачеству. И все же к потомственным казакам отнесли себя более 70% опрошенных.

Энтузиазм по поводу возрождения казачества в 1993 г. был практически еще всеобщим. Всего два человека из числа опрошенных высказали отрицательное отношение к этому процессу. И хотя в 1995 г. отношение стало более осмысленным и скептическим, около 70% опрошенных все же оценили его положительно.

Основные мотивы поддержки движения по возрождению казачества имели защитный характер: «возможность сплотиться, чтобы отстаивать интересы русских», «чувствовать себя защищенным в случае опасности». После этих мотивов с большим отрывом идет осознание особой миссии казачества: «казачество – гарант целостности России». Далее следуют – культурный («Привлекает традиционный быт казаков») и психологический мотивы («Возможность контакта с людьми, близкими по духу»). Возможные экономические льготы в результате государственного определения статуса казачества и «потомственный» фактор («Хотелось бы продолжить традицию, так как мои предки были казаками») – на последних местах.

Одной из причин массовости возрождения казачества является обращение к нему в поисках социальной защиты остального русскоязычного населения Северного Кавказа. Нередко в казачество «записываются» далекие от него люди с разными мотивами и целями. Каждый десятый из опрошенных нами в 1995 г. назвал себя «недавно записавшимся». Почти все они твердо знают, что среди их родителей, дедов и прадедов не было казаков. Чаще всего в казаки записываются русские. Но иногда дело доходит до курьезов, которые дискредитируют казачество в общественном мнении. Так, в войсковые атаманы выбирается непотомственный казак с четырехмесячным стажем. Или же в Горячем Ключе некий гражданин Карагульян собирает полсотни выходцев из Нагорного Карабаха и учреждает казачий курень. В регистрации новоявленной казачьей общины ему содействует глава местной администрации Шварцман (Северный Кавказ. 1996. № 33).

Основные изменения в самосознании казачества оказались связанными с определением его социального статуса. По сравнению с 1993 г. в два раза уменьшилось число считающих казачество самостоятельным народом (см. рис. 19). В Декларации казачества, принятой единогласно Советом атаманов Союза казаков 30 января 1993 г. записано: «Казаки – многомиллионный народ, сформировавшийся в России много веков назад на основе территориальной, культурно-исторической

общности и православия. Казачество ныне состоит из отдельных региональных объединений со своей самобытностью и культурными особенностями, а также землячеств, образовавшихся в местах, куда были депортированы казаки. Вместе с тем казаки едины на всем пространстве России и во всем мире, куда бы их не забросила судьба» (Терский казак. 1993. № 5). Однако мнение о том, что «казачество – самостоятельный народ» в 1995 г. разделяла меньше чем пятая часть опрошенных. В то же время прибавилось число тех, кто считает казачество частью русского народа.

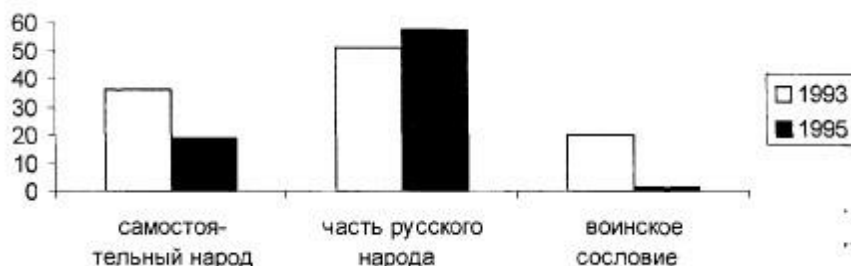

Рис. 19. Отношение казаков к статусу казачества

Если в 1993 г. казаки нередко одобряли возрождение воинской службы, то в 1995 г. число поддерживающих эту традицию резко сократилось (см. рис. 19). И тем не менее радикальные настроения войсковых атаманов Терского войска находят отклик среди казаков. Это старая традиция: казак рождался воином. В XVI–XVII вв. новорожденному все родные и «односумы» отца приносили в дар «на зубок» ружье и патроны, лук и стрелы (Савельев, 1991).

В 1995 г. 70% опрошенных положительно отнеслись к формированию воинских казачьих подразделений; подчиниться «приказу о военной мобилизации в любом случае» готова почти треть опрошенных; пятая часть собирается стать под ружье в случае угрозы безопасности России, так как «Основная обязанность казаков – защищать отечество»; 7% опрошенных готовы воевать «В случае военного насилия со стороны соседних народов». Однако почти треть казаков, опрошенных в 1995 г., «Не собираются воевать ни при каких условиях».

Неопределенность современного состава казачества выражается на уровне группового самосознания в размытости содержательной основы идентичности в форме исторической памяти. В 1995 г. две трети наших респондентов затруднились дать ответ на вопрос: «Какие события в истории казачества Вам кажутся наиболее важными?». Треть вспомнила об «Освоении Кавказа», «Участии казаков в гражданской войне» (белоказачество), о «Реабилитации казачества в 1991 г.» Почти 60% опрошенных затруднились назвать известных деятелей – выходцев из казачьей среды. Остальные назвали преимущественно военных деятелей.

Этническая неоднородность Терского казачества и его взаимоотношения с народами северного Кавказа

Важной особенностью Терского казачества является его этническая неоднородность. Активное участие в формировании вольного казачества на Тереке принимали выходцы из северокавказских народов. Казаки, согласно документам того времени – «вошли в дружественные и даже родственные связи с горцами» (Волкова, 1974). К вольным казакам уходили не только те, кого ожидали на родине наказания за всевозможные проступки или кровная месть. Так, в XVIII в. в моздокских степях появились целые осетинские казачьи станицы, жители которых впоследствии вошли в состав Моздокского Горского полка. В настоящее время терские казаки, связывая себя в первую очередь с украинским и русским народами, включают в свой национальный состав осетин, черкесов, ногайцев, кабардинцев (Терский казак. 1991. № 3). Отношение к этим горским народам отличается у казаков наибольшей позитивностью (см. табл. 17).

Таблица 17

Диагностические коэффициенты автостереотипа и гетеро-стереотипов казаков (данные 1993 г.)

Автостереотип	Гетеростереотипы					
	русские	осетины	ингуши	кабардинцы	балкарцы	армяне
0,33	0,32	0,21	0,15	0,21	0,17	0,12

Смешанный этнический состав определяет основу самосознания казачества. Поэтому на современном этапе нет полной идентификации казаков с русскими – казачество продолжает существовать как бы в пространстве между русским и местным коренным населением. В 1993 г. только десятая часть опрошенных признавала себя одновременно и казаками и русскими. Хотя образ русских в глазах казака также позитивен, как и его собственный (табл. 17).

Во второй серии исследований мы не проводили опроса на основе ДТО. Но предлагали для оценки ряд качеств, значимых, на наш взгляд, для казачества. Анализ исторической литературы позволил выделить некоторые основные характеристики Терского казачества. Эмпирические данные подтверждают, что они и сегодня значимы для казаков и отличают их от остального русскоязычного населения Северного Кавказа (см. рис. 20).

Во-первых, основу вольного казачества составляли недовольные люди («воры», «беглые люди», «воровские казаки», «беглые сход-цы»), которые не уживались в обществе, протестовали против холопства и крепостничества и не считали обязательным совпадение собственного мнения с мнением большинства. Население терских и гребенских станиц пополнялось в результате последствий опричнины, «великого

голода» начала XVII в. и Смутного времени, росло за счет остатков разинцев, раскольников, служилых людей, российских пленных из Турции, Ирана и др. Все эти категории людей, склонных к гражданским свободам, несмотря на социальные, религиозные, этнические и другие различия, обладали общими качествами – вольным духом (вольностью), стремлением к свободе и независимости, высокой активностью. Наши данные свидетельствуют, что в представлениях казаков о себе эти качества и сегодня занимают важное место. Например, 85% наших респондентов считают «сильно выраженным» у казачества такое качество как «свободолюбие» («вольность»), в то время как всего 7,5% опрошенных считают это качество «сильно выраженным» у русских.

Во-вторых, жизнь «на порубежье» – в приграничных зонах Русского государства, а следовательно в условиях постоянной опасности, воспитывала в казаках особое отношение к внутреннему единству и безусловность взаимоподдержки. Казаки сами наказывали виновных, сами следили за соблюдением законов и правопорядка, основанного на армейской субординации и соблюдении казачьей иерархии. До сих пор «дисциплина», «взаимоподдержка» и «сплоченность» являются важными качествами в автостереотипе казаков (см. рис. 20).

В-третьих, обладая рядом привилегий по сравнению с остальным населением, казаки воспитывали в своих детях убеждение не только в социальном, но и нравственном превосходстве: «Не казак – не человек».

Если рассматривать автостереотип казака в семантическом пространстве их представлений о русских и, например, чеченцах, то получается, что казаки ставят себя скорее ближе к чеченцам, чем к русским. Особенно это заметно при сравнении таких важнейших для горских народов характеристик как «взаимоподдержка», «сплоченность» и «верность традициям».

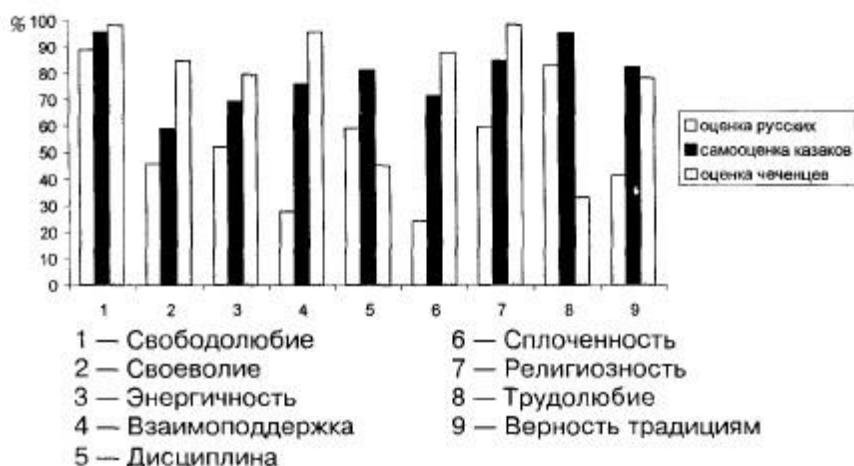

Рис. 20. Выраженность качеств в оценке казаками русских, в их самооценке и оценке чеченцев

Предлагаемые при опросе качества относятся к числу высоко-одобряемых в северокавказских обществах. Выраженность таких характеристик коррелирует с престижностью групп в восприятии наших респондентов. Таким образом, чеченцы оказались авторитетнее для казаков, чем русские, а также в глазах казаков авторитетнее, чем их собственная группа. Причем «престижность» русских по сравнению с 1993 г. снизилась.

По сравнению с другими русскоязычными казаки значительно комфортнее чувствуют себя на Северном Кавказе. Межэтнические конфликты пугают их не в такой степени, как другое русское население. Почти полутысячелетняя история сосуществования как во вражде, так и в мире с горским населением поставило казаков в ряд «своих» в республиках Северного Кавказа. Кроме того казачество психологически крепко привязано к земле, хозяевами которой были их предки. Казаки считают Северный Кавказ своей исторической родиной и имеют прочную установку здесь остаться.

Исторически казаки на Северном Кавказе наиболее тесно были связаны с осетинами и ингушами. Развитие отношений между казаками и ингушами изначально носило конфликтный характер. Ингушские селения в Тарской долине просуществовали до начала 1860-х гг., когда их жители после окончания Кавказской войны были переселены, а на этом месте основаны казачьи станицы. Это чрезвычайно обострило земельный голод среди ингушей и обусловило конфликтность их взаимоотношений с казачеством на протяжении второй половины XIX–начале XX в., а также во время гражданской войны. В 1920-е гг. указом Горской республики земли в равнинных районах на правом берегу Терека были возвращены ингушам, а казаки выселены.

На территории бывшей Чечено-Ингушетии казачье население проживало в коренных казачьих станицах левобережья Терека. В начале 1990-х гг. в результате процессов, происходящих в Чечено-Ингушетии, перенаселенные казачьи станицы стали тесниться титульным населением. Это послужило толчком к трагическим событиям в станице Троицкая (апрель, 1991). С этого момента казачье население вслед за другими русскоязычными стало массово покидать Чечено-Ингушетию. К середине сентября 1991 г. только из 6 казачьих станиц Сунженского района уехали около 3 тыс. человек и еще 12,5 тыс. подали заявления на переселение в Россию (Московские новости. 1991. № 42).

Одно из требований казачества на территории бывшей Чечено-Ингушетии – восстановление исторических границ Сунженского казачьего национального округа, упраздненного в 1928 г. Напомним, что именно Сунженский район является одной из спорных территорий между Чечней и Ингушетией.

По мнению казаков, самыми опасными для проживания республиками Северного Кавказа в 1993 г. были Чечня и Ингушетия. Все проживавшие здесь казаки оценивали свое положение как «очень опасное». Свыше 40% опрошенных крайне низко оценили степень безопасности проживания казаков в Дагестане (см. рис. 21). Отметим, что среди наших респондентов обеспокоенность своим положением особенно выражали те, кто ощущал себя в первую очередь русскими, а не казаками.

Отражением позитивных отношений между осетинами и казаками явилась оценка последними в 1993 г. Северной Осетии как наиболее безопасной для их проживания республики (см. рис. 21), и это несмотря на ситуацию конфликтной межэтнической напряженности с соседней Ингушетией. Второе место по степени безопасности занимала Кабардино-Балкария. Здесь казаки выступают за единство Кабардино-Балкарии, но не исключают возможности образования своей республики. На заседании казачьего круга атаман Терско-Малкинского отдела Терского казачества в городе Прохладном генерал-майор в отставке Владимир Шевцов заявил, что если все же раздел республики произойдет, «...мы вправе поставить вопрос о самоопределении и образовании в местах компактного проживания казаков Терской казачьей республики» (Кабардино-Балкарская правда. 1993. 1 марта).

Рис. 21. Оценка казаками уровня безопасности проживания в различных республиках Северного Кавказа

Что касается отношений между казаками и другим русскоязычным населением региона, то, несмотря на общность языка, религии и происхождения, их не характеризует стремление к единению.

Показательна в этом отношении ситуация в Моздокском районе Северной Осетии-Алании, где проживают 25% всего русского населения этой республики. Часть русских проявляли здесь высокую активность по возвращению данной территории обратно в Ставропольский край. Славянские народы в коалиции с казачеством, обладая необходимым большинством, могли бы весьма заметно повлиять на внутривнутриполитическую обстановку. Однако пока по вопросу об отделении Моздокского района среди русскоязычного населения нет единства, на основе которого можно было бы обеспечить требуемый для соответствующего решения результат возможного референдума.

Отсутствие стремления к единению между казаками и другими русскими ярко проявляется в сфере политической деятельности. В силу своего происхождения и истории становления как общности казаки демонстрируют высокую политическую активность. Старые организационные структуры казачества в условиях перестройки оказалось нетрудно возродить и воссоздать в широком масштабе. Это одна из причин, почему в республиках Северного Кавказа самые деятельные общественные организации, объединяющие русскоязычное население, созданы казачеством. Например, общественная организация «Круг Терских казаков» в некоторых республиках в определенные периоды времени даже превосходила по численности и по активности известные политические движения, представляющие интересы титульных народов региона.

Укрепление позиций коренного населения и увеличение опасности их отделения, утрата русскими лидирующих позиций, рост межэтнической напряженности и другие факторы создают такую ситуацию, когда русские на Кавказе начинают чувствовать себя не только психологически ущемленными, но и сталкиваются с правовыми и социальными притеснениями. Почти двухлетняя война в Чечне и политика России на Северном Кавказе активизировали процессы психологического отчуждения русских от горцев.

Социально-демографические изменения в республиках Северного Кавказа как бы исподволь подготовили сознание русских к бурным процессам 1990-х гг. Русские на Северном Кавказе неоднородны с политической, психологической и этносоциальной точек зрения. Активность северокавказских народов, в том числе и экстенсивные процессы их национального возрождения, в последнее десятилетие стимулировали ответную активность только у части русских Северного Кавказа – казаков. В общем всероссийском процессе поисков новой идентичности Терское казачество не отставало от титульных народов республик. Остальное русское население заняло скорее позицию глухой защиты,

продемонстрировало психологическую беспомощность и пассивность. Это, в частности, выразилось в выжидательной апелляции русских к России, по сравнению с требовательной у казачества

Русское население пассивно с политической точки зрения, проигрывает демографически, а также наименее защищено социокультурно и экономически. В этнополитических конфликтах русские-неказачи стремятся к сохранению позиции нейтралитета. Возможности их самостоятельной консолидации на социальном и политическом уровне в ближайшее время сомнительны. Тем не менее, возможности единения существуют. Они определяются деятельностью казачьих общин, которые сейчас уже начинают выступать в качестве ядра консолидации русскоязычного населения.

Глава 16. Чужие среди своих: этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов

В 1990-х гг. Северный Кавказ превратился по существу в буферную зону, вобравшую в себя вынужденных мигрантов почти из всех «горячих» точек бывшего СССР (Миграции и новые диаспоры ., 1996, с.24). Одно из первых мест среди северокавказских республик по насыщенности переселенцами со всей России принадлежит Северной Осетии-Алании, где в 1995 г. было сосредоточено свыше 680 вынужденных мигрантов на каждые 10 тыс. жителей (Сравнительные показатели..., 1995, с.43–44).

Вынужденные мигранты Северного Кавказа – одно из самых трагических «человеческих» порождений ситуаций конфликтной и кризисной межэтнической напряженности. Они, как правило, третья сторона в конфликтах, но главные жертвы войн и межэтнических столкновений. Каков их психологический портрет? Что несут в себе эти люди, в одночасье переступившие черту, отделяющую благополучную жизнь от неизвестности, нищеты, унижений? Как трансформируется этническая идентичность у перемещенных лиц в условиях психотравматического воздействия ситуаций конфликтной и кризисной межэтнической напряженности? Каковы перспективы их социально-психологической и этнопсихологической адаптации в кардинально изменившейся для них ситуации?

В этой главе представлены результаты социально-психологических исследований вынужденных мигрантов на Северном Кавказе и с Северного Кавказа, проведенных автором и при его участии в 1991–1992 и 1994–1995 гг. Среди них две категории перемещенных лиц: переселенцы – вынужденно покинувшие постоянное место жительства на основе принятия решения о миграции, и беженцы – вынужденно покинувшие постоянное место проживания в ситуации угрозы жизни. Психологические исследования вынужденных мигрантов были начаты нами в январе–феврале 1991 г совместно с психологами Московского университета Е.И.Шлягиной и Л.А.Шайгеро-вой. Опросы и тестирование беженцев проводились в подмосковных пансионатах. Первые русские беженцы появились в Москве после трагических событий в Баку в январе–феврале 1990 г. Этот опыт стал для нас отправной точкой для развития психологических исследований вынужденных мигрантов (Солдатова, Шайгерова, Шлягина, 1995). Дальнейшая последовательность исследований не являлась воплощением заранее продуманного плана, а определялась политическими событиями и развитием межэтнических отношений на Северном Кавказе.

В октябре–ноябре 1991 г. совместно с сотрудниками Института языка, литературы и истории г. Орджоникидзе (Северная Осетия) было опрошено 350 вынужденных мигрантов из Грузии, соответствующих по образовательному и возрастному уровням, а также по профессиональному статусу генеральной совокупности всех прибывших. Опрос проводился в основном в местах размещения мигрантов: в санаториях, общежитиях и турбазах. Социологический опросник включал 50 вопросов. В качестве психологического инструментария был использован Диагностический тест отношения (ДТО).

В августе 1994 г. в Северной Осетии (г. Владикавказ) было проведено психологическое исследование вынужденных русских переселенцев из Грозного (38 человек). Опрос проводился как раз во время строительства для них на северо-осетинской территории поселка на месте так называемого Попова хутора, входящего в число спорных земель между Северной Осетией и Ингушетией. Русским предлагалось поселиться на «спорной» территории и фактически выполнять роль буфера между конфликтующими сторонами. Опрос вынужденных переселенцев из Грозного проводился по месту их жительства или работы частично в общежитиях Владикавказа, частично в полудостроенных домах их будущего поселка за чертой города.

В марте–апреле 1995 г. было осуществлено исследование русских беженцев из Грозного (36 человек), покинувших республику в разгар военных действий в январе 1995 г. Беженцы из Грозного опрашивались в Москве, где временно проживали у своих родственников и знакомых.

Исследования беженцев и вынужденных переселенцев из Грозного проводились по одной программе. В нее, помимо небольшого опросника, вошли 5 психологических методик: Тест фрустрации

Розенцвейга, ДТО, опросник агрессивности Басса–Дарки, методическая разработка «Типы этнической идентичности», модифицированный тест Куна.

Попытаемся ответить на поставленные выше вопросы, сравнивая эмпирические материалы, полученные по группам вынужденных мигрантов, с данными по контрольной группе и с результатами исследования титульного и русского населения в различных республиках России. Контрольную группу составили 30 москвичей обоего пола русской национальности. Они были опрошены по той же эмпирической программе, что и вынужденные переселенцы и беженцы из Грозного.

Социально-психологические проблемы невозможно понять без социального контекста. Представим краткую хронологию событий и общую характеристику наших респондентов, полученную на основе материалов опроса, проводимого перед психологическим тестированием.

Ситуации и респонденты

А. Беженцы и вынужденные переселенцы из Грузии. В конце 1990 г. после объявления о создании независимой демократической республики Южная Осетия и ее выходе из Грузии конфликт между Южной Осетией и Грузией приобретает открытую военную форму. В период пика конфликта в феврале–марте 1991 г. поток мигрантов в Северную Осетию достигает почти 100 тыс. человек. Последовавший в октябре 1992 г. вооруженный осетино-ингушский конфликт в немалой степени был обусловлен этим фактором. Известно, что беженцы из Южной Осетии приняли непосредственное участие в конфликте, так как большинство из них были расселены в спорном Пригородном районе Северной Осетии. По отношению ко всему населению республики это почти 16%. В соответствии с принятыми в мировой практике нормативами такое соотношение определяет максимальный уровень социальной напряженности. В сентябре 1997 г. в Северной Осетии-Алании все еще оставалось 28 тыс. беженцев из Грузии (данные миграционной службы Северной Осетии-Алании), что составило почти 90% от всех вынужденных мигрантов в республике.

Конфликт в Южной Осетии определил исход осетин не только с ее территории, но и со всей Грузии. Из всех прибывших в Северную Осетию осетин 70% были жителями самых различных районов Грузии. Их скорее можно отнести к категории вынужденных переселенцев. Большинство из них не испытало непосредственной смертельной угрозы, не были разрушены их дома или захвачены квартиры. Из выезд из Грузии был обусловлен неудовлетворенностью общественно-политической обстановкой, антиосетинскими публикациями в местной печати, страхом физической расправы. Из опрошенных нами респондентов, прибывших из Грузии, лишь 14% были из Южной Осетии, все остальные – из внутренних областей Грузии. Причем четвертая часть всех опрошенных приехала непосредственно из Тбилиси. В связи с этим мы рассматриваем группу респондентов из Грузии как смешанную, включающую и беженцев, и вынужденных переселенцев.

В качестве главной причины отъезда этих людей с мест постоянного жительства называлось «Преследование за национальную принадлежность» (85% от всего числа опрошенных). Принятию трудного решения покинуть родной дом может быть на длительный срок, а может быть и навсегда способствовало то, что более половины опрошенных жили под «Угрозой увольнения с работы», непосредственно сталкивались с конкретными угрозами физической расправы, переживали случаи физического насилия по отношению к ближайшим родственникам. Кровь, пролитая в грузино-осетинском конфликте, определила основную направленность агрессии внутри Грузии в начале 1990-х гг. в сторону осетин и ускорила отъезд тех, кто лишь подумывал об этом.

Помимо морального и психологического ущерба, вынужденные мигранты, и особенно беженцы, принесли с собой тяжелый груз материальных потерь. Только четвертая часть опрошенных были уверены, что с их домами и имуществом все в порядке. Большинство респондентов либо вообще не имели никакой информации (30%), либо она оказалась крайне неутешительна: их дома с разрешения или без разрешения властей заняты чужими людьми (32%) или же разрушены и сожжены (13%). На прежнем месте жительства практически все респонденты имели либо собственные дома (64%), либо государственные квартиры (32%).

Проблема прописки, как общегосударственный механизм контроля и ограничения перемены места жительства на территории страны, напрямую ударила по вынужденным мигрантам. Отсутствие прописки всегда было причиной отказа в работе и получении жилья. Отсутствие работы определяло невозможность получения прописки. В этот заколдованный круг попадают вынужденные переселенцы и беженцы во всех регионах России. Возможность покупки на новом месте домов и квартир не может исправить положение, так как старое жилье если и удастся продать, то за бесценок. Наиболее острыми социальными вопросами для осетинских мигрантов из Грузии были – «Отсутствие жилья», «Отсутствие работы» и «Отсутствие прописки». Спустя четыре года после нашего опроса эти проблемы в определенной степени удалось разрешить. Около 70% трудоспособного населения из числа беженцев-осетин нашли работу, остальные заняты торгово-челночными операциями (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 1997. № 4. С. 15).

В период опроса более 90% наших респондентов имели временное жилье в общежитиях, пансионатах, гостиницах, на турбазах, у родственников, друзей и т.д. Из числа последних половина считали свое жилищное положение нетерпимым и занимались поисками другого жилья. Не намного лучше складывалась ситуация с работой. По нашим данным, число неработающих составило практически половину из всех опрошенных нами перемещенных лиц. Причем, их подавляющая часть (77%) – люди активного возраста от 20 до 59 лет. Кроме этого, во время опроса почти у 40% респондентов никто из трудоспособных членов семьи не работал. В результате 44% опрошенных рассчитывали главным образом на государственные пособия, на помощь благотворительных фондов, родственников, знакомых, 16% использовали еще сохранившиеся накопления, продавали имущество.

Б. Вынужденные переселенцы и беженцы из Чечни. В связи с продолжающимся обострением ситуации из Чечни уже в массовом порядке начинает выезжать русскоязычное население. Только за 1994 г. Чечню покинуло 18% жителей. Среди них подавляющая часть – русские. А общее число беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни к концу 1996 г. приблизилось к 400 тыс. человек. Это составило около трети всего населения республики (Миграции и новые диаспоры..., 1996).

С декабря 1994 по апрель 1995 г. Федеральной миграционной службой России было зафиксировано свыше 320 тыс. беженцев из Чечни, которые временно проживали на территории смежных регионов. Беженцы и переселенцы неславянских национальностей чаще оседали в соседних Дагестане и Ингушетии. Особенно переполненной оказалась маленькая Ингушетия. К 1996 г. здесь на 1000 жителей было 276

Такое соотношение уже давно перекрыло любые предельные с точки зрения сохранения некоторой социальной стабильности цифры. Русские мигранты из Чечни стремились дальше: в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарские края. Они пополнили также пестрый состав вынужденных мигрантов Северной Осетии-Алании.

Почти все приехавшие в Северную Осетию из Грозного вынужденные переселенцы оценивали положение русских в Чечне как крайне неблагоприятное. Среди главных причин принятия решения о миграции назывались следующие: «Не вижу будущего для своих детей», «Материальные трудности», «Русских вытесняют из различных сфер жизни», а также опасения за свою жизнь и жизнь детей. Задолго до начала в Чечне боевых действий причины, связанные с угрозой безопасности, оказались существенными аргументами миграции русских из этой республики.

Русские, бежавшие из Грозного в январе 1995 г., за редким исключением, не собирались мигрировать. Об этом свидетельствуют и более высокая по сравнению с вынужденными переселенцами оценка ими уровня безопасности проживания в Чечне. Они бежали главным образом от войны и связанных с ней ужаса и страха за свою жизнь.

Из беженцев, оказавшихся в Москве, две трети приехали к проживающим здесь родственникам. Как показал опрос, именно на их поддержку, да на собственные силы рассчитывала подавляющая часть беженцев. И все же в самом начале своего крестного пути почти треть опрошенных надеялась на помощь федеральных властей, по приказу которых ракетные удары по Грозному в январе 1995 г. вдребезги разбили их и так незадавшуюся жизнь. Но что Москва не ждет их с распростертыми объятиями, осознавали все беженцы. Практически никто из них не ждал и не надеялся на сочувствие и поддержку со стороны москвичей.

С другими мыслями и настроением переезжали в Северную Осетию вынужденные переселенцы из Грозного. Небольшая их часть также мигрировала с надеждой на помощь родственников, но число назвавших в качестве причины переезда такую исключительно важную причину для мигрантов как обещание жилья не намного превосходит число респондентов, для которых наиболее значимыми оказались психологические аспекты. Одной из главных причин сознательного выбора Северной Осетии в качестве места проживания, явились представления о позитивном отношении местного населения. Большинство переселенцев отметило, что «К русским здесь относятся лучше, чем в других республиках Северного Кавказа» и что «Между казаками и осетинами всегда были хорошие отношения». Поэтому новое место жительства психологически устраивало значительную часть русских переселенцев из Грозного, которые оценивали степень безопасности русских в Северной Осетии на «4» и «5» баллов (при наивысшей оценке в «5» баллов). Что касается возвращения обратно в Чечню, то половина всех беженцев и вынужденных переселенцев не представляла себе этого ни при каких условиях. Вторая половина беженцев не исключала возможности вернуться в Грозный при условиях безопасности, возмещения ущерба, «Восстановления прежней жизни». Более негативно к перспективе возвращения отнеслись вынужденные переселенцы, сознательно покинувшие республику. Некоторые из них условием возвращения называли даже «Высылку чеченцев».

Этнопсихологические особенности вынужденных мигрантов

А. Этничность в структуре социальной идентичности вынужденных мигрантов. Сравнительный анализ утверждений по известному тесту Куна «Кто Я?» (Burns, 1979), полученных при опросе у русских вынужденных переселенцев и беженцев и жителей (осетин и русских) Северной Осетии-Алании, выявил определенные различия в видении ими себя в системе жизненных отношений личности. Как и в стандартных случаях, у вынужденных мигрантов объективные характеристики (социальный статус, семейные роли, половозрастные характеристики) доминируют над субъективными (личностные признаки, самооценки, результаты особых жизненных обстоятельств). Но между вынужденными переселенцами и беженцами есть разница (см. табл. 18).

У беженцев, во-первых, число объективных характеристик значимо ниже и, во-вторых, среди них доминируют специфические групповые категории. Среди беженцев никто не назвал себя ни гражданином России, ни гражданином республики (Чечни), никто не вспомнил о своей половой или религиозной идентификации, но почти половина опрошенных отнесла себя к категориям из разряда специфических: бомж, безработный, нищий, беженец и др. Для сравнения: среди постоянных жителей республик России таких самоидентификаций менее 1% от общего количества характеристик. Причем, для беженцев само понятие «беженец» еще не обрело свой смысл и является менее значимой статусной категорией по сравнению с «бомжом», «бездомным», «нищим».

Опорные в системе жизненных отношений категории частной жизни (базовые) и этнополитические категории составляют всего около 13% в структуре идентичности беженцев. Для сравнения – у осетин и русских Северной Осетии-Алании соответственно около 80% и свыше 90% от всего числа самоидентификаций (см. табл. 18). Основные статусные социально-присоединяющие характеристики, такие как гражданство и национальность становятся для русских беженцев не актуальными категориями. Эта кардинальная

трансформация структуры идентичности – беженцы осознают себя выброшенными за пределы главных жизненных отношений в обществе. Глубинной основой этого процесса является деформация

мотивационно-потребностной сферы самосознания, в том числе потребности в идентичности, социальной присоединенности.

Таблица 18

Идентификационные матрицы различных групп населения Северной Осетии-Алании

Категории	Вынужденные переселенцы	Беженцы	Осетины	Русские
Человек	9,6	3,5	6,8	7,2
Професс. идентификация	7,0	3,5	6,4	5,0
Семейная идентификация	37,6	4,3	33,8	28,9
Пол	5,0	–	5,9	7,3
Этническая идентификация	7,6	1,4	15,9	13,1
Религия	0,6	–	3,9	8,9
Гражданин России	8,3	–	3,1	10,9
Гражданин республики	–	–	2,0	8,8
Казак	11,5	–	0,1	1,6
Беженец, переселенец	2,5	6,4	–	–
Бомж, бездомный	–	17,7	–	–
Безработный	–	9,2	0,4	0,2
Нищий, бедный	–	9,9	–	–
ИТОГО	89,7	55,9	78,3	91,9

Для вынужденных переселенцев потребность в социальной присоединенности, как возможность принадлежать к группам, которые способны защитить, сохраняет свою значимость. Помимо этнической принадлежности, для них актуальна гражданская принадлежность («Гражданин России») и принадлежность к казачеству. Уровень этнополитической мобилизации группового сознания у переселенцев ниже, чем у осетин, которые находятся в ситуации конфликтной межэтнической напряженности, и выше, чем, например, у татар, якут и тувинцев, находящихся в ситуации фрустрационной напряженности. Но главная надежда вынужденного переселенца на свою семью. Это основная группа поддержки в трудной ситуации. В девять раз чаще, чем беженцы, вынужденные переселенцы определяют себя с позиции семейной, супружеской ролевой и статусной идентификации. Таким образом, у вынужденных переселенцев сохраняется основная структура идентичности, где остаются значимыми общечеловеческая, семейная, профессиональная, половая принадлежности. Тем не менее, иерархия идентичностей приобретает свою региональную специфику: на третьем месте по значимости у русского переселенца на Северном Кавказе – принадлежность к казачеству, как к группе, способной защитить здесь русских.

Идентичность беженцев не структурирована, расплывчата и в значительной степени определяется на основе субъективных характеристик и самооценок, отражающих трагический характер их мироощущения. Если у вынужденных переселенцев только десятую часть всех самоидентификаций составляют субъективные характеристики, то у беженцев их почти Половина (44%). Это результаты очень высокого уровня посттравматического стресса. Среди самооценок доминируют депрессивно-пессимистические: «Человек без будущего» (5%), «Никому не нужный» (5%), «Оскорбленный», «Униженный», «Растоптанная личность» (6,4%), «Разбитый», «Морально убитый», «Подавленный», «Растерянный», (5,7%), «Беззащитный», «Бесправный», «Зависимый» (5%), «Ограбленный», «Человек без родины», «Лишний» (2,8%). Эти определения отражают астенические переживания собственной малоценности™, стыда, незащищенности, подавленности и униженности. Причем агрессивный оттенок – «Мстительный, воинственный, злой» имеет лишь небольшая часть определений (2,1%). Выделяется отдельный самоуничижительный комплекс: «Бич, никто, не-человек, дерьмо, с клеймом "Чечня", скот, тень, никчемный человек, убогий, отброс общества» (11,3%). Лишь один из респондентов употребил характеристику в оптимистическом ключе, назвав себя человеком, находящимся в состоянии «Ожидания хорошего».

У беженцев идентичность, как социально-психологический регулирующий механизм, не выполняет свои основные функции: интегрирующую на групповом уровне и адаптивную – на личностном. Разрушение системы жизненных отношений определяет дезориентацию в социальном пространстве: разрушение потребности в социальной присоединенности дополняется неготовностью к разрешению ситуации собственными силами. В то же время у вынужденных переселенцев этническая идентификация, так же как и другие этнополитические категории, остается одним из важных адаптивных и интегрирующих механизмов.

Б. Трансформации этнического самосознания. По сравнению с переселенцами и с контрольной группой для беженцев более характерны трансформации этнического самосознания по типу гиперидентичности при одновременном усилении этнонигилистических тенденций (см. рис. 22). Более негативное отношение русских беженцев из Грозного к собственной этнической группе объясняется ролью России в резком изменении их жизненной ситуации. У беженцев также несколько выше уровень этнической индифферентности. И это отражение не только состояния общей апатии и пассивности как последствий посттравматического стресса. Уже упоминалось, что среди беженцев практически не оказалось лиц, которые собирались мигрировать из Чечни по причине межэтнических проблем. Следовательно, в той или иной степени они приспособились к не простым этническим отношениям в Грозном. Можно предположить, что они в целом более индифферентны к межэтническим проблемам. А вот часть вынужденных переселенцев, наоборот, оказалась очень чувствительна к такого рода вопросам. По сравнению с контрольной группой и беженцами, у переселенцев в целом несколько снижен показатель этнической

индифферентности (см. рис. 22). Во время интервью они также активно демонстрировали небезразличие к межэтническим проблемам.

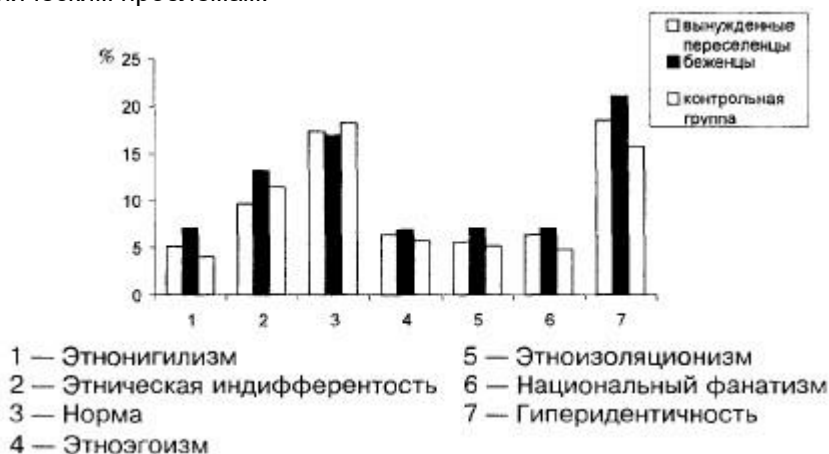

Рис. 22. Трансформация этнического самосознания

Трансформации этнического самосознания у вынужденных мигрантов по типу гипоидентичности и гиперидентичности отражают снижение у них уровня этнической толерантности. Это один из результатов разрушения общей социальной толерантности. По сравнению с постоянными жителями республик, у вынужденных переселенцев и беженцев она существенно снижена. Покажем это через анализ оценок суждений, которые вслед за социологами ВЦИОМа мы использовали в своих исследованиях для оценки жизненной ситуации (см. рис. 23).

Рис. 23. Оценка жизненной ситуации

Оптимистический взгляд на жизнь в сложившейся ситуации: «Все не так плохо и можно жить» свойственен приблизительно пятой части вынужденных переселенцев. Среди опрошенных нами беженцев оптимистов мы не встретили. В то же время среди них три четверти «нетерпимых» («Терпеть бедственное положение далее невозможно»). Среди вынужденных переселенцев таких тоже немало – ровно половина. Терпеливо-оптимистичную оценку жизненной ситуации («Жить трудно, но можно терпеть») дают приблизительно равное число респондентов в обеих группах. Эти данные резко отличаются не только от результатов по такой относительно благополучной республике как Татарстан, но и от результатов по Северной Осетии-Алании – республике с затяжной ситуацией межэтнической напряженности. Они подтверждают большую разницу в психологических возможностях адаптации в критических социальных ситуациях между нормальными жителями и перемещенными лицами. Терпения, которое является одним из важных механизмов реалистического решения фрустрационной, конфликтной или кризисной ситуации (Васильюк, 1995) и основной социальной толерантности, у перемещенных лиц явно недостаточно. У беженцев этот механизм практически отсутствует, а среди вынужденных переселенцев каждый второй видит себя на пределе своих возможностей.

В. Автостереотипы и гетеростереотипы. Ситуация, определившая столь быстрое превращение благополучных жителей Грузии и Чечни в униженных и обездоленных людей, трансформировала также и систему их взаимоотношений с окружающим миром, включая и самоотношение. Эти изменения исследовались через эмоционально-оценочные компоненты этнических образов (автостереотипов и гетеростереотипов). Образ своей группы, образы людей, от которых мигранты были вынуждены уехать, и среди которых они надеялись найти себе приют, взаимодействуют в сознании беженцев и вынужденных переселенцев и оказывают влияние на процессы их адаптации.

Исследования эмоционально-оценочных компонентов этнических образов проводились на основе ДТО (см. главу 9). Диагностические коэффициенты отношения, отражающие направленность и выраженность стереотипов, представлены в табл. 19.

По сравнению с контрольной группой у перемещенных лиц завышен уровень личностной самооценки. Это элемент компенсирующей психологической системы, как результата функционального уравновешивания чувства неполноценности, ослабленного чувства собственной значимости. Еще одним элементом компен

Средние показатели диагностического коэффициента отношения у беженцев и вынужденных переселенцев

Группы населения	Личностная самооценка	Автостер-еотип	Гетеростереотипы	
			Основная национальная группа	
			на новом месте жительства	на старом месте жительства
Вынужденные мигранты из Грузии (осетины)	0,34	0,31	0,21	-0,06
Вынужденные переселенцы из Грозного (русские)	0,28	0,30	0,24	-0,12
Беженцы из Грозного (русские)	0,35	0,17	-0,02	-0,01
Контрольная группа (русские)	0,21	0,26	—	-0,06*

* Отношение русских москвичей к чеченцам.

сирующей системы является завышенная, по сравнению с контрольной группой, позитивность автостереотипов у вынужденных мигрантов из Грузии и Грозного. Стремление к позитивной этнической идентичности выражается также в том, что по уровню положительной эмоциональной направленности автостереотипы значимо выше гетеростереотипов (при $p < 0,05$). Но тем не менее образ северных осетин – группы, в культурной среде которой оказались переселенцы, достаточно позитивен, что свидетельствует о благоприятно складывающихся отношениях.

Качества, составляющие стимульный материал ДТО, анализировались также как поведенческие эквиваленты межгруппового взаимодействия. Характеристики, получившие наибольшие веса в автостереотипах – образах собственной этнической группы «для других», рассматривались как эквиваленты социальноодобряемого членами группы внешнего поведения. Качества, доминирующие в гетеростереотипах – образах «других для себя», – как характеристики внешней коммуникативной деятельности оцениваемой группы.

Среди наиболее одобряемых вынужденными переселенцами коммуникативных характеристик оказались «Общительный», «Покладистый», «Находчивый», «Дипломатичный». Это говорит о существовании у переселенцев установки на взаимодействие и их ожидании открытости, деликатности и готовности к контактам со стороны местного населения. В свою очередь, русские переселенцы готовы быть уступчивыми и компромиссными.

Осетины, приехавшие в Северную Осетию-Аланию из Грузии, в меньшей степени ощущают себя здесь гостями. Они как бы вернулись в свой дом, где временно отсутствовали. Их представления о северных осетинах существенно отличаются от их представлений о себе. Но в этих когнитивных структурах с высокой внутригрупповой согласованностью совпадают важные для межгруппового взаимодействия характеристики: «Дипломатичный», «Активный» и «Темпераментный». Это, с одной стороны, предполагает взаимную деликатность и вежливость, но с другой – столкновение «наступательных» стилей коммуникативного поведения.

У осетин из Грузии и русских из Грозного зафиксированы негативные стереотипы по отношению к основным этническим группам на прежнем месте жительства. Русские из Грозного более негативно настроены по отношению к чеченцам, чем осетины по отношению к грузинам. И в том, и в другом случае на уровне самосознания полностью позитивный автостереотип взаимодействует с негативным гетеростереотипом. Образы грузин и чеченцев в глазах вынужденных мигрантов имеют общие негативные характеристики. Осетины и русские видят грузин и чеченцев как «Агрессивных», «Вспыльчивых», «Упрямых», «Высокомерных» и «Лицемерных». Если рассматривать эту совокупность характеристик как модель поведения, которую, по мнению вынужденных мигрантов, грузины и чеченцы демонстрируют по отношению к их этнической группе, то становится очевидной еще одна причина, из-за которой подавляющая часть мигрантов не собирается возвращаться обратно – осознание психологической несовместимости и оценка данных групп как враждебных. Тем не менее, вынужденные мигранты из Грузии продолжали контактировать с грузинами Северной Осетии-Алании, где их число достигает 12 тыс. человек: 12% наших респондентов отметили, что общаются с грузинами, а 9% – что состоят с грузинами в межнациональном браке. Несмотря на осетино-грузинский конфликт, в Северной Осетии не возникло никаких проблем между осетинами и грузинами. И негативизм беженцев по отношению к представителям грузинской национальности не повлиял на осетино-грузинские отношения в республике.

У русских беженцев из Грозного образ собственной этнической группы более негативен по сравнению с автостереотипами других групп в нашем исследовании (см. табл. 19). В среднем он в два раза менее позитивен, чем их самооценка, что подтверждает резкое снижение у беженцев стремления к позитивной этнической идентичности. Это также результат генерализации высокого уровня негативизма в качестве оппозиционной формы восприятия в межэтнических отношениях и его распространения даже на собственную этническую группу. Тем не менее у беженцев из Грозного образ чеченца более позитивен и более амбивалентен, чем у вынужденных переселенцев из Чечни. В образе чеченца негативные характеристики: «Агрессивный», «Вспыльчивый», «Упрямый», «Хитрый», «Высокомерный» переплетаются с позитивными – «Гордый», «Настойчивый», «Активный». Это подтверждает наше мнение, что беженцы в подавляющем большинстве не собирались покинуть республику также и по причине того, что меньше

испытывали проблем, связанных с межкультурной совместимостью. В 1996 г. их вынудила это сделать война.

Образ «русских-москвичей» в глазах беженцев по уровню негативизма не ниже, чем образ чеченца. Представления беженцев о «московских» русских как «Вспыльчивых», «Упрямым», «Высокомерных», «Осторожных», «Жадных» отражают неадекватно завышенные требования к окружающим, неоправдавшиеся ожидания и разочаровавший беженцев опыт общения с русскими в Москве. Более того, русские беженцы практически не идентифицируют себя с русскими москвичами.

У вынужденных переселенцев высокая позитивность автостереотипа отражает направленность и пребывание большей части этой группы в поисках позитивной этнической идентичности. Однако, в целом, гиперидентичность повышена по сравнению с контрольной группой. Но этнический негативизм у вынужденных переселенцев отличается избирательностью, и толерантность снижена только по отношению к конфронтационной группе.

Г. Особенности реакции на фрустрацию. В регионах с высокой межэтнической напряженностью увеличивается число людей, для которых характерны такие психические пограничные состояния как массовая невротизация и фрустрации. В списке групп риска первыми стоят вынужденные мигранты. Состояния повышенного эмоционального возбуждения продуцируют различные негативные переживания, которые существенно затрудняют у этих людей адаптацию к новым ситуациям. С помощью теста рисуночной фрустрации Розенцвейга (Тарабрина, 1994) и теста агрессивности Басса–Дарки исследовались поведенческие реакции вынужденных переселенцев и беженцев как способов разрешения проблемных ситуаций.

К достоинствам методики теста рисуночной фрустрации Розен-цвейга относится высокая ретестовая надежность и возможность приспособления для исследования различных социальных и этнических групп. Тест направлен на изучение индивидуальных устойчивых особенностей реакции на фрустрацию. Индивидуальными переменными, выраженными в показателях теста, являются доминирующие направления реакции (порицание фрустрирующего фактора или себя, стремление нивелировать конфликтность ситуации, агрессия), пропорция типов этих реакций (подчеркивание фрустрирующего фактора, самозащита, потребность разрешения ситуации), а также степень социальной адаптации (соответствие нормам группы, популяции). Последний показатель характеризует не только особенности поведения, но также косвенным образом и степень личностной толерантности к фрустрации. В российской этнопсихологии накоплен большой опыт использования данного теста в области исследования межэтнических отношений {Шлягина, Ениколопов, 1993}.

Таблица 20

Направление и тип реакции на фрустрацию у вынужденных мигрантов

Реакция	Вынужденные переселенцы	Беженцы	Нормативы	
			Здоровые люди	Больные неврозами
Направление				
экстрапунитивное	53,9	47,7	46–52	51–52
интрапунитивное	24,3	23,7	25–27	27–28
импунитивное	21,6	28,5	23–26	21–22
Тип: фиксация на				
препятствии	21,4	21,2	32–34	28–30
самозащите	48,9	51,7	35–39	39–40
удовлетворении потребности	30,0	26,8	27–30	35–36
Степень социальной адаптации	52,3	45,0	62–64	48,9

У вынужденных переселенцев выражены внешнеобвинительные реакции – подчеркивается степень фрустрации и осуждается ее причина (см. табл. 20). Она видится в основном в невозможности

совместного проживания с чеченцами, в осуждении ситуации, вынудившей их к переселению. Вина и ответственность за это перекладывается, главным образом, на чеченцев. В результате выражена враждебность к тем, кто заставил их мигрировать. Повышенный уровень эгозащитных реакций показывает, что ситуация рассматривается как угроза собственному «Я». Поэтому эгозащитные реакции носят характер обвинения других людей, что снижает стремление к рассмотрению возникающих конфликтных ситуаций примиряющим образом. Чувство собственной ответственности за происходящее снижено. Ситуация фрустрации рассматривается как неизбежная. Но результаты теста показывают, что вынужденные переселенцы были подготовлены к ней и надеются преодолеть ее со временем. Снижение количества препятственно-доминантных и высокий уровень необходимо-упорствующих реакций отражает у вынужденных переселенцев потребность в самостоятельном преодолении фрустрирующих компонентов ситуации.

Несколько иная картина у беженцев. У них доминирует безобвинительная направленность реакций – они не осуждают ни себя, ни других. Беженцы, также как и вынужденные переселенцы, оказались психологически готовы к фрустрации, они рассматривают ситуацию как неизбежную. Но у беженцев еще в большей степени, чем у мигрантов, повышен уровень эгозащитных реакций. Они не фиксированы на препятствии или на удовлетворении потребностей. Они сосредоточены на защите собственного «Я». Причем, это проявляется не в форме внешних обвинений, а в глухом уходе в себя, высокой уязвимости

личности, склонности воспринимать трудности и препятствия как непосредственную угрозу, а не как стимул к поиску выходов.

Поэтому на первых этапах выхода из шока разрешение проблемной ситуации у беженцев будет происходить через построение системы «пассивной» психологической самозащиты, а не на основе попыток разрешения ситуации с помощью своих сил или посредством других людей. Для перехода к поискам реалистического разрешения ситуации им крайне необходима внешняя психологическая поддержка, психотерапевтическая коррекция. У вынужденных переселенцев уровень социальной адаптации, хотя и не достигает уровня нормативов, свидетельствует о более адекватном реагировании на фрустрацию, о стремлении к разрешению кризисной ситуации посредством конструктивных усилий и через поиск реалистических решений.

Реакцией на фрустрацию является актуализация различного рода защитных механизмов, одним из которых может быть увеличение агрессивности. Представленные выше данные, показывающие снижение общей толерантности, и этнической в частности, предполагают существование психологической основы для роста агрессивности у вынужденных мигрантов. С помощью теста Бас-са–Дарки исследовались показатели агрессивности, как комплекса специфических реакций (раздражения, негативизма, обиды, чувства вины, подозрительности, физической, косвенной, вербальной агрессии) в ситуациях межэтнической напряженности.

Уровень агрессивности, помимо личностной предрасположенности, определяется социальными условиями и обстоятельствами. Две группы наших респондентов из Грозного покинули город по разным причинам и при различных обстоятельствах. Вынужденные переселенцы прошли через ситуацию выбора и осознали необходимость принятия решения о миграции. Это был длительный и мучительный процесс, но в результате они оказались материально и психологически подготовленными к резким переменам в жизни. Защитную психологическую функцию у вынужденных переселенцев стала, в частности, выполнять агрессия, направленная не на фрустрирующий фактор, а на обстоятельства, которые необходимо любой ценой подчинить своей цели – выжить, устроиться, сохранить семью. Общий уровень агрессивности у вынужденных переселенцев повышен по сравнению с беженцами и тем более по сравнению с контрольной группой (см. индекс агрессивности в табл. 21). Наличие избыточной агрессивной энергии определяет адаптацию вынужденных переселенцев по активному типу. Это не пассивные лишены, они не производят впечатления несчастных людей. Их агрессивная энергия имеет прежде всего созидательно-действенный характер. Они готовы реализовывать свои планы, готовы работать и строить свою жизнь заново. Но повышенный уровень негативизма в сочетании с агрессивностью определяет рост их общей интолерантности. Постороннее вмешательство в их дела чаще будет вызывать со стороны вынужденных переселенцев противодействие и нежелание взаимодействовать.

Опрос беженцев проводился спустя три месяца после того как они, спасая свои жизни, покинули Грозный. Это слишком маленький срок, чтобы выйти из состояния психологического шока, тем более, что беженцы оказались отнюдь не в санаториях и реабилитационных центрах. У многих из них квартиры разрушены, а имущество утеряно. Они подавлены, апатичны. С их стороны воз

Показатели агрессивности	Вынужденные переселенцы	Беженцы	Контрольная группа
Физическая	6,2	4,3	5,1
Косвенная	3,9	3,0	4,7
Вербальная	7,8	7,6	7,0
Раздражение	5,9	5,8	5,7
Негативизм	3,3	2,9	2,6
Обида	5,5	5,8	4,3
Подозрительность	4,1	5,4	3,3
Вина	6,4	6,4	5,9
Индекс агрессивности	17,9	14,9	16,8
Индекс интолерантности	18,5	19,9	16,3

можны агрессивные реакции, но, главным образом, с целью личной самозащиты. Выстраиваемая ими система психологической защиты основана на настороженности (повышенный уровень подозрительности) и высоком уровне обиды. Это препятствует развитию позитивного взаимодействия с окружающими и существенно затрудняет их адаптацию. Беженцы ориентированы на помощь и готовы довериться словам сочувствия, но даже при небольших неудачах они вновь надолго замыкаются в кругу личных переживаний. Как устойчивое личностное свойство, у них развивается мнительность – склонность к тревожным опасениям по различным поводам, значение которых часто переоценивается.

Показатели по тесту Басса–Дарки подтверждаются данными опроса. Так, пятая часть опрошенных нами вынужденных мигрантов из Грузии считали, что местное население относится к ним либо безразлично, либо настороженно, либо с подозрением. Треть респондентов, не столкнувшись ни разу с внешними проявлениями, утверждали, что постоянно чувствуют негативное внутреннее отношение. Они склонны замечать вещи не очевидные, а часто кажущиеся, и интерпретировать их соответствующим образом: «холодность и натянутость отношений», «скрытые насмешки», «высказывания за спиной», «презрительные жесты, взгляды».

Негативный жизненный опыт и как результат повышенный уровень агрессивности у вынужденных мигрантов отразился на оценке ими социальных ситуаций. Например, насилие как форму социального контроля в этнических конфликтах поддержала значительная часть вынужденных мигрантов (треть

беженцев и свыше 40% переселенцев). В то время как среди всех городских жителей Татарстана, Тувы, Северной Осетии-Алании и Саха (Якутии) лишь 13% одобрили насилие как способ разрешения конфликтной ситуации.

Д. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии.

Данные нашего исследования выявили серьезные психологические последствия психотравмирующих ситуаций и существенные трансформации этнической идентичности у вынужденных мигрантов. Рассмотрим результаты этих последствий на поведенческом уровне, а именно возможные стили поведения вынужденных мигрантов в этноконтактных ситуациях в новой этносоциальной среде.

По сравнению с данными по Северной Осетии-Алании и Татарстану, у вынужденных мигрантов снижено число «посредников». Причем среди беженцев «посредников» в два раза меньше, чем среди русского населения Татарстана и Северной Осетии-Алании (см. рис. 24). Это подтверждает наши выводы о том, что у беженцев ощутимо нарушены механизмы, отвечающие за адаптацию в инокультурной среде. В группе вынужденных переселенцев оказалось завышенным число «националов». Например, их в два раза больше, чем среди русских Осетии и Татарстана. Это означает, что у вынужденных переселенцев защитные механизмы нередко активизируются на основе акцентуации этнических различий, позиции этнической исключительности.

Как мы уже отмечали, особое различие между постоянными жителями республик и вынужденными переселенцами состоит в том, что среди последних становится заметной группа невротиков-этнофобов. Лицам, попадающим в эту группу, свойственна дезадаптация невротического типа. Это психологический результат кризисной жизненной ситуации – нарушения особо значимых отношений у мигрантов. У них нарушается адекватность поведения в этноконтактных ситуациях, они менее предсказуемы. Вероятно, что лица, попадающие в эту категорию, имеют также индивидуальную предрасположенность – невротические особенности личности и недостаточность психологической защиты. Результаты, полученные по группе невротиков-этнофобов на основе теста Розенцвейга, показывают существенную сниженность их фрустрационной устойчивости. В условиях длительной психо-травмирующей ситуации и высокого уровня межэтнической напряженности часть этих лиц, в первую очередь этнофобы, могут

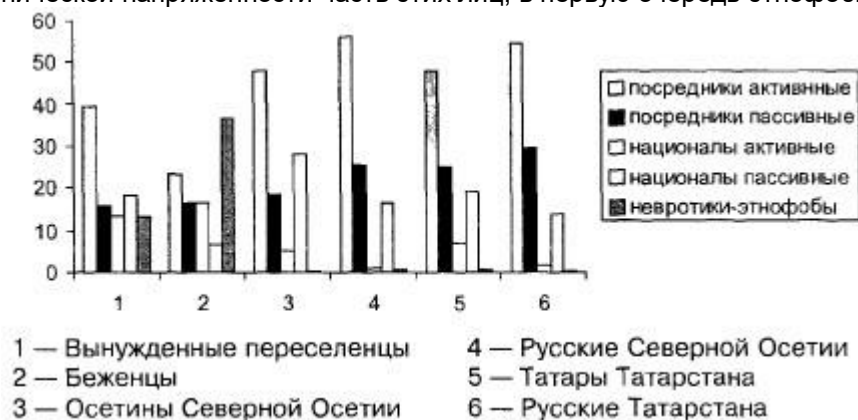

Рис. 24. Стили поведения в этноконтактной ситуации

пополнить ряды националов. К астеническим и депрессивным симптомам и общей социальной дезадаптации у этнофобов добавляется враждебность и трудности во взаимоотношениях с широким кругом лиц, в том числе и с представителями собственной этнической группы.

Психологические последствия посттравматического стресса (степень психического ущерба от событий, связанных с прошлым) и кризиса идентичности у вынужденных мигрантов приводят к снижению среди них доли лиц-«посредников», составляющих наиболее адаптивную группу в условиях новой этносоциальной среды. Одновременно повышается число «националов» с конф-ронтационной ориентацией в этноконтактных ситуациях и лиц с невротической дезадаптацией, которые чувствуют себя «чужими» не только по отношению к другим этническим группам, но и среди «своих». Эти процессы наиболее характерны для беженцев. Их основой является разрушение потребности в социальной при-соединенности, как результата кардинальной перестройки системы жизненных отношений. В том числе существенно деформируется потребность в этнической идентичности, что оказывается особенно значимым фактором в условиях адаптации к инокультурной среде. На фоне усиления роли этничности в структуре социальной идентичности, характерного в 1990-х гг. для значительной части населения России, нарушение механизмов этнической идентификации у беженцев резко снижает возможности их интеграции в другую культуру.

Тем не менее, вынужденные перемещения больших групп людей стихийно происходят по этническому признаку. Так, русские из конфликтных зон бегут в русские центры России, южные осетины предпочитают Северную Осетию-Аланию. Однако материальная зависимость и обездоленность, огромный психический ущерб от пережитого, трансформации этнической идентичности и, несмотря на этническое родство, другая культурная среда заставляют вынужденных мигрантов чувствовать себя «чужаками» вне зависимости от их нового места жительства. Помимо материальной помощи, вынужденные мигранты в России нуждаются в эффективной «этнотерапии» не только на уровне реабилитационных центров и психологической помощи, но и на уровне социальных отношений. В первую очередь им необходимы внимание и открытость общества, в котором они должны быть признаны «своими».

Заключение: основные выводы

Межэтническая напряженность стала главной характеристикой отношений между народами Российской Федерации в 1990-е гг. Она превратилась в значимый фактор в развитии диалога между Центром и республиками, во многом определяя социально-психологическую атмосферу в обществе.

На основе результатов исследований, представленных в этой работе, определились основные особенности межэтнической напряженности в республиках России. Их следует учитывать при разработке стратегий предотвращения дезинтеграционных тенденций и этнических конфликтов в Российской Федерации.

Межэтническая напряженность многосубъектна и многоуровневая. Ее субъектами, как правило, являются не две, а несколько сторон, представляющих либо различные этнические группы, либо межэтнические объединения внутриреспубликанского или регионального уровней, интересы которых противоречат друг другу. Но в новых социально-политических условиях народы России проходят скорее этап разъединения. Его психологической основой является разрушение того уровня идентичности, который объединял народы Советского Союза. Субъект межэтнического взаимодействия становится все более «первичным». Это относится не только к общегражданской идентичности, но и к региональной, и к этнической идентичностям. Общая идентичность даже «не разламывается», она «крошится». Главное значение приобретают различия не цивилизационного или национального уровней, а этнического или даже субэтнического. Например, у северокавказских народов снизилось чувство общей «кавказской» идентичности, усилилась дифференциация между этническими группами и внутри этнических групп. Поэтому в качестве активных субъектов деятельности и взаимодействия на Северном Кавказе следует рассматривать не отдельные республики, а составляющие их народы. Этот момент необходимо учитывать при построении национальной политики в этом регионе.

Особенности национально-государственного устройства бывшего СССР определили способность межэтнической напряженности очень быстро иррадиировать в обществе в условиях его демократизации. Пример Северного Кавказа показывает, что межэтническая напряженность, начинаясь в контексте двусторонних отношений, за короткое время охватывает многонациональное население не только непосредственно конфликтующих республик, но и соседних с ними. Межэтническая напряженность – целостная характеристика вышедшей из равновесия полиэтнической системы. И ее разрядка, в частности на Северном Кавказе, невозможна без комплексного урегулирования ситуации во всем регионе. Кроме того в зонах повышенного риска очень важен ранний мониторинг, позволяющий замерить уровень межэтнической напряженности и выявить очаги ее роста с целью своевременной локализации.

Иррадиация напряженности выражается в возникновении групповых противодействий внутри одних элементов системы в ответ на формирование специфических направлений массовой активности в других ее элементах. Так, например, на Северном Кавказе реабилитационная активность народов, депортированных в 1940-х гг., вызвала активность насильственно переселенных народов; активность исламизма в мусульманских республиках региона определила устойчивый интерес к православию среди осетин и русского населения. Групповые противодействия возникают также и по причине групповых стремлений к этнической безопасности. В борьбе за власть национальные элиты стараются в полной мере использовать такие устремления и разрабатывают пути не интеграции, а обособления, которое представляется ими как необходимое условие для того, чтобы избежать межэтнических столкновений, остановить процессы этнокультурной ассимиляции, возродить культуры. В ситуациях межэтнической напряженности эти идеи находят широкий отклик, так как опираются на потребности в позитивной этнической идентичности и безопасности, вышедшие на первый план.

Межэтническая напряженность структурирует «энергетическую» картину в отношениях между народами по осям потенциально-конфликтных этносоциальных измерений – «коренной–некоренной», «большинство–меньшинство», «титულный–нетитулный». «Энергетическая» картина определяется на основе психологических состояний взаимодействующих групп. Таким образом, определяются полюса с относительно равным энергетическим потенциалом, полюса «силы» и «слабости», в соответствии с которыми распределяются роли «ведущих» и «ведомых», «хозяев» и «гостей». Результаты эмпирических исследований показывают, что в республиках России главный энергетический потенциал – за титульными народами.

Напряженность – это индуцированный феномен. Иррадиируя по системе, она охватывает, в первую очередь, непосредственно взаимодействующие группы. Их психологические состояния тесно связаны между собой. В каждой локальной этнической системе уровень напряженности задается «коренным», «титулным» большинством. В этом случае более «слабые» «меньшинства» по своим психологическим показателям как бы стремятся «догнать» более «сильных». Так, русские в республиках «следуют» за «своими» титульными народами. Эта тенденция не связана напрямую с межгрупповой конфронтацией. Это происходит и в Северной Осетии-Алании, где русские в подавляющем большинстве – нейтральная сторона в осетино-ингушском конфликте. На Северном Кавказе, где среди русскоязычного населения выделяется политически и социально активное казачество, русскоязычное население по своим психологическим индикаторам уровня межэтнической напряженности «следует» за казачеством.

В соответствии с вышесказанным рабочее определение межэтнической напряженности, данное в главе 1, было дополнено и конкретизировано следующим образом. Межэтническая напряженность есть многосубъектный, многоуровневый и динамический социально-психологический феномен, способный быстро иррадиировать по принципам индукции и группового противодействия. Межэтническая

напряженность является психологической основой дезинтеграционных процессов между народами. Понимание этих процессов необходимо для разработки стратегий предотвращения этнических конфликтов и их регулирования.

Основные теоретические положения, описывающие межэтническую напряженность как социально-психологический феномен и раскрывающие психологическую опору этнонационализма и основу дезинтеграционных процессов в полиэтническом обществе, таковы.

– Межэтническая напряженность переструктурирует внутри-этнические и межэтнические отношения между народами. Эти трансформации имеют психологическую природу и выражаются в

форме этнической границы, разделяющей и дифференцирующей этнические группы. При ведущей роли национальных элит этнические группы перестраиваются изнутри, концентрируя свои усилия на создании и укреплении этнических границ, на основе которых в свою очередь реструктурируются отношения между народами. По мере роста межэтнической напряженности этнические границы становятся все более искусственными, а вопрос этнокультурного многообразия групп сменяется проблемой развития противоречий между их требованиями.

Главным инструментом, с помощью которого этнической группе удастся очертить надежные и заметные границы, является этничность. Это форма социальной идентичности, приобретающая особое значение в полиэтническом обществе в кризисные периоды его развития. В этом случае этничность как центральный когнитивно-мотивационный конструкт этнического самосознания становится важнейшей основой внутрigrуппового и межгруппового взаимодействия и призмой, через которую преломляется окружающий мир. Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, этничность оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом.

– Внутри самой группы происходит трансформация отношений на основе усиления солидаризации, этнополитической и этнокультурной мобилизации. Ее способы задаются этнокультурными и этнопсихологическими характеристиками группы и формирующимися на их основе конативными (поведенческими) структурами этничности. Например, в условиях роста межэтнической напряженности такие качества как замкнутость и традиционализм северокавказских культур «запускают» важный защитный механизм регрессивного характера: определяют «отход» культур назад – в традиционную этнокультурную нишу и актуализируют традиционные регулятивные механизмы. Такие качества как общинность и регламентированность способствуют консолидации, диктуют необходимость участия и мобилизации каждого в условиях угрозы этнической безопасности. Радикализм и андроцентризм определяют предпочтение силовых способов разрешения конфликтных ситуаций.

– Через различные формы этнополитической мобилизации происходит переструктурирование в системе межэтнических отношений. Помимо общих в 1990-х гг. форм этнополитической мобилизации для народов России – стремления к государственной независимости и культурному возрождению, существуют специфические направления групповой активности. Например, на Северном Кавказе это – реабилитационная активность, исламизм, милитаризация, активность солидаризации по этническому признаку. Они в значительной степени определяют развитие межэтнических взаимодействий и интенсивно используются местными элитами для удержания власти.

– «Этническое» преломление онтологических потребностей в идентичности и безопасности формирует потребность в этничности, которая имеет три стороны и порождает три группы мотивов, связанных с потребностями в этнической принадлежности, в позитивной этнической идентичности и в этнической безопасности. Этническая принадлежность – это одно из средств приспособления и ориентации в современном мире, это также способ выделиться и достичь определенных целей. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид стремится повысить собственную самооценку, престиж и статус своей группы. Реализация потребности в этнической безопасности предполагает создание условий, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и свободное развитие данной этнической общности как самостоятельного этнокультурного и духовного целого. На современном этапе потребность в этнической безопасности для народов Северного Кавказа более значима, чем, например, объединение по политическим мотивам или на основе единого вероисповедания. По мере роста межэтнической напряженности потребность в этнической идентичности становится важнейшей стороной интегрированной потребности в множественной социальной идентичности. В этом случае реализация этой общей потребности невозможна без частичного или полного удовлетворения потребности в этничности. Состояния неудовлетворенности, вызванные фрустрацией групповых потребностей в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности являются глубинными основаниями роста межэтнической напряженности. При ведущей роли национальных элит эти потребности играют важную роль в переструктурировании и мобилизации этнической группы.

– В условиях роста межэтнической напряженности активизируются защитные психологические механизмы этнических групп как самостоятельных и целостных субъектов деятельности. Основа их активизации – нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и сознанием. Они выполняют регулятивные и компенсаторные функции в процессе взаимной адаптации групп к друг другу в проблемных ситуациях. Универсальными межкультурными защитными механизмами являются социально-перцептивные механизмы, регулирующие межгрупповое восприятие. Среди них: накопление и устойчивость негативной информации, избирательность восприятия на эмоциональной основе, усиление межгрупповых и уменьшение внутрigrупповых различий, генерализация эмоций по этническому критерию, перенос

ответственности и вины на другие группы и внешние обстоятельства, недооценка или переоценка различий в культурах, эмоциональная инверсия, негативная проекция.

Помимо универсальных социально-перцептивных механизмов для разных культур могут быть характерны специфические защитные механизмы. Таким механизмом для народов Северного Кавказа является регрессия, которая определяет как бы возврат этнической группы к более ранним стадиям ее развития. На поведенческом уровне это, в частности, выражается в реанимации кланово-родовой структуры общества и традиционных моделей поведения, во всплеске религиозной активности, в увеличении числа эндогамных браков.

– Межэтническая напряженность как динамический феномен характеризуется периодами роста и спада напряженности. Это выражается в изменении психологического состояния взаимодействующих этнических групп и этномобилизационных процессов в обществе. Исследование межэтнической напряженности в диапазоне от скрытой фоновой напряженности к проявлениям агрессии и насилия в отношениях между народами определило выделение четырех фаз: латентной, фрустрационной, конфликтной и кризисной. Переход к очередной фазе означает каждый раз достижение определенных критических рубежей, оценка которых необходима для диагностики уровня межэтнической напряженности и предупреждения ее дальнейшего роста. По мере перехода межэтнической напряженности от стадии латентной (фоновой) напряженности через фрустрационную к конфликтной и кризисной, защитные психологические механизмы приобретают крайние формы.

– Рост межэтнической напряженности и активизация этномобилизационных процессов на психологическом уровне выражается в следующем: (а) растет неудовлетворенность групповых потребностей в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности; (б) повышается статус этничности в структуре групповой социальной идентичности; (в) этническое самосознание трансформируется по типу гиперэтничности, кристаллизуются негативные образы; (г) растет число этнически нетерпимых лиц; (д) сокращается дистанция между этническими образами и

реальными действиями. Это основные показатели уровня межэтнической напряженности, имеющие свои критические значения в зависимости от ее фазы.

На основе сравнения перечисленных показателей в различных ситуациях межэтнической напряженности были эмпирически выявлены критические точки ее перехода от одной фазы к другой, в том числе и в условиях смены фрустрационной фазы межэтнической напряженности конфликтной, при достижении которой между народами возможны проявления агрессии и насилия. В связи с этим были получены следующие эмпирические результаты, раскрывающие социально-психологическую основу перехода межэтнической напряженности в насильственные конфликты.

– Уровень удовлетворенности потребностей в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности отстает от их роста. В результате, во-первых, растет выраженность этноаффилиативных, статусных и архетипических мотивов у большинства представителей этнической группы, во-вторых, повышается уровень массовой невротизации и фрустрации, источником которых становятся другие этнические группы. Чем более выражены эти мотивы и меньше уровень массовой невротизации и фрустрации, тем выше показатели внутригрупповой солидарности – важной психологической основы этномобилизационных процессов. Показатели этнической солидарности – осознание внутриэтнической консолидации и восприятие своей группы как целостного и самостоятельного субъекта, в том числе как субъекта власти, желание оставаться членами группы, уровень внутригрупповой привязанности и степень удовлетворения от участия в группе – больше выражены у титульных народов по сравнению с русским населением республик. Это отражает главный вектор развития межэтнической напряженности: нарастание интенсивности этномобилизационных процессов в республиках Российской Федерации со стороны титульных народов. Фрустрация потребности в этнической идентичности в сочетании с посттравматическим стрессом у такой категории вынужденных мигрантов, как беженцы – главные причины характерной для них дезадаптации невротического типа.

– Повышение статуса этничности в структуре групповой социальной идентичности ведет к росту уровня этнополитической мобилизации сознания. Становление новых идентичностей народов России происходит через изменения внутренней иерархической структуры их сознания. В 1990-х гг. место «советского человека», когда-то главной «идеологической» категории, заняла этническая

принадлежность. В изменяющемся российском обществе этническая принадлежность оказалась наиболее доступной и актуальной формой групповой психологической консолидации в условиях социальной неопределенности. По значимости она идет сразу же вслед за категориями частной жизни, смыкаясь с базовыми принадлежностями (семейной, половой, профессиональной, возрастной) – главными опорами адаптации и выживания в кризисные периоды развития общества. Повышение статуса этничности в структуре социальной идентичности в первую очередь у титульных народов республик Российской Федерации – это компенсация расщепленной и потерявшей прежнюю значимость общегражданской идентичности. Значимость этничности возрастает в соответствии с ростом стремления народов к самостоятельности и усиливается в процессе конфронтации с другими народами. На фоне усиления роли этничности в структуре социальной идентичности, характерного в 1990-х гг. для значительной части населения России, нарушение механизмов этнической идентификации у беженцев резко снижает возможности их интеграции в другую культуру.

– Основой изменения этнического самосознания по типу гиперэтничности и кристаллизации негативных образов является трансформация этнических стереотипов в предубеждения и предрассудки,

снижение адекватности восприятия и увеличение психокультурной дистанции, уменьшение общих семантических зон межкультурного понимания, увеличение расхождений между системами ценностных ориентации и психологических универсалий, повышение интенсивности гиперэтнических или ксенофобных реакций. Все это определяет снижение уровня этнической толерантности народов не только по отношению к конфронтационной группе, но и по отношению к нейтральным группам или даже к группам-союзникам.

– Социально-психологические исследования в республиках России (Татарстан, Северная Осетия-Алания, Саха (Якутия) и Тува), проведенные в 1994–1995 гг., показали, что даже в период всплеска этничности выраженные гиперэтнические и ксенофобные установки оказались характерны лишь для небольшого числа респондентов. Среди русских жителей этих республик число таких лиц варьировало в пределах от 1 до 5%, среди титульных – от 3 до 9%. Тем не менее эти данные говорят о том, что доля лиц с выраженными гиперэтническими установками не так незначительна, чтобы их игнорировать. По мере роста межэтнической напряженности гиперэтничность становится все более характерной для активных и влиятельных слоев населения в республиках РФ – образованных, относительно молодых и лучше устроенных в социально-профессиональном плане представителей титульных национальностей. Повышенная по сравнению с русскими гиперэтничность титульных народов – это отражение их группового стремления к доминированию на своей этнической территории, большей ассоциированности со своими этническими группами по самым разным параметрам.

Меньшая гиперэтничность русских показывает, что этническая принадлежность для них пока не несет той высокой значимости, какую она имеет для титульных народов. В целом русские республик стремятся в первую очередь сохранить свой социально-профессиональный статус, устоявшуюся разделенность сфер занятости и поэтому демонстрируют более высокий уровень этнической толерантности. В результате среди русских этнически интолерантных лиц в среднем по всем опрошенным в полтора раза меньше, чем среди титульных народов республик. Но это объясняется не столько терпимостью как качеством национального характера, сколько диктатом этносоциальной ситуации. Терпимость выступает как защитный механизм, когда русским в целях адаптации приходится стремиться к пониманию интересов титульных народов.

Высокая интенсивность ксенофобных реакций выявляется по отношению «к приезжим» и, в первую очередь, к вынужденным мигрантам – беженцам и переселенцам. Это, в частности, характерно для Северной Осетии-Алании, ярко выражено в Москве, где оседает около половины всех вынужденных мигрантов. Наши исследования показали, что объект ксенофобии наделяется негативными этническими характеристиками, даже если он той же этнической принадлежности, что и опрашиваемые. Так, русские жители Москвы, характеризуя русских беженцев из Грозного, нередко относили их к категории «лиц кавказской национальности», занимающих по данным социологических опросов в течение последних четырех лет первые места по шкале этнического негативизма.

Рост межэтнической напряженности ведет к увеличению числа националов среди постоянных жителей республик и невротиков-этнофобов среди перемещенных лиц. Причем их рост носит не явный, а скрытый характер – растет конфронтационный потенциал – число пассивных националов. Ситуация затяжной межэтнической напряженности снижает радикалистские установки

группового сознания за счет того, что конфликт подавляется и уходит вглубь. Все это психологический потенциал для будущего витка межэтнической напряженности.

– Этническая нетерпимость может быть результатом как внешних обстоятельств, так и личностных характеристик. Для этнически интолерантных лиц характерны следующие особенности: (а) в иерархической структуре социальной идентичности этническая идентичность занимает место важнейшей статусной категории; (б) выражена дифференцированность между образами собственной этнической группы и другими группами, в процессе межэтнического восприятия упор делается на различия; (в) высокая эмоциональная вовлеченность в этноконтактные ситуации; (г) выражена потребность в этнической идентичности, что «изнутри» мотивирует их стремление придать своей группе более высокий позитивный статус, поднять ее престижность; (д) выражено стремление дистанцироваться «от других», особенно в сфере неформальных отношений; (е) склонность в межличностных отношениях к стилю соперничества, который нередко попадает у этой категории лиц в разряд одобряемых стратегий поведения; (ж) радикализм сознания, который, в частности, выражается в одобрении насилия как формы социального контроля в межэтнических конфликтах и оправдании человеческих жертв ради идеи суверенитета; (з) выбор агрессии как способа разрешения конфликтных ситуаций, соответственно снижено стремление решить ситуацию примиряющим образом. Перечисленные психологические характеристики увеличивают плотность этнических границ и определяют качественно иное поведение по отношению к лицам других этнических групп.

– Этнический образ превращается в психологическую форму концентрации межэтнической напряженности по мере того, как в нем накапливается негативный эмоциональный заряд. Это усиливает его искаженность (неадекватность), снижает когнитивную сложность и внутреннюю дифференцированность. Негативные образы, соответственно, чаще способны порождать агрессивные или насильственные действия. Этнические образы – преимущественно социальные конструкции. Их содержание «задается» извне. Но по мере своего формирования они начинают обладать самостоятельностью и, помимо других факторов, сами оказываются важной причиной более частого «воплощения» установок в поступки. Актуализация «этнического» ракурса социального восприятия в ситуациях межэтнической напряженности также «выпрямляет» путь от образов к действиям.

Ситуация затяжной межэтнической напряженности и стремление народов к независимости при условии собственной государственности в прошлом и демографическом доминировании обуславливает сравнительно высокую допустимость агрессивных или насильственных действий против других групп. Проявления негативного отношения к другим этническим группам в форме агрессивных или насильственных действий определяются различными факторами, но не культурной предрасположенностью. В наших исследованиях значимые различия по уровню агрессивности были получены не между разными культурами, а, в частности, между мужчинами и женщинами и некоторыми возрастными группами.

– Формируются взаимные ошибочные интерпретации сторонами мотивов и действий друг друга. Эти интерпретации становятся серьезными, а иногда и непреодолимыми барьерами на пути урегулирования этнических разногласий и конфликтов. В условиях роста межэтнической напряженности они достаточно легко конструируются извне посредством националистической риторики, с готовностью воспринимаемой на уровне группового сознания, охваченного стремлениями к позитивной этнической идентичности и этнической безопасности. В результате серьезно искажается содержание взаимных интерпретаций. Затяжная ситуация межэтнической напряженности усиливает их конфронтационность и определяет специфику. Так, основой взаимных интерпретаций осетинами и ингушами друг друга явилось разрушение общего уровня этничности как основы «кавказского» родства, формирование конфронтующих между собой собирательных образов союзников и врагов, обострение и даже гипертрофия чувства социальной справедливости, доминирование соперничающей стратегии во взаимодействии, снижение уровня взаимного доверия, культивация чувства страха, существование представлений о культурной, психологической и религиозной несовместимости. Изменение конфронтующих интерпретаций – важнейшая часть процесса по налаживанию взаимопонимания между народами.

Теоретические и эмпирические результаты исследования определяют его прикладную значимость. Практические выводы могут быть суммированы следующим образом:

– Разработанные программы и методы этнопсихологического исследования представляют специализированный социально-психологический инструмент мониторинга уровня межэтнической напряженности и характера этномобилизационных процессов. На

его основе возможна не только текущая диагностика состояния межэтнических отношений и выявление очагов межэтнической напряженности, но и прогнозирование темпов ее роста и распространения, а также прогнозирование этнических миграций.

– Результаты исследования представляют систематизированную научно-информационную базу данных по Северному Кавказу, а также по ряду других регионов России. Результаты имеют сравнительный кросскультурный характер, что делает их особенно актуальными в процессе выработки региональной политики и стратегической линии национальной политики в Российской Федерации.

– Эмпирические и прикладные результаты исследования представляют психологический компонент комплексной работы по развитию интеграционных тенденций в обществе. Здесь главная задача этнопсихолога заключается в усилении взаимопонимания между народами, на основе которого возможно также изменение позиций конфликтующих сторон. Рассмотренные в работе механизмы межэтнического восприятия, особенности мотивационно-потребностной сферы, принципы психодиагностики этнических образов, выявленные взаимосвязи между установками и групповым поведением могут явиться эффективной научной основой по психокоррекционной работе в целях развития взаимопонимания между народами.

– Теоретические и эмпирические результаты исследования, раскрывающие глубинные психологические механизмы и закономерности трансформации межэтнических отношений в кризисные периоды развития общества, могут быть использованы в качестве основы «этнотерапии» как на высоком политическом уровне в процессе конструирования социальных отношений с целью предотвращения развития дезинтеграционных тенденций в обществе, так и в практической работе общественных деятелей, профессиональных политиков, социальных работников, психологов по урегулированию этнических конфликтов и поисках способов их разрешения, по реабилитации беженцев и вынужденных переселенцев.

Своевременная и квалифицированная работа в этом направлении может оказаться достаточно эффективной, так как в Российской Федерации сохранились широкие психологические возможности межкультурной интеграции.

В частности, это выражается в том, что среди жителей Республик России существенно доминирует число лиц, которых мы назвали посредниками – людей, открытых для иной культуры. Это говорит о том, что стремление к межэтнической кооперации и сотрудничеству – центральная стратегия поведения во взаимоотношениях между народами России. Она выражается в непопулярности экстремизма, в преобладании позитивной оценки прошлого опыта межэтнического взаимодействия, в высокой готовности к кооперации на личностном уровне, в значимости гражданства республики для русских и российского гражданства для титульных народов.

Кроме того между различными народами России существуют обширные общие семантические зоны – важнейшая база межкультурного понимания. Совпадающие характеристики в представлениях народов о самих себе позитивны с точки зрения самодекларации этническими группами их позиций в сфере межгруппового взаимодействия. В такой форме кристаллизуются сегодня на семантическом уровне остатки традиционных представлений о советском человеке. И это перспективное психологическое наследие для урегулирования межэтнических отношений в новой России. Это также обнадеживающая основа для эффективной «этнотерапии», как политической и социально-психологической деятельности, направленной

на развитие интеграционных тенденций в обществе. Понимаемая в таком смысле этнотерапевтическая деятельность означает профилактику и «лечение» националистических проявлений, этнофобий и этнической нетерпимости на разных уровнях общественной активности – от Президента страны до психолога, оказывающего конкретную психотерапевтическую помощь беженцу из зоны этнического конфликта.

Психологические исследования показывают, что любые мероприятия в рамках такой деятельности должны основываться на понимании человеческих устремлений и особенностей как на уровне отдельной личности, так и целых групп. Главное внимание в процессе этнотерапевтической деятельности должно уделяться проблемам соотношения этносоциальных групповых статусов и оценкам взаимоотношений как справедливых или несправедливых; удовлетворению этносоциальных потребностей, основанных на стремлении к позитивной этнической идентичности; проблемам осознания и понимания интересов другой стороны; усилению психологического чувства межкультурной близости и расширению общих семантических межкультурных зон; формированию адекватных и позитивных образов друг друга; снятию глубинных страхов и укреплению взаимного доверия.

Литература

- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
- Абдулатшгов Р. Г. Национальные отношения и политика общественного согласия // Этнополитический вестник. 1995. №2. С. 15–35.
- Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие (социально-психологические проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993.
- Аккиева СИ. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1994.
- Аклаев А.Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов (по материалам этносоциологического исследования греков Целковского р-на Груз. ССР) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1990. Вып.2. С. 12-36.
- Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С. 13–23.
- Алиева СУ. Запах фиалки // Так это было: Национальные репрессии в СССР: В 3 т. М.: ИНСАМ, 1993. Т.1. С.317-332.
- Анайбан З.В. Современная этнополитическая ситуация в Республике Тыва (по материалам социологического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С.97–118.
- Анастаси А. Психологическое тестирование: В 2 кн. М.: Педагогика, 1986. Кн. 1.
- Андреев А. Казачье движение: тенденции и перспективы // Сегодня. 1994. 12февр.
- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1997.
- Анчабадзе Ю.Д. Конфедерация народов Кавказа // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в 20 в. М., 1996. С. 183–200.
- Артановский С.Н. Современная зарубежная философская мысль и проблемы этнокультурных исследований // Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973. С.77-105.
- Арутюнов С.А. Народы и культура: развитие и взаимодействие М., 1989.
- Арутюнов С.А. Швейцарская модель гор Кавказа // Новый Вавилон. 1995. №2.
- Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР: Программа, методика и перспективы исследования // Сов. этнография. 1972. № 3. С.316-330.
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этно-социология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
- Асмолов А.Г., Шлягина Е.И. Национальный характер и индивидуальность: опыт этнопсихологического анализа // Психологические проблемы индивидуальности. Вып. 2. М.; Л., 1984.
- Бабич И.Л. Эволюция форм гостеприимства у кабардинцев // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С.23–34.
- Базоркина А. Терпение: Воспоминания // Так это было: Национальные репрессии в СССР: В 3 т. М.: ИНСАМ, 1993. Т.2. С.107-145.
- Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ, 1915.
- Баланс и разделение политической власти в полиэтнических обществах: Резюме конференции / Под ред. Ли Уокер, Пола Стерна. Washington: National Academy Press, 1993.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С.39-53.
- Велик А.А. Психологическая антропология: история и теория. М., 1993. С.143–169.
- Белик А.А. Психологическое направление в этнологии США // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. С. 190–241.
- Белозерцев С, Дуванова Л. Механика смерти (красный террор времен перестройки). М., 1993.
- Бзаров Р. Осетины // Эхо Кавказа. 1994. № 2. С.6–15.

- Блиев М.М. Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 111–125.
- Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. Спб., 1994.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бромлей Ю.В. Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
- Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983.
- Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. М.: Наука, 1987.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1994.
- Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психол. журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 104–115.
- Винокурова У.А. Сказ о народе Саха. Якутск, 1994.
- Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в 18 – начале 19 веков. М., 1974.
- Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту // Кавказский этнографический сборник, IX. М.: Наука, 1989.
- Волкова Н.Г. Кабардино-Балкария. Современные этнодемографические и этнокультурные процессы // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в 20 в. М., 1996.
- Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
- Габоева Л.Р. Из истории женского образования в Осетии // Эхо Кавказа. 1994. № 2. С.38-39.
- Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования): Автореф. дис.... канд. истор. наук. М., 1993.
- Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов XVIII – первая половина XIX в. М., 1967.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1992.
- Говорит элита Республик Российской Федерации. 110 интервью Леонаиды Дробижевой. М, 1996.
- Гордеев А.А. История казаков (1–3 части). М., 1992.
- Гостев А.А., Соснин В.А., Степанов Е.И. На путях становления отечественной конфликтологии // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 110–128
- Гостиев К. И. Опыт предшествующих поколений в разрешении осетино-ингушского противостояния // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. М.: Институт этнологии, 1995.
- Гостилова Л. К. Роль «старшей» женщины в семье (по материалам Северного Кавказа) // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемены. М., 1994. С. 192–199.
- Гостилова Л.К., Дзадзиев А.Б., Дзарасов А.А. Северная Осетия: от выборов до выборов (1993–1995) // Развивающийся электорат России. Этно-политический ракурс. Т. 3. Выборы 95. Вып. 2. М., 1996. С.92–94.
- Губогло М.Н. (ред.). Развивающийся электорат России. М., 1996.
- Гудков Л. Власть и чеченская война в отечестве // Дружба народов. 1996. № 2.
- Гузенкова Т. С, Коростелев А.Д. Этнокультурные ценности и ориентации в республиках Российской Федерации: сходство и различия // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С.143-171.
- Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- Гучев А. К. Проблемы и задачи кабардинского народа на современном этапе // Хасэ. 1992. № 3.
- Давыдов А.А. Измерение социальной напряженности. М., 1992.
- Дагестан: ниже-терское казачество. М., 1995.
- Дагестан: этнополитический портрет. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. М.: ИЭА, 1993. Т.1.
- Дагестан: этнополитический портрет. Очерки, документы, хроника. , М.: ИЭА, 1994. Т.2.
- Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- Данзанова Э.Ц. Содержание актуального этнопсихологического статуса личности (на материале бурятского этноса): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Демографический ежегодник СССР. М.: Госкомстат СССР, 1990.
- Дзадзиев А. Б. Динамика социально-этнической структуры автономных республик Северного Кавказа // Проблемы перестройки: социальный аспект. М., 1985.
- Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М., 1979
- Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социол. журнал. 1994. № 3. С.4–19.
- Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Сов. этнография. 1985. № 5. С.5–23.
- Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М., 1994. С. 16–47.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
- Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) // Сов. этнография. 1981. № 3. С.1–22.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. М., 1995.
- Ерасов Б.С. Этническое-национальное-цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры. 1995. Вып.2. С.81 –104.

- Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
- Заурбекова Г. В. Межличностные отношения в межнациональных коллективах и этнокультурные взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1987.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995.
- Иванов АМ. Этнополитическая ситуация в республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 61. М., 1994.
- Иванова Ю.В. Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М.: Наука, 1989. С. 139–154.
- Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1994.
- Калоев Б.А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // Кавказский этнографический сборник (КЭС). IX. М., 1989.
- Карер дАнкос Э. Кто бы ни выиграл выборы, вернуть Россию назад – дело немыслимое // Сегодня. 1995. 27 сент.
- Касьянова К. Русский национальный характер. М., 1995.
- Кисреев Э. Ф. Этнополитическая ситуация в республике Дагестан // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 72. М., 1994.
- Клементьев В. И. Социальная структура и национальное самосознание: Автореф. дис.... канд. истор. наук. М., 1971.
- Клементьев В.И., Пименов В.В. Язык, контакты и элементы этнической идентификации: Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго). Москва, 1973.
- Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993.
- Кобычев В. П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С.27–38.
- Кожанов А.А. Методика исследования национального самосознания: Автореф. дис.... канд. истор. наук. М., 1978.
- Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса// Сов. этнография. 1974. № 2. С.24–38.
- Козлов С.А. Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе в XVI-XVII вв. // Сов. этнография. 1990. № 5. С.47-56.
- Кон И.С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предрассудков) // Новый мир. 1966. № 9. С.188–204.
- Коротеева В. В. Этнические символы и символическая природа эт-ничности- концепции Дж.Армстронга, Э.Смита и Э.Хобсбаума // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М.: ИЭА РАН, 1994. С.37–55.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.
- Крупник И.И. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений // Сов. этнография. 1990. № 4. С.8–21.
- Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. М.: Наука, 1976. С.53–63.
- Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта// Социальные конфликты. Вып.9. М., 1995. С.4–12.
- Кушева Е.Н. Народы Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-30-е годы XVII в. М., 1963.
- Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель. М., 1947.
- Кцоева (Солдатова) Г.У. Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1985а.
- Кцоева Г. У. Методы исследования этнических стереотипов // Социальная психология и общественная практика. М., 19855. С.225–231.
- Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психол. журнал. 1986. Т. 7. № 2.
- Латынов В. Конфликт: протекание, способы разрешения, поведение конфликтующих сторон // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С.87–93.
- Лавров Л. И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа// Кавказский этнографический сборник, IX. М.: Наука, 1989 С.4–15.
- Лаудаев У. Чеченское племя // Поэма об Алгузе / Сост.: Е.А.Хадонов, З.М.Хадонов, Е.Е.Хадонов. М.: Мысль, 1993.
- Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- Лебон Г. Психология народов и масс. Спб., 1995а.
- Лебон Г. Психология социализма. Спб., 19955.
- Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя (1989–1994) // Куда идет Россия? М., 1994. С.218-229.

- Левкович В. П. Особенности супружеских взаимоотношений в разнонациональных семьях // Психол. журнал. 1990. Т. 11. № 2. С.26–34.
- Левкович В.П., Панкова КГ. Социально-психологические проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С.138–153.
- Леонтьев А.А. Личность как этническая категория // Сов. этнография 1983. № 3. С.35-44.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопр. философии 1992. №3 С 7-38.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Спб.: Искусство, 1994.
- Лурия А.Р. Историческое развитие познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
- Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Спб., 1994.
- Ляпин И. Русская правда // Так это было: Национальные репрессии в СССР. М.: ИНСАМ, 1993. Т.2. С.301-306.
- Магомедов Д. Аварцы // Эхо Кавказа. 1994. № 1. С. 12–18.
- Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах К.Маркса // Вопр. философии. 1968. № 6.
- Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996.
- Модестов Н. «Чеченская община» //Сегодня. 1996. 3 апр.
- Монгуш М. Ламаизм в Туве. Кызыл, 1992.
- Московши С. От коллективных представлений к социальным // Вопр. социологии. 1992. Т. 1. № 2. С.83–103.
- Мулдашева А. Б. Роль этнопсихологической двойственности в межэтническом взаимодействии: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1991.
- Мусина Р.Н. Республика Татарстан: межэтнические отношения, эт-ничность и государственность // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика М., 1995. С.143–169.
- Науменко Л.И. Особенности социальной перцепции внутригрупповой интеграции и межгрупповой дифференциации (по материалам социально-психологического исследования межэтнических отношений в Литве и Белоруссии): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
- Николаев М.Е. Идея, объединяющая Россию // Независимая газета. 1996. 5 марта.
- Одайник В. Психология политики. Спб.: Ювента, 1996.
- Омельченко И.П. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
- Опросник Басса–Дарки // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С 6-12.
- Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977.
- Павленко В.И., Таглин С.А. Введение в этническую психологию: Учеб. пособие. Харьков, 1992.
- Павленко В.Н., Солдашова Г.У. Некоторые особенности самосознания этнического меньшинства // Свобода или воля (к проблеме национального определения и самоопределения). Кишинев, 1994. С.76–92
- Петтигрю Т. Ф. Расовые отношения в США // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С.314–330.
- Петренко В. Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Сов. этнография. 1987. № 3. С.22–38.
- Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.,1988.
- Пименов В.В. Системный подход к этносу // Расы и народы. М.: Наука, 1986. С. 11-29.
- Платонов Ю.В., Почебут Л.Г. Этническая социальная психология. Спб., 1993.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история М., 1966.
- Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания: Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго). М., 1973.
- Пчелинцева Н.Д., Самарина Л. В. Карачай в контексте новой исторической реальности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1995. № 47.
- Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л. Т. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность // Женщина и свобода Пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994. С.185–192.
- Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
- Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Сов. этнография. 1978. № 2. С.34–43.
- Рощин С.К. Проблемы этноцентризма: Теория и политическая действительность XX века // Расы и народы. Вып. 23. М.: ИЭА РАН, 1994. С.59-104.
- Рукавишников В. О. Социальная напряженность//Диалог. 1990. № 8. С.7–11.
- Рыжова СВ. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание идеология практик. М., 1995. С.267–282.
- Савельев Е.П. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915. Репринтное переиздание. Владикавказ, 1991.
- Саган К. Драконы Эдема. М. Знание, 1986.
- Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. М.: Наука, 1988.

- Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М.: Механик, 1996.
- Смелзер Н. Социология. М., 1995.
- Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // КЭС IX. М., 1989.
- Смирнова Я. С. Карачаево-Черкессия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. № 48.
- Снежкова И.А. К проблеме изучения этнического сознания у детей и юношей // Сов. этнография. 1982. № 2.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Соколовский С.В. Этническое насилие: Структуры теоретического дискурса // Этнометодология. М., 1994. С.94–112.
- Соколовский С.В. О неуютности автаркии, национализме и пост-советской идентичности // Этнометодология. М., 1995. С.87–114.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шлягина Е.И. Нарушения этнической идентификации у русских мигрантов // Социол. журнал. 1995. № 3. С.144-150.
- Солдатова Г.У. Социально-психологические аспекты межэтнической напряженности // Духовная культура и этническое самосознание / Под ред. Л.М.Дробизевой. М.: ИЭА, 1991. С.178–200.
- Социальная идентификация личности / Под ред. В.А.Ядова. М: Институт социологии, 1993.
- Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации. М., 1995.
- Старовойтова Т.В. Некоторые методологические вопросы определения предметной области этнопсихологии // Социальная психология и общественная практика. М.: Наука, 1985. С.127–138.
- Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М.: Институт социологии, 1996.
- Стефаненко Т.Г. Атрибутивные процессы в межгрупповых отношениях: Дис.... канд. психол. наук. М., 1989.
- Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.И. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций М., 1994.
- Тард Г. Личность и толпа. СПб, 1903.
- Тепечин В.И. Социальная напряженность в контексте национальной безопасности России // Социальные конфликты. Вып.9. М., 1995. С.24-31.
- Типология и классификация в социологических исследованиях. М.: Наука, 1982.
- Тишков В.А. Новые подходы в теории и практике межнациональных отношений // Сов. этнография. 1989. № 5.
- Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума Российской Академии Наук 23 февраля 1993 г. М., 1993.
- Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997а. С. 15–44.
- Тишков В.А. Антиингушский синдром // Московские новости. № 31. 1997б.3–10 авг.
- Тменов В.Х. Древние верования осетин и ингушей и их отражение в памятниках материальной культуры // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С.33–72.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой. М.: Азбуковник, 1997.
- Токарев С.А. Этнопсихологическое направление в американской этнографии. М., 1978.
- Трусов В.П., Филиппов А. С. Этнические стереотипы // Этническая психология (Этнические процессы и образ жизни людей). Л., 1984.
- Уарзиати В. С. Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С.83–103.
- Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1992.
- Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1994.
- Халидов А. Ислам и политика в Дагестане // Кавказский дом. 1992. 21 июля.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1.
- Цуциев А.А. Исторические аспекты территориального конфликта между Ингушской республикой и республикой Северная Осетия // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С.181–192.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.М.Засориной. М., 1977.
- Чернобай П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. 1992. № 7. С.94–98.
- Чеснов Я. В. Этнокультурный потенциал чеченской нации // Северный Кавказ: политические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996.
- Чеченский кризис / Под ред. Л.А.Беляевой. М.: Изд-во ЦКСИим., 1995.

Численность безработных и трудоустройство незанятого населения Российской Федерации в июне 1994 г. (По данным Федеральной службы занятости). М.: Госкомстат России, 1994.

Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.

Шлягина Е.И., Ениколопов СИ. Методы изучения этнической толерантности личности // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. унта, 1993.

Шихирев П.Н. Исследования социальной установки в США// Вопросы философии. 1973. № 2. С. 159–166.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.

Шихирев П.Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993.

Эткинд А.М. Цветовой тест и его применение в исследовании больных неврозами // Социально-психологические исследования в психоневрологии. М., 1980. С. 110-114.

х

Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М.: Наука, 1989.

Юнг К. Психологические типы. М., 1995.

Юнг К. Современность и будущее // Одайник В. Психология политики. Спб.: Ювента, 1996а. С.205–265.

Юнг К. Очерки о современных событиях. Психология нацизма // Одайник В. Психология политики. Спб.: Ювента, 1996б. С.266–337.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4.

Ярошевский М.Г. История психологии, М.: Мысль, 1976.

Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y.: Harper and Row, 1950.

Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

Anchabadze Iu.B., Arutiunov S.A., Volkova N.G. The North Caucasus: the National Situation and Ethnic Problems // Punished Peoples: An Update on the Situation in the North Caucasus and Kalmukia. Anthropology & Archeology of Eurasia. Spring 1993. Vol. 31. № 4. P.40-53.

Amir Y. Contact hypothesis in ethnic relations // Psychological Bulletin, 71, 1969. P.319-342.

Anthropology psychological//Encyclopedia of Psychology. L., 1972. Vol. 1.

Argyle M., Furnham A., Graham J.A. Social situations. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Baiter M.M., Vinokurova U.A. Nationalism, Interethnic Relations and Federalism: The Case of the Sakha Republic (Yakutia) // Europe-Asia Studies. 1996. Vol.48. №.1.P.108-121.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference / Ed. by Fredrik Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.

Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries» /Eds.: H.Vermeulen, C.Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11–32.

Beattie Q.W., Agani C, Spencer C. Social stereotypes held by different occupational groups in post-revolutionary Iran // European Journal of Social Psychology. 1982. Vol. 12. P.75-87.

Benedict R. The Patterns of Culture. N.Y.: Mentor, 1934.

Bennis W., Shepard H. A Theory of Group Development // Human Relations. 1956. № 4. P.416-431.

Berkowitz L. Aggression: A Social Psychological Analysis. N.Y., 1962.

Billig M.G., Tajfel H. Social categorization and similarity in intergroup behavior // European Journal of Social Psychology. 1973. № 3. P.27–52.

Blake R.R., Mouton J.S. Group dynamics: Key to decision-making. Houston, TX: Gulf, 1961.

Bobad E., Wallbott H. The effects of social factors on emotional reactions // Experiencing emotions: A cross-cultural study. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Bochner S. (Ed.). The Social Psychology of Cross-Cultural Relations // Cultures in Contact. N.Y.: Pergamon Press, 1982.

Boehm H. Blood Revenge: The Anthropology of Feuding in Montenegro and Other Tribal Societies. University Press of Kansas, 1984.

Bogardus E.S. Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. № 34. P.286-291.

Brewer M. Ingroup bias in the minimal group situation // Psychological Bulletin. 1979. № 56. P.307-324.

Brewer M. The role of ethnocentrism in intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Eds.: Austin W.&Worchel S. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979.

Brewer M., Kramer R. The Psychology of Intergroup Attitudes and Behavior // Annual Review of Psychology. 1985. № 36. P.219–243.

Brigham J. O. Ethnic stereotypes // Psychological Bulletin. 1971. № 76. P. 15-38.

Brislin R. Translation and content analysis of oral and written materials // Handbook of cross-cultural psychology. Boston: Allyn and Bacon, 1980. Vol. 2.

Brislin R. W., Lonner W.J., Thorndike M. Cross-cultural research methods. N.Y.: Wiley, 1973.

Brown R. Social Psychology. N.Y.: Free Press, 1965.

- Bucanan W. Stereotypes and tensions as revealed by the UNESCO international poll // *International Social Science Bulletin*. 1951. № 3. P.515–528.
- Burton Y. W. *Resolving Deep-Rooted Conflict: A Handbook*. Lanham M.B.: University Press of America. 1987.
- Burton Y. W. (Ed.). *Conflict: Human Needs Theory*. N.Y.: St. Martins Press, 1990.
- Burns R. *The Self-Concept: Theory, Measurement and Behavior*. N.Y., 1979.
- Campbell D.T. Ethnocentrism and other altruistic motives // *Nebraska Symposium on Motivation*. Vol. 13. Lincoln: University of Nebraska Press, 1965. P.283-301.
- Cauthen N.R., Robinson A.E., Krauss H.H. Stereotypes: a review of the literature 1926-1968 // *Journal of Social Psychology*. 1971. № 84. P. 103–125.
- Cohen A. *The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity*. London, 1974.
- Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies / Ed. by Joseph V. Montville*. Lexington Books, Canada, 1990.
- Coser L.A. *The Functions of Social Conflicts*. Glencoe, IL: Free Press, 1956.
- Cook S. Interpersonal and attitudinal outcomes in cooperating interracial groups // *Journal of Research and Development in Education*. 1978. № 12. P.97-113.
- Conflict and Social Psychology / Ed. by K.S. Larsen*. London: Sage Publications, 1993.
- De Fleur M.L., Westie F.R. Verbal attitudes and overt acts: an experiment on the salience of attitudes // *American Sociological Review*. 1958. № 23. P.667–673.
- Deutsch M. *The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes*. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Deutsch M. Sixty Years of Conflict // *The International Journal of Conflict Management*. Vol. 1, № 3. July 1990. P.237-263.
- Devereux C *Basic problems of ethnopsychiatry*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Doise W., Sinclair A. The categorization process in intergroup relations // *European Journal of Social Psychology*. 1973. № 3. P. 145–157.
- De Vos G.L., Romanucci-Ross L. (Eds.). *Ethnic Identity*. Chicago, 1982.
- Erikson E. *Childhood and society*. New York: Harmondsworth, 1967.
- Erikson E. A Memorandum of Identity and Negro Youth // *A Way of Looking at Things*. Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N.Y.:W.W.Norton & Company, 1995a.
- Erikson E. *Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things*. Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton & Company, 19955.
- Feldman R. Response to compatriot and foreigner who seek assistance // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. № 10. P.202–214.
- Fisher R.J. *The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution*. N.Y.: Springer-Verlag, 1990a.
- Fisher R.J. *Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflict // Ed. By J. Burton. Conflict: Human Needs Theory*. N.Y.: St.Martins Press, 19905.
- Fishman J.A. An examination of the process and function of social stereotyping // *Journal of Social Psychology*. 1956. № 43. P.27–64.
- Freud S. *Group Psychology and the Analysis of the Ego (1921) // The Standard Edition of the Complete Works*. Vol. XVIII. Hogarth Press, 1957.
- GaltungJ. *International Development in Human Perspective // Ed. By J. Burton. Conflict: Human Needs Theory*. N.Y.: St.Martins Press, 1990.
- Gilbert G.M. Stereotype of imagery and belief as an Ego Defence // *British Journal of Psychology. Monograph Supplement*. 1962. № 34. P.245–254.
- Gudykunst W.B., Ting-Toomey S., Chua E. *Culture and interpersonal communication*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1988.
- HalleE.T. *Beyond culture*. N.Y.: Doubleday, 1976.
- Hamilton D. Illusory correlations as a basis for stereotyping // *Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981.
- Hamilton D.L., Gifford R.K. Illusory correlation in interpersonal perception: a cognitive basis of stereotypic judgments // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976. № 12. P.392-407.
- Handbook of cross-cultural psuchology*. Boston: Allyn and Bacon, 1980. Vol. 1-3.
- Harding J., Proshansky H., Kutner B. and Chein I. Prejudice and ethnic relations // Lindzey G. and Aronson E. (Eds). *Handbook of Social Psychology*. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley. 1969. Vol. V. P.1–76.
- Herron W. Development of the Ethnic Unconscious // *Psychoanalitic Psychology*. 1995. № 12(4). P.513-520.
- Hewstone M, Jaspars J. Cross-cultural interaction, social attribution and inter-group relations // Bochner S. (Ed.). *Cultures in contact. Studies in cross-cultural interaction*. N.Y.. Pergamon Press, 1982.
- Hewstone M., Brown R. Contact is not enough // Newstone M., Brown R. (Eds). *Contact and conflict in intergroup encounters*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Hewstone M., Giles H. Stereotypes and intergroup communication // Gudykunst W. (Ed.). *Intergroup communication*. London: Edward Arnold, 1986. P. 10–26.
- Hobsbawm E.J. *Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today*. 1992. Vol. 8. № 1.

- Hofstede G. *Cultures Consequences: International Differences in Work-related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
- Hofstede G. Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions // J. Deregowski, S. Dzuirawiec, «feR. Annis (Eds.), *Explications in cross-cultural psychology*. Lisse, The Netherlands: Swets&Zeitlinger, 1983.
- Hunt I. Situational Cues Distinguishing Anger, Fear and Sorrow // *The American Journal of Psychology*, № 81. 1958.
- Jagoda G. Nationality preferences and national stereotypes in China before independence // *Journal of Social Psychology*. 1959. № 50. P.165–174.
- Javier R.A., Rendon M. The Ethnic Unconscious and its Role in Transference, Resistance, and Countertransference: An Introduction // *Psychoanalytic Psychology*. 1995. № 12(4). P.513-520.
- Javier R.A., Yusef M. A Latino Perspective of the Role of Ethnicity in the Development of Moral Values: Implications for psychoanalytic theory and practice // *Journal of the American Academy of Psychoanalysis*. № 23. 1995. P.79–97.
- Jung C G. *Two Essays on Analytical Psychology* // *The collected works*, Vol. 7. Bollingen Series XX. Princeton University Press, 1977o.
- Jung C G. *The Fight with the Shadow* // *Civilization in Tranzition* *The collected works*. Vol. 10. Bollingen Series XX. Princeton University Press, 19775.
- Karlins M., Coffman T.L., Walters G. On the fading of social stereotypes-Studies in three generations of college students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. № 28. P. 1-16.
- Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. № 28. P.280–290.
- Kelly G.A. *The Psychology of Personal Constructs*. New York: Norton, 1955.
- Klineberg O. Contact between ethnic groups: a historical perspective of some aspects of theory and research // Bocher S. (Ed.). *Cultures in Contact*. N.Y.: Pergamon Press, 1982. P.48-55.
- Kluckhohn F., Strodtbeck F. *Variations in value orientations*. N.Y.: Row, Peterson, 1961.
- Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. № 1.
- Kutner B., Wilkins C, Yarrow P. Verbal attitudes and overt behavior involving racial prejudice // *Journal of Abnormal and Social psychology*. 1952. № 47. P.649-652.
- La Piere R. T. Attitudes vs. actions // *Social Forces*. 1934. № 13. P.230–237.
- Lambert W.W. *Cross-Cultural Exploration of Childrens Aggressive Strategies* // *Determinants and Origins of Aggressive Behavior* / J. de Wit, W.W.Hartup (eds). Den Haag, 1974.
- Levine R.A., Campbell D.T. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior*. N.Y.: Wiley, 1972.
- Lewis H.B. *Shame and Guilt in Neurosis*. International Universities Press, 1971.
- t
- Leung K. Some determinants of conflict avoidance // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1988. Vol. 19. № 1. P.125-136.
- Leung K. & Bond M. The impact of cultural collectivism on reward allocation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. № 47. P.793-804.
- Levi-Strauss C *Anthropology* // *Diogene*. 1975. № 90. P.3–30.
- Lippman W. *Public Opinion*. N.Y.: Harcourt Brace, 1922.
- Lukens J *Interethnic conflict and communicative distance* // *Language and ethnic group relations*. Oxford: Pergamon Press, 1979.
- Mack R. W., Snyder R. C The analysis of social conflict – Towards an overview and synthesis // *Journal of Conflict Resolution*. 1957. № 1. P.212–248.
- Markus H., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion and motivation // *Psychological Review*. 1991. № 98(2). P.224–253.
- Maslow A. *Motivation and Personality*. N.Y., 1954.
- Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chicago, 1934.
- Mead M. *Sex and temperament in three primitive societies*. N.Y.: Morrow, 1935.
- Minard R.B. Race relations in the Pocachontas Coal Field // *Journal of Social Issues*. 1968. Vol. 8. P.29–44.
- Moscovici S. *The Phenomena of Social Representation* // *Social Representations*. Cambridge. 1984. P.3-69.
- Murdock G.P. *Ethnography atlas*. Pittsburg, 1967.
- Naroll R., Cohen R.A. *A handbook of method in cultural anthropology*. N.Y.: Colombia University Press, 1970.
- Osgood C.E., May M., Miron M. *Cross-cultural universals of affective meaning*. Urbana: University of Illinois Press, 1975.
- Parsons T. *The Social system*. Glencoe, Il: Free Press, 1951.
- Parsons T. *The structure of social action*. N.Y., 1937.
- Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity // Glazer N., Moynihan D. (Eds.). *Ethnicity, Theory and Experience*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Phinney J. Ethnic identity in adolescents and adults: review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P.449-514.

- Postman L., Burner J. Perception under stress // *Psychological Review*. 1948.
- Rieber R., Kelly R. Substance and Shadow: Images of the Enemy // *The Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy*. Rieber R. (Ed.). N.Y.: Plenum Press, 1991.
- Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale, N.Y., 1978. P.29-45.
- Ross M.H. Psychocultural Interpretation Theory and Peacemaking in Ethnic Conflicts // *Political Psychology*. 1995. Vol. 16. № 3. P.523-545.
- Rothbart M., Dawes R., Park B. Stereotypes and sampling biases in intergroup perception//*Attitudinal judgment*. N.Y.: Springer Verlag, 1984.
- Rothbart M., Fulero S., Jensen C, Howard J., Birrel P. From individual to group impressions: Availability heuristics in stereotype formation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1978. № 14. P.237-255.
- Rothbart J., John O. Social Categories and Behavioral Episodes: A Cognitive Analysis of the Affects of Intergroup Contact //*Journal of Social Issues*. 1985. Vol. 41,№3. P.81-104.
- Rubenstein R. Basic Human Needs Theory: Beyond Natural Law // *Conflict: Human Needs Theory / Ed. by J. Burton*. N.Y.: St. Martins Press, 1990.
- Sarwer-Foner G.J. On social paranoia: The psychotic fear of the stranger and that which is alien // *Psychiatric Journal of the University of Ottawa*. 1979. Mar. Vol. 4 (1). P.21-34.
- Scheff T.J. Emotions and Identity: A Theory of Ethnic Nationalism // *Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by C Calhoun*. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1994.
- Secord P.E., Backman C. *Social Psychology*. N.Y.: McGraw Hill, 1964.
- Schachter S. *The Psychology of Affiliation: Experimental studies of the Sources of Gregariousness*. Stanford University Press, 1959.
- Sherif M. In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation. N.Y.: Houghton Mifflin, 1966.
- Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Sherif C.W. *Intergroup Conflict and Cooperation: the Robbers Cave Experiment*. Norman: University of Oklahoma Book Exchange, 1961.
- Simpson G.E., Yinger J.M. *Racial and cultural minorities*. N.Y.: Harper and Row, 1965.
- Sites P. Needs as Analogues of Emotions // *Ed. by J. Burton. Conflict: Human Needs Theory*. N.Y.: St.Martins Press, 1990.
- Soldatova G, Dement eva I. Russians in the North Caucasian Republics // *The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics / Eds. V. Shlepentokh, M.Sendich, E. Pain*. N.Y.: M.E.Sharpe Inc., 1994. P.122-141.
- Staub E. *Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*. Cambridge University Press, 1989.
- Stephan W. Stereotyping: the role of ingroup – outgroup differences in causal attribution of behavior // *Journal Social Psychol*. 1977. Vol.101. P.255–265.
- Stem P. C Why do People Sacrifice for their Nations? // *Political Psychology*. 1995. Vol. 16, №2. P.217-235.
- Tajfel H. Social and cultural factors in perception // G. Lindzey and E.Aronson (eds.) *Handbook of Social Psychology*. Vol. 3. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, 1969.
- Tajfel H. Experiments in a vacuum // Izrael J., Tajfel H. (eds.) *The Context of Social Psychology: A Critical Assessment*. European Monographs in Social Psychology, № 2. London: Academic Press, 1972.
- Tajfel H. (ed). *Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London: Academic Press, 1978.
- Tajfel H. *Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup Behavior*. Oxford, 1981.
- Taylor B.M., Aboud F.E. Ethnic Stereotypes: is the concept necessary // *Canadian Psychologist*. 1973. № 14. P.330-338.
- Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The mind Aflame*. London: Sage Publications, 1996.
- Triandis H. Collectivism vs. individualism: A reconceptualization of a basic concept in cross-cultural psychology // Bagley C, Verma G. (eds.), *Personality, cognition, and values: Cross-cultural perspectives of childhood and adolescence*. London: Macmillan, 1986.
- Triandis H., Leung K., Villareal M., Clack F. AHocentric versus ideocentric tendencies // *Journal of Research in Personality*. 1985. № 19. P.395– 415.
- Triandis H., Vassilliou V. Frequency of contact and stereotyping // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. № 7. P.316–328.
- Triandis H., Berry J. (Eds.) *Handbook of cross-cultural psychology: Vol.2. Methodology*. Boston: Allyn and Bacon, 1980.
- Turner J. C *The Experimental Social Psychology of Intergroup Behavior // Turner J.C., Giles H. (Eds.). Intergroup Behavior*. Oxford: Blackwell, 1981.
- Turner J. C. Social comparison, similarity and ingroup favouritism // *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup relations*. Ed. By H.Tajfel. London: Academic Press, 1978.
- Turner J., Giles H. *Intergroup behavior*. Oxford: Basic Blackwell, 1981.
- Turner J., Shaver I., Hogg M. Social categorization, interpersonal attraction and group formation // *British Journal of Social Psychology*. 1983. № 22. P.227-239.
- Van den Berghe P.L. *The Ethnic Phenomenon*. N.Y., Oxford, 1981.

Vaughan G., Tajfel H., Williams J. Bias in reward allocation in an intergroup and interpersonal context // *Social Psychology Quarterly*. 1981. № 44. P.37-42.

Van Dijk T. Cognitive situation models in discourse production // *Language and Social Situations*. N.Y.: Springer Verlag Inc., 1985. P.61-75.

Van Dijk T. *Elite Discourse and Racism*. London: Sage Publications, 1993.

Verdery K. Whither «Nation» and «Nationalism»? // *Daedalus*. Summer. 1993.

Vinacke W.E. Stereotyping as social concepts // *Journal of Social Psychology*. 1957. № 46. P.229-243.

Volkan V.D. *The need to have enemies and allies: From clinical practice to international relationships*. N.Y.: Yason Aronson, 1988.

Websters Third New International Dictionary. Vol. 3. London: William Benton, 1966.

Wetherell M. Cross-cultural studies of minimal groups: Implications for the social identity theory of intergroup relations // Tajfel H (Ed.). *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationships of overt and behavioral responses to attitude objects // *Journal of Social Issues*. 1969. № 25. P.41-78.

Wright Q. *The nature of conflict* // *Conflict: readings in management and resolution* / Eds. by Burton J., Dukes F. N.Y.: St.Martins Press, 1990.

Psychology of inter-ethnic tension.

Summary

Inter-ethnic tension has become the main feature of the relationships between different peoples of the Russian Federation. It turned into a significant factor in the development of dialogue between the center and the republics which to a large degree determines the social and psychological climate. In this work inter-ethnic tension is studied from three different perspectives: as a social and psychological feature of relationships between ethnic groups; as a psychological and ethnocultural feature of the collective mentality of interacting ethnic groups; as a result of the activation of group defense mechanisms.

The book contains both theoretical and empirical study. More than 4600 respondents participated in this study. Its empirical ground is built by a number of social-psychological investigations and ethnosociological surveys, conducted by the author or with her participation in various periods of time:

1) Social-psychological research of the peculiarities of ethnic identity of the Ossetians, Ingush, Chechen and Russians after the aggravation of Ossetian-Ingush relationships in October 1992;

2) Ethnosociological survey of ethnic stereotypes among refugees from South Ossetia and internal regions of Georgia. Carried out in September 1991 during the period of the highest tension in relationships between Georgia and South Ossetia;

3) Ethnosociological survey among residents of Vladikavkaz (North Ossetia), May 1992, conducted five months before the outbreak of an armed conflict between Ingushetia and North Ossetia (Russian, Ossetian, Ingush respondents);

4) Social-psychological research of self-concept of Terek Cossaks, carried out in 1993 and 1995 in various republics of Northern Caucasus;

5) Social-psychological survey on urban population of North Ossetia-Alania, Tuva, Tatarstan and Sakha (Yakutia) as a part of the project "Ethnic Identity, Nationalism and Conflict Resolution in the Russian Federation" (April 1994, August 1994, 1995);

6) Social-psychological research on leaders and activists of national movements in North Ossetia-Alania and Tuva, carried out as a part of the project "Ethnic Identity, Nationalism and Conflict Resolution in Russian Federation" in August-September 1994 (Ossetian and Tuvian respondents);

7) Social-psychological study of Russian resettles (Cossaks) from Chechnya, held in August-September 1994 in North Ossetia-Alania;

8) Social-psychological investigation of psychological state and ethnic identity of Russian refugees from Grozny (January-February 1995);

9) Research of the attitudes of Moscovites towards "persons of Caucasian nationality" (August, 1996).

The first chapter - "Research of Inter-ethnic Tension: Towards a Theoretical Framework" - presents theoretical analysis and empirical research of inter-ethnic tensions as a social-psychological phenomenon. The system of social-psychological indicators is explained and elaborated in order to be used in monitoring and management of inter-ethnic tensions. Content and mechanisms of ethnic self-consciousness and ethnic identity as its cognitive and motivational core are considered. Ethnicity is defined as an important category of status within the structure of collective self-images of group members. Its relation with civic identity is analyzed as depending on the level of inter-ethnic tension. Transformation of ethnic identity among titular groups and Russians in Tuva, Tatarstan, North Ossetia and Sakha(Yakutia) is examined through the categories of ethnic norm, ethnic indifference, hypo- and hyper-identity which are a function of situations of inter-ethnic tension and social-demographic indicators. Analyzed is the sphere of motivation and needs as a component of ethnic identity and ethnic solidarity as psychological basis of coordination of group actions by studying the motives of ethnic affiliation, status and archetype. Inter-ethnic dispositions (stereotypes, prejudices) and psychological universal attributes serve as a means to investigate the images and limits of inter-cultural understanding. Group behavioral strategies and mechanisms of resolving inter-group problems in republics with different degree of inter-ethnic tensions are compared. In accordance with the system of the distinguished social-psychological indicators four situations of inter-ethnic tension are depicted: latent tension, frustration, conflict and crisis; mechanisms of tension escalation are revealed.

The second chapter "Underlying Assumptions and Methods of Empirical Investigation of Inter-Ethnic Relationships" deals with the

principles of designing of the program of ethnosociological research. Original social-psychological methods and techniques are proposed, created either by the author herself or in collaboration with her colleagues, in accordance with the theoretical statements, exposed in chapter 1. Original methods and techniques include: "Diagnostic Test of Relationships" that focuses on measuring the emotional-evaluative component of ethnic stereotypes; "Types of Ethnic Identity" inventory that focuses on the investigation of ethnic identity transformations through measuring the level of ethnic tolerance; "Culture-Value Differential" that provides cross-cultural analysis of value orientations and psychological universals; "Ethnoaffiliation Questionnaire" designed for the assessment of ethnoaffiliative motives.

Chapter 3 "From Theory to Practice: the Case of North Caucasus" is devoted to the investigations of social-psychological problems of inter-ethnic relationships in the republics of the North Caucasus. The mountain peoples are considered as the subjects of interaction. Such specific types of mass ethnopolitical mobilization as movement for the rehabilitation of the deported peoples, islamism, solidarity and militarization are distinguished and analyzed. The common ethnicity of peoples of North Caucasus is discussed, its basis being made by the following universal attributes: traditionalism, seclusion, regimentation, sense of community, androcentrism, radicalism. A special section deals with social-psychological analysis of various ethnic groups who play different roles - participants, observers and victims - in situations of inter-ethnic tensions in the North Caucasus. Ethnic identity, ethno-cultural distance, transformation of cultural and evaluative components of ethnic stereotypes among peoples of the North Caucasus are investigated under the conditions of latent inter-ethnic tensions in early 1980s. Social-psychological determination of maintenance of inter-ethnic tensions between Ingushetia and North Ossetia is specially analyzed. Status, peculiarities of self-consciousness and character of relationships of Russian population and the Cossaks with mountain peoples are considered in a wide spectrum of situations - from frustration to crisis. Characterized are the psychological state and ethnopsychological problems of adaptation of forced migrants - resettles and refugees from South Ossetia and Chechnya, victims of situations of conflict and crisis engendered by inter-ethnic tensions.

The findings presented in the work helped to identify the main peculiarities of inter-ethnic tension. It is a multisubject, multilevel and dynamic social and psychological phenomenon capable of quick irradiation by the principles of induction and group counteraction.

Inter-ethnic tension is the psychological basis of disintegration processes between peoples. Their comprehension is necessary for developing the strategy of prevention and management of ethnic conflicts and the elaboration of state national policy. The basic theoretical concepts revealing the psychological basis of disintegration processes in a multiethnic society are the following.

Inter-ethnic tension restructures intraethnic and interethnic relationships between the peoples. Ethnic elites play the leading role in this process. Ethnic groups concentrate the efforts on creating and strengthening ethnic boundaries. As a result, the relationships between the peoples may in turn be restructured. As inter-ethnic tension increases, ethnic boundaries become more and more artificial, and the issue of cultural diversity of ethnic groups is replaced by the problem of contradictions between their demands.

Ethnicity is the main instrument, with the help of which an ethnic group manages to outline reliable and noticeable boundaries. It is a form of social identity which acquires special meaning in a multiethnic society in the periods of crisis. In this case ethnicity as a central cognitive-motivational construct of ethnic self-consciousness becomes the major basis of both intragroup and intergroup interaction, as well as the prism, through which the world is refracted. Carrying out the function of intraethnic integration, ethnicity influences the development of disintegration trends in a society as a whole.

Within a group itself a transformation of relationships occurs on the basis of intensification of solidarity, ethnopolitical and ethnocultural mobilization. Its ways are set by ethnocultural and ethnopsychological features of the group and are formed on their basis by behavioral structures of ethnicity. For example, as inter-ethnic tension increases, such qualities as seclusion and traditionalism of the Northern-Caucasian cultures "launch" an important defense mechanism of regressive character: they determine a cultural "withdrawal" backwards - in the traditional ethnocultural niche - and actualize traditional regulative mechanisms. Such qualities as communality and regimentation promote consolidation, dictate the necessity of participation and mobilization of everyone in a situation in which ethnic safety is endangered. Radicalism and androcentrism favor force as a means of resolving conflicts.

Restructuring of the system of ethnic relationships occurs through different forms of ethnopolitical mobilization. Besides forms of ethnopolitical mobilization common for the peoples of Russia in the 1990-s - striving for independence and cultural renaissance - there are specific directions of group activity. For example, in the Northern

Caucasus these are: rehabilitation of the deported peoples, islamism, militarization, solidarization along ethnic lines. They to a large degree determine the development of inter-ethnic relations and are used intensively by the local elites to maintain their grip on power. The ethnic dimension of ontological needs for identity and security generates a need for ethnicity, which has three aspects and generates three groups of motives connected to needs for ethnic belongingness, positive ethnic identity and ethnic security. As inter-ethnic tension increases, the need for ethnic identity becomes the main component of the integrated need for multiple social identity. Dissatisfaction brought about by the frustration of group needs for positive ethnic identity and ethnic security are the underlying causes of increased inter-ethnic tension.

As inter-ethnic tension rises, psychological defense mechanisms of ethnic groups as independent and integral subjects of activity become activated. The basis of their activation lies in the impairment of compensatory link between collective unconscious and consciousness. Social-perceptual mechanisms regulating intergroup percep-

tion are universal cross-cultural defense mechanisms. Among those the following should be listed: accumulation and stability of negative information, selective emotional perception, overstatement of intergroup and understatement of intragroup differences, generalization of emotions according to ethnic criterion, attribution of responsibility and guilt to other groups and external circumstances, underestimation or overestimation of differences in cultures, emotional inversion, negative projection. Besides the universal social-perceptual mechanisms specific defense mechanisms may be characteristic of separate cultures. Regression which determines a kind of return of an ethnic group to earlier stages of its development presents such a mechanism for the peoples of Northern Caucasus. At a behavioural level it is expressed, in particular, in the restoration of clan and tribal social structure and traditional models of behavior, in a surge of religious activity, in increased number of endogamous marriages.

Inter-ethnic tension is a dynamic phenomenon which tends to grow and decrease periodically. It manifests itself in the changing psychological state of interacting ethnic groups, as well as in the dynamics of ethnomobilizing processes in a society. Studying inter-ethnic tension in the range from hidden background tension to open aggression and violence in relationships between the peoples resulted in identifying four phases: latency, frustration, conflict and crisis. The transition to the next phase each time signifies reaching certain critical

points, the evaluation of which is essential for diagnosing the level of inter-ethnic tension and the prevention of its further growth. As inter-ethnic tension escalates from the stage of latent tension to that of frustration and then to conflict and crisis, defense psychological mechanisms take on their extreme forms.

At the psychological level the growth of inter-ethnic tension and the activation of ethnomobilizing processes manifest themselves in: (a) increasing dissatisfaction of group needs for positive ethnic identity and ethnic security; (b) rising status of ethnicity in the structure of a group social identity, (c) ethnic self-consciousness being transformed into hyperethnicity, negative images crystallizing, (d) growing number of ethnically intolerant people; (e) narrowing distance between ethnic images and real actions. These are the basic parameters of the level of inter-ethnic tension, which reach their own critical values depending on the phase of inter-ethnic tension.

On the basis of comparison of the above listed parameters in various cases of inter-ethnic tension the critical points of its transition from one phase to another were identified empirically. The phase of frustration is followed by that of conflict at which manifestations of aggression and violence in the relationships between the peoples are possible. In this connection the following empirical results revealing social and psychological bases of the transition between inter-ethnic tension and violent conflicts were obtained.

As a result of the frustration of ethnic needs, first, ethnoaffiliative, status and archetypic motives in most of ethnic group representatives become more pronounced. Second, the level of mass neurotization and frustration rises, the sources of which being often found in other ethnic groups. The more pronounced these motives are and the less is the level of mass neurotization and frustration, the higher are the indexes of intragroup solidarity which provide an important psychological basis of ethnomobilizing processes. Their increase among the titular nations as compared to the Russian population of the republics reflects the main vector of development of inter-ethnic tension: growing intensity of ethnomobilizing processes in the republics of the Russian Federation on the part of the titular nations. In such a category of forced migrants as refugees frustration of the need for ethnic identity combined with posttraumatic stress are the main reasons of the maladjustment characteristic of them. In the structure of social identity ethnic belongingness comes next after the categories of private life (family, sex, profession, age) - the bases of adjustment and survival in the periods of social crises. In the 1990s the notion "the Soviet

person", once the main ideological category, was replaced by that of ethnicity. For the titular nations the rising status of ethnicity presents a compensation for the split civil identity which lost its former importance. The significance of ethnicity tends to grow in accordance with the growing striving for independence and gets stronger in the process of confrontation with other peoples. Rising status of ethnicity in the structure of group social identity leads to growing ethnomobilization of consciousness.

The basis of the change of ethnic identity for hyperethnicity and the crystallization of negative images is the transformation of ethnic stereotypes into biases and prejudices, decrease in the adequacy of perception, growing psychological and cultural distance, decrease of common semantic zones of cross-cultural understanding, increasing divergence between value systems, orientations and universal psychological concepts, increased intensity of hyperethnic or xenophobic reactions. All this determines the decrease of the level of ethnic tolerance of the nations not only with respect to the confronting group, but also towards neutral groups or even allies.

Social and psychological research in the republics of Russia (Tatarstan, North Ossetia-Alania, Sakha (Yakutia) and uva), carried out in 1994-1995, showed that even during the outbursts of ethnicity pronounced hyperethnic and xenophobic attitudes turned out to be characteristic of only a small number of the respondents. Among the Russian inhabitants of these republics the number of such persons varied from 1% to 5%, whereas among the titular nations they ranged from 3% up to 9%. Nevertheless, these data suggest that the share of people with pronounced hyperethnic attitudes is not so negligible as to be ignored at all.

Lower hyperethnicity among Russians shows that the ethnic belongingness is not so important for them as it is for the titular groups. On the whole Russians in the republics aspire first of all to maintain social and professional status, firmly established division of spheres of employment, and, consequently, tend to demonstrate a higher degree of ethnic tolerance. As a result, on the average there are 1.5 less ethnically intolerant individuals among Russians than among the titular nationalities of the republics. However, this can be explained not so much by tolerance as a quality of the national character type, but rather by the dictates of social conditions. Tolerance acts as a defense mechanism, when Russians have to try to seek understanding of the titular nations concerns for the purpose of adjustment. High intensity of xenophobic reactions is demonstrated with respect to

"newcomers" and, first of all, to forced migrants - refugees and resettles. It is characteristic, in particular, for Northern Ossetia-Alania. It is quite pronounced in Moscow, where about half of all forced migrants tend to settle down. Our studies have shown, that negative ethnic characteristics are ascribed to an object of xenophobia, even if he is of the same ethnicity as the respondents. For instance, Russian residents of Moscow when characterising Russian refugees from Grozny, often referred to them as "persons of Caucasian nationality" who have been the first ones on the scale of ethnic negativism over the past four years.

Ethnically intolerant people are characterized by the following peculiarities: (a) ethnicity plays an important status role in the structure of social identity; (b) in the process of interethnic perception the differences became more important, images of ones own and other ethnic groups are sharply differentiated; (c) high emotional involvement into the situations of inter-ethnic contact; (d) the need of ethnic identity is pronounced; (e) aspiration to part from "others", especially in the sphere of informal relations; (f) tendency for the rivalry in the interpersonal relations; (g) radicalism of the consciousness that expresses specifically in approving violence as a form of social control in ethnic conflicts and justification of human sacrifices for the sake of sovereignty; (h) preference of aggression as a way of managing conflict situation.

The case of protracted inter-ethnic tension and the peoples striving for independence combined with having had ones own statehood in the past and demographic dominance account for a rather high probability of aggressive or violent actions against other groups. Displaying negative attitudes towards other ethnic groups in the form of aggressive or violent actions is determined by various factors, but not the cultural predisposition. In our findings significant differences in the level of aggressiveness were observed not between different cultures, but between men and women and between some age groups.

Mutual erroneous interpretations of the parties motives and actions appear. Under inter-ethnic tension growth these interpretations are easily shaped from outside by means of nationalist rhetoric and then become serious barriers on the way of managing ethnic disagreements and conflicts. Protracted inter-ethnic tension amplifies their confrontational attitudes and determines their specific qualities. For instance, the basis of Ossetians and Ingushs mutual perceptions was the destruction of the common level of ethnicity as the basis of "Caucasian" kinship, development of confrontation collective images of the allies and enemies, hypertrophy of social justice sentiment, the

dominance of competing strategy of interaction, decreased level of mutual trust, cultivation of fear, emerging ideas about cultural, psychological and religious incompatibility. The transformation of confrontation perceptions is an essential part of the process of working out the relationships between the peoples.

Theoretical and empirical results of the study determine its applied importance. The practical conclusions can be summarized as following:

The programs and the methods of ethnopsychological research represent a specialized social and psychological instrument of monitoring the level of inter-ethnic tension and the character of ethnomobilization processes. It serves as the potential basis not only for current assessment of ethnic attitudes and identifying the hotbeds of inter-ethnic tension, but also for forecasting the rates of its increase and prevalence, as well as predicting ethnic migrations.

The results of the study form a systematic scholarly database on the Northern Caucasus and some other regions of Russia. The findings are of comparative cross-cultural character, which makes them particularly relevant when elaborating regional policy and strategy of national policy in the Russian Federation.

The empirical and applied results of the study represent a psychological component of the complex work on developing integration trends in the society. In this case the main task of an ethnopsychologist lies in strengthening mutual understanding between the peoples, on the basis of which the conflicting parties may change their positions. The mechanisms of interethnic perception considered above, peculiarities of motivation and needs, the principles of the assessment of ethnic images, interrelations between attitudes and group behavior can become an effective academic basis for psychological correction with the purposes of developing mutual understanding between the peoples.

Theoretical and empirical results of the study reveal deep psychological mechanisms and regularities of transformation of ethnic attitudes in the critical periods of development. They can be used as a basis for ethnotherapy both on high political level by means of designing social attitudes with the purpose of preventing the development of disintegration trends in the society, and in practical work of the public figures, professional politicians, social workers, psychologists who work in ethnic conflicts management and look for the ways on their resolution, rehabilitation of refugees and forced migrants.

Well-timed and qualified work in this direction may prove to be highly effective, for in Russian Federation broad psychological

opportunities for intercultural integration have been maintained. The majority of the population of Russia are the people we may call mediators (people opened to other cultures). It can be concluded that the striving for inter-ethnic cooperation is the key strategy of behavior in relationships among the different ethnic group in Russia. This strategy expresses itself in low popularity of extremism, in positive evaluation of previous experience in ethnic interaction, willingness for cooperation on interpersonal level, importance of Republican citizenship for Russians and the citizenship of the Russian Federation for title nations.

Extensive common semantic zones between different ethnic groups in Russia do exist, making a principal base of intercultural understanding. Coinciding features in the peoples self-perceptions is a positive phenomenon. This seems to be a good psychological basis for managing ethnic relations in new Russia. It also presents an encouraging basis for effective "ethnotherapy" of both political, social and psychological activity aimed at the development of integration trends in the society. Ethnotherapeutic activity in this connotation means both prevention

and "treatment" of nationalistic manifestations, ethnophobias and ethnic intolerance at different levels of public activity - from a psychologist rendering specific psychotherapeutic help to a refugee from a zone of ethnic conflict up to the President of the country.

Psychological researches show that any measures within the framework of such activity should be based on the comprehension of human aspirations and psychological peculiarities. The main attention in the process of ethnotherapeutic activity should be given:

- to the issues of parity of ethnic and social groups statuses and evaluations of the degree of the historical fairness in their interrelations;
- to meeting ethnosocial needs based on the striving to positive ethnic identity;
- to the problem of awareness and understanding of the needs and interests of another party;
- to strengthening the psychological feeling of intercultural affinity and expanding common semantic intercultural zones;
- to forming adequate and positive images of each other,
- to getting rid of deep fears and strengthening mutual trust.

Об авторе

Солдатова Галина Уртанбековна – старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, ведущий специалист в области психологии межэтнических отношений, этнических конфликтов и вынужденной миграции. Она принимала участие в качестве этнопсихолога в ряде крупных междисциплинарных научно-исследовательских проектов. В 1985 г. она защитила первую в стране кандидатскую диссертацию по соци- f альной этнопсихологии. Г.У.Солдатова – автор более 60 научных работ, 17 из которых опубликовано за рубежом, соавтор монографии "Демократизация и образы национализма в Российской Федерации начала 90-х гг." (М.: Мысль, 1996).

117134 Москва, Ленинский пр. 32А, Институт этнологии и антропологии РАН. Тел. (095) 938-5307, факс (095) 938-0600.